

Анна Федорен

САВВА МОРОЗОВ

ЖЗЛ

САВВА МОРОЗОВ

Анна
Федорен

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Имя Саввы Тимофеевича Морозова — символ загадочности русской души. Что может быть непонятнее для иностранца, чем расчетливый коммерсант, оказывающий бескорыстную помощь частному театру? Или богатейший капиталист, который поддерживает революционное движение, тем самым подписывая себе и своему сословию смертный приговор, срок исполнения которого заранее не известен? Самый загадочный эпизод в биографии Морозова — его безвременная кончина в возрасте 43 лет — еще долго будет привлекать внимание любителей исторических тайн. Сегодня фигура известнейшего купца-мецената окружена непроницаемым ореолом таинственности. Этот ореол искажает реальный образ Саввы Морозова. Историк А. И. Федорец вдумчиво анализирует общественно-политические и эстетические взгляды Саввы Морозова, пытается понять мотивы его деятельности, причины и следствия отдельных поступков. А в конечном итоге — найти тончайшую грань между реальностью и вымыслом. Книга «Савва Морозов» — это портрет купца на фоне эпохи. Портрет, максимально очищенный от случайных и намеренных искажений. А значит — отражающий реальный облик одного из наиболее известных русских коммерсантов.

- [Анна Федорец](#)
  - [Введение](#)
  - [Глава первая](#)
  - [Глава вторая](#)
  - [Глава третья](#)
  - [Глава четвертая](#)
  - [Глава пятая](#)
  - [Глава шестая](#)
  - [Заключение](#)
  - [Основные даты жизни и деятельности С. Т. Морозова](#)
  - [Библиография](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)

- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)

- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)

- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)

- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)

- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)
- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)
- [195](#)
- [196](#)
- [197](#)
- [198](#)
- [199](#)

- [200](#)
- [201](#)
- [202](#)
- [203](#)
- [204](#)
- [205](#)
- [206](#)
- [207](#)
- [208](#)
- [209](#)
- [210](#)
- [211](#)
- [212](#)
- [213](#)
- [214](#)
- [215](#)
- [216](#)
- [217](#)
- [218](#)
- [219](#)
- [220](#)
- [221](#)
- [222](#)
- [223](#)
- [224](#)
- [225](#)
- [226](#)
- [227](#)
- [228](#)
- [229](#)
- [230](#)
- [231](#)
- [232](#)
- [233](#)
- [234](#)
- [235](#)
- [236](#)
- [237](#)
- [238](#)

- [239](#)
- [240](#)
- [241](#)
- [242](#)
- [243](#)
- [244](#)
- [245](#)
- [246](#)
- [247](#)
- [248](#)
- [249](#)
- [250](#)
- [251](#)
- [252](#)
- [253](#)
- [254](#)
- [255](#)
- [256](#)
- [257](#)
- [258](#)
- [259](#)
- [260](#)
- [261](#)
- [262](#)
- [263](#)
- [264](#)
- [265](#)
- [266](#)
- [267](#)
- [268](#)
- [269](#)
- [270](#)
- [271](#)
- [272](#)
- [273](#)
- [274](#)
- [275](#)
- [276](#)
- [277](#)

- [278](#)
- [279](#)
- [280](#)
- [281](#)
- [282](#)
- [283](#)
- [284](#)
- [285](#)
- [286](#)
- [287](#)
- [288](#)
- [289](#)
- [290](#)
- [291](#)
- [292](#)
- [293](#)
- [294](#)
- [295](#)
- [296](#)
- [297](#)
- [298](#)
- [299](#)
- [300](#)
- [301](#)
- [302](#)
- [303](#)
- [304](#)
- [305](#)
- [306](#)
- [307](#)
- [308](#)
- [309](#)
- [310](#)
- [311](#)
- [312](#)
- [313](#)
- [314](#)
- [315](#)
- [316](#)

- [317](#)
- [318](#)
- [319](#)
- [320](#)
- [321](#)
- [322](#)
- [323](#)
- [324](#)
- [325](#)
- [326](#)
- [327](#)
- [328](#)
- [329](#)
- [330](#)
- [331](#)
- [332](#)
- [333](#)
- [334](#)
- [335](#)
- [336](#)
- [337](#)
- [338](#)
- [339](#)
- [340](#)
- [341](#)
- [342](#)
- [343](#)
- [344](#)
- [345](#)
- [346](#)
- [347](#)
- [348](#)
- [349](#)
- [350](#)
- [351](#)
- [352](#)
- [353](#)
- [354](#)
- [355](#)

- [356](#)
- [357](#)
- [358](#)
- [359](#)
- [360](#)
- [361](#)
- [362](#)
- [363](#)
- [364](#)
- [365](#)
- [366](#)
- [367](#)
- [368](#)
- [369](#)
- [370](#)
- [371](#)
- [372](#)
- [373](#)
- [374](#)
- [375](#)
- [376](#)
- [377](#)
- [378](#)
- [379](#)
- [380](#)
- [381](#)
- [382](#)
- [383](#)
- [384](#)
- [385](#)
- [386](#)
- [387](#)
- [388](#)
- [389](#)
- [390](#)
- [391](#)
- [392](#)
- [393](#)
- [394](#)

- [395](#)
- [396](#)
- [397](#)
- [398](#)
- [399](#)
- [400](#)
- [401](#)
- [402](#)
- [403](#)
- [404](#)
- [405](#)
- [406](#)
- [407](#)
- [408](#)
- [409](#)
- [410](#)
- [411](#)
- [412](#)
- [413](#)
- [414](#)
- [415](#)
- [416](#)
- [417](#)
- [418](#)
- [419](#)
- [420](#)
- [421](#)
- [422](#)
- [423](#)
- [424](#)
- [425](#)
- [426](#)
- [427](#)
- [428](#)
- [429](#)
- [430](#)
- [431](#)
- [432](#)
- [433](#)

- [434](#)
- [435](#)
- [436](#)
- [437](#)
- [438](#)
- [439](#)
- [440](#)
- [441](#)
- [442](#)
- [443](#)
- [444](#)
- [445](#)
- [446](#)
- [447](#)
- [448](#)
- [449](#)
- [450](#)
- [451](#)
- [452](#)
- [453](#)
- [454](#)
- [455](#)
- [456](#)
- [457](#)
- [458](#)
- [459](#)
- [460](#)
- [461](#)
- [462](#)
- [463](#)
- [464](#)
- [465](#)
- [466](#)
- [467](#)
- [468](#)
- [469](#)
- [470](#)
- [471](#)
- [472](#)

- [473](#)
- [474](#)
- [475](#)
- [476](#)
- [477](#)
- [478](#)
- [479](#)
- [480](#)
- [481](#)
- [482](#)
- [483](#)
- [484](#)
- [485](#)
- [486](#)
- [487](#)
- [488](#)
- [489](#)
- [490](#)
- [491](#)
- [492](#)
- [493](#)
- [494](#)
- [495](#)
- [496](#)
- [497](#)
- [498](#)
- [499](#)
- [500](#)
- [501](#)
- [502](#)
- [503](#)
- [504](#)
- [505](#)
- [506](#)
- [507](#)
- [508](#)
- [509](#)
- [510](#)
- [511](#)

- [512](#)
- [513](#)
- [514](#)
- [515](#)
- [516](#)
- [517](#)
- [518](#)
- [519](#)
- [520](#)
- [521](#)
- [522](#)
- [523](#)
- [524](#)
- [525](#)
- [526](#)
- [527](#)
- [528](#)
- [529](#)
- [530](#)
- [531](#)
- [532](#)
- [533](#)
- [534](#)
- [535](#)
- [536](#)
- [537](#)
- [538](#)
- [539](#)
- [540](#)
- [541](#)
- [542](#)
- [543](#)
- [544](#)
- [545](#)
- [546](#)
- [547](#)
- [548](#)
- [549](#)
- [550](#)

- [551](#)
- [552](#)
- [553](#)
- [554](#)
- [555](#)
- [556](#)
- [557](#)
- [558](#)
- [559](#)
- [560](#)
- [561](#)
- [562](#)
- [563](#)
- [564](#)
- [565](#)
- [566](#)
- [567](#)
- [568](#)
- [569](#)
- [570](#)
- [571](#)
- [572](#)
- [573](#)
- [574](#)
- [575](#)
- [576](#)
- [577](#)
- [578](#)
- [579](#)
- [580](#)
- [581](#)
- [582](#)
- [583](#)
- [584](#)
- [585](#)
- [586](#)
- [587](#)
- [588](#)
- [589](#)

- [590](#)
- [591](#)
- [592](#)
- [593](#)
- [594](#)
- [595](#)
- [596](#)
- [597](#)
- [598](#)
- [599](#)
- [600](#)
- [601](#)
- [602](#)
- [603](#)
- [604](#)
- [605](#)
- [606](#)
- [607](#)
- [608](#)
- [609](#)
- [610](#)
- [611](#)
- [612](#)
- [613](#)
- [614](#)
- [615](#)
- [616](#)
- [617](#)
- [618](#)
- [619](#)
- [620](#)
- [621](#)
- [622](#)
- [623](#)
- [624](#)
- [625](#)
- [626](#)
- [627](#)
- [628](#)

- [629](#)
- [630](#)
- [631](#)
- [632](#)
- [633](#)
- [634](#)
- [635](#)
- [636](#)
- [637](#)
- [638](#)
- [639](#)
- [640](#)
- [641](#)
- [642](#)
- [643](#)
- [644](#)
- [645](#)
- [646](#)
- [647](#)
- [648](#)
- [649](#)
- [650](#)
- [651](#)
- [652](#)
- [653](#)
- [654](#)

Анна Федорец

САВВА МОРОЗОВ

Автор книги выражает благодарность за помощь в работе сотрудникам Центрального исторического архива г. Москвы, Российского государственного архива литературы и искусства, Музея Московского Художественного академического театра, Государственного центрального театрального музея им. А. А. Бахрушина, Музея предпринимателей, меценатов и благотворителей, Государственной публичной исторической библиотеки, а также организаторам выставки «Феномен Саввы Морозова» в Московском Художественном театре им. А. П. Чехова (15 февраля — 3 апреля 2012 года).

Введение

Имя Саввы Тимофеевича Морозова известно современному образованному человеку тремя вещами: бескорыстной его помощью Московскому Художественному театру, связью с революционным движением и трагической гибелью этого человека.

Да, судьба яркая, трагически изломанная, прервавшаяся много раньше естественного срока. Но мало кто задумывается, что это бушевание страстей и этот излом не являются частной особенностью биографии С. Т. Морозова. Судьба Саввы Тимофеевича очень похожа на сжатый очерк судьбы значительной части русского купечества его времени. Иными словами, фабрикант Морозов — та капля воды, по которой видно состояние целого моря.

Большинство русских купцов и предпринимателей старшего поколения, иначе говоря, поколения, к которому принадлежал отец Саввы Тимофеевича, жили обычаями предков. Держались купеческого быта, много трудились, высоко ценили прелести размеренной семейной жизни и крепко верили в Христа. Но среди тех, кто унаследовал богатство старозаветных купцов, оказалось немало людей совершенно иного склада. Конечно, кто-то продолжал обустраивать жизнь свою так, как это делали при государе Николае Павловиче. Кто-то, сохраняя старинные традиции в быту, осваивал новшества науки и техники, вел бурную общественную деятельность. Но явилось огромное количество дельцов, полностью разорвавших связь с тем укладом, который столь мил был их родителям. «Новые люди» более любили повседневный порядок, устроенный по западноевропейским образцам, проявляли необычное для прежних времен равнодушие к вере и Церкви. Зато их манила жизнь искусства, жизнь мысли; они готовы были без счета расходовать миллионы на поддержку живописи, театра, науки.

Как правило, персоны, входившие в эту плеяду, отрывались от своего общественного круга, а порой и входили с ним в полное противоречие. Время от времени такие люди принимались бравировать левизной своих взглядов, воспринимая консерватизм родни как сущий анахронизм. Эта отколовшаяся часть купеческого сообщества разучилась понимать то, что очень хорошо понимали их отцы и деды. Они переставали чувствовать, что всё их блистательное благосостояние представляет собой золотой остров над бездной, что остров не погибнет, пока поддерживается большим

трудом, твердой верой и мощью государственного порядка. Наконец, они не осознавали, что с этой бездной заигрывать нельзя.

Таков был Савва Тимофеевич. Он соблазнился заглянуть в бездну, и оттуда к нему пришла ранняя смерть. Двенадцать лет спустя она явится и за теми, кто продолжал опасные игры над бездной.

Об этой трагедии, затронувшей многих представителей предпринимательского класса, писал в воспоминаниях купец Николай Александрович Варенцов. Крупный промышленник и общественный деятель, ровесник Саввы Тимофеевича, он сколотил одиннадцатимиллионное состояние многолетним кропотливым трудом и прекрасно понимал, сколь непрочны в Российской империи позиции крупного капитала. Говоря о самом начале XX века, Николай Александрович отмечал: к этому времени «...мало осталось крепких и сильных духом купцов: не было уже стариков И. А. Лямина, Гучковых, Горбова, Т. С. Морозова, А. И. и Г. И. Хлудовых, П. М. и С. М. Третьяковых, В. А., А. А., П. А. Бахрушиных и многих других выдающихся купцов. На их места вступали дети, но более слабые духом, с проявлением большей суетности, чем было у их отцов. И многие из этого молодого поколения сознавали свои слабости, и мне приходилось слышать от них: «Нет у нас того, что было у наших отцов и дедов!», приписывая это естественному вырождению, и в глубине души чувствовали, что всё это в значительной степени зависит от избытка материального благополучия. В этом новом поколении много было либералов; из них были умные, честные и хорошо образованные, но невольно бросалось в глаза, что либерализмом они как бы старались отделаться от будоражащих других разных мыслей и тем успокоить свою совесть от противоречий их жизни; они как бы запряглись в шоры, без желания видеть, что делается направо и налево за пределами их запряжки».^[1]

Сказанное Н. А. Варенцовым в полной мере относится к герою нашей книги — Савве Тимофеевичу Морозову.

Глава первая

История рода. Детские и юношеские годы С. Т. Морозова

Когда пишут об аристократах — князьях, герцогах, графах или, на старинный русский манер, боярах, — как правило, рассказывают о их необыкновенном влиянии на государственные дела. Какой-нибудь древний род или придворная партия везде и всегда ставит «своих» на ключевые посты. Один выходец из этого рода командует армией, другой сидит на монаршей казне, третий — фаворит самого государя или государыни, четвертый покровительствует людям искусства... Иное разветвленное семейство гораздо сильнее влияет на состояние дел в стране, чем правящая династия. Такими были, например, герцоги Гизы во Франции или, скажем, князья Голицыны в России.

Морозовы — аристократы русского купечества. Во всяком случае, то влияние, которое оказывал этот разветвленный, богатый и до крайности энергичный род на русскую экономику и культуру, поистине громадно.

Для образованного человека наших дней Морозовы — чуть ли не самое известное семейство во всем отечественном купечестве. И пусть их род далеко не самый древний — его корни уходят в последнюю треть XVIII столетия, а некоторые купеческие династии были основаны много раньше, в XVII и даже XVI веках, — относительная «молодость» рода не умаляет той огромной роли, которую сыграли его представители в судьбах Российской империи. Настоящий расцвет династии пришелся на вторую половину XIX века. В это время сама фамилия «Морозов» стала синонимом предпринимательской мощи и благосостояния. Морозовы-миллионеры, Морозовы-меценаты, Морозовы — общественные деятели... Многие из них достигли вершин не только в торгово-предпринимательской сфере, но также в самых разных областях культуры.

Купец и общественный деятель П. А. Бурышкин, причисляя Морозовых к сливкам купеческого сословия, писал: «С именем Морозовых связуется представление о влиянии и расцвете московской купеческой мощи. Эта семья, разделившаяся на несколько самостоятельных и ставших различными ветвей, всегда сохраняла значительное влияние и в ходе московской промышленности, и в ряде благотворительных и культурных начинаний. Диапазон культурной деятельности был чрезвычайно велик. Он

захватывал и «Русские ведомости», и философское московское общество, и Художественный театр, и музей французской живописи, и клиники на Девичьем Поле».^[2] Представители второго и третьего поколений рода Морозовых один за другим пускались в стремительный полет, быстро находя применение той кипучей энергии, которой так славилось их семейство. Но их полет не удался бы, если бы предки не обеспечили им хороших стартовых позиций...

Основателем купеческого рода Морозовых стал дед Саввы Тимофеевича — крепостной крестьянин Савва Васильев сын (1770–1860). Личность незаурядная, обладавшая колоссальной энергией и силой воли, он неустанным трудом добился невиданных высот.

О Морозовых написано великое множество статей, есть книги, имена представителей этого рода то и дело мелькают в мемуарах современников. И всякий раз, когда речь заходит об этой фамилии, не забывают упомянуть, а иной раз и просто подчеркивают одно немаловажное обстоятельство: Морозовы происходили из старообрядческой среды.

Но просто сказать о старообрядческих корнях Морозовых — значит ничего не сказать. К тому времени, когда на арене русского предпринимательства появился Савва Тимофеевич, старообрядчество раздробилось и сильно разветвилось. Староверы рассеялись по просторам Российской империи и во множестве жили за ее пределами. Отдельные их группы, различающиеся особенным отношением к священству, к догматам и канонам и т. д., назывались «согласия», или «толки». Сумма старообрядчества к началу XIX столетия — великая пестрота. Время от времени между согласиями вырастала пропасть даже больше, чем между ними и Синодальной церковью.

Так вот, Савва Васильевич происходил из Гуслиц — области, давно облюбованной староверами, обладающей высокой культурой и большой экономической самостоятельностью. Выходцы из Гуслиц могли опереться на мощную родственную и общинную поддержку. Эта местность охватывала часть восточного Подмосковья (в частности, Богородский уезд), а также западные окраины Владимирского и Рязанского края. Таким образом, гуслицкое старообрядчество жило по соседству с главным экономическим центром коренной России — Москвой и связано было с ней множеством интересов. Гуслицы являлись «традиционным местом расселения старообрядцев всех согласий с преобладанием белокриницкого».^[3] Представители этого согласия — в их числе сам Савва

Васильевич Морозов и его ближайшие потомки — принадлежали к числу «поповцев», то есть имели собственное священство.^[4] А значит, дистанция между ними и Синодальной церковью была несколько меньше, нежели между ней и представителями более радикальных «толков». Да и власть относилась к «попбвцам» более лояльно. Так, им позволялось занимать ряд руководящих должностей (к примеру, пост председателя Биржевого комитета), что было совершенно невозможно для тех старообрядцев, коих закон трактовал как «принадлежащих к вредным сектам».^[5] Немало выходцев из огромного рода Морозовых с течением времени перешли в единоверие или стали прихожанами Православной Синодальной церкви. Среди них не получила распространения твердокаменная ортодоксия. Применяясь к быстротекущим обстоятельствам предпринимательской деятельности, Морозовы держались за веру предков с умеренной цепкостью. Сестры Саввы Тимофеевича Морозова вышли замуж за православных и впоследствии оставили старый обряд. Так что у него было немало примеров «легкого» отношения к религии среди его собственной родни. Во времена его блистательного деда купцы-староверы «стояли в вере» весьма прочно, но постепенно эта прочность размылась...

В Богородском уезде Московской губернии была расположена деревня Зуево. Здесь в семье крепостного крестьянина и родился Савва Васильевич, впоследствии получивший фамильное прозвище «Морозов». Зуево принадлежало помещику В. А. Всеволожскому, а затем — коллежскому советнику Г. В. Рюмину. Напротив Зуева, на противоположном берегу реки Клязьмы, позднее возникнет село Орехово. А в те далекие времена на месте будущего села еще «стоял большой сосновый бор, по берегу Клязьмы тянулись густые заросли орешника. Среди соснового бора, на крутом правом берегу было расположено кладбище, а около него находился небольшой кирпичный завод и постоялый двор».^[6]

Савва Васильевич Морозов, он же Савва-старший, до конца дней оставался человеком неграмотным. Об этом говорит справка из статистической переписи 1858 года о составе семьи купца С. В. Морозова: «По безграмотству Саввы Васильевича расписуется сын его Иван».^[7] Но неумение писать не помешало ему создать собственное, весьма прибыльное, дело.

С. В. Морозов пробовал свои силы на разных поприщах. Сперва работал деревенским пастухом, потом извозчиком, с 1791 года — ткачом на предприятии купца Кононова по производству шелковых лент. А через шесть лет решился создать собственное дело того же профиля. В 1797 году,

с разрешения своего помещика Г. В. Рюмина, С. В. Морозов организовал в родном Зуеве мастерскую по изготовлению шелковых лент.^[8]

Исследователи жизни Саввы Васильевича иной раз задаются вопросом: откуда он взял эти деньги, на какие средства впоследствии расширял производство? По слухам, распространяемым «старожилами», Савва Морозов наряду с текстильным производством занимался изготовлением фальшивых монет.^[9] Но это не более чем слухи, подтвердить или опровергнуть которые сегодня вряд ли возможно. Важнее другое.

В том же 1797 году Савва Васильевич женился. Его избранницей стала Ульяна Афанасьевна (1778–1861), дочь красильного мастера. Вполне естественно предположить, что за невестой крестьянин получил приданое, которое он мог — с разрешения жены — пустить в дело. Обладала его супруга и другим, поистине драгоценным, достоинством: Ульяна Афанасьевна знала секреты окраски тканей и всемерно помогала мужу в его начинании. Так, граф Д. А. Олсуфьев, университетский приятель Саввы Тимофеевича Морозова, часто бывал в его доме и слышал семейные рассказы о его предках. Вспоминая эти рассказы, он писал, что жена Саввы Васильевича Морозова «...еще сама таскала ведра с краской на первоначальной маленькой фабричке Морозова».^[10] Сам хозяин, члены его семьи и наемные работники из числа зуевских крестьян, сидя за ручными станками, изготавливали ткань. Свою продукцию Савва Васильевич продавал скупщикам, для чего ему приходилось регулярно ходить пешком в Москву, преодолевая немалые расстояния с грузом на плечах.

В Москве продукция С. В. Морозова постоянно пользовалась спросом. Отчасти потому, что изготовленный им ажурный товар отличался высоким качеством, отчасти из-за того, что после Отечественной войны 1812 года многие московские фабрики сильно пострадали и не могли обеспечить товаром население Первопрестольной. Благодаря этому спросу, а также неустанному труду дело Морозова стало расширяться.

В 1821 году^[11] Савва Васильевич выкупил на волю себя и свою семью, заплатив помещику крупную сумму — 17 тысяч рублей ассигнациями (для сравнения: начальный капитал С. В. Морозова составлял пять рублей). После этого Савва Васильевич записался в купеческое сословие Богородского уезда как купец первой, самой высшей, гильдии. А в 1842 году за многолетние деловые успехи С. В. Морозов получил звание потомственного почетного гражданина. Это автоматически причисляло его самого и его сыновей — тех, кто еще не завел собственного дела, — к элите

предпринимательского класса. По словам его внука, Саввы Тимофеевича, переданным писателем Александром Николаевичем Серебровым, Савва Васильевич Морозов «родился крепостным, а умер фабрикантом. В молодости бегал пешком с товаром из Орехова в Москву, а в старости ездил в атласной карете». На это превращение у него ушло 24 года.

Предприятие С. В. Морозова, выросшее из небольшой мастерской, в конечном итоге достигло поистине колоссального размаха. Ему удалось создать несколько крупных текстильных и красильных фабрик. Основное производство размещалось в Орехово-Зуеве, еще две фабрики — в Богородске и Твери. На морозовских предприятиях трудились тысячи рабочих, и производство приносило огромную прибыль. Таким образом, Савва Васильевич заложил основы процветания для своих многочисленных потомков.

У С. В. Морозова было пятеро сыновей: Елисей, Захар, Абрам, Иван и Тимофей. Однако продолжателями отцовского дела стали только четверо из них — у Ивана Саввича не обнаружилось предпринимательской жилки. Остальные, унаследовав от отца отдельные предприятия, стали крупными коммерсантами. Каждый из них продолжил род, дав ему новое ответвление.

В дальнейшем речь пойдет только об одной ветви рода — «Тимофеевичах», так как именно к ней принадлежал Савва Тимофеевич Морозов. Основатель клана «Тимофеевичей», Тимофей Саввич Морозов (1823–1889), в 12 лет начал работать в семейном деле, исполняя мелкие поручения. А в 16 лет он уже сделался одним из главных руководителей фабрики. Именно Тимофей Саввич получил в наследство крупнейшее из отцовских предприятий — Никольскую мануфактуру по производству хлопчатобумажных тканей, образованную в Орехово-Зуеве в 1844 году. Благодаря усилиям еще Саввы Васильевича она стала первым в России хлопчатобумажным предприятием, где использовался паровой двигатель.

[12] Современный исследователь И. В. Поткина отмечает: «На годы правления Т. С. Морозова приходился трудный период становления огромного предприятия со вспомогательными производствами и собственной железной дорогой, которые обеспечивали экономическую самостоятельность Никольской мануфактуры... Основой процветания стало расширение ассортимента продукции. Всего за 10 лет Т. С. Морозов удвоил общее количество наименований хлопчатобумажных тканей различных артикулов и сортов и довел его до рекордно высокой цифры — 50». [13] Другой исследователь, А. А. Аронов, дополняет: «Прекрасный

ассортимент, дешевизна и добротность тканей обеспечивали на них постоянный спрос самых разнообразных слоев населения: дорогие бархаты и вельвет, дешевые нарядные ситцы с одинаковым успехом раскупались в Москве, Петербурге, Ташкенте, Омске, Иркутске, Харькове, Одессе, Варшаве, Харбине, Тяньцзине и других городах». ^[14]

Любопытно, что при Савве Васильевиче одновременно с установкой паровых машин в 1847 году из Великобритании на Никольскую мануфактуру прибыли высокооплачиваемые специалисты. Они занимались техническим обслуживанием механических ткацких станков и прядильных машин, а также обучением русских мастеров. В Зуеве появилась Англичанская улица, на которой эти специалисты проживали. А Тимофей Саввич одним из первых отказался от услуг иностранных специалистов. Он учредил стипендии для отправки наиболее талантливых русских студентов из Московского высшего технического училища за границу, где они могли получить наилучшее образование и познакомиться с достижениями европейской промышленности. Потом Тимофей Саввич Морозов устраивал вернувшихся из-за границы студентов на свое предприятие. Таким образом, весь технический персонал на его фабриках постепенно стал русским.

В 1873 году Никольская мануфактура превратилась в паевое товарищество с основным капиталом в пять миллионов рублей и получила название «Товарищество Никольской мануфактуры Саввы Морозова сын и К^о». По словам купца П. А. Бурышкина, «...это была полная мануфактура, то есть покупавшая хлопок и продававшая готовый товар... непосредственно потребителям. Работали так называемый бельевой и одежный товар, и изделия ее славились по всей России, и за рубежом, — в Азии и на Востоке». ^[15] На протяжении шестнадцати лет, с 1873 по 1889 год, директором-распорядителем Товарищества, в чьих руках сосредоточились все административные и финансовые операции управления, являлся его владелец — Тимофей Саввич Морозов.

Тимофей Саввич, отец Саввы Тимофеевича, — хоть и младший, но, пожалуй, наиболее энергичный из отпрысков Саввы Васильевича Морозова. Он не получил сколько-нибудь систематического образования, зато обладал завидным упорством, цепкой деловой хваткой и огромной силой воли. Современники давали предпринимательской активности Тимофея Саввича весьма высокую оценку. Так, видный купец и общественный деятель Н. А. Найденов отмечал: Тимофей Саввич Морозов «...отличался замечательной энергичностью в развитии хлопчатобумажного дела и довел производство принадлежавших ему

фабрик до высокого положения».^[16] Другой крупный купец, В. П. Рябушинский, писал в воспоминаниях: из четырех линий рода Морозовых «самой известной была младшая, развивавшая самое крупное дело под фирмой «Саввы Морозова сын и Компания». И самый знаменитый из всех Морозовых был вот этот сын — Тимофей Саввич».^[17] За годы самостоятельного управления предприятием Т. С. Морозов сумел в добрых десять раз увеличить доставшийся ему по наследству капитал. Недаром Тимофей Саввич получил в народе уважительное прозвище «текстильный король»!

Успех в делах и фантастическое богатство Т. С. Морозова рождали самые невероятные слухи. Предприниматель и общественный деятель Н. А. Варенцов вспоминал: «В простонародье составилось представление, что Морозов так богат, что даже хотел на доме своем сделать позолоченную крышу наподобие [того], как это делалось на куполах церквей, да правительство этого ему не разрешило. Конечно, это была только болтовня, сам бы Морозов не стал делать такой глупости».

Тимофей Саввич был трудолюбив и энергичен, обладал гибким умом и «чутьем предпринимателя с государственным мышлением».^[18] Незаурядный администратор, он сумел организовать на принадлежащих ему фабриках производство высококачественного товара, а также наладить регулярный сбыт этого товара — не только по всей территории России, но и в ряде азиатских государств: Иране, Монголии, Китае. В. П. Рябушинский писал: «Морозовский товар можно было брать с закрытыми глазами: самые подозрительные и недоверчивые восточные люди к этому привыкли».^[19] Н. А. Варенцов дает Тимофею Саввичу превосходную характеристику: «Т. С. Морозов был один из выдающихся фабрикантов и незаменимым хозяином. Всю свою жизнь посвятил делу, которое поставил на большую высоту: кто в России не знал товаров Никольской мануфактуры С. Морозова сын? Тимофей Саввич хорошо разбирался в людях, умело подбирал на фабрику служебный персонал и отлично направлял их на пользу своего дела. Все его служащие, даже лица, занимающие высшие административные должности, боялись его обходов фабрик, зная, что малейшая их оплошность не скроется от его опытных и зорких глаз. Результат его работы исчислялся в громадном ежегодном доходе с фабрик, выражающемся в сумме более 3 миллионов рублей».^[20]

Вот как Варенцов, познакомившийся с Тимофеем Саввичем незадолго до его кончины, описывает этого человека: «Морозов был выше среднего роста, плотно сложенный, с густыми седыми волосами, окладистой

бородой. Как мне казалось, ему было лет около 70; когда он говорил, то шепелявил». Граф Д. А. Олсуфьев, хорошо знавший Т. С. Морозова и сохранивший к нему благоговейное отношение, отмечал: «Тимофей Саввич, отец моего товарища, сохранял еще и внешнее обличье купца старой формации, в стиле Островского. В длиннополом сюртуке, величавый, видный старик с седой бородой... Было в нем что-то повелительное и даже сановитое, и это что-то мне, молодому, внушало некоторую робость. Он был крупный самородок, большого ума человек, хотя и без всякой школьной выучки. Мысли его были свои, взятые из опыта собственной жизни. Старик, видимо, любил поговорить перед молодежью, а мы почтительно слушали. Вспоминаются мне его «консервативные», тогда для меня непривычные речи: он восхищался императором Николаем I и, в особенности, его министром финансов — гениальным, как выражался Морозов, графом Канкриным».^[21]

Кипучая энергия иной раз делала Тимофея Саввича крайне резким и нетерпимым, он мог проявлять недюжинное упорство... если не сказать упрямство. Крупный купец, председатель Московского биржевого комитета Николай Александрович Найденов на протяжении многих лет работал бок о бок с Т. С. Морозовым. В воспоминаниях он нарисовал довольно противоречивый портрет предпринимателя: Тимофей Саввич Морозов, «...выступивши на общественную деятельность... принялся с энергией за работу. Он был человек, обладавший здравым смыслом, но, как не получивший никакого образования», нуждался «...в постоянном руководительстве... Одним из его главных недостатков было упрямство и самомнение; он не понимал, что можно быть хорошим фабрикантом, но крайне плохим руководителем какого-либо, хотя и не особенно требовательного, общества».^[22]

Упрямство Тимофея Саввича еще сыграет с ним дурную шутку под конец жизни, когда против него взбунтуются его же собственные рабочие (об этом еще будет сказано). Вместе с тем оно имело и положительную сторону. Тимофей Саввич был способен отстоять свою общественную позицию, даже если его оппонентом становилось само правительство, — этого умения не хватало многим его коллегам.

К примеру, Н. А. Варенцов приводит случай, когда Морозов не побоялся открыто продемонстрировать правительству личное влияние, дабы отстоять интересы огромной части российских предпринимателей. В 1870-х годах правительственные круги увлеклись идеей фритредерства, или свободной торговли. Эту систему, предполагающую установление

низких таможенных пошлин и невмешательство государства в дела частных предпринимателей, было решено внедрить на русской почве. Однако крупное купечество хорошо понимало: отечественный производитель не справится с конкуренцией дешевых зарубежных товаров, и это в конечном итоге сильно ударит по государственной казне.

На специально посвященном этому вопросу собрании, которое состоялось в Санкт-Петербурге, Тимофей Саввич Морозов произнес горячую речь, в которой доказывал «...несвоевременность применения в данное время в России системы свободной торговли, которая, несомненно, приведет к закрытию всех фабрик, лишит заработка массу рабочих, а потому вся тяжесть прокормления безработных всецело ляжет на государство. В заключение своей речи он добавил: если правительством фритредерство будет осуществлено, то он все свои фабрики остановит немедленно и его рабочие в количестве 20 тысяч человек останутся без работы... У правительства того времени не было никаких статистических сведений о фабриках; некоторые из присутствующих чиновников усомнились в правильности указанного Т. С. Морозовым количества рабочих, и дано было губернатору поручение проверить число рабочих на морозовских фабриках. По проверке оказалось, что если считать рабочих на торфяных работах, то всех работающих было значительно более 20 тысяч человек».^[23] В конечном итоге речь Тимофея Саввича произвела должный эффект, и правительство отказалось от претворения своего проекта в жизнь.

Общественная деятельность Т. С. Морозова была столь обширна и плодотворна, что Н. А. Найденов, составляя в 1899 году для Министерства финансов справку о выдающихся представителях русской промышленности эпохи Александра III, поставил его фамилию на первое место. Этому не помешали даже разногласия между ними. «Мануфактур-советник Тимофей Саввич Морозов... хорошо понимал насущные современные потребности торговли и промышленности, содействовал распространению среди промышленного сословия и рабочего населения... образования, следил зорко за современными усовершенствованиями, многократно принимал меры к отысканию сбыта русских произведений, новых рынков путем сопряженного с пожертвованиями снаряжения экспедиций в сопредельные России части Азии и исследований положения торговли в странах Балканского полуострова, с особой отзывчивостью относился как материальным, так и личным содействием к различного рода начинаниям к общей пользе торговли и промышленности».^[24]

Помимо всего перечисленного, Тимофей Саввич проявил себя еще в одной области: человек верующий, он являлся крупным благотворителем. Так, незадолго до кончины, в 1889 году Т. С. Морозов пожертвовал значительную сумму — 100 тысяч рублей — «на призрение душевнобольных по почину городского головы Н. А. Алексеева». Другое крупное пожертвование Саввы Тимофеевича, по-видимому, было вызвано личным и весьма горьким жизненным опытом — его старшая дочь, Анна Тимофеевна Карпова, чудом выжила после родовой горячки. После этого С. Т. Морозов отказал 50 тысяч рублей на содержание кроватей в гинекологической клинике Московского университета. Не была чужда Тимофею Саввичу и меценатская деятельность. Немало энергии и средств он отдал на различные культурные начинания, в том числе на издание книг, на деятельность Александровского коммерческого училища и множества других организаций.

Таков отец Саввы Тимофеевича: убежденный старообрядец, крепкий хозяйственник, хорошо знавший, что нужно его народу и его стране. Под стать ему была его супруга — дочь купца второй гильдии Мария Федоровна Морозова, урожденная Симонова (1830–1911), также староверка. Тимофей Саввич женился на ней 8 ноября 1846 года. Сохранился документ, зафиксировавший это событие: «Московский Рогожского кладбища прихожанин, почетный гражданин, богородский 1-й гильдии купец Тимофей Саввин Морозов приступил к законному супружеству с почетной гражданкой, московской 2-й гильдии купеческой дочерью Марией Федоровой Симоновой, которые сказали, что они православную греко-российскую веру держат, следуя старым церковным правилам».^[25] Жениху было 23 года, а невесте — 16 лет. От этого брака родилось десять детей: шесть девочек и четверо мальчиков; из них до взрослого возраста дожили четыре дочери и два сына.

Мария Федоровна отличалась большим умом, обладала твердым характером и ярко выраженными административными способностями — не меньшими, чем у мужа. «Жена Тимофея Саввича, Мария Федоровна, после его смерти была и главою фирмы, и главою многочисленной семьи. Я ее хорошо помню... Это была женщина очень властная, с ясным умом, большим житейским тактом и самостоятельными взглядами. Подлинная глава семьи» — так отзывался о ней П. А. Бурыйшкин.^[26] Действительно, после кончины супруга Мария Федоровна активно занималась делами Товарищества. В современной литературе можно найти такое описание ее

предпринимательской деятельности: М. Ф. Морозова «...получила в руки дело с 5-миллионным капиталом, а оставила с 15 миллионами рублей. За годы ее управления помимо процентов по паям, оговоренных уставом, Товарищество трижды вернуло пайщикам внесенный ими капитал».^[27] Правда, нужно иметь в виду, что и Савва Тимофеевич Морозов, будучи одним из директоров предприятия, приложил руку к успехам матери.

Значительную часть заработанных средств Мария Федоровна направляла на благотворительную деятельность. Все ее щедрые пожертвования перечислить невозможно, да и бессмысленно — на данном поприще она превзошла Тимофея Саввича; впрочем, ей на это было отпущено намного больше времени — будучи всего на семь лет моложе мужа, она пережила его на 22 года. На деньги М. Ф. Морозовой строились больницы, детские приюты, церкви (в том числе православные — дочери Марии Федоровны, выходя замуж, сменили веру), поддерживалась деятельность учебных заведений. М. Ф. Морозова стала первой купчихой, удостоенной Мариинского знака отличия за 25 лет беспорочной службы в благотворительных учреждениях по Ведомству учреждений императрицы Марии.^[28]

В советское время образ Марии Федоровны Морозовой подвергся значительным искажениям. Ее описывали как человека лицемерного, живущего двойными стандартами. Хорошо известно, что Мария Федоровна старалась, как велит Священное Писание, обогреть сирых, убогих и бесприютных. В то же время, если верить книге ее правнука С. Т. Морозова, а также очерку писателя А. Н. Сереброва, она с прохладцей относилась к родственникам. В частности, из-за властного характера матери между ней и сыном Саввой якобы установились весьма напряженные отношения, которые в конечном итоге привели к отторжению Саввы Тимофеевича от семьи, когда мать объявила его умалишенным и учредила над ним опеку.^[29] Усилиями писателей был создан весьма яркий негативный образ этой женщины. «Не женщина, а адамант!.. — пишет, якобы со слов С. Т. Морозова, Серебров. — С виду барыня, романы глотает, со славянофилами знается, а электричества в дом не проводит, считает, что это бесовская сила. Занимается благотворительностью, а никого не любит. Отец души в ней не чаял. Все — «душечка», «душечка»! Умер он — она даже из приличия не поплакала!.. В Москве у нее русские хоромы... Двадцать комнат. Живет в них одна. Никого, кроме рогожских попов, не принимает. Родню — только по большим праздникам. Из дому не выходит и в ванне не моется — боится простуды. Нахлебницы одеколоном ее

моют... Никому не верит, меня окружила шпионами». Однако, как показывают недавно найденные воспоминания ее дочери, Ю. Т. Морозовой (в замужестве Крестовниковой), а также подруги ее детей М. А. Крестовниковой (в замужестве Гарелиной), этот образ не соответствовал действительности. Прежде всего, его создавали люди, лично не знакомые с купчихой.

Мария Федоровна вовсе не была бесчувственной женщиной, она переживала за своих детей. Об этом, в частности, свидетельствует такой эпизод. Весной 1881 года «...в дом Крестовниковых вбежала Мария Федоровна, едва одетая и задыхающаяся: «Софья Юрьевна! Помогите! У меня Аннет умирает! Вы знакомы с доктором Соловьевым. Ради Бога, достаньте мне его!» — говорила она, рыдая. Нашли Соловьева в Английском клубе и привели к больной. У Анны Тимофеевны (дочь Т. С. и М. Ф. Морозовых. — А. Ф.) тогда уже было 10 детей... Все дети Анны Тимофеевны, сама она, еще молодая, интересная, милая и симпатичная женщина, произвели впечатление на доктора Соловьева. Он поклялся употребить все средства для ее спасения. Родители на лечение тоже не скупилась: были приглашены все известные в Москве доктора. Но никто не надеялся вылечить А. Т. Карпову. Да и сама она уже приготовилась, благословила детей, со всеми простилась, причастилась и сделала все распоряжения... Но Анна Тимофеевна чудом выздоровела, и в честь исцеления больной дочери родители построили клинику на Девичьем поле».^[30]

Что касается отношений Марии Федоровны со старшим сыном, то между ними не было того напряженного противостояния, которое якобы привело к отчуждению его от ближайших родственников. Да, Мария Федоровна соглашалась далеко не со всеми поступками своевольного Саввы, но это нормально — у каждого свои представления о должном. Заботливая мать, она старалась ненавязчиво оградить сына от возможных опасностей, от связей с ненадежными людьми, в том числе с Горьким: «У него в доме Горький бывает, писатель, говорят, из бедных. А я вот узнала у хороших людей — совсем он не из бедных, хоть и говорит так... Зачем же обман чинить? И голову он крутит Саввушке, а мысли у него, этого писаки, страшные». М. Ф. Морозова любила сына и старалась ему помогать во всех благих начинаниях. Так, когда Савва Тимофеевич начал строить для своей семьи роскошный дом на Спиридоновке, Мария Федоровна поддержала его материально, перечислив на его счет более 100 тысяч рублей.^[31] По воспоминаниям Юлии, старшей сестры Саввы Тимофеевича, Савва был

внимательным сыном, регулярно ездил к матери, беспокоился о ее здоровье. Мария Федоровна всегда с интересом слушала рассказы и планы на будущее, которыми с ней делился ее «неугомонный упрямец». В один из таких приездов он привычно склонился перед матерью, чтобы поцеловать ей руку. Мария Федоровна, собираясь поцеловать голову сына, впервые заметила седину в его русых волосах. Сразу после его отъезда она позвонила Юлии и рассказала, как «сжалось сердце ее, видя первую Саввушкину седину». ^[32] Воспитывая детей, Мария Федоровна не уставала повторять слова мужа: «Делай так, чтобы тебе было хорошо, а другим не было бы плохо». Но лучше слов действовал пример, который она подавала детям всей своей жизнью.

М. Ф. Морозова оставила по себе добрую память в сердцах многих современников — и тех, кто знал ее лично, и тех, кто не был с ней знаком, но кому она помогла выбраться из трудной жизненной ситуации. Вот что говорил московский вице-губернатор, начальник жандармского корпуса В. Ф. Джунковский после смерти Марии Федоровны: «Широкой популярностью пользовалась она и как благотворительница — целый ряд просветительных учреждений связан был с ее именем. Морозовские клиники на Девичьем поле, Рогожское кладбище со своими благотворительными учреждениями, больницы, приюты, грандиозный ночлежный дом — на всем лежала печать щедрости покойной. Она особенно покровительствовала молодежи, учредила стипендию, благодаря коей ежегодно один из окончивших курс Земледельческой школы получал возможность съездить за границу поучиться. Но и помимо этой стипендии сколько она вносила денег для уплаты за учеников, которым угрожало увольнение за невзнос платы, сколько родительских слез она осушила, сколько юных сил вывела она на культурную дорогу. Многие из них даже не знали, чья рука вывела их на эту дорогу. Она была так высока, что «умела» помогать, она понимала человеческую душу, и потому от нее было легко принимать, она свято исполняла завет, который преподавала и другим, что «люди должны помогать друг другу». ^[33]

Итак, родители Саввы Тимофеевича Морозова являлись своего рода образцами преуспевающих русских предпринимателей середины — второй половины XIX столетия. Они всю жизнь честно трудились, были активными членами общества, веровали в Бога и строили свою веру на фундаменте праведных дел. Оба супруга достигли вершин — каждый по-своему. Мария Федоровна, воспитав шестерых детей и множество внуков,

прославилась как крупнейшая московская благотворительница. Тимофей Саввич с отроческих лет и до конца своих дней работал, не покладая рук. Он стал очень крупным российским предпринимателем и общественным деятелем. В результате их совместных усилий Никольская мануфактура вошла в число ведущих русских предприятий. Дети Морозовых получили выбор: идти по проторенной дедом и отцом широкой дороге — или же свернуть с нее и начать поиски иного, собственного пути. Савва Тимофеевич Морозов сначала пошел по отцовской колее... а потом свернул с пути и — как знать, не это ли привело его к гибели?

Переходя к биографии Саввы Тимофеевича, прежде необходимо сказать несколько слов о глубинных причинах, заставивших его уйти с пути предков. Думается, их надо искать в «нежных годах».

Детство и юность Саввы Морозова прошли в беспечности и достатке. Настолько, насколько слово «беспечность» применимо по отношению к сыну очень богатого человека, который желает передать отпрыску собственный опыт. С одной стороны, Морозов-младший провел отроческие годы под сильным влиянием старообрядческой среды с ее жесткими правилами и ограничениями. С другой — Тимофей Саввич решился дать своим детям то, чего не было ни у его предков, ни у него самого, но необходимость чего он явственно ощущал — образование. Сыновей готовили вести дела не только на территории Российской империи, но и за ее пределами. Русские предприниматели в то время нередко отправляли отпрысков на учебу за границу. Однако в результате новое поколение очень отделилось от «дедовских обычаев». И Савва Тимофеевич Морозов — частный пример такого масштабного явления.

Русское купечество менялось, расслаивалось. Значительный слой молодых предпринимателей, пришедших в бизнес и общественную жизнь на закате XIX века, благодаря европеизированному образованию, а отчасти и воспитанию, приобрел скептическое отношение к святыням предков. Семейные устои отцов и дедов, их манера вести дела, их место в социуме более не устраивали новых штурманов русского предпринимательства. И разрыв с отеческой стариной принимал разные формы. Иногда — весьма болезненные...

До Саввы Мария Федоровна родила восьмерых детей, из которых выжили лишь четверо, причем все — дочери.^[34] Первый сын, Иван, родившийся на десятом году брака, умер, не дожив до трех лет; второй, Арсений, тоже скончался, прожив чуть более года. Это обстоятельство не

могло не тревожить родителей: дочери издавна почитались в народе «отрезанными ломтями», ведь «по достижении возраста» они разлетаются из родительского гнезда, чтобы создать собственные семьи. Наследовать же крупное дело должен сын.

О благотворительной деятельности Тимофея Саввича Морозова в этот период почти ничего не известно. Но можно быть уверенным, что в 1850-е — начале 1860-х годов он принес Богу немало молитв о рождении здорового наследника и подкреплял молитвы добрыми делами. Так водилось у русских купцов.

Наконец Господь услышал его молитвы, и 3 февраля 1862 года в семье Морозовых на свет появился долгожданный сын. Он был назван в честь деда — Саввой. Разумеется, твердой уверенности в том, что мальчик выживет, быть не могло. Как позднее выяснилось, Мария Федоровна Морозова обладала дурной наследственностью, из-за которой части ее отпрысков досталось слабое здоровье — не только физическое, но и психическое.^[35] Однако Савва рос здоровым, бойким и смышленным. А через некоторое время родителям вновь посчастливилось: у них родился еще один сын, Сергей (1863–1944), которому суждено было прожить долгую жизнь.

По традиции, существовавшей в купеческих семьях, детям должны были дать домашнее образование. Испокон веков в русской купеческой среде основой любой деятельности, в том числе и учебы, являлась христианская вера. В ее суть проникали, читая под руководством священника Библию, молитвослов и богослужебные книги. Азам грамоты будущие коммерсанты, особенно из числа староверов, еще и в 1860-х годах нередко обучались по Псалтири — как было десять, двадцать, сто, двести лет назад.

Коммерческие навыки приобретались в общении с главой семейства — в отцовской лавке, точно так же, как постигали нелегкую науку торговли отцы, деда, прадеды. Однако эпоха внесла в эту устоявшуюся традицию новшества. С 1860-х годов в богатейших купеческих особняках начали появляться новые обитатели: гувернеры и гувернантки. Прежде они были исключительной приметой аристократии и — шире — своеобразным маркером европеизированного светского уклада. Теперь же они становятся проводниками, при помощи которых уклад этот — дотоле совершенно чуждый русскому предпринимательскому классу! — врывается в купеческий быт.

Еще в первой половине XIX века размеренная, патриархальная жизнь русского купечества не потерпела бы подобных перемен. Многие воротилы

из числа бывших крестьян не имели образования. Даже если они умели, как Савва Васильевич Морозов, читать, то не умели писать. Впрочем, это не мешало им строить успешный бизнес. Нередко крупные сделки заключались невероятным, на взгляд сегодняшнего человека, образом — без оформления каких бы то ни было документов. Договорившись о чем-либо, купцы просто ударяли по рукам. В таком случае деловая репутация купца была единственным гарантом выполнения обязательств.

Но чем выше вчерашние крестьяне взбирались по социальной лестнице, тем острее чувствовали, что их отпрыскам необходимы хотя бы элементарные знания. И вот их сыновья — современники Тимофея Саввича — стали получать добротное домашнее образование. Они умели вполне прилично читать и писать, хорошо управлялись с арифметикой, иной раз осваивали необходимые для их профессии специальные науки — экономику, географию, историю. Но еще не владели иностранными языками. А ведь им надо было устанавливать связи с заграничным торговым миром. Вполне возможно, что они обошлись бы без более глубоких и разносторонних знаний — если бы не эпоха Великих реформ.

Реформы 1860-х вызвали в Российской империи бурный экономический рост. С небольшими перерывами он продолжался всю последнюю треть XIX века, сопровождаясь становлением банковской системы, слиянием промышленного и банковского капиталов, появлением купеческих торговых домов, укреплением связей с европейскими предпринимателями и финансистами. Сильнее всего эти процессы затронули Москву. После реформы 1861 года Первопрестольная ускоренными темпами превращалась из торгового центра в промышленный. Всё это вынудило передовую часть купечества решиться на своего рода социальный эксперимент: приобщить своих детей к европейской культуре. Первым шагом на этом непростом пути и стало приглашение в дом гувернеров.

В доме купца первой гильдии, потомственного почетного гражданина и мануфактур-советника Морозова прежние образовательные традиции тесно переплелись с новыми веяниями. Жизнь его детей проходила в атмосфере строгого церковного благочестия: чтения молитв, регулярного посещения церковных служб и т. п. — чтобы попасть в моленную, им надо было лишь подняться на третий этаж собственного дома. Однако место учителя жизни, наряду со священником, занимали неотлучно находившиеся при мальчиках гувернеры-иностранцы. Обучение азам старой веры шло рука об руку с освоением европейских языков — и самого духа

европейской жизни, который учил более полагаться на собственные чувства и разум, нежели на Бога. Сам Савва Тимофеевич в одной из бесед вспоминал об этом с иронией: «Воспитывали нас по уставу древлего благочиния и за плохие успехи в английском языке драли старообрядческой лестовкой.^[36] А лестовкой-то больнее, чем простым ремнем: она с рубчиками. После порки нянька мазала мне задницу елеем и заставляла молиться Пантелеймону-целителю, чтоб скорей заживало».^[37]

Морозовы-младшие обучались чтению и письму, Закону Божию и арифметике; знакомились, как это было принято во второй половине XIX века, с лучшими произведениями русской и иностранной литературы. Кроме того, они изучали, по меньшей мере, три иностранных языка. Главным из них являлся, безусловно, английский. Его мальчики должны были знать в совершенстве, так как их отец закупал у англичан оборудование для фабрики и часть сырья. Обучение «аглицкому» языку проходило под руководством гувернера-англичанина. Вторым языком, который осваивали братья Морозовы, стал язык светского общения — французский. Для этого они брали уроки у «мадам-французенки». Изучая его, купцы делали реверанс в сторону аристократии, которая вот уже более века использовала французский в повседневной жизни и владела им едва ли не лучше, чем русским. Примерно в это же время богатое купечество, желая укрепить свое общественное положение, начало устанавливать брачные связи с разоряющимися дворянскими семьями. И, наконец, третьим языком, который мальчики изучали, был немецкий. По свидетельству купеческой дочери В. П. Зилоти (урожденной Третьяковой), немецкому языку мальчиков Морозовых, «покуда они не подросли», учила гувернантка-немка, которую на русский лад звали Кларой Ивановной. Это была «...краснощекая, черноволосая, немолодая баварка, говорившая, нам казалось, грубо и нас все время останавливавшая и критиковавшая... Клара Ивановна часто принимала за чайным столом касторку «для сохранения цвета лица».^[38]

Вероятно, набор предметов, изучаемых Саввой и Сергеем Морозовыми, был намного богаче простого знакомства с иностранными языками. Вполне возможно, в него входили экономика, география, история и т. п. К сожалению, доподлинно об этом ничего не известно.

В освоении наук маленький Савва проявил несомненные успехи. Если предмет был ему интересен, он, как говорится, схватывал всё на лету. «Читать-писать научился неожиданно для родителей быстро... Задачи решал быстро, сочинения писал с маху, без раздумий».^[39] Из языков

хорошо освоил английский: Тимофей Саввич, хотя и был за интерес к заграничным достижениям прозван «англичанином», английского языка не знал и поэтому поручал сыну писать за него деловые письма. А вот немецкий язык, который, видимо, был ему неинтересен, Савва Тимофеевич освоил далеко не в совершенстве. Так, во время первой заграничной поездки в 1878 году, когда семейства Морозовых и Крестовниковых были в Саксонской Швейцарии, у семнадцатилетнего Саввы возникла необходимость вступить за одну из спутниц, М. А. Крестовникову, оскорбленную поведением пьяного немца. Сама Мария Александровна (в замужестве Гарелина) через несколько лет после этого вспоминала: «Савва, весь бледный и дрожащий, очутился моментально между мною и им и, *не зная хорошо по-немецки* (курсив мой. — А. Ф.), тем не менее ужасающе стучал по столу и объяснял что-то ошеломленному немцу».^[40]

С ранних лет у Саввы Тимофеевича проявился твердый, строптивый и независимый характер. Он был одинаково самостоятелен как в суждениях, так и в поступках. Когда Савва считал себя правым, он мог надерзить старшим. «С домашними учителями, будь то мадам-француженка, гувернер-англичанин или законоучитель-священник, спорил, даже ссорился». Не отличался он и церковным благочестием: «На церковных службах вертелся как бесенок, петь в хоре отказывался, дома после молебнов руку батюшке целовать не хотел: «Противная она, волосатая». То же нежелание покоряться чьей бы то ни было воле Савва проявлял вне учебы. «Бывало, возвращаясь из «казаков-разбойников» в синяках и ссадинах, но всегда без единой слезинки, мальчик не отвечал на материнские расспросы: «Кто тебя обидел?» Молча шел в угол, беспрекословно становился коленками на горох... Если случалось заслужить порку... прощенья никогда не просил».

Савва и Сергей очень дружили между собой. Крепкий телом и духом, способный к учению, энергичный и своенравный, как его отец, Савва был гордостью Тимофея Саввича. Купец любил сына и пестовал его, как мог, впрочем, особенно не балуя. «Тим[офей] Сав[вич] кого больше любил, на того тем чаще ворчал, и Савве доставалось вдоволь». В отличие от старшего брата Сергей обладал слабым здоровьем, а когда подрос, в нем обнаружилась болезненная мнительность. «По здоровью он был слаб, вследствие чего часто впадал в хандру»^[41] — так описывала Сергея Тимофеевича купеческая дочь М. А. Гарелина (урожденная Крестовникова). Возможно, именно из-за постоянно одолевавших его хворей младший сын стал любимцем матери. В отличие от норовистого

Саввы Сережа в детстве был ласков, уступчив, застенчив, но временами истеричен.

Детство Саввы Тимофеевича прошло в Москве, в старинной, доброй, колокольной ее сердцевине. Точнее, на том месте, где один из многочисленных переулков Китай-города — Большой Трехсвятительский — взбирается на крутую Ивановскую горку, встречаясь там со своими братьями — Подкопаевским и Хохловским. Усадьба, где жили Морозовы, по купеческому обыкновению была записана на хозяйку — Марию Федоровну Морозову. По словам современников, она выглядела как «великолепный дворец с серебряным фонарем у Яузского бульвара», который предыдущий владелец «купил в развалинах у какого-то князя», восстановил «самым безобразно-роскошным манером» и «при какой-то заминке в делах продал Т. С. Морозову».^[42] Прекрасное описание усадьбы оставил Н. А. Варенцов: «Невдалеке от Ивановского монастыря, по Трехсвятительскому переулку и примыкающим к нему другим путаным переулкам, находилось большое владение Т. С. Морозова, огороженное каменной стеной с железной решеткой, с тянувшимся по кособокому саду, над куполами деревьев виднелся красивый особняк, в котором жили хозяева дома». В этом особняке располагалась крупнейшая в Москве моленная белокрыницкого согласия — моленная Тимофея Саввича Морозова, освященная во имя Святого Николая Чудотворца. Она существовала с 1856 до 1905 года, когда старообрядцам запретили строить новые церкви, а престолы прежних «запечатали» — не позволили проводить в них богослужения.

Масштаб морозовского владения впечатлял. Оно занимало огромную территорию — от Подкопаевского переулка до Покровского бульвара. Помимо главного хозяйского дома, в него входил целый ряд домов, пристроек, конюшен, каретных и дровяных сараев, имелась даже оранжерея. «В подвале Т-образного дома со светлыми большими окнами располагались кухни и жила обслуга — кухарки и прачки. Кушанья и все необходимое господам подавалось наверх ручным лифтом. На третьем, получердачном этаже жили горничные, там стоял огромный бак для воды... Вход в главный дом находился с восточной стороны посередине фасада. На верхние этажи вела широкая чугунная лестница. Внутренние покои главного дома делились на парадную и жилую половины».

Непосредственно к хозяйскому дому примыкал «тенистый, немного под горку расположенный сад».^[43] По словам правнука Тимофея Саввича, Г. Н. Листа, «...на всей морозовской территории было много жимолости,

сирени. Было много птиц, зимой снегирей».^[44] А с верхней террасы сада открывался великолепный вид на московские крыши, сады и улицы. С балкона главного дома можно было даже увидеть Кремль, «...в то время еще почти не заслоненный многоэтажными постройками».

Иными словами, детям было где порезвиться, и для этого они могли даже не выходить за пределы родительского владения с его размеренным купеческим бытом. Тем более что за этими пределами кипела совершенно иная жизнь...

Владение Тимофея Саввича Морозова располагалось близ Хитрова рынка или, в просторечии, Хитровки. Здесь обитали представители общественного дна: бродяги, пьяницы, воры, уголовники, проститутки. Если кто становился обитателем местных трущоб, в нормальное общество он уже не возвращался: Хитровка затягивала. Атмосфера была соответствующая. «Страшные трущобы Хитровки десятки лет наводили ужас на москвичей». По свидетельству известнейшего московского журналиста, «короля репортеров» Владимира Алексеевича Гиляровского, избавиться от этой напасти никак не удавалось. Даже несмотря на то, что «с одной стороны близ Хитровки торговая Солянка с Опекунским советом во главе, с другой Покровский бульвар и прилегающие к нему переулки... сплошь были заняты богатейшими особняками русского и иностранного купечества. Тут и Савва Морозов, и Корзинкины, и Хлебниковы, и Оловянишниковы, и Расторгуевы, и Бахрушины, и Бардыгины, и Вогау, и Марк, и Банза... Владельцы этих дворцов возмущались страшным соседством, употребляли все меры, чтоб уничтожить его, но ни речи, гремевшие в угоду им в заседаниях думы, ни дорого стоящие им хлопоты у администрации ничего сделать не могли. Были какие-то тайные пружины, отжимавшие все нападающие силы, — и ничего не выходило. То у одного хитровского домовладельца рука в думе, то у другого в канцелярии генерал-губернатора, то третий занимает важное положение в делах благотворительности».^[45] Хитровка была уничтожена лишь после прихода советской власти, взорвавшей самые основы общественного устройства.

Вполне возможно, именно соседству семейного очага с незарастающей язвой Хитровки Савва Тимофеевич был обязан своим «либерализмом» и размышлениям о судьбах рабочего класса. Этот богатый купец, с пеленок носивший звание потомственного почетного гражданина, был не понаслышке знаком с общественным расслоением... Впоследствии идея будущей книги Гиляровского «Москва и москвичи» — «показать нашу Белокаменную не только с парадной стороны», чтобы «...отцы города

наконец обратили внимание на благоустройство», — вызовет горячее одобрение С. Т. Морозова. В этом однажды признался сам «дядя Гиляй» (прозвище В. А. Гиляровского). Более того, именно С. Т. Морозов даст Владимиру Алексеевичу совет относительно того, в каком тоне следует писать книгу: «Не старайтесь особенно разоблачать... Просто спокойно этак изобразите всю ту грязь материальную и нищету духовную, в которых москвичи живут издавна. Например, про Хитровку, мне хорошо знакомую еще с детства, расскажите. Словом, пристыдите отцов города».

[46]

Благодаря близкому к Хитровке расположению «дома под золотой крышей» Савва и Сергей с раннего детства жили относительно замкнуто. Общались они в основном с членами семейства и прислугой, а также гувернерами; изредка выезжали с родителями в город. Это укрепляло обоюдную привязанность братьев. Даже когда они подросли и обзавелись постоянными приятелями из числа купеческих отпрысков, «Савва всегда опекал Сережу, а Сережа с обожанием смотрел на брата, в котором всегда была его поддержка». Сергей «полностью доверял брату при решении всех вопросов». Впрочем, так не могло продолжаться вечно: рано или поздно мальчики должны были выйти из-за надежных стен морозовского особняка, чтобы окунуться в бурную московскую жизнь.

Как уже говорилось, приглашение гувернеров было лишь первым шагом на пути к европеизации купеческих отпрысков. Дома Морозовы-младшие получили базовые знания, однако вскоре выяснилось, что для преуспевания в современном мире этого недостаточно. Поэтому вторым шагом стала отправка сыновей в среднее учебное заведение — гимназию. Купечество впервые, по собственной воле, давало сыновьям возможность выйти за пределы традиционного «семейного» обучения. Родители, по-видимому, даже не предполагали, что сыновья могут в итоге отдалиться от них на весьма значительную дистанцию — гораздо большую, нежели та, которая пролегла когда-то между ними и их собственными отцами. Не следует забывать, что в гимназиях будущие купцы не только учились, но и, пребывая вне семьи, отрывались от своих сословных патриархальных ценностей. Зато они наблюдали за сверстниками из других сословий, с другими жизненными ориентирами; благодаря этому в их сознании стиралась привычная грань между «хорошо» и «плохо», «принято» и «не принято», «дозволено» и «не дозволено».

Савву и Сергея Морозовых определили в одну из лучших московских гимназий, — «что у Покровских ворот», а именно Московскую 4-ю

гимназию — привилегированное учебное заведение для мальчиков при Московском дворянском институте. Занятия здесь вели выдающиеся педагоги: «агрохимик Д. Н. Абашев, физик Н. А. Любимов, литературовед, ректор Московского университета Н. С. Тихонравов» и др. Обучение стоило недешево, 30 рублей в год,^[47] и было доступно лишь детям состоятельных родителей, прежде всего дворян и купцов. Трудно сказать, сколько лет мальчики провели в стенах этого учебного заведения. Доподлинно известно, что Савва Тимофеевич окончил курс обучения в мае 1881 года. В литературе можно найти утверждение, что он (а значит, и его брат) учился в гимназии шесть лет.^[48] Однако это неверно.

Обучение братьев Морозовых в гимназии пришлось на период действия нового устава гимназий, который был выработан министром народного просвещения графом Д. А. Толстым и вступил в силу 30 июля 1871 года (действовал до 1893-го). Согласно этому уставу, целью классических гимназий (в которых изучалось два древних языка) являлись общее образование и подготовка к поступлению в университет. В ту пору гимназический курс состоял из семи классов, но седьмой — с двумя годичными отделениями (с 1875 года гимназии стали восьмиклассными). При каждой гимназии имелся подготовительный класс. Таким образом, даже если мальчики не посещали подготовительных занятий перед поступлением в гимназию, они провели в ее стенах не менее семи лет. Это подтверждается копией аттестата зрелости, полученного Саввой Морозовым по окончании гимназии. Правда, в документе формулировка довольно расплывчата: «Дан сей [аттестат] Морозову Савве, старообрядческого вероисповедания, из потомственных почетных граждан... обучавшемуся шесть лет в Московской IV-й гимназии и пробывшему 1 год в VIII классе».^[49] По-видимому, обучение всё же длилось семь лет, а нечеткость формулировки (вернее, «исчезновение» 7-го класса) объясняется изменениями в гимназическом уставе (1875). В противном случае придется предположить, что они закончили гимназию экстерном, но такое случалось редко. Таким образом, на момент зачисления в первый класс гимназии, во второй половине 1874 года, Савве Тимофеевичу должно было исполниться 12, а его брату — 11 лет. Они были «приходящими» учениками, то есть, в отличие от пансионеров, приходили в гимназию только на время уроков, остальное же время проводили дома. Впрочем, в будни почти все вечернее время занимала подготовка уроков.

Основой гимназического быта являлась строгая дисциплина. Учебный год начинался в середине августа (хотя основные предметы преподавались

с 1 сентября) и заканчивался в конце мая. Занятия начинались в девять часов утра и длились пять с половиной часов. Продолжительность одного урока составляла 55 минут, причем каждый день ученики посещали пять уроков. После третьего урока полагался завтрак. Вот как современные исследователи описывают гимназический быт: во время большой перемены «пансионеры шли в столовую, а приходящие гимназисты завтракали тем, что принесли с собой... Существовала... система наказаний: нерадивых учеников задерживали после уроков на час-два, и они выполняли в классе задания на следующий день. Если это не помогало, то ближайшее воскресенье провинившийся проводил в гимназии. Здесь он должен был отстоять в церкви божественную литургию вместе с пансионерами, а затем сесть за приготовление уроков. Не в меру расшалившихся на уроках ставили в угол или выставляли в коридор».^[50] За поведением и успеваемостью учеников следили классные наставники, обязанности которых заключались в том, чтобы «наблюдать за успехами, развитием и нравственностью учеников и быть как бы ближайшими посредниками между школой и семьей».

Известный публицист начала XX века А. В. Амфитеатров в очерке «О неудачном поколении» отмечал: «Толстовская гимназия была не педагогическим учреждением. Она являлась системою заложничества, в которой государство потребовало себе от русской семьи всех детей ее, в обеспечение «политической благонадежности». Это заявлялось и печаталось совершенно откровенно. Громко проповедовалось правило, что молодое поколение принадлежит школе, а не семье. Школа — поручительница за него перед государством. Семье государство не верит». Современные исследователи разделяют эту точку зрения, правда, высказываясь не столь жестко.

Молодое поколение воспитывалось в патриотическом и верноподданническом духе. Так, например, «...по случаю вступления России в войну с Турцией (1877–1878) состоялось торжественное собрание, на котором преподаватели приняли участие в общественной подписке на учреждение стипендий в пользу детей погибших русских воинов. Их примеру с редким единодушием последовали и ученики, собравшие свыше 300 рублей. Очевидно, это было первое в жизни пожертвование Саввы и Сергея Морозовых. Не осталась гимназия в стороне и от событий, связанных с покушениями на жизнь императора Александра II. В 1880 году в церкви Благовещения Пресвятой Богородицы (церковь находилась на территории гимназии. — А. Ф.), по случаю избавления императора от смерти, была установлена икона и отслужен молебен. В 1881 году, после

гибели Александра II, преподаватели и ученики собирают деньги для сооружения в Москве памятника». Либеральная общественность относилась к подобного рода начинаниям негодующе. Однако для последней трети XIX века этот шаг можно признать необходимым. В то время учебные заведения нередко являлись рассадником разрушительных для государства и общества идей, в том числе революционных. Власти осознавали эту опасность и стремились задействовать те же заведения для формирования взглядов совершенно иного рода.

Вероятно, в гимназической среде братья Морозовы стояли чуть особняком: гимназия была рассчитана на обучение прихожан Православной Синодальной церкви. Об этом говорит тот факт, что при гимназии существовал православный храм. Будучи старообрядцами, Морозовы не участвовали в церковной жизни своих одноклассников и не посещали уроков Закона Божия — в аттестате Саввы Морозова напротив этого предмета стоит прочерк. Так что обучение в гимназии свелось для него к набору светских предметов: русскому и французскому языкам, греческому и латыни, логике, математике, физике и математической географии, истории, географии.^[51]

Бунтарский дух юного Морозова давал о себе знать в свободное от учебы время. Вырвавшись на свободу, Савва Тимофеевич с наслаждением ощутил ее терпкий привкус. Почувствовал он и другое, естественное для подростка, желание: испробовать все грани этой свободы, проверить ее пределы. Впоследствии, в беседе с А. Н. Серебровым, Савва Тимофеевич признается: «В гимназии я научился курить и не верить в Бога». О том же пишет его внук: «Домой приносил Савва не только пятерки. В карманах его гимназической шинели гувернер находил то папиросы, то колоду карт». Сказалось, по-видимому, влияние приятелей-гимназистов из обезверившейся дворянской среды, а также сладость первой свободы от родительской опеки. Вера, которая в детстве пронизывала всю жизнь Саввы, вдруг отдалилась, стала тем, от чего можно временно отказаться, отложить «на потом», — а то и вовсе обойтись без нее. Привычка же к курению так и осталась с ним на всю жизнь. Однако в том, что касалось собственно учебы, Савва вполне оправдывал родительские ожидания.

В гимназии, как и дома, он проявлял превосходные способности. Правда, относился к процессу обучения легко, не слишком усердствуя в зубрежке. Так, М. А. Гарелина вспоминала, что в мае 1877 года, когда их семья приехала на дачу к Морозовым погостить, между ее братом Григорием и Юлией Тимофеевной Морозовой состоялся следующий диалог: «Юлия говорит, что очень боится за экзамены братьев, которые

хотя и идут хорошо, но что они все-таки очень легко к ним относятся, а потому ей и страшно за них. Гриша успокаивает ее, говоря, что экзамены в этих классах самые пустяковые». Но, иной раз проявляя легкое отношение к учебе, Савва все-таки много занимался и в итоге добился приличных результатов. 30 мая 1881 года ему был выдан аттестат зрелости, где констатировалось: «За все время обучения его в Московской IV гимназии поведение его было отличное, исправность в посещении и приготовлении уроков, а также в исполнении письменных работ постоянная, прилежание весьма хорошее, любознательность ко всем вообще предметам одинаковая».^[52]

Наибольших успехов Савва Морозов достиг в математике, физике, истории, географии и французском: по этим предметам у него стоит оценка «отлично». Судя по всему, у него проявились математический склад ума и хорошие аналитические способности. М. А. Крестовникова отмечает, что Савва был «...очень способный в математике и избрал ее почти своим специальным предметом в гимназии». Единственное «удовлетворительно» Савва получил по русскому языку, по остальным же предметам его знания были оценены как «хорошие».

Разумеется, одной только учебной жизнь молодых Морозовых в эти годы не ограничивалась.

В период отрочества, в 1870-х — начале 1880-х годов, закладывались основы мировоззрения Саввы Тимофеевича. Именно тогда сформировались его основные привычки, в том числе эстетические, и сложился круг его общения.

Купечество на протяжении столетий оставалось довольно замкнутой средой. Чаще всего круг знакомств купеческих отпрысков определялся их родителями. Общение в большинстве случаев происходило «семейно»: одна семья приезжала в гости к другой, после чего следовал ответный визит. Однако это вовсе не означает, что основным критерием дружбы являлось равенство социального или культурного уровня. Скорее, большую роль тут играла хорошая репутация или, как сказали бы сегодня, кредит доверия, которое одно семейство выдавало другому. П. А. Бурьшкин, купец по происхождению, в книге воспоминаний «Москва купеческая» отмечал: «Каждая семья жила более или менее замкнуто, окруженная своими друзьями и приближенными, людьми «разных званий», а не членами других равноценных династий и... не считалась ни с кем и ни с чем. Было бы ошибкой считать это проявлением пресловутого самодурства: жизнь

текла в домашнем кругу, никто не искал, чтоб о нем говорили газеты».^[53]

Из воспоминаний современников известно, что в доме Морозовых проводились «назначенные вторники». Каждый вторник, в вечернее время, глава семьи с супругой устраивали приемы, на которые приглашались родственники, друзья и знакомые. В основном эти приемы предназначались для старшего поколения. Мальчики, приходя домой после занятий, вечерами готовили уроки на следующий день. В общении взрослых молодые люди участвовали ровно столько, сколько того требовали приличия. Собственный же круг общения, если не считать приятелей-гимназистов, у них сложился довольно поздно. По словам М. А. Крестовниковой, еще и во второй половине 1870-х годов «...молодежи знакомой у них было мало, и потому все наши знакомые студенты перешли к ним».

Нет смысла перечислять всех, с кем братья Морозовы общались в гимназический период жизни. Но о некоторых знакомствах всё же необходимо упомянуть.

Савва и Сергей Морозовы должны были завести приятельские отношения с одноклассниками, а также с учениками других классов. Широко известно, что на рубеже XIX–XX столетий Савва Тимофеевич оказывал всемерную поддержку Московскому Художественному театру, причем с одним из основателей театра — К. С. Станиславским его связывали весьма прочные отношения. Но мало кто знает, что С. Т. Морозов еще в отрочестве мог познакомиться с будущим Станиславским — в те годы никому не известным купеческим сыном Константином Алексеевым. Дело в том, что К. С. Алексеев учился в той же Московской 4-й гимназии; он поступил сюда годом раньше, чем братья Морозовы. Кроме того, у Алексеева и Морозовых имелись общие приятели. По свидетельству В. П. Зилоти, дочери крупного купца и создателя галереи русской живописи П. М. Третьякова, молодые Морозовы являлись товарищами Мити Перовощикова, впоследствии присяжного поверенного. Его мать, Ольга Тимофеевна, «...была известна в Москве своею «пикантностью» и шармом. У нее было двое детей: Митя, юрист, Дмитрий Петрович, товарищ мальчиков... Алексеевых, и дочка Маруся, вышедшая впоследствии замуж за Константина Сергеевича Алексеева, по сцене Станиславского, и сама стала изумительной, тончайшей актрисой Московского Художественного театра — Лилиной».^[54] О. Т. Перовощикова наносила визиты другим купеческим семействам, в частности, посещала дом Третьяковых, приводя с собой сына и братьев Морозовых. Не исключено, что бывали они и в доме

Алексеевых. Таким образом, вполне вероятно, что к моменту возникновения МХТ по крайней мере с двумя его видными деятелями — К. С. Станиславским и его женой М. П. Лилиной — С. Т. Морозова связывала не только любовь к театру, но и многолетнее доброе знакомство.

Значительным событием в жизни братьев Морозовых стало знакомство с семейством Крестовниковых. Отец семейства, Александр Константинович Крестовников, являлся крупным предпринимателем. В 1853 году он создал в Казани одно из первых в России химических предприятий — стеариномыловаренный завод. Кроме того, ему принадлежали бумагопрядильная фабрика и часть паев торгово-промышленного товарищества «Братья Крестовниковы». Александр Константинович во многих делах являлся компаньоном Тимофея Саввича Морозова, и это заложило основы для дальнейшего сближения двух почтенных семейств. Тесному общению не помешала даже разница в вероисповедании: Крестовниковы, в отличие от Морозовых, были приверженцами Синодальной церкви.

Из пятерых детей А. К. Крестовникова братья Морозовы общались главным образом с тремя: с дочерьми-погодками Марией и Татьяной, а также их старшим братом Григорием. Подробности их общения изложены в интереснейших воспоминаниях, которые М... А. Крестовникова (в замужестве Гарелина) написала в 1882 году. Вдумчивая и наблюдательная, Мария Александровна дала подробное описание повседневного быта купеческих детей того времени, в том числе братьев Морозовых. Ценность воспоминаний увеличивается тем, что в момент их создания девушке исполнилось 20 лет, и недавние события были еще очень свежи в ее памяти.

По словам Марии Александровны, знакомство с братьями Морозовыми состоялось в конце 1876 года. По приглашению Марии Федоровны и ее девятнадцатилетней дочери Юлии Тимофеевны, которая «...считалась чуть ли не самой хорошенькой барышней в Москве»,^[55] они впервые попали в дом Морозовых на один из «назначенных вторников». Самой Марии Крестовниковой тогда было 15, ее сестре Татьяне — 14 лет. Однако в тот раз сестры Крестовниковы только издали видели двух гимназистов — Савву и Сергея, общались же в основном с их сестрой — Юлией Морозовой. По-настоящему общаться с мальчиками они начали позже, в августе 1877 года. Тогда сестры были приглашены на морозовскую дачу в Зуево. С этого момента началось постепенное сближение Марии и Татьяны Крестовниковых с Саввой и Сергеем Морозовыми.

«Морозовы пригласили нас на 3 праздника к себе в Зуево. Мы приехали, помню, поздно вечером и в этот день прямо после чая пошли спать. На другой день мы узнали, что и братья Юлии приехали, нас снова познакомили. Они находились неотлучно при нас, но видно было, что это им было строго внушено свыше. Они молча ходили в довольно почтительном расстоянии, ничего не говоря и смотря в землю. Юлия иногда подсмеивалась над ними... Но вот в конце аллеи показался доктор (Александр Павлович Базилевич, главный врач Никольской мануфактуры. — А. Ф.), они мгновенно, забыв все наставления, бросились к нему и, схватив под руки, скрылись из сада. Нам было гораздо приятнее с Юлией одной, мы уже успели привыкнуть и полюбить ее... Мальчиков же мы как-то конфузились. Когда, через несколько минут, явился доктор в сопровождении Саввы и Сережи, Таня спросила его, куда это он так стремительно бежал. «Как бежал?» — спросил он, краснея как рак, воображая, вероятно, что нам ничего не было видно. «Так вот и бежали, — продолжала неумолимая Таня. — Совершенно как заяц. Знаете, как испугается или увидит что-нибудь, сперва присядет, а потом уши прижмет и побежит!» И она так потешно сжалась, представляя, как бежал Александр] Павл[ович], что все рассмеялись, мальчики же больше и веселее всех. С этой минуты они перестали от нас бегать, и хотя еще робко и несмело, но стали всячески услуживать нам: то подавать пальто, то подставлять стул. Мы каждый день ездили куда-нибудь кататься».

С этого момента Крестовниковы и Морозовы начинают регулярно гостить друг у друга в свободное от учебы время. Через некоторое время, в 1878 году, оба дома породнятся: сестра Саввы Юлия Тимофеевна выйдет замуж за Григория Александровича Крестовникова, впоследствии — видного общественного деятеля.

Среди прочего, Мария Александровна приводит любопытное описание братьев Морозовых. Благодаря этому пассажи можно представить, как они выглядели в конце 1870-х годов, в возрасте 16–18 лет.

Братья обладали разной внешностью, да и характеры их были схожи между собой в той мере, в какой схожи течение звонкого горного ручья и неспешной равнинной реки. «Савва, годом меня старше, был невысок ростом, но коренасто сложенный. Прекрасные волнистые русые волосы и необыкновенно приятный рот с полными губами и белыми ровными зубами, а главное, необыкновенно прямая, добрая и милая улыбка по временам делала его очень красивым. Он... всегда всё первый знал и предугадывал и прекрасно, как мы это называли, вел политику с родителями». Сергей сильно отличался от брата. Он «был очень застенчив,

немного заикался, когда конфузился, а главное, был... не от мира сего, т. е. никогда ничего не знал, не замечал и все для него было новостью... В противоположность брату, он был страшно высок и худ. Лицо очень правильное и с красивыми чертами. По здоровью он был слаб, вследствие чего часто впадал в хандру. В человеческих отношениях он ничего не понимал и отличался решительным непониманием какой бы то ни было политики. Когда Савва был первым помощником Юлии, Сережа ничего не подозревал и даже не поверил, когда ему сказали об их приближающейся свадьбе, но к Грише он очень привязался». Сергей, в отличие от Саввы, много времени проводил с матерью, так как Мария Федоровна сопровождала его во всех лечебных мероприятиях.

Как уже говорилось, в течение учебного года у гимназистов досуга в будние дни практически не оставалось. Зато выходные целиком отдавались общению и культурным мероприятиям.

Молодежь из обеспеченных семей много времени проводила на свежем воздухе. Зимой каталась на коньках. В теплое время года дамы и кавалеры по вечерам часто гуляли в саду. На даче они играли в крокет и в кегли, катались на лодках по реке или совершали длительные прогулки с пикником. Обычно отправлялись в экипаже в какое-нибудь красивое место. Мария Александровна рассказывала, что будучи в Зуеве летом 1877 года, молодые люди ездили «...к так называемым «пяти дубам». Это луг, на нем пять больших пней от когда-то растущих тут дубов; с одной стороны река Клязьма, с другой дорога к лесу. Мы вышли из экипажей и прошли к пням. Все стояли в куче, смеясь какой-то выходке Тани. Я, уже сорвав ромашку, села и стала вертеть ее в руках, о чем-то задумавшись. Я очнулась тогда только, когда все окружили меня, смеясь и спрашивая, о ком я думаю, на кого гадаю. Я ни на кого не гадала, но до того сконфузилась, что не нашлась, что сказать и так за мной и осталось, что я мечтательная, от общества удаляющаяся, девушка». Зимой же катание оканчивалось посиделками за обеденным столом. Ездили «...целой компанией в Стрельню на тройках. Там обыкновенно в особой комнате подавали нам заранее заказанный обед. Эти поездки всегда были очень веселые».

Кроме того, Морозовы совершали конные прогулки, обычно большой компанией. Прогулкам предшествовало длительное обучение в манеже, который можно было посещать в любое время года. «По воскресеньям мы съезжались в манеж к Леману. Мы с братом и мамашей, а Юлия с мальчиками и их гувернером Евгением Александровичем], или же с самим Тимофеем Сав[вичем]», — вспоминала Мария Александровна. Умение ездить на лошади для молодежи того времени было своего рода

показателем общественного статуса. В мае, после успешно сданных экзаменов, Морозовы в сопровождении веселой компании отправлялись, к примеру, в Кунцево — столь любимое московским купечеством дачное место, или в Сокольники, где на протяжении многих лет для молодежи устраивались гулянья со смотрами и т. п. Для таких поездок существовал раз и навсегда заведенный порядок: юноши и девушки ехали верхом впереди процессии; родители или гувернеры, которые были «за начальство», садились в экипаж и оттуда присматривали за поведением молодежи. Катались не только по Москве и ближайшим окрестностям, обученных лошадей можно было взять напрокат. «В Зуеве, по обыкновению, мы провели время чудесно. Мар[ия] Фед[оровна] выписала нам туда лошадей от Лемана, и мы каждый день большой компанией ездили верхом».

Разумеется, общение не всегда проходило на свежем воздухе. Молодежь регулярно собиралась под одной крышей — у Морозовых или, реже, у Крестовниковых — и находила такие способы заполнить досуг, которые не требовали много времени. Мария Александровна отмечала, что в 1877 году у Морозовых по-прежнему устраивались «...назначенные вторники, мы на них ездили редко, потому что на другой день нужно было идти в гимназию. Зато так попросту по субботам, или просто накануне праздника приезжали к ним... По воскресеньям Юлия почти всегда приезжала к нам, и наши скучные родственные вечера немного оживились». С 1878 года, когда Юлия вышла замуж, она стала делать подобные визиты реже; с этого времени по воскресеньям в дом Крестовниковых стали заезжать ее братья. Молодежь собиралась за одним столом, в гостиной или на веранде. Шел обмен любезностями, общение разбавлялось играми, в том числе карточными — несмотря на строгости старообрядческого быта, у Морозовых карты не запрещались. Вот описание одного из таких вечеров: «Вокруг круглого стола стоят все стулья и сидят, такие все нарядные, веселые, хорошенькие дамы и кавалеры. Вся комната уставлена цветами и растениями... Начинают играть в *petit-jeu*» («по маленькой» (*фр.*), то есть делая небольшие ставки. Имеется в виду карточная игра. — А. Ф.). После игр в другой комнате подавался ужин, на который кавалеры сопровождали дам.

Морозовы-старшие регулярно давали «великосветские балы важным лицам московским». А один-два раза в год, по праздникам, устраивали танцевальные вечера специально для молодежи. Один из этих вечеров обязательно приходился на Святки. Вечер, устроенный в 1877 году на третий день после Рождества, был костюмированным: участники оделись в

национальные костюмы разных стран. Танцевали кадрили, вальс, котильон. По-видимому, танцы проходили в одной из парадных зал морозовского особняка — в «...комнате, все стены и потолок которой были отделаны зеркалами».^[56] Гостей окружала пышная и вполне светская обстановка.

В летнее время купечество переезжало из шумной, пыльной Москвы на дачи, где проводило много времени. Вместе с родителями туда отправлялись и гимназисты, у которых наступали каникулы. Там они продолжали вести тот же светский образ жизни: общаться, ездить на лошадях, играть в различные игры: «в билетики, т. е. писали мужские и женские имена, что они делают, где находятся», в карты и т. п. Одной из любимых карточных игр была игра в фофаны. «По вечерам мы гуляли в саду, когда же нас требовали в комнаты, то при первой же возможности уходили в угольную и там устраивали превеселые игры в фофаны. Причем тот, кто оставался фофаном, должен был надевать белый чепчик Мар[ии] Фед[оровны], где-то отысканный с этой целью Саввой. К Танюшке он необыкновенно как шел, а потому все старания игроков были направлены к тому, чтобы она оставалась как можно чаще».

Но, помимо уже упомянутых, были и совершенно иные способы заполнения досуга.

Несмотря на отсутствие систематического образования, Тимофей Саввич постоянно тянулся к миру высокой культуры. По идее, будучи одним из выборных Рогожской старообрядческой общины, он должен был чураться всего того, что шло вразрез с азами старой веры, в том числе масштабных заимствований западного опыта. Враждебное отношение к чужой, секуляризированной культуре для староверов было естественным: не зря царя-«западника» Петра I в старообрядческой среде прозвали антихристом, а к театрам относились не иначе как к «бесовскому скаканию и плясанию». Однако на деле выходило наоборот: Т. С. Морозов не только способствовал образованию юношества, отправляя за границу наиболее способных учеников, но и сам старался приобщиться к лучшим достижениям европейской художественной и научной мысли.

Отец Саввы Тимофеевича поддался соблазну блестящей западной культуры, для него стало естественным сочетать приверженность вере отцов с посещением и даже организацией светских культурных мероприятий. Такая двойственность встречала неоднозначные отзывы среди его современников. О Т. С. Морозове с осуждением писали: «Тимофей Саввич Морозов, прозванный «англичанином», ездит постоянно за границу, обращается в клубах и театрах, и в то же время с темною

массою верует в догмы, которые бессмыслием своим и тупостью поражают всякого мыслящего человека». Далее автор задавался вопросом: не является ли подобное двойственное поведение «Игрой в религиозное чувство народа», нужной для работы на ткацких фабриках в селе Зуеве»? Думается, это не так. Тимофей Саввич был совершенно искренне привязан к вере предков — и в то же время не мог устоять перед прелестями блестящего мира европейской культуры. Он старался приобщить к этому миру и своих отпрысков.

Так, в 1860-х годах купцы стали, по выражению В. П. Зилоти, «с образовательной целью» прививать детям любовь к театру. Из воспоминаний той же М. А. Крестовниковой известно, что уже к 1876 году юные Морозовы являлись заядлыми театрами. Купеческая дочь, говоря о первом морозовском «вторнике», на который она попала, пишет: «К концу ужина в столовую входят два гимназиста. Они обходят, здороваясь, весь стол и нас между прочим. «Ну что, Савва и Сережа, хорошо было?» — спрашивают некоторые. «Ах да, замечательно, честное слово, Ленский замечательно играет!» — отвечал один из них. «Кто это?» — спросила я у своего кавалера. «А это сыновья Тимофей Саввича: Савва и Сергей. Они ездили смотреть «Горе от ума» с Ленским». А. П. Ленский — выдающийся актер и театральный деятель последней четверти XIX — начала XX века; смотреть спектакли с его участием, ставившиеся в Малом театре, съезжалась вся культурная Москва. В пьесе «Горе от ума» (постановка 1876 года) Ленский играл роль Чацкого. По-видимому, ценителем актерского мастерства оказался Савва Морозов — он был более активен, чем брат, и не стеснялся высказывать вслух собственные суждения. В тот момент ему было всего 14 лет.

Посещение театра являлось для Морозовых естественной частью жизни. Смотреть представления ходили не только мальчики, но и оба родителя. Так, когда Григорий Крестовников тяжело заболел, его сестры всерьез опасались за жизнь брата. В этот период, пишет Мария Александровна, «Мария Фед[оровна] часто присылала за нами и увозила с собой в театр или просто к себе, вообще заботилась о нас очень».

В последней трети XIX столетия увлечение театром среди купечества стало повальным. Все сколько-нибудь видные коммерсанты были абонированы в крупнейших московских театрах, некоторые ценители специально ездили в Петербург, чтобы присутствовать на выдающихся постановках. Постепенно, к концу 1870-х годов, страсть к театру из пассивной превращалась в активную. Молодые купцы пришли к мысли: мало смотреть на постановку, надо в ней участвовать! Первые театры в

купеческих домах появились в 1850-х годах. Так, тринадцатилетняя Варвара Алексеевна Хлудова (в замужестве Морозова, известная меценатка) упоминала в своем дневнике от 10 сентября 1861 года о театре чаеоторговца Сергея Васильевича Перлова. Купец привез в дом Хлудовых декорации для спектакля.^[57] Затем задело взялись члены Абрамцевского кружка: Савва Иванович Мамонтов, его супруга Елизавета Григорьевна, а также художники из их ближайшего окружения: И. Е. Репин, В. Д. Поленов, В. М. Васнецов, И. И. Левитан, К. А. Коровин, М. А. Врубель, В. И. Суриков и многие другие. Их совместными усилиями в московском доме Мамонтовых, а также в имении Абрамцево начали ставиться рождественские любительские спектакли. Эти спектакли выросли из воскресных «чтений» и «живых картин», в которых участвовали художники и члены семейства — от мала до велика. Впоследствии на основе этих спектаклей появится мамонтовская опера: сперва — итальянская, затем — частная русская, ставшая крупным культурным явлением 1880–1890-х годов. Ее главным принципом будет реализм в декорациях и костюмах — в противоположность грубой условности постановок Императорских театров. Русская опера С. И. Мамонтова окажет колоссальное воздействие на театральную жизнь, в том числе — на будущий МХТ.

Но это все будет потом. А в конце 1870-х, с мамонтовских любительских спектаклей, среди московского купечества началась настоящая «мода» на создание собственных театров. Небольшие деревянные театры, где играли члены купеческих семейств, существовали в имении Якунчиковых Введенском (под Звенигородом) и у Алексеевых в Любимовке.

Морозовы собственного театра не создавали, но тем не менее театральная мода их тоже коснулась. Не зря граф Д. А. Олсуфьев впоследствии скажет: «Дом известного купца-мецената Саввы Мамонтова давал тогда тон московскому купечеству. Оттуда, я думаю, и литературно-театральные увлечения Морозова, и его сближение с Художественным театром». Идея о театре проникла в головы Морозовых и — проявилась в попытке поставить любительский спектакль. Проникла не прямым, а, скорее, окольным путем.

Как ранее было отмечено, купеческая среда была довольно замкнутой. Благодаря этому новые веяния распространялись среди ее представителей моментально, как пожар по сухой траве. Уже говорилось, что молодые Морозовы, вероятно, общались с Алексеевыми; общались они и с Якунчиковыми, которые являлись дальней родней сестер Крестовниковых. Идея устроить спектакль своими силами возникла вскоре после

костюмированного бала, имевшего большой успех. В подготовке спектакля принимали участие Крестовниковы и члены многочисленного семейства Морозовых, в том числе успевшие обзавестись собственными семьями.

«Репетиции устраивались по субботам или накануне праздников, с тем чтобы нам удобнее было на них участвовать, у Морозовых в зале... Но одна только пьеса шла как следует... это «Назвался груздем — полезай в кузов». Главные роли исполняли Таня и Ив[ан] Васильевич Каретников]. Они должны были и на сцене играть почти то же, что и в жизни, а потому это им вполне удавалось». По-видимому, для участников постановки был важен не столько результат, сколько сам процесс. Талантливых актеров среди них не было, режиссировать процесс тоже было некому, поэтому к репетициям «актеры» относились легкомысленно. «Остальные пьесы постоянно менялись. Дошли до того, что просто брали книги и, ни разу не видав роли и не зная ее содержания, выходили и репетировали. Конечно, все это кончалось страшным хохотом и пустяками. Савва подносил мне к носу пачку страшно вонючих спичек вместо одеколона, и я вместо обморока начинала чихать, или вместо корзины цветов притаскивали и подавали кадку с каким-нибудь растением, которую сами едва-едва могли поднять. Но никто на это не обижался. Никто из нас всерьез и не надеялся довести дело до конца. Скоро кто постарше даже перестал ездить на эти репетиции, а мы съезжались каждую субботу, и так как была всё исключительно молодежь, то и время проводили очень хорошо».

В итоге спектакль так и не состоялся, но сам факт его подготовки — важное явление в жизни Саввы Тимофеевича. Уже в раннем возрасте — ему тогда было около 16 лет — Морозов оказался вовлечен в современную ему театральную и, шире, культурную жизнь Первопрестольной. Видимо, позднее юношеские воспоминания о театре окажутся столь сильны, столь притягательны, что окажут решающее влияние на поступки уже взрослого человека.

Помимо театров молодежь посещала симфонические концерты. Правда, тонких ценителей музыки среди товарищей Саввы и Сергея Морозовых не было. «В музыке мы понимали очень мало и даже очень скучали сидеть смирно и слушать какие-нибудь нескончаемые симфонии или сонаты. Но там мы всегда садились за колонны рядом с Юлией... совсем забывали о музыке и сперва шепотом едва слышно, а потом, все больше и больше расходясь, болтали каждая со своим кавалером».^[58]

Особую роль в художественном развитии юных Морозовых и Крестовниковых сыграла поездка по европейским странам. Она была предпринята летом 1878 года по случаю женитьбы Ю. Т. Морозовой и Г. А.

Крестовникова. 11 июня состоялось их венчание в единоверческой церкви, а уже через несколько дней молодожены, их родственники и друзья — всего 12 человек — отправились в заграничное путешествие.

Они посетили Германию, Швейцарию, Францию. Из одного города в другой добирались на поездах, и во время переездов молодые люди много читали. Сначала «Савва купил где-то на станции «Дым» Тургенева и стал читать про себя», потом началось чтение вслух. Среди прочего, читали «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского. Мария Александровна вспоминала, что «Савва в то время преклонялся перед Некрасовым», готов был часами обсуждать поэзию и сам писал стихи, в чем однажды признался девочкам.

Старшее поколение, стараясь привить детям любовь к искусству, водило их в музеи, картинные галереи и театры. Сильнейшее впечатление на всех, особенно на Савву, произвела Дрезденская галерея. Юноши и девушки, которые до этого не обращали внимания ни на что, кроме как друг на друга, «...вдруг увидели, что это интереснее даже наших разговоров. В первый раз мы добровольно разошлись, чтобы не мешать друг другу. И только когда какая-нибудь картина очень поражала нас, мы созывали друг друга и показывали ее себе. Мы не дошли еще до Мадонны Рафаэля, Савва первый увидел ее. «Идите, идите, ради Бога, ведь это чудо просто!» — звал он нас. Мы молча сели в полуосвещенной комнате и просидели минут двадцать. Мамаша сама уже стала торопить нас. Но при выходе оказалось, что Саввы опять нет, он исчез в одной из последних комнат. Мы нашли его снова у Мадонны, от которой, по его словам, ему было страшно трудно оторваться, хотя перед старшими он всячески скрывал это впечатление. Придя домой, уставшие, с заболевшими шеями, мы уже почти молча сидели за особым круглым чайным столом. Мы слышали, как мамаша тихонько говорила Мар[ии] Фед[оровне], что она очень рада была, что у всех нас есть большой вкус к живописи и что мы почти всегда обращали внимание на картины, действительно того стоящие. Это, хотя мы в том не сознавались даже друг другу, еще больше воодушевило нас. И два последующие дня мы с раннего утра и до последней возможности проводили в Музее».^[59]

Основной целью поездки был Париж, где проходила Всемирная выставка 1878 года. Главы семейств проявляли особый интерес к промышленному отделу выставки, а молодежь «...находилась все больше в художественном отделе, так как наша симпатия к живописи всё более и более вырастала». Помимо выставки, куда они ходили неоднократно, Морозовы с друзьями посещали парижский театр, «были в Версале и еще

где-то из окрестностей. Забегали как-то в Лувр посмотреть картины, но все-таки досконально многого не видели».

Поездка по Европе длилась около двух месяцев — с середины июня до середины августа, когда молодым людям пора было возвращаться в гимназии. За это время родителям удалось добиться желаемого: и братья Морозовы, и сестры Крестовниковы впервые испытали жажду искусства, которую отныне им требовалось постоянно удовлетворять. Вернувшись в Москву, они стали регулярно ездить «по всяким картинным и иным выставкам». Наверняка посещали передвижные выставки, ведь каждая из них была в те годы крупным событием. А значит — впитывали в себя ту русскую действительность, которой дышали полотна лучших мастеров эпохи: И. Н. Крамского, Г. Г. Мясоедова, И. Е. Репина, В. И. Сурикова, В. М. Васнецова.

Иными словами, жизнь Саввы Морозова в 1870-е годы была весьма похожа на жизнь дворянских отпрысков его возраста. Но имелось одно коренное отличие: отец готовил старшего сына стать главой семейного дела. Для этого он лично занимался с сыном, учил его работать на поприще коммерции, использовать все полученные в гимназических стенах навыки с толком. Даже в ходе поездки 1878 года, которая для женщин являлась развлекательной, Т. С. Морозов не забывал о делах. По свидетельству М. А. Крестовниковой, «...по утрам Тим[офей] Сав[вич] заставлял мальчиков писать себе письма или служить переводчиками между ним и людьми, которых он видел по делу». А осматривая Всемирную выставку в Париже, Морозов-старший «...тотчас же пользовался случаем нашего приближения, чтобы заставить Савву или Сережу переводить ему или справляться о чем-нибудь».

Будучи гимназистами, оба мальчика уже располагали собственными капиталами. Довольно значительную сумму они унаследовали после покончившей жизнь самоубийством старшей сестры, Алевтины Тимофеевны Спримон. Этими деньгами до семнадцатилетия мальчиков распорядился их отец, а затем — они сами под надзором попечителя. По желанию Саввы Тимофеевича его попечительницей стала мать, Мария Федоровна Морозова. К лету 1879 года Савва Тимофеевич получил движимого имущества на значительную сумму — 97 942 рубля.^[60] Через некоторое время оба брата стали получать от Т. С. Морозова паи Никольской мануфактуры.

В 1883 году, когда Савва Тимофеевич достиг совершеннолетия, то есть ему исполнился 21 год, на его руках, помимо полученных после сестры денег, находилось 35 паев Никольской мануфактуры, которые давали ему

два голоса на общих собраниях пайщиков Товарищества.^[61] Каждый пай имел номинальную стоимость в тысячу рублей. Располагая такими капиталами, молодой купец уже мог вести дела самостоятельно. Тем более что в 1881 году, в возрасте девятнадцати лет, Савва Тимофеевич Морозов закончил обучение в гимназии. Но, в отличие от отца и деда, которые очень рано вступили в самостоятельную жизнь, Савва Тимофеевич медлил.

Он не мог целиком посвятить себя коммерции до тех пор, пока не пройдет последнюю, высшую, ступень образования. По-видимому, Тимофей Саввич решил, что образование сына необходимо продолжить, и Савва поступил в Императорский Московский университет. Взрослая жизнь затягивала его медленно, постепенно, и начало ее пришлось как раз на университетский период.

Юношеские годы Саввы Морозова проходили в атмосфере любви и взаимного уважения. Повседневная жизнь молодого коммерсанта мало чем отличалась от жизни светской молодежи из благородного сословия.

1870–1880-е годы — это эпоха, когда купечество в культурном отношении стремилось приблизиться к дворянству — иногда сознательно, иной раз — неосознанно, двигаясь «в фарватере» наиболее влиятельных людей из своего *слоя*. К. Т. Солдатёнков, В. А. Кокорев и П. М. Третьяков, начиная создавать свои художественные собрания (один — в конце 1840-х, другой — в начале, а третий — в конце 1850-х), натывались на постоянное непонимание, считались чужаками, белыми воронами. Но время шло, и основанные ими картинные галереи, равно как художественные искания С. И. Мамонтова с его Абрамцевским кружком, сделали свое дело — купеческая элита не просто приобщилась к изящным искусствам, а стала его настоящим ценителем. Правда, и Третьяков, и Мамонтов старались придать этому приобщению русский оттенок, но их стремление не стало всеобщим. Несмотря на подъем собственно русского искусства, наряду с ним развивалось и влияло на умы другое мощное направление — европейское. Оно диктовало купеческой элите моду на европейский лоск, на образ жизни, приближенный к стилю давно и прочно европеизировавшегося дворянства. Коммерческая элита постепенно начинает тяготиться купеческими корнями и стремится к получению дворянских титулов любым путем: кто через женитьбу дочери, кто через пожертвования собранных им произведений искусства в пользу государства...

Показателен в этом смысле пример, приведенный художником, князем Сергеем Александровичем Щербатовым. Говоря об известном купце-

меценате украинского происхождения П. И. Харитоненко, Щербатов вспоминал эпизод, врезавшийся ему в память: «Из роскошной гостиной с золоченой мебелью обюссон, через залу, где на изысканном вечере на эстраде, убранной цветами, танцевала прима-балерина Гельцер, Харитоненко, по желанию моего отца, раз провел его и меня к своей матери, никогда не показывавшейся в обществе. Сморщенная старушка, в черном повойнике, живой портрет Федотова или Перова, пила чай за своим самоваром в довольно скромной спальне с киотом и портретом рослого крестьянина в длиннополом сюртуке, ее покойного мужа, умнейшего сахарозаводчика и филантропа, создавшего все состояние Харитоненков. Не забуду этого впечатления и контраста, меня поразившего. В этом была Москва и два исторических момента ее жизни, две эпохи. Многие болезненное, несуразное, сумбурное, но любопытное и значительное объясняется этим контрастом, этим переломом, не органическим, но молниеносно быстрым, чреватый большими опасностями от перехода от одной установки жизни к другой. Новое поколение передового купечества вливалось в общественную жизнь, отрываясь от старого быта и традиций в погоне за культурой Запада, с подчас искренним стремлением к новейшим ее достижениям».^[62]

Купечество всё в большей мере теряло прежний облик, свои корни и нравственные ориентиры, но пока еще держалось на прочном хребте отцов — представителей того поколения, к которому принадлежал Тимофей Саввич. Минет малая толика времени, отцы уйдут в мир иной, и из среды их детей появятся Егоры Булычовы...

Глава вторая

«Умнейший из купцов». Тайна личности Саввы Морозова

Художник, намереваясь написать портрет, первым делом намечает лицо модели, контуры ее фигуры. И только после этого принимается проявлять на полотне ее внутренний мир — через позу, мимику, жестикуляцию. Этот метод хорош не только в живописи, его удобно применять и при словесном портретировании. Прежде чем браться за краски и пытаться передать на холсте суть личности С. Т. Морозова, необходимо сделать карандашный набросок будущего портрета. То есть — описать его внешность. Ведь внешний облик есть продолжение облика внутреннего.

Савва Тимофеевич был некрасив. Говоря словами художника, князя С. А. Щербатова, «груб по внешности». ^[63] Однако общаясь с кем-либо, он мог проявить бездну обаяния. Современники Саввы Тимофеевича в один голос говорили, что это был человек невысокого роста, крепкого телосложения, склонный к полноте, но очень подвижный и энергичный, обладающий восточным типом внешности. На лице его, обрамленном короткой бородкой, красовались задорные молодецкие усы, в глазах читались ум, проницательность, житейская сметка. Наиболее полное описание облика Морозова дает писатель, крупный деятель революционного движения Александр Николаевич Серебров (настоящая фамилия — Тихонов): «Он был похож на татарина: круглая, с челкой на лбу, коротко остриженная сидящая голова, реденькая бородка, хитрые монгольские глазки с припухшими веками. Шея короткая с поперечными складками жира... Руки у него короткие, веснушчатые, жесты мелкие и неожиданные». ^[64] Те же черты подметил Максим Горький: «гладкая, коротко остриженная голова», «коренастый человек с лицом татарина»; ^[65] «среднего роста, плотный, с лицом благообразного татарина, с маленькими, невеселыми и умными глазами». Марк Александрович Алданов уточняет: «Морозов был по крови чисто русский, но вид у него в самом деле был скорее монгольский». ^[66]

Татарин... хитрый... невеселый...

Морозов обладал странной, избыточной подвижностью глаз и лицевых мускулов. Вот его описание, данное журналистом Н. О. Рокшаниным: «Небольшой, коренастый, плотно скроенный, подвижный, с быстро

бегающими и постоянно точно смеющимися глазами».^[67] К этому можно добавить свидетельство одного из деловых партнеров Морозова, купца Николая Александровича Варенцова: «Лицо Саввы Тимофеевича в памяти моей не запечатлелось, осталось лишь одно воспоминание какого-то странного подергивания мускулов лица... Чем можно это объяснить — не знаю. Думаю: не с детства ли усвоенная плохая привычка».^[68]

Будучи крупным, полным, Морозов, однако, не воспринимался как человек грузный. Этому способствовали легкость в движениях и видимая эмоциональность Саввы Тимофеевича. По словам А. Н. Сереброва, Морозов «говорил... отрывистой скороговоркой, слегка захлебываясь словами... Смеялся он залиvisto и по-детски — до слез». Это подтверждает Владимир Иванович Немирович-Данченко: «Шаги некрупные и неслышные, точно всегда без каблуков... Голос резкий, легко смеется, привычка все время перебивать свои фразы вопросом: «так?» «Сейчас вхожу в вестибюль театра... так?.. Навстречу идет наш инспектор... так?..».^[69] О том же пишет Алексей Леонидович Желябужский, племянник по мужу актрисы Московского Художественного театра Марии Федоровны Андреевой. Желябужский, часто наблюдавший Морозова в гостях у Марии Федоровны, отмечал: «В нем была какая-то совершенно не вязавшаяся с его ультракупеческой внешностью непосредственность. Небольшого роста, весь какой-то одутловатый, цвет скуластого лица нездорового багрового оттенка, глазки маленькие, заплывшие, жесткая щетинистая бородка и такие же коротко подстриженные усы — неказист на редкость, а смех по-детски непосредственный, залиvistый».^[70]

Из Саввы Тимофеевича словно рвалась наружу скованная энергия. И прорывалась — то в смехе, то в скорых движениях.

Внешность Морозова, как можно убедиться, описывали часто и со вкусом. Эта яркая личность приковывала к себе внимание современников. Савва Тимофеевич был постоянно на виду — то чудачествами своими, то анекдотическими рассказами, а то серьезными, масштабными делами. Он — сын предпринимателя и сам видный представитель торгово-промышленного мира. Крупный общественный деятель, выражавший чаяния значительных групп купечества. Меценат, о пожертвованиях которого по городу ходили легенды. Смутьян, сторонник радикальных взглядов на общественное устройство. Честолюбец, чье имя нередко мелькало в газетах. Одним словом — человек в высшей степени

публичный. Да и в наше время эта фигура вызывает стабильный интерес: ему посвящаются телепередачи, статьи, книги научного и научнопопулярного характера.

Но вот какой парадокс: писали о нем чрезвычайно много, однако никогда, ни единого раза, не давали сколько-нибудь полного очерка о его личности. Публичность создает эффект кажущейся простоты. Вот и получается: вместо цельного характера — тут эпизод, там жест, здесь острое словцо... Одним словом, калейдоскоп, множество блёстких мелочей — и никакого единства. Морозов как будто рассыпается на сотню ярких стекляшек из разбитого калейдоскопа. Словно каждому собеседнику, наблюдателю, знакомому он представлялся тем, что тот хотел видеть, и даже одаривал пестрыми, запоминающимися ярлычками собственной личности, но вглубь, кажется, никого не пускал. Так и остался в памяти современников коллекцией забавных ярлычков, порой противоречащих один другому. А то, что было внутри, то, что двигало личностью Морозова, быть может, имело мощь страшную и трагическую, но крайне редко выходило наружу. Савва Тимофеевич позаботился о том, чтобы никто не понимал его мотивов и действий до конца, чтобы никто не сумел расшифровать тот холодноватый ребус, который представляла собой его личность.

На публике С. Т. Морозов сознательно играл разные роли, соответствовавшие моменту, использовал приличествующую случаю тактику поведения. Александр Николаевич Серебров, находившийся с Морозовым в приятельских отношениях, наблюдавший его в самой разной обстановке и к тому же от природы наделенный редкой проницательностью, отмечал: «Я смотрел на него и удивлялся его способности к перевоплощениям: чудаковатый купец у себя на Спиридоньевке, министр — в конторе, лирический рассказчик в лесу; здесь, на фабрике, он в своей засаленной куртке, картузе и охотничьих сапогах был похож на энтузиаста-изобретателя из слесарей. Руки в смазочном масле, глаза жмурились от удовольствия, монгольские скулы лоснились от пота».^[71]

Савва Тимофеевич менял личины таким образом, чтобы они точно соответствовали окружавшей его обстановке. Крупный литератор Марк Александрович Алданов писал: Морозов «позавтракал в одной из столовых с главными служащими... Он все время чувствовал... точно *играет*, почти так же похоже, как Станиславский играл доктора Штокмана или Москвин царя Федора Иоанновича... Морозов... вспомнил, что по делу надо побывать у очень высокопоставленного лица... С ним, как, впрочем, и со

многими высокопоставленными людьми, Морозов говорил опять по другому: старым, делано-купеческим языком, с обилием «слово-ериков», — ни один богатый купец в Москве давно так не говорил». Таким же «купеческим» языком Савва Тимофеевич нередко говорил с новыми знакомыми, а также с теми, кому не слишком доверял; при этом он мог вполне успешно притворяться человеком простым и необразованным. Известный прозаик и публицист Александр Валентинович Амфитеатров отмечал: «Пред людьми, которых он не совсем раскусил и потому не очень-то им верил, Савва любил прикидываться простаком и иногда шутовал в этом направлении столь искусно, что совсем одурачивал актерскими шалостями своими даже и весьма неглупых, и не лишенных житейского опыта, людей».^[72] По словам журналиста Н. О. Рокшанина, спектр образов, примеряемых на себя Морозовым, был чрезвычайно широк: «то «рубаша-парень», способный даже на шалость, то осторожный, деловитый коммерсант-политик «себе на уме», который линию свою твердо знает и из нормы не выйдет — ни Боже мой!».

Этот человек — мастер масок. Он придумывал их необыкновенно быстро, с поразительной силой интуиции, скоро менял и всякий раз расставался с очередной маской без сожалений. Ни к одной из своих масок он не прирос. А за масками оставалась хорошо замороженная тьма, в которой изредка появлялись костерки, гуляли редкие пятна света и еще того более редкие сгустки тепла. Показать такое даже очень близким людям чрезвычайно трудно. Может быть, и хорошо, что Морозов за своими многочисленными масками так и остался неузнанным. Кое-что проницательные люди умели заметить. Однако сумма личности его осталась неразгаданной.

Те, кто писали о Морозове, рассказывали главным образом о его деятельности — революционной, меценатской, предпринимательской. Деятельность его — да, на свету. А сам он до сих пор не вышел из тени.

Характеризуя С. Т. Морозова, его современники в один голос утверждали: это был человек большого ума. Человек удивительно тонкий, думающий, по словам князя С. А. Щербатова, — «умнейший из купцов». И к тому же — блестяще образованный. Щербатов писал: «Грубый по внешности, приземистый, коренастый, с лицом типичного калмыка, Морозов поражал меня блеском ума и богатством заложенных в нем возможностей. Наизусть он цитировал целые страницы поэтов, обожал театр и щедрой рукой сыпал деньги на устройство нового первоклассного Художественного театра, которым славилась Москва». Энциклопедические

познания Морозова отмечал и Горький: «Меня поразила широта интересов этого человека, и я очень позавидовал обилию его знаний». Исчерпывающую характеристику Морозова дал публицист А. В. Амфитеатров: «Он был из числа самых интересных людей, которых я знал на своем веку: огромный ум, сильный характер, глубокая натура».^[73]

Морозов был из тех людей, которые жадны до новой информации. Пожалуй, приобретение этой информации, этих знаний доставляло ему гораздо большее удовольствие, нежели обладание солидными материальными ценностями. Купец и общественный деятель П. А. Бурыйшкин писал: «Савва Тимофеевич был человек разносторонний и многим интересовался».^[74] Актер Московского Художественного театра Л. М. Леонидов характеризовал купца всего тремя ключевыми словами: «Ищущий, пытливый, спрашивающий».^[75] Полученного в молодые годы образования Морозову было мало. Он постоянно занимался самообразованием, следил за новейшими изысканиями ученых, жадно глотал специальную литературу. Максим Горький в очерке «Савва Морозов» вспоминал: «Он увлеченно познакомил меня с теорией диссоциации материи, от него я впервые услышал об опытах Ле-Бона, Резерфорда, о интрамолекулярной энергии — всё это тогда было новинкой не для меня одного».

Интересы Морозова были весьма широки — ведь широк был и диапазон дел, за которые он брался. Так, химик, известный прозаик и публицист М. А. Алданов писал: «Об архитектуре и мебели он немало прочел или просмотрел, когда строил свой дом». Точно так же, по книгам и разговорам со знающими людьми, Морозов знакомился с другими волнующими его темами. Наряду с естественно-научными дисциплинами Савву Тимофеевича живо интересовала художественная словесность. Морозов с упоением читал прозу, поэзию, публицистику, любил рассуждать о прочитанном. «Он внимательно следил за литературой и не смотрел на книгу как на источник тем для «умного разговора». Его суждения о литературе не отличались оригинальностью, но в них всегда было что-то верное».^[76] Максим Горький приводит рассуждения Морозова о творчестве Александра Сергеевича Пушкина: «Пушкин — мировой гений, я не знаю поэта, равного ему по широте и разнообразию творчества. Он, точно волшебник, сразу сделал русскую литературу европейской, воздвиг ее, как сказочный дворец. Достоевский, Толстой — чисто русские гении и едва ли когда-нибудь будут поняты за пределами России. Они утверждают мнение Европы о своеобразии русской «души», — дорого стоит нам и еще дороже

будет стоять это «своеобразие»! Знай Европа гений Пушкина, мы показались бы ей не такими мечтателями и дикарями, как она привыкла видеть нас».

Морозов обладал не только обширными познаниями в самых разных областях, но и хорошо развитым эстетическим вкусом. Константин Сергеевич Станиславский, один из основателей Московского Художественного театра, писал, что Морозов был «в душе артистом», и добавлял: он «выказал много вкуса и понимания в области литературы и художественного творчества актеров». А другой основатель театра, В. И. Немирович-Данченко, хотя и поссорился с Морозовым из-за разницы в художественных предпочтениях, констатировал: он «...знал вкус и цену «простоте», которая дороже роскоши». Художественное чутье Саввы Тимофеевича проявилось при отделке помещений театра в Камергерском переулке, которой руководил сам купец: «В отделке театра не было допущено ни одного яркого или золотого пятна, чтобы без нужды не утомлять глаз зрителей и приберечь эффект ярких красок исключительно для декораций и обстановки сцены». Это подтверждает в воспоминаниях А. Н. Серебров: «Он красил с увлечением. Опустив правило, отступал назад и, наклонив голову набок, прищурившись, любовался своей работой, как художник удачным мазком на картине... Закончив свою линию, Морозов вытер об халат грязные руки и внимательно оглядел потолок.

— Белое с серебром изящнее, чем с золотом, не правда ли? Золото кричит... В театре должны быть спокойные краски, чтоб ничто не отвлекало зрителей от сцены».

Обильные познания Саввы Тимофеевича сочетались с прекрасной памятью. А. Н. Серебров писал о Морозове: «Иногда — от вина и усталости — он впадал в состояние разнеженности и тогда декламировал стихи: по-русски — Пушкина, по-английски — Броунинга». Это подтверждал и М. А. Алданов: «...он много читал и знал наизусть «Евгения Онегина». О том же рассказывал Горький: «Я был тронут его восторженной оценкой Пушкина, он знал на память множество его стихов и говорил о нем с гордостью... Мы сидели на диване в маленькой комнате; вспыхивала и гасла электрическая лампочка. В окно торкалась вьюга, в белых вихрях ее тревожно махали черные ветви сада, отбиваясь от полетов метели. Вздвигивал ветер, что-то скрипело и шаркало о стену, — коренастый человек увлеченно говорил о новых течениях русской поэзии, цитировал стихи Бальмонта, Брюсова и снова восхищался мудрой ясностью стихов Пушкина, декламируя целые главы из «Онегина». Купеческая дочь М. А. Гарелина, урожденная Крестовникова, с которой Савва Тимофеевич

общался в юные годы, однажды спросила его, как он может помнить столько стихов; тот ответил: «Мне стоит два-три раза прочесть, что мне особенно приятно, и я запоминаю».^[77] Великолепная память позволяла Морозову охватывать проблему в целом, держать в голове не только ее состояние на данный момент времени, но также истоки ее зарождения и целый спектр возможных последствий.

Иными словами, Морозов умел и любил мыслить масштабно. Он нередко высказывал на публике парадоксальные, даже крамольные мысли, сформулировать которые решался далеко не каждый. Эта прямота многих восхищала в нем. При всей необычности решений, при всей задиристости формулировок морозовские мнения нередко в гораздо большей степени отвечали практическому состоянию дел, нежели более «аккуратные» высказывания его оппонентов. Человек этот возбуждал искреннее любопытство даже со стороны недоброжелателей. От Морозова ждали мыслей пусть и радикальных по форме, но исполненных глубокого ума по содержанию.

Умение Саввы Тимофеевича решать практические вопросы ничуть не уступало ни по масштабу, ни по широте охвата его теоретическим познаниям. В. И. Немирович-Данченко отмечал: «К нему очень подходило выражение «купеческая сметка». Занимаясь тем или иным делом, Савва Тимофеевич старался узнать о нем всё, вплоть до мелочей. Поражает размах его участия в решении самых разных вопросов.

Будучи одним из директоров крупной фирмы, Савва Тимофеевич не ограничивался своими непосредственными обязанностями. Он любил сам вникать в мельчайшие производственные вопросы. А. Н. Серебров, посещавший морозовскую фабрику в сопровождении ее хозяина, писал: «Морозов провел меня по всем четырем этажам этого механизированного ада. И чем выше мы поднимались, тем нестерпимей становился стук, пуще пыль, сильнее тряска... Морозову все это было нипочем. Возбужденный, суетливый, он бегал вприпрыжку с этажа на этаж, пробовал прочность пряжи, засовывал руку в самую гущу шестеренок и вынимал ее оттуда невредимой, учил подростков, как надо присучивать оборвавшуюся нитку. Он знал здесь каждый винтик, каждое движение рычагов». Трудно сказать, насколько глубоко Морозов вникал в рабочие вопросы на различных уровнях производства. По словам М. А. Алданова, «он знал свое дело для владельца хорошо. Говорил, что «знает у себя каждый винт». Это было очень преувеличено; инженеры порою чуть улыбались, когда он спорил с ними о технических делах. Но названия машин и их назначение действительно были ему известны». Возможно, Алданов воспринимал

общение Морозова с инженерами достаточно поверхностно, как человек, далекий от промышленного производства.

По свидетельству видного инженера, «помощника управляющего крупнейшего в то время в России электрического общества» Леонида Борисовича Красина, Савва Тимофеевич пристально следил за новинками заграничной техники и о некоторых из них знал едва ли не лучше своих инженеров. Леонид Борисович, революционер с большим стажем, руководивший строительством «морозовской» электростанции, отзывался о Савве Тимофеевиче иронично. В то же время о его технических познаниях писал с уважением: «Морозов был человек, сильно увлекавшийся техникой, и мечтал поставить свои собственные фабрики на возможно большую техническую высоту... Савва Морозов... задумал строить торфяную электрическую станцию турбинного типа, причем на этой станции была установлена, если не ошибаюсь, первая и единственная в то время в России паровая турбина швейцарской фирмы «Броун Бовери». Орехово-зуевские матерые техники, среди которых были очень толковые и опытные, но несколько старозаветные люди, рассматривали затею Саввы в значительной степени как блажь богатого хозяина, который бесится с жиру. Разумеется, всякое приказание его выполнялось, но по разным отдельным замечаниям и даже по физиономиям своих механиков он видел, что в общем и целом его электрические начинания никакого особого одушевления у старых механиков не вызывают. Тем более оснований было положить всему этому конец, пригласивши для заведования станцией специалиста по постройке центральных станций в Бакинском районе, управляющего самым большим в то время предприятием по передаче электрической энергии».^[78] Савва Тимофеевич вложил немалые деньги в усовершенствование оборудования, что впоследствии окупилось сторицей.

То же стремление вникать в каждую мелочь, имеющую отношение к делу, проявлялось в Морозове, когда он был крупнейшим пайщиком Московского Художественного театра. Так, на строительстве нового здания для МХТ Морозов являлся не только спонсором, но и прорабом, и даже простым рабочим. «Лучше всех сказал о Морозове старый машинист сцены И. И. Титов:

— Пратектованный был человек Савва Тимофеевич! Во все вникал!»^[79]

Морозов как губка впитывал в себя самые разные знания, чтобы затем использовать их в жизни. Поэтому и духовный склад его напоминал сельский пруд с плотиной, до краев наполненный водой: пока вода знаний

продолжала поступать, в ней не оставалось места для душевной пустоты. А когда речка, несущая к плотине над прудом новые знания, новые навыки, новые устремления, мелела, в водоеме наступала великая сушь.

Ум у Морозова был глубокий, аналитический. Купец воспринимал окружающий мир как систему, как своего рода игровое поле с заранее заданными правилами. Взаимоотношения между людьми для него были сродни шахматной партии. Любимой задачей Морозова было — просчитывать в таких партиях ходы на много шагов вперед, уже в начале игры угадывать, чем она завершится. Умение решать подобные задачи Морозов ценил не только в себе, но и в окружающих. «Савва внимательно следил за работой Ленина, — писал Максим Горький, — читал его статьи и однажды забавно сказал о нем:

— Все его писания можно озаглавить: «Курс политического мордобоя» или «Философия и техника драки». Не знаешь — в шахматы играет он?

— Не знаю.

— Мыслит, как шахматист. В путанице социальных отношений разбирается так легко, как будто сам и создал ее». ^[80]

Савва Тимофеевич был прекрасным стратегом. Он хорошо разбирался в социальных вопросах, мог довольно точно просчитать исход той или иной сложной ситуации. Не зря Максим Горький в очерке «Леонид Красин» дает Морозову следующую характеристику: он «был исключительный человек по широте образования, по уму, *социальной прозорливости* (курсив мой. — А. Ф.)».

С. Т. Морозов смотрел на мир скептически, всегда памятуя о движущей им темной стороне. М. А. Алданов крайне осторожно говорит об этом свойстве Морозова, отмечая, что тот «не слишком верил в близость счастья на земле». Даже посреди всеобщего веселья, в праздничной атмосфере, трезвомыслие Морозова проявлялось в полную силу. Александр Серебров вспоминал: «Не столько от выпитого шампанского, сколько от всего, что вокруг меня происходило, я чувствовал, что жизнь невыразимо прекрасна. Стоя у буфета, я старался убедить в этом Морозова.

— Не пейте зельтерской... Будет тошнить! — сказал он сочувственно».

Савва Морозову было присуще настоящее чутье на людей: он видел их сильные и слабые стороны, ловко играл на их слабостях и потребностях, умел различить в человеке талант задолго до того, как он себя проявит. А. В. Амфитеатров говорил, что Морозов «тонко понимал людей и знал им цену». А Горький отмечал: «Он вообще очень верно оценивал людей... Вспоминая его предвидения событий и оценки людей, я убеждаюсь в дальнорзости его ума». Так, Савва Морозов не слишком высоко ценил

произведения малоизвестного нынче писателя Леонида Андреева, считая, что в его рассказах и повестях недостает глубины, что автор слишком стремится произвести внешний эффект: «С Леонидом... с Андреевым дружишь? — спросил Горький, заискивая.

— Гремит, как пузырь с горохом! — огрызнулся Савва». Зато «прочитав «Антоновские яблоки» Бунина, он один из первых оценил крепкий талант автора, с восторгом говоря:

— Этот будет классиком!»

Впрочем, оценки Морозова оставались верными до тех пор, пока ум его был холоден и отстранен. Как только Савва Тимофеевич увлекался, давал место страстям, слишком приближался к человеку, его поражала временная «слепота», — тем более неприятная, что после нее всегда наступал момент прозрения.

В лучшие минуты жизни Савва Тимофеевич Морозов мог выглядеть человеком общительным, этаким остроумным, веселым собутыльником. В действительности же он был личностью довольно замкнутой и ранимой. Его смешливость, умение «приятно» держаться в обществе нередко вводили в заблуждение. На самом деле они прятали под собою отчужденность, желание находиться в стороне от людей. Как пишет А. Л. Желябужский, это был «странный, по существу очень одинокий человек». Схожим наблюдением делится Александр Николаевич Серебров: «Савва был одиночкой, он жил в разладе с большинством своего класса, со своей средой... и даже с самим собой». Действительно, взаимоотношения Морозова с людьми вряд ли можно назвать простыми.

С. Т. Морозов был погружен в глубины своего богатого внутреннего мира, который он ревностно охранял от проникновений извне. Благодаря обширному полю деятельности у него был широкий круг общения, многие могли похвастаться приятельскими отношениями с Саввой Морозовым или, по крайней мере, тем, что богач бывает в их доме. Так, М. А. Алданов свидетельствует, что «посещение Морозова считалось в Москве большой честью». Но настоящих друзей у Саввы Тимофеевича было мало. С людьми он сближался редко и не торопясь. Не то чтобы люди были ему нелюбопытны — напротив, Савва Тимофеевич испытывал к окружающим живой интерес... как к предметам изучения. Наряду с химическими опытами или, скажем, сравнительными достоинствами литературных произведений.

Редкий человек мог оказаться близким ему по духу и сфокусировать на себе живое, нелицемерное внимание Морозова. Таких личностей Савва

Тимофеевич ценил, поскольку встречал их не часто. Максим Горький писал по этому поводу: «Он упорно искал людей, которые стремились так или иначе осмыслить жизнь, но, встречаясь и беседуя с ними, Савва не находил слов, чтоб понятно рассказать себя, и люди уходили от него, унося впечатление темной спутанности». За многочисленными масками люди не желали или не могли увидеть настоящего Морозова. А те, кто видел, не хотели принимать этого человека таким, каков он есть, со всеми его убеждениями, достоинствами и недостатками. Поэтому в общении Савва Тимофеевич всегда был настороже и мгновенно отталкивал от себя того, кто непрошеным гостем пытался проникнуть слишком глубоко в его внутренний мир, перевернуть там все с ног на голову ради одного: чтобы подчинить Морозова себе, своим идеям. Горький в письме А. Н. Сереброву говорит об одном из крупных писателей, о том, что Савва Тимофеевич его «определенно не любил, фактически отталкивался от него», и добавляет: «это характерно для Саввы». А Марк Алданов писал об этом человеке: «Морозов вообще очень плохо верил людям».

Савва Тимофеевич очень не любил выставлять напоказ свои истинные — особенно положительные — эмоции. Он воспринимал подобную открытость как проявление слабости перед чужаками, как добровольное обнажение уязвимого места. Морозов словно боялся обжечься о насмешку того, кто находился рядом с ним, и угадывал его слабые стороны. При общении с людьми посторонними и не вызывавшими доверия Морозов неизменно «закрывался».

Стремление во что бы то ни стало сохранить дистанцию между собой и окружающими являлось одним из мощнейших стимулов, толкавших Морозова на те или иные поступки. Достигалась эта цель разными средствами. Иной раз — при помощи общественного положения: Морозов прекрасно играл роль хозяина, распорядителя судеб, того, кто обладает не подвергающейся сомнению силой. В этом амплуа представал он перед рабочими, просителями, иногда даже перед купеческой братией. Не зря Горький отмечал: «Дважды мелькнув передо мною, татарское лицо Морозова вызвало у меня противоречивое впечатление: черты лица казались мягкими, намекали на добродушие, но в звонком голосе и остром взгляде пронизательных глаз чувствовалось пренебрежение к людям и привычка властно командовать ими».^[81]

Если Морозов не хотел иметь дело с человеком равным или выше себя по статусу, либо же просто неприятным, он обдавал собеседника холодом. Обычно это делалось в предельно вежливой форме. Ему странным образом удавалось «вымораживать» значительные куски пространства вокруг себя,

разделять окружающую его аудиторию на согласных с его позицией и несогласных (причем последние нередко составляли подавляющее большинство). Прекрасный пример приводит Максим Горький в самом начале очерка «Савва Морозов». В 1896 году в Нижнем Новгороде «...на заседании одной из секций Всероссийского торгово-промышленного съезда обсуждались вопросы таможенной политики. Встал, возражая кому-то, Дмитрий Иванович Менделеев и, тряхнув львиной головою, раздраженно заявил, что с его взглядами был солидарен сам Александр III. Слова знаменитого химика вызвали смущенное молчание. Но вот из рядов лысин и седин вынырнула круглая, гладко остриженная голова, выпрямился коренастый человек с лицом татарина и, поблескивая острыми глазками, звонко, отчетливо, с ядовитой вежливостью сказал, что выводы ученого, подкрепляемые именем царя, не только теряют свою убедительность, но и вообще компрометируют науку. В то время это были слова дерзкие. Человек произнес их, сел, и от него во все стороны зала разлилась, одобрительно и протестующе, волна негромких ворчливых возгласов. Я спросил: «Кто это?» — «Савва Морозов».

Любых проявлений фамильярности и пошлости, любых попыток собеседника навязать свое мнение Морозов органически не переносил. Как только собеседник становился слишком настырным и проявлял непонятливость или же заводил пустую беседу, заставляя Морозова жалеть о напрасной трате времени, Савва Тимофеевич становился угрюм, резок и забывал о вежливости. Вообще, в восприятии Морозова существовала некая невидимая, но весьма определенная внутренняя черта, делившая действия окружающих на «нормально» и «слишком». Слишком громко, слишком глупо, слишком долго, слишком жадно... Тот, кто переступал эту черту, рисковал нарваться на резкий отпор. В частности, это следовало учитывать тем, кто приходил к Морозову за субсидиями. «Если у него просили чересчур много, в нем пробуждались наследственные инстинкты дельца; его быстрые, бегающие и при этом многое замечающие глаза останавливались, он становился очень нелюбезен, даже иногда грубоват».

[\[82\]](#)

Зато тем немногим, кого Морозов приближал к себе, кто не делал попыток его завоевать, он доверял всецело. По крайней мере — до тех пор, пока они оправдывали это доверие. Увлечшись кем-либо, Савва Тимофеевич, по словам Владимира Ивановича Немировича-Данченко, «отдавал свою сильную волю в полное распоряжение того, кем он был увлечен; когда говорил, то его быстрые глаза точно искали одобрения, сверкали беспощадностью, сознанием капиталистической мощи и

влюбленным желанием угодить предмету его настоящего увлечения». Только рядом с теми, кому Савва Тимофеевич доверял, он позволял себе быть самим собою — тем «живым, добродушным молодым человеком»,^[83] каким его запомнил граф Дмитрий Адамович Олсуфьев. Свидетельство графа особенно ценно: одноклассник С. Т. Морозова, он подружился с Саввой Тимофеевичем на первом году обучения в университете, когда личность С. Т. Морозова еще не обросла слоями защитных оболочек. Только с очень близкими людьми, которых он особенно любил и ценил, Савва Тимофеевич был по-настоящему весел и раскрепощен, отпускал бесконечные шутки, а время от времени, отдыхая от личины делового человека, даже устраивал шалости. В их присутствии Морозов мог доходить до предельной искренности, с жертвенной готовностью обнажая душу. Мария Федоровна Андреева, на протяжении нескольких лет являвшаяся, наверное, самым близким Морозову человеком, отмечала эту черту: «Как все очень богатые люди, он был крайне недоверчив, подозрителен, туго сходился с людьми, но, раз поверив, отдавался всей душой и сторицей вознаграждал своим отношением за всякое малое доброе, сделанное ему».^[84]

Рядом же с предметом настоящего увлечения Морозов буквально расцветал, сверкал всеми цветами своей талантливой личности, щедро одаривал всем жаром, какой только могла вырабатывать его скупая на теплоту душа... Впрочем, настоящих, сильных и — к тому же — взаимных увлечений в жизни Саввы Морозова было немного. Очень уж крупнокачественным было то сито, через которое он «просеивал» людей, прежде чем допустить их сколько-нибудь близко к собственной персоне.

Мало кому удавалось постигнуть характер Саввы Тимофеевича. Отчасти в силу его замкнутости, отчасти — благодаря тем маскам, которые он менял не задумываясь. Под ними лишь с огромным трудом можно было различить его собственную личность. Так, Марк Алданов о Морозове писал: «Сердцеведы недоброжелательно говорили, что он в делах готов раздавить человека, называли его глаза «хищническими» и «безжалостными», приписывали ему разные изречения, подходившие Сесилию Родсу или commodору Вандербильту».^[85] Но Савва Морозов отнюдь не был человеком жестоким, готовым пойти на всё ради наживы. Скорее, сторонние люди часто наблюдали одну из его масок — ту, которую Морозов с большим старанием силился прирастить к своему лицу и которую часто принимали за действительный душевный облик купца.

Актриса МХТ Мария Федоровна Андреева в записях 1915 или 1916

года называла Морозова одним из благороднейших людей, встретившихся ей в жизни, и добавляла: «Трудно представить себе, не зная его, как этот миллионщик и прославленный самодур был застенчив, скромен, как мало ему нужно было для того, чтобы считать себя обязанным каждому, выказывавшему хоть немного искреннего и неподкупного внимания ему». От природы характер Морозова был мягким, а самого его можно назвать человеком незлым, скорее даже добрым или, по словам Д. А. Олсуфьева, — добродушным. Антон Павлович Чехов в одном из писем, характеризую пермского (Н. В. Мешкова) и московского (Морозова) миллионеров, писал: «Мешков хороший, добрый парень, Савва тоже». Добродушие Морозова подчеркивает в воспоминаниях и Константин Сергеевич Станиславский: Морозов «согрел нас теплотой своего отзывчивого сердца и ободрил энергией своей жизнерадостной натуры».

Добродушие Морозова шло рука об руку с личной порядочностью купца. Так, Станиславский в письме Немировичу-Данченко заявлял: «В порядочность же Морозова я слепо верю. Я ему верю настолько, что никаких письменных условий заключать с ним не хочу». Савва Тимофеевич честно выполнял все взятые на себя обязательства. Так, во время Нижегородской выставки 1896 года один из ее устроителей, общественный деятель, капитан 2-го ранга Михаил Ильич Кази, обращаясь к Морозову, произнес прочувствованную речь, в которой советовал Морозову не обольщаться благами мира сего и не занижать поставленную им для себя высокую планку. После окончания речи Морозов «...успел шепнуть Михаилу Ильичу какое-то такое обещание насчет школ технического образования, которые были излюбленной мечтой Кази, что старый энтузиаст расцвел розой. Он всегда так расцветал, когда встречал хорошего человека и хорошее человеческое дело».^[86] Действительно, очень скоро, во время той же выставки, Савва Тимофеевич исполнил свое обещание, собрав с ярмарочного купечества «капитал в четверть миллиона рублей» на устройство бумагопрядильных школ.

При всем добродушии, при всей порядочности Морозова, недоверие к людям принуждало его выставлять свой нрав более жестким, нежели он на самом деле являлся. Присущая Савве Тимофеевичу ранимость заставляла его скрывать мягкое «нутро», уводя из-под возможных ударов. А для этого как нельзя лучше годилась твердая, жесткая оболочка. Ее очень хорошо описал Немирович-Данченко: Морозов «...не преувеличивал, говоря о себе: «Если кто станет на моей дороге, перееду не моргнув». Владимир Иванович сам «купился» на предложенную Саввой Тимофеевичем уловку. В отличие от него Марк Алданов сумел увидеть кусочек души Морозова.

Литератор отмечал: «В действительности, он никого не «давил», был в делах честен и никак не безжалостен. Напротив, был скорее добр, хотя и не любил людей, даже тех, кому щедро помогал».

Савва Тимофеевич постоянно рефлексировал, старался осознать свое место в мире и как можно лучше сыграть предназначенную ему жизненную роль. «Душой всегда, хоть не так уж напряженно, искал добра и смысла», — писал Марк Алданов. По словам А. Л. Желябужского, Морозов был «...вечно мучим сложнейшими противоречиями не только мировоззренческого, но и личного характера».^[87]

Увлекаясь каким-либо делом или человеком, он мог на время оставить в стороне свои искания, но потом вновь и вновь возвращался к ним мыслями. В Морозове говорила, если можно так выразиться, социальная совесть. Он осознавал, что богатство — это инструмент, которым надо пользоваться по назначению, и пытался это назначение осуществить. Он заботился о нуждах своих рабочих, старался обеспечить им лучшие условия существования, нежели на других фабриках схожего профиля.

Морозов понимал: как человек очень богатый, имеющий связи в обществе, он может кое-что изменить в течении русской жизни — и, действительно, старался по мере сил продвигать необходимые, с его точки зрения, преобразования. В то же время наступали периоды, когда он старался отделаться от обостренного чувства внутреннего долга, поступал наперекор своей совести и от этого порою жестоко страдал. «Ему было совестно и перед прислугой, как перед рабочими и служащими на заводах. Но он сам себе отвечал, что с такими упреками совести можно спокойно прожить долгую жизнь».

На протяжении многих лет Морозов постоянно помогал людям. Не только деньгами: как никто другой, он умел устраивать чужие дела. Так, по свидетельству М. А. Крестовниковой, «в первый раз Савва проявил свои чисто дипломатические способности», когда завязался роман между его красавицей-сестрой, Юлией Тимофеевной Морозовой, и Григорием Александровичем Крестовниковым. Это случилось в конце 1870-х годов. Савва Тимофеевич, которому в тот момент было около шестнадцати лет, старательно оберегал старшую сестру от козней недоброжелателей, которые пытались развести эту пару. Кроме того, «он в это время стал поверенным Юлии и ее помощником в ее отношениях к Грише. Весьма чуткий и понятливый, он угадывал всякий ее взгляд. Устраивал, чтобы они оставались одни. Занимал лишних гостей. Отвлекал на себя внимание

других, когда видел, что они уж слишком увлеклись друг другом».^[88]

С тех пор прошло много лет, но Савва Тимофеевич всё так же охотно помогал устраивать дела — не только родственникам, но также людям малознакомым, а то и вовсе чужим. Так, Н. А. Варенцов приводит в воспоминаниях занятный эпизод, случившийся на Нижегородской ярмарке и рассказанный ему самим Морозовым. Савве Тимофеевичу, как «... председателю ярмарочного комитета, полагалась бесплатная казенная квартира в Главном доме на ярмарочное время... Для услуг при казенной квартире имелся у него мальчик-«казачок». Однажды поздно вечером, придя к себе спать, Савва Тимофеевич отпустил мальчика спать, а сам засел читать корреспонденцию... Было поздно, в передней раздался звонок, потом второй, третий. Он встал, чтобы разбудить мальчика, но мальчик так крепко спал, что разбудить его не удалось, тогда он пошел сам отворить дверь. Перед ним стояла дама, изящно одетая, под вуалью, и говорит: «Савва Тимофеевич! Простите меня великодушно, что я побеспокоила вас в такое позднее время, разрешите поговорить с вами о важном для меня деле. Я с вами знакома», — и поднимает вуаль. Савва Тимофеевич узнал ее: встречался с ней у своих знакомых.

«Пожалуйста, войдите — я к вашим услугам!» — «Со мной произошел, — начала она, — странный и неприятный случай: идя около пассажа, почувствовала себя дурно, прислонилась к стене из-за боязни упасть; в это время проходит мимо меня какой-то негр, но весьма приличного вида, видя мое такое состояние, предлагает мне руку и ведет к витрине, где продается вода; я выпиваю стакан воды и теряю сознание... Какой же был мой ужас, когда я пришла в себя: лежу на кровати, в незнакомой мне комнате, и здесь же находится негр, помогавший мне во время моего головокружения. Я начала кричать, плакать. Является прислуга, потом полиция, составляют протокол. После чего я узнала, что это араб-артист из какого-то кафешантана, я тоже принуждена была сказать, кто я. Представьте же мое положение: муж — известное лицо в здешнем обществе, у нас дети... я опозорена! — и начала плакать. — Обращаюсь к вам, зная ваше хорошее отношение к губернатору Баранову, с просьбой переговорить с ним об уничтожении протокола. Вы этим спасете мою жизнь и снимете невольный позор с меня и с моей семьи».

«Я дал ей слово обязательно переговорить с Барановым — завтра же утром. Она с благодарностью ушла. Мне перед ее приходом хотелось спать, но это приключение с дамой меня взволновало, и я опять сел за стол, думая, какие в жизни бывают случаи! Слышу опять звонок в передней, решил, что, по всей вероятности, дама вздумала мне еще что-нибудь

добавить. Опять пошел отворять дверь и увидел даму под вуалью, но уже другую». Одна за другой к Морозову пришли еще две дамы, изложившие такую же просьбу, как и первая: уничтожить протокол допроса. Как позже выяснилось, виной случившемуся был купец, который, хорошенько выпив с приятелем, неожиданно пропал из города. В поисках загулявшего коммерсанта полиция начала обыски «секретных номеров» в гостиницах, где и обнаружила упомянутых дам. Савва Тимофеевич всем трем пришедшим к нему женщинам дал обещание уничтожить протокол — и выполнил его на следующий же день, переговорив с нижегородским генерал-губернатором Н. М. Барановым.

Савва Тимофеевич любил и умел поддерживать тех, кто был стеснен в средствах и в ком он прозревал талант. Так, один из учеников драматической школы при МХТ — Николай Афанасьевич Подгорный — получал стипендию от С. Т. Морозова,^[89] впоследствии он стал крупнейшим актером театра и кино, заслуженным деятелем искусств РСФСР.

Александр Валентинович Амфитеатров за границей написал мемуарные заметки. Вспоминая в них Морозова, автор отмечал, что, оказывая помощь, Савва Тимофеевич действовал бескорыстно: «Однажды в Петербурге он оказал мне величайшую услугу в одну из самых трудных и мучительных минут моей жизни. И с такою простотою, точно сделал самое обыкновенное дело, а не вынул постороннего ему и почти чужого человека только что не из петли».^[90]

За свою жизнь Морозов помог многим. Кого-то пристраивал работать к себе на фабрику или в имение, кто-то получал от него добрые советы и рекомендации, за кого-то он мог замолвить словечко перед сильными мира сего. Но все-таки основной поддержкой, которую испрашивали у Морозова, была материальная помощь. Савва Тимофеевич иной раз бывал по-королевски щедр. Но оказывал благоволение не всем. Только тем, кто, с его точки зрения, заслуживал этого: Морозова восхищали люди сильные духом, целеустремленные, волевые. Отмечал Морозов и людей другого склада — тех, кто не заискивал перед его богатством. Ведь, говоря словами А. В. Амфитеатрова, «немного людей в России слышали столько лести, как Савва Морозов в... дни своего «политического успеха». Марк Алданов писал: «По своей работе он постоянно встречал и людей первого сорта. Эти перед ним не лебезили и на нем не наживались; разве только, когда отдавали ему свой труд, то получали несколько больше, чем их труд стоил. Впрочем, при всей своей щедрости, он бывал требователен и слишком уж

переплачивать не любил».

От природы этому замкнутому человеку была предуготована роль наблюдателя, созерцающего реку жизни и встречающихся ему на пути людей, неспешно ведущего хронику памяти. Даже за собой, за своими поступками он наблюдал отстраненно, со сдержанным любопытством — как за действиями другого человека. Владимир Иванович Немирович-Данченко, говоря о купце, отмечал: «Голова его всегда была занята какими-то математическими и... психологическими расчетами».

Если бы его старший брат возглавил семейное дело и Савва Тимофеевич мог в полной мере распоряжаться своей жизнью — что ж, возможно, из него вышел бы неплохой ученый. Однако происхождение навязало ему иную роль — роль предпринимателя.

Савве Тимофеевичу удалось переломить собственную природу: в ходе многолетней, тяжелой, кропотливой работы над собой он заглушил созерцательность натуры и вырастил в себе практичного дельца. И даже, преодолев природную замкнутость, научился быть душой компании. Во всяком случае, играть данную роль в тех случаях, когда это приносило пользу делу. Тогда усилием воли он оставлял наблюдательный пост и выходил «наружу», во внешний мир. Однако внутренний наблюдатель никуда не исчезал. Даже и в зрелом возрасте Морозов существовал как бы внутри своей головы: для него собственные мысли и переживания были важнее любых событий, происходящих вовне. Подмечая, сравнивая, анализируя, Морозов приходил к определенным выводам, — и только после этого начинал говорить или действовать. «Бегающие глаза стараются быстро поймать вашу мысль и быстро сообразить. Но высказываться не торопится: выигрывает тот, кто умеет выждать».^[91]

Умение выждать было одной из особенностей характера Саввы Тимофеевича. Оно проявлялось не только в словах, но прежде всего — в поступках. Глубокий аналитический ум, склонность проникать в суть проблемы, умение строить долгосрочные прогнозы — всё это заставляло Морозова не торопиться в действиях, выжидать благоприятный момент, отказываться от тех дел, в благополучном исходе которых он сомневался. Савва Тимофеевич предпочитал действовать наверняка. Не в его обычае было тратить понапрасну собственное время, силы и деньги.

В начале 1890-х годов Савва Тимофеевич изъявил «намерение заняться общественными делами и занять подобающее положение среди купечества». Купец Н. А. Варенцов приводит следующий эпизод: «Группа лиц, организовавшая Среднеазиатскую выставку, при выборе членов

комитета выставки выдвинула его в члены, и он был выбран единогласно... В то время значительная часть купечества относилась отрицательно к этой выставке и ожидала полного провала ее. Савва Тимофеевич принял с охотой эту обязанность, но ни разу не посетил заседаний комитета во время ее организационных работ, то есть в то время, когда он всего больше мог бы принести пользы для дела. Посещение же им комитета началось только... когда успех выставки был несомненен — после принятия звания почетного председателя выставки великим князем Сергеем Александровичем».^[92]

В то время многие крупные предприниматели безвозмездно занимались общественной деятельностью, жертвуя на нее собственное время, силы и деньги. Если русский коммерсант участвовал в работе органов городского управления, брался за организацию выставки или, наряду с ведением дел собственной фирмы, включался в заседания банковского правления, «пробивал» в правительстве выгодные для предпринимательской братии законы, он «пахал» по полной программе: «взялся за гуж, не говори, что не дюж». Тут никто не гнался за славой: единственной платой за деятельность на благо общества служили добрая слава и почет. Ясно, что поведение Морозова противоречило норме, существовавшей в купеческой среде того времени. Оно могло расцениваться как ненадежность и даже как трусость, давало коллегам-предпринимателям повод упрекать Савву Тимофеевича в чрезмерном осторожничанье и великой гордыне.

Как уже отмечалось, Савва Тимофеевич умел проникать в суть проблемы и предугадывать конечный результат, обладал редкой способностью видеть людей «насквозь». Морозов гордился силой собственного ума. В голове его бурлило честолюбивое осознание своего интеллектуального превосходства. Крепость его честолюбия строилась на таком мощном фундаменте, как горделивый ум и житейская мудрость. А. В. Амфитеатров так и писал о Морозове: «В умной, честолюбивой, молодой голове его бродили мысли и планы замечательные».

Но была у этой крепости и другая, менее бросающаяся в глаза особенность: одна из ее стен нависала над пропастью, имя которой — неуверенность в себе. Марк Алданов отмечал: «Морозов вообще очень плохо верил людям, но... всего меньше верил в себя и себе». Это же подтверждают другие источники. Одним из способов самоутвердиться, пусть и не самым надежным, являлись похвалы, подарки, получение почестей и наград. Они компенсировали, хотя бы отчасти, неуверенность

купца в собственных силах, заставляли его поверить в себя. Известно, что наград Савва Тимофеевич получил немало.^[93] В частности, он был удостоен звания мануфактур-советника (1893), был награжден орденами Святой Анны 3-й (1892), а затем и 2-й степени (1896).

Морозов ценил внимание к своей персоне и тонко чувствовал природу этого внимания. Марк Алданов в уста одного из своих персонажей вложил следующее наблюдение: «У меня к нему (к С. Т. Морозову. — А. Ф.), не знаю, почему, очень большая симпатия, мне даже самому совестно: ведь, в конце концов, независимо от его достоинств, главная его сила в огромном богатстве. Если б он был беден, люди им интересовались бы неизмеримо меньше». Действительно, люди самого разного положения низкопоклонствовали перед богатством Саввы Морозова. По словам Амфитеатрова, «лестью взять его было нельзя, но, глубочайше презирая своих льстецов, да и вообще людям не великую цену ставя, он не препятствовал им подличать, сколько кому угодно. Зато в своей интимной компании, состоявшей из самых неожиданно-разнообразных людей, жестоко высмеивал непрошеное куртизанство, величественно толпившееся вокруг него». Тех же, кто выказывал ему уважение без лести, Морозов особенно ценил и ставил выше прочих. Так, во время Всероссийской выставки 1896 года в Нижнем Новгороде, на устроенном в честь Морозова обеде «атмосфера лести дошла до невыносимого напряжения. Лесть лилась потоками из каждого тоста. Лестили даже такие люди, которым ни по положению, ни по обычным их житейским целям, слишком далеким от морозовской сферы, незачем было льстить: льстили из любви к искусству, из платонического трепета пред миллионами». Один из организаторов выставки, Михаил Ильич Кази, будучи человеком честным, «долго морщился, наконец, встал и произнес:

— Вас все хвалят. Буду хвалить и я. Хвалю вас за то, что, родившись богатым человеком, вы не заснули на мешках с деньгами, а образовались, видели свет и людей. Хвалю за то, что в вас есть честолюбие — не убивать жизнь в свое собственное нутро, наживая рубль на рубль и копейку на копейку, но поработать и на почве общественной деятельности». Далее Михаил Ильич советовал Морозову, на что ему стоит употребить свои силы и денежные средства, чтобы жизнь была прожита не зря. «Именитый... внимал голосу оратора, резко чеканившего каждую фразу, не без смущения, ожидая, что вот-вот найдет коса на камень, и Савва, сам мастер поговорить, пустит Кази ответное на урок его, резкое словечко. Но Савва слушал, как музыку, со слезами на глазах и, когда Кази кончил, Морозов серьезно и глубоко поклонился оратору в пояс».

Присущего ему честолюбия, порою переходившего в тщеславие, Морозов не скрывал и с явным удовольствием принимал общественное признание. Так, один из героев романа Марка Алданова «Самоубийство» хочет создать биологический институт; его приятель говорит, что денег на эту затею можно попросить у Морозова. При этом в разговоре с Саввой Тимофеевичем он советует сослаться на известного деятеля науки — биолога И. И. Мечникова, якобы заинтересованного в этом деле. Свой совет он объясняет так: «Видишь ли, на него может подействовать большое общеизвестное имя. Уж он такой человек. На славу падок».^[94]

Вообще, на страницах этого романа Марк Александрович сумел запечатлеть глубинную суть личности Морозова. Писатель знал купца лично, был осведомлен о некоторых интимных сторонах его жизни. Несмотря на то, что «Самоубийство» — произведение художественное, в описании реальных лиц Марк Александрович точен по-документальному, вплоть до мельчайших деталей. Поэтому, думается, на его свидетельство можно опираться как на весьма достоверный источник информации. В одном лишь писатель отступил от фактической правды — он упорно, на протяжении всего романа, проводил мысль о мании самоубийства, которой, по его словам, был одержим Савва Морозов. Но, вероятно, иначе и быть не могло: судя по переписке с другими литераторами, Алданов хотел, чтобы его произведение было опубликовано в советской России. Поэтому не только был вынужден избегать разговора о настоящей причине смерти Морозова, но и старался как можно более рельефно «выпятивать» официальную версию кончины купца. Художественная правда в силу обстоятельств разошлась с правдой факта...

Савва Тимофеевич любил демонстрировать свои познания и свое умение быстро ориентироваться в разных житейских ситуациях. Он любил производить эффектное впечатление — как на отдельных собеседников, так и на большую аудиторию.

По свидетельству Максима Горького, Морозов «...после свидания с одним из большевиков сказал:

— Это корабль большого плавания. Жаль будет, если он размотается по тюрьмам и ссылкам.

Впоследствии, устроив этого человека у себя на фабрике, он познакомился с ним ближе и, шутливо хвастаясь проницательностью своей, добавил:

— Не ошибся я, — человек отличных способностей. Такого куда хочешь сунь, он везде будет на своем месте.

Человек, о котором он говорил, ныне является одним из крупнейших

политических деятелей России».

По-видимому, речь в данном отрывке идет о Леониде Борисовиче Красине. Морозов действительно устроил Л. Б. Красина на своей фабрике, а в середине 1920-х годов, когда Горький писал этот текст, Красин занимал видные посты в советском правительстве. Он возглавлял народные комиссариаты торговли и промышленности РСФСР, путей сообщения РСФСР и внешней торговли РСФСР, а затем стал первым главой Народного комиссариата внешней торговли СССР.

Другой характерный эпизод приводит в воспоминаниях купец Н. А. Варенцов. Он осуждающе пишет об участии предпринимателя в одной из выставок: «Невольно бросалась в глаза любовь Саввы Тимофеевича беседовать с корреспондентами газет, одолевающими в то время комитет разными вопросами. Он уделял им много времени, угощая завтраками и коньяком в буфете выставки, после чего в газетах были помещены его беседы с восхвалением его». Да, отчасти Морозов шел на поводу у своего тщеславия. Но — надо отдать ему должное — отчасти всё же руководствовался здравым соображением, с которым в наши дни мало кто поспорит: успех дела в немалой степени зависит от его информационного освещения.

Савва Тимофеевич не только общался с журналистами и писателями, он время от времени выступал перед широкой публикой. По словам современников, Морозов «любил поговорить и хорошо умел рассказывать». Был прекрасным оратором, «лишних слов не любил», умел убедить в своей правоте. Максим Горький описывает одно из публичных выступлений Саввы Тимофеевича: он «звонко заговорил, рисуя широкими мазками ловко подобранных слов значение русской промышленности для России и Европы. В памяти моей осталось несколько фраз, сильно подчеркнутых оратором». Морозову было присуще афористическое мышление. Так, А. В. Амфитеатров говорит о «словечках Саввы Морозова», то есть о данных им метких определениях-афоризмах, которые расходились достаточно широко. Амфитеатров отмечает, что Морозов был очень расчетлив в сочинении этих словечек, точно понимал момент, когда их следует употребить, «ронял их во множестве — и никогда ни одно даром». ^[95]

Вот один подобный пример:

«Бог вас знает, — сказала ему однажды, перевидавшая много видов и весьма дерзкая на язык, дама-путешественница и писательница, — не разберу я вас: то ли вы уж очень умны, то ли — извините — вовсе глупы и только, нахватавшись хороших слов, научились хорошо притворяться умным — так, иногда, на время, по мере надобности.

— А какое будет ваше собственное мнение на сей предмет? — ничуть не обиделся Савва.

— То-то, что не разберу... И отчего это у вас, право?

Савве только того и надо было. Он сейчас же схватился за вопрос и бросил словечко:

— Оттого-с, — поучительно объяснил он, морща в плутовскую усмешку все свое смугло-красное калмыцкое лицо, — исключительно оттого-с, мой ангел, что образование у меня университетское-с, а ум — десятский-с». Впоследствии это «словечко» — «университетское образование при десятском^[96] уме» звучит в речи одного из персонажей «Дрогнувшей ночи» как «известная острота Саввы Морозова».

Савва Тимофеевич мог быть лидером, вести людей за собой — в том случае, если хотел этого добиться. А. В. Амфитеатров именно такой эпитет и дает Морозову: «молодой купеческий лидер». По свидетельству Александра Валентиновича, Морозов одно время являлся «главою всероссийского купечества... Ему откровенно мечталась политическая роль». Савва Тимофеевич любил во всем занимать первое место. Об этом говорит в воспоминаниях известный оперный певец Федор Иванович Шаляпин: «Я помню характерное слово одного из купеческих тузов Москвы — Саввы Тимофеевича Морозова. Построил он себе новый дом... и устроил большой праздник, на который, между прочим, был приглашен и я. В вестибюле, у огромной дубовой лестницы, ведущей в верхние парадные залы, я заметил нечто, похожее на фонтан, а за этим большие цветные стекла, освещавшиеся как-то изнутри. На стекле ярко выступала чудесная лошадь, закованная в панцирь, с эффектным всадником на ней — молодым рыцарем, которого молодые девушки встречали цветами.

— Любите воинственное, — заметил я хозяину.

— Люблю победу, — ответил с улыбкой С. Т. Морозов». ^[97]

Характер Саввы Тимофеевича на первый взгляд кажется неуловимым: его описывают умные, наблюдательные люди — и вместе с тем портреты, ими созданные в ряде существенных моментов противоречат один другому. Создается странный эффект «двоения»: словно в Морозове сосуществовали, борясь за главенство, два совершенно разных человека. Один — волевой, целеустремленный, решительный, энергичный и уравновешенный. Другой — слабый, мягкотелый и вместе с тем — грубый, вспыльчивый, иногда даже озлобленный из-за своей беспомощности. Будто бы время от времени в голове С. Т. Морозова щелкало какое-то внутреннее

реле, душевный маятник качался в противоположную сторону, и на посту его личности один часовой сменял другого...

Впрочем, это впечатление обманчиво, никакой «смены караула» в голове Морозова не происходило. Скорее, Савва Тимофеевич, примеряясь к жизненным обстоятельствам, жил в разных ритмах — то замедляясь, а то ускоряясь. Регулярная смена этих ритмов и вызывала эффект двоения — волевые качества Морозова определялись тем эмоциональным состоянием, в котором он находился.

Душевное равновесие Саввы Морозова напрямую зависело от того, отвечает ли состояние его дел внутренним запросам купца. Если дела шли в гору, это делало его жизнь наполненной, а ему самому давало мощный стимул для дальнейших действий; в жизни коммерсанта начинался период подъема. Если же дела приходили в упадок или Савва Тимофеевич запутывался в мелких, неважных занятиях — это его мучило, приводило к эмоциональному спаду, отравляло горечью внутренней пустоты. Настроение резко портилось...

А. Я. Желябужский так подметил эмоциональную переменчивость, присущую Савве Морозову: «И смена настроений... неожиданная: то светлел, то мрачнел по непонятным для окружающих причинам». Бешеная энергичность сменялась хандрой, а хандру сменял новый приступ активной деятельности.

В периоды подъема, когда Савва Тимофеевич занимался своим делом, когда дело это приносило успех и удовлетворение, он наслаждался собственной силой, радовался жизни во всех ее приятных проявлениях. Это была, если можно так выразиться, светлая, созидательная сторона жизни Саввы Тимофеевича. Но была и другая сторона — темная, разрушительная, опасная и для окружающих и, в гораздо большей мере, для самого Саввы Морозова.

Присущая многим людям, в душе Морозова эта двойственность находила особенно острое выражение. Вся его жизнь проходила в жестокой борьбе двух начал — созидательного и разрушительного. Наружу их борьба прорывалась в виде резких, на первый взгляд ничем не обоснованных перепадов настроения.

Максим Горький так описывает Морозова осенью 1902 года. Московский Художественный театр готовился к началу нового сезона, который открывался в новом здании, выстроенном трудами Саввы Тимофеевича и на его средства. Это был звездный час Морозова: «Глаза его блестели весело, ласково, крепкое тело перекатывалось по сцене легко,

непрерывно звучал командующий голос, не теряясь в гулкой суете работы, в хаосе стука топоров, в криках рабочих. Быстрота четких движений этого человека говорила о его энергии, о здоровье». Тот же Горький дает совсем иные описания Морозова — когда тот пресыщался жизнью и впадал в апатию. «Я замечал, что иногда он подчиняется настроению угрюмой неприязни к людям.

— Девяносто девять человек живут только затем, чтоб убедить сотого: жизнь бессмысленна! — говорил он в такие дни».

А вот иное описание Морозова в тяжелые минуты его жизни, также принадлежащее перу Горького: «Он говорил все более сбивчиво, было ясно, что мысли его кипят, но он не в силах привести их в порядок». В другом месте Горький уточнял, что настроение Морозова — «обычно невеселое, скептическое, а часто и угрюмое».

Похожим образом описывает внутреннее состояние Морозова и А. Н. Серебров. Будучи в добром расположении духа, Савва Тимофеевич мог вести себя по-детски непосредственно. Так, впервые оказавшись в морозовском кабинете, Александр Николаевич увидел следующее: «Стены кабинета выложены дубовой панелью. Многостворчатое средневековое окно. Мебель из дуба и красной кожи — простая и солидная. У окна — массивный письменный стол, заставленный семейными фотографиями. На углу стола, на серебряном подносе, — московский калач величиною с тележное колесо. В калач воткнут флажок, на флажке что-то написано.

Морозов прочел надпись и рассмеялся.

— Можете меня поздравить... Оказывается, я — именинник. Станиславский прислал калач... Милый человек!.. И где он такой достал?.. Это же не калач, а сума для подаянья!

Он надел калач на шею и прикинулся нищим-калекой.

— Придет завтра с визитом, а я и выйду к нему в таком виде: «Вот, мол, Константин Сергеевич, до чего вы довели с вашим театром богатого фабриканта Морозова!»

Смеялся он залиvisto и по-детски — до слез. От смеха трясся калач на его шее. С калача на брюки и на персидский ковер осыпалась мучная пудра.

Из заднего кармана сюртука Морозов вытащил бумажный сверток.

— Забыл пообедать... Семья на даче... Хотите колбасы?

Перочинным ножом он накромял на бумажке колбасу и отломил кусок именинного калача. Жевал быстро, как заяц. Сидя на столе, болтал ногами и приговаривал:

— Вкусно!»^[98]

Этот отрывок также относится к лету или началу осени 1902 года.

Савва Тимофеевич предстает в нем энергичным весельчаком или, говоря словами известного мультипликационного персонажа, — «мужчиной в самом расцвете сил». В июле 1902-го Мария Федоровна Андреева восхищалась жизненной силой Морозова, которая не убывала даже в период болезни: «Сам он что-то прихворнул, что-то вроде плеврита; несмотря на это, он завтра едет в Берлин по делу. Ужасно неугомонный господин».

Однако на смену веселости неизменно приходили нервозность и раздражительность. Периоды кипучей, бешеной деятельности прекращались, и тогда наступали долгие часы бездействия, наполненного унынием. В такие часы Морозов терял сон и аппетит. Он то становился раздраженно-суетливым, то впадал в панику, поддаваясь действительным и мнимым страхам, — а то, напротив, затихал, позволяя себе погрузиться в теплые волны вялости и апатии. «Он, не переставая, курил. Папиросу держал кукишем, поколачивая по ней указательным пальцем. Пепел сбрасывал куда попало: на пол, себе на куртку... В этой неопрятной комнате он сам стал неопрятным и непривычно злым».

И Горький, и Серебров для двух крайних состояний Морозова находят говорящие эпитеты. На пике «созидательного» периода действия Морозова характеризуются как «зазорные», «энергичные», говорит он «увлеченно», «спокойно», «весело», порою — «с насмешливым озорством». Во время эмоционального спада его поступки становятся «болезненными», «нервными», иногда даже «истерическими», в наихудшие моменты он выглядит «растерянно», произносит слова, «нервно взвизгивая», «несвязно и отрывисто». Впрочем, Савва Тимофеевич не привык сидеть сложа руки и долго оставаться в бездействии не мог. Морозовская хандра рано или поздно вновь сменялась кипучей деятельностью. Он находил способы, как бороться с раздражительностью и меланхолией — на несколько дней уезжал из города инспектировать заводы, занимался любимым делом, искал общения с близкими людьми. Судя по словам Сереброва, поднять настроение ему чаще всего помогал Максим Горький (Алексей Максимович Пешков). «Когда Морозову становилось невмочь от тоски, он бросался разыскивать Горького. Они запирались где-нибудь в отдельном кабинете ресторана, чаще всего у Тестова, и там всю ночь истязали друг друга разговорами. А наутро Морозов, снова бодрый и деятельный, только посмеивался:

— Хорошо мы вчера с Алексеем в баньке попарились! Недаром сказано в писании: «Очистися баней водною в глаголе!».

«Очистившись» и придя в бодрое расположение духа, Морозов вновь

начинал работать в бешеном ритме.

Савва Тимофеевич Морозов был, без сомнений, отмечен печатью таланта. Ему легко давалась работа в самых разных областях. Художник князь Сергей Щербатов писал: «В нем были данные и дарования, которые могли бы сделать его схожим с Лоренцо Магнифико Медичи (при столь непохожей на него внешности), если бы он остался крупным дельцом и промышленником и наряду с этим меценатом, располагающим огромными средствами. К сожалению, его погубили и довели до самоубийства политика и увлечение крайне левыми течениями и идеями».

Талантов у Морозова было много, и всем им он жаждал найти применение. Ему было мало заниматься чем-то одним, он искал разнообразной деятельности и во всем желал достичь вершины, хотел задействовать все краски своей души. Различные таланты и талантики тянули Морозова в разные стороны, иной раз надолго увлекая его ум в сторону от того, в чем он был сильнее прочего. Чем больше талантов, чем больше душевных красок Морозов задействовал, тем сильнее бушевали его внутренние страсти. Они словно побуждали: надо успеть опробовать всё. Иначе говоря, *мощное честолюбие звало поспеть всюду, везде состояться и повсеместно быть первым.*

Когда наблюдаешь за этим человеком, возникает стойкое впечатление, что ему стоило немалых усилий остановить свой выбор на чем-то одном, сконцентрировать силы на решении главного вопроса. Для этого Морозову требовалось проявить недюжинную выдержку: мало что «цепляло» его всерьез и надолго. Савва Тимофеевич увлекался тем или иным занятием, но, если оно ему надоедало или разочаровывало, мог «перескочить» с одного дела на другое. Порой для этого у него имелись веские основания.

Испытывая сомнения в собственных силах, Морозов боялся не раскрыться, не найти себя, не суметь реализовать природные таланты и склонности. Всю свою сознательную жизнь он занимался неустанными поисками своего поприща, мечтал о большом деле. Таком, которое подтвердило бы, что он живет не зря, что его ум и талант для чего-то необходимы, которое, наконец, придало бы ему жизненных сил и уверенности в себе. Никольская мануфактура для него таким делом не являлась: ему явно не хватало для полной реализации быть лишь фабрикантом. К тому же фабрикантом, связанным стеснительными обязательствами по отношению к семейству. Широкая общественная деятельность долгое время радовала Савву Тимофеевича и даже сделалась предметом его истинной гордости. Но трагический обрыв ее вновь

сократил поле применения его талантов. Примерно то же произошло и с его отношением к театру.^[99]

Работа являлась для Морозова смыслом жизни, он, по словам Немировича-Данченко, «работал с энергией» — правда, только в том случае, если дело приходилось ему по душе. Чувствуя, что находится на своем месте, Савва Тимофеевич трудился с полной отдачей, не щадя собственных сил и проявляя колоссальную работоспособность. Этот человек умел увлекаться, отдаваясь новому делу целиком и без остатка. Но не всегда подобное самопожертвование оказывалось оправданным. Поняв в какой-то момент, что увлечение завело его не туда, что «своего» дела он так и не нашел, Морозов впадал в меланхолию... Но это — потом. А сначала он действовал, притом весьма активно.

При необходимости Савва Тимофеевич мог на протяжении длительного времени работать без перерыва, в выходные и по ночам. И всегда решал дела основательно, добросовестно, стараясь не экономить на качестве. Так, Немирович-Данченко отмечал в письме Станиславскому от 5 августа 1900 года: «Сав[ва] Тимофеевич] работает очень хорошо, много и внимательно, и в этом отношении очень меня порадовал».^[100] Сам Станиславский, обращаясь к Морозову, писал: «Я помню, как уходящие на отдых актеры после вечерней репетиции сталкивались с Вами у входа, в то время когда Вы приезжали в театр на спешные ночные работы. Во время общего летнего отдыха Вы один оставались в Москве, неся в течение нескольких лет подготовительные работы к наступающему сезону».^[101] А во время строительства нового здания для Художественного театра, которое надо было осуществить в кратчайшие сроки, Морозов в буквальном смысле слова денно и нощно находился на строительной площадке. «Постройка театра была совершена в несколько месяцев. Морозов лично наблюдал за работами, отказавшись от летних каникул, и переехал на все лето на самую стройку. Там он жил в маленькой комнатке рядом с конторой среди стука, грома, пыли и множества забот по строительной части».^[102]

Переход от дела к вынужденному безделью, так же как и обратное странствие, — это вехи, по которым можно понять эмоциональный настрой Морозова, ощутить темп жизни, которому он подчинялся в тот или иной период биографии.

В голове Морозова постоянно строилась своего рода «иерархия» занятий: дела более важные — которые в наибольшей мере соответствовали складу его личности, дела менее важные и совсем уж

неважные. Чем выше в этой иерархии оказывалось то или иное занятие, тем больше Савва Тимофеевич старался уделить ему сил и времени. Правда, из-за внешних обстоятельств он не всегда мог выбирать.

Уже говорилось, что в душе С. Т. Морозов был ученым. Пожалуй, в списке его приоритетов наука занимала первое место. По свидетельству знакомых, Савва Тимофеевич мог часами заниматься в химической лаборатории, ставить опыты, изобретать новые варианты красителей, разрабатывать теоретические вопросы. Горький в очерке «Савва Морозов» писал: «Он учился за границей, избрав специальностью своей химию, писал большую работу о красящих веществах, мечтал о профессуре». Горький же вспоминал, что Морозов «с грустью и досадой» говорил ему: «Если б это удалось мне, я устроил бы исследовательский институт химии. Химия — это область чудес, в ней-скрыто счастье человечества, величайшие завоевания разума будут сделаны именно в этой области».

Почти с той же силой Морозов любил выполнять ручную работу; в те моменты, когда не мог заниматься научными делами, такая работа становилась для него настоящей отдушиной. Сохранились многочисленные зарисовки о том, как Савва Тимофеевич плотничал, лично занимался покраской стен и электрификацией зданий. Марк Алданов писал об этом: Морозов «сам лазил по лесенкам, работал над проводами, переодевшись в рабочее платье (что ему шло, как Горькому косоворотка)». Увлеченность Морозова подобной работой подметил молодой Серебров: «Кем угодно я ожидал увидеть миллионера и мецената Савву Морозова, но только не маляром в грязном халате... Он красил с увлечением. Опустив правило, отступал назад и, наклонив голову набок, прищурившись, любовался своей работой, как художник удачным мазком на картине».

Следующей по значимости для Морозова являлась организаторская работа. Савва Тимофеевич был прирожденным руководителем. Он проявлял, по словам Станиславского, «большой практический опыт и администраторский талант». Рачительный хозяин у себя на фабрике и в усадьбе, он умел «ставить на рельсы» новые проекты. Некоторые из них были тесно связаны с торговлей и промышленностью, другие не имели к ним прямого отношения. Когда Морозов занимал руководящие должности, это не только давало раскрыться его талантам и воплотиться его стремлениям, не только удовлетворяло честолюбие коммерсанта, но также давало ему связи и влияние, необходимые для иных родов деятельности.

Довольно важное место в списке приоритетов Саввы Морозова отводилось общественной деятельности. А. В. Амфитеатров отмечает, что в попытке сделать «из именитого русского купечества «третье сословие»

Морозову удалось сплотить вокруг себя значительную часть предпринимателей, что «за его спиной сомкнулась сила всероссийского капитала». С одной стороны, общественная деятельность отвлекала Савву Тимофеевича от более важных дел, отнимала у него силы и время на разрешение неважных вопросов — а этого купец страсть как не любил. С другой же стороны, участие в разрешении насущных общественных вопросов давало ему возможность претворить в жизнь самые масштабные намерения.

Всё остальное, то, что выходило за пределы этого списка, в глазах Морозова играло куда как менее важную роль.

Большая трагедия судьбы Саввы Тимофеевича в том-то и заключается, что он последовательно потерпел поражение в тех сферах деятельности, которые его интересовали больше всего. А. Н. Серебров констатировал, что к концу жизни Морозов был человеком одиноким, с неудавшейся личной жизнью и неудовлетворенным профессионально. «Что же оставалось? Миллионы?.. Широкие завоевательные планы?.. Власть?.. Это его увлекало. Но на каком же шатком фундаменте всё это зиждилось!»

Впрочем, как знать, не поставь пуля последнюю точку в биографии Морозова, быть может, он выкарабкался бы и добился бы полного успеха — хотя бы в том же театральном деле. Источники говорят о том, что подобное развитие событий исключать не стоит. Но... что произошло, то произошло.

Внук Саввы Тимофеевича Морозова и его полный тезка, говоря о деде, приводит слова его жены и своей бабушки — Зинаиды Григорьевны Морозовой. Та дала мужчинам из рода Морозовых следующую характеристику: «Упрямы, нечеловеческой силы упрямы... Семейная это у всех Морозовых черта, врожденная... Тимофей Саввич, почтенный свекор мой, любимого сына Саввушку не зря «бизоном» прозвал. За крутой нрав».

Столь яркая характеристика нуждается в уточнении. Морозов был не столько упрям, сколько независим. В. И. Немирович-Данченко отмечал: «Держал себя Морозов чрезвычайно независимо». Одна из сторон «упрямства» Саввы Тимофеевича — в том, что он страсть как не любил, когда на него «давили», когда ему навязывали чужое мнение — пусть даже правильное с формальной точки зрения. Самой большой ошибкой в общении с ним было лишний раз указать: «Вы, Савва Тимофеевич, должны сделать то-то и то-то». Настойчивые попытки навязать Морозову свою волю, принудить его к чему-то вопреки его собственному желанию в большинстве случаев приводили к скандалу. По свидетельству Сереброва,

Савва Тимофеевич, вспоминая об отце, говорил: «Ссорились мы с ним до седьмого пота».

Зато те, кто не пытался докучать С. Т. Морозову своей системой взглядов, кто был в обращении с ним деликатен, могли вить из него веревки. Савва Тимофеевич легко вовлекался в чужие предприятия. Он увлекался, отдавал время и силы — иногда в ущерб собственным делам. Порой это давало окружающим повод упрекать Морозова в отсутствии сильной воли и приверженности чужим влияниям. М. Ф. Андреева, хотя и признавала Морозова «крепким человеком», писала о нем в середине 1910-х: «Как во всех людях, в нем были, конечно, свои недостатки: при большом напоре, энергии, находчивости, недюжинном уме, редкой образованности Савва Тимофеевич был слабохарактерным человеком и легко поддавался влиянию людей, награжденных большой волей. Это его свойство было наиболее пагубно как для него самого, так и для дел, которыми он заинтересовался».^[103]

Савва Тимофеевич в самом деле поддавался влиянию людей, которыми увлекался. Иной раз у близких возникало впечатление, что Морозов постоянно находится во власти других людей и обстоятельств. Впечатление это — в чем-то правильное, а в чем-то — обманчивое.

Во всем, что касалось принятия решений, следования к намеченной цели, Савва Тимофеевич проявлял твердость и целеустремленность. Если Морозов вознамеривался что-то сделать, его практически невозможно было остановить или сбить с намеченной цели. Деловые качества купца, его напор и целеустремленность не вызывали сомнения у большинства современников. Так, уже упоминавшийся журналист Н. О. Рокшанин описывал Морозова следующим образом: «Образованный, энергичный, решительный, с большим запасом той чисто русской смекалки, которой щеголяют почти все даровитые русские дельцы». О сильном характере, как одной из основных характеристик С. Т. Морозова, писал А. В. Амфитеатров. А В. И. Немирович-Данченко отмечал: «Династия Морозовых была самая выдающаяся. Савва Тимофеевич был ее представителем. Большой энергии и большой воли». Волевое начало было сильно в Морозове. Особенно оно проявлялось в лучшие моменты его жизни, когда он был активен и готов к свершениям.

Другое дело, что не так уж трудно было заинтересовать его новыми идеями или предложить ему идти к цели в компании с интересным попутчиком — и Морозов нередко попадался на эту удочку. Конечно, он мог отказаться от лишних дел, «спрятаться» от тех, кто их предлагал; но часто соглашался просто потому, что это позволяло сэкономить силы и

нервы. Иногда легче согласиться, нежели без конца урезонивать уговаривающего... В. И. Немирович-Данченко писал: «Он с увлечением отдавался роли представителя московского купечества, придавая этой роли широкое общественное значение. Года два увлекался мною, потом Станиславским». Возможно, этому увлечению и обязан своим существованием Московский Художественный театр. Далее Владимир Иванович признавался: «Савва Тимофеевич Морозов уже сильно увлекся театром. Не скрою, что я этим пользовался и старался направить его *сильную волю* (курсив мой. — А. Ф.) куда следует». Затем Савва Тимофеевич всерьез увлекся Андреевой, после нее — Горьким и во многом благодаря их влиянию проникся революционными идеями... Да, как уже говорилось, Морозов был «падок на славу», любил окружать себя известными людьми. Но этим нельзя объяснить глубину его увлечения тем или иным представителем мира художественной интеллигенции. Было в этих увлечениях Морозова, пожалуй, нечто иррациональное. Савве Тимофеевичу нравилось наблюдать за теми утонченными птицами с изящным оперением, которыми являлись в его глазах талантливые люди искусства. Следить за их повадками, наслаждаться зрелищем их полета — вот что доставляло Морозову ни с чем не сравнимое эстетическое наслаждение.

Подпадая под чье-то влияние или чувствуя упадок сил, Морозов мог утратить волю. Воспитав в себе жесткий расчет и большую житейскую твердость, Савва Тимофеевич мог вмиг лишиться и того и другого при стечении крайне неблагоприятных обстоятельств. Морозов легко выдерживал привычные, иной раз достаточно сильные удары судьбы. Но когда в конце 1890-х годов на Морозова обрушился ураганный ветер, этого мощного удара он не выдержал. Стержень его души сильно покорежилось...

Положительные качества практически всегда имеют своим продолжением качества отрицательные.

Савва Тимофеевич был человеком страстей. Страстей сильных, порой безобразных и почти всегда разрушительных. Юность прошла, унеся с собой в прошлое карточные игры и кутежи в цыганском таборе. Морозов стал человеком солидным и не позволял себе забываться подобным образом. Но молодые годы оставили ему в наследство другие увлечения. Те, что были на виду, — дорогие вина и сигары, изысканная еда. И те, которые сам Савва Тимофеевич предпочитал не афишировать, — увлечение женщинами.

В. И. Немирович-Данченко писал: «Человеческая природа не выносит

двух равносильных противоположных страстей. Купец не смеет увлекаться. Он должен быть верен своей стихии — стихии выдержки и расчета. Измена неминуемо поведет к трагическому конфликту, а Савва Морозов мог страстно увлекаться.

До влюбленности...

Личностью, идеей, общественностью... Самым громадным, всепоглощающим увлечением его был Максим Горький и в дальнейшем — революционное движение».

Д. А. Олсуфьев, хорошо знавший Савву Тимофеевича, писал о «его слабом характере». Однако в данном случае «слабый характер» вовсе не означает «слабая воля». Речь, скорее, идет о другом: слабость Морозова заключалась в его неумении отказаться от того, что доставляло ему удовольствие. Это в равной мере относилось и к удовольствиям самым невинным, и к пагубным — тем, которые влекли за собой неприятные последствия, вредили самому купцу или его семье. Савва Тимофеевич мог очень хорошо отдавать себе отчет, почему ему не надо увлекаться той или иной женщиной, есть ту или иную еду, делать что-то ради удовлетворения тщеславия... и все-таки увлекался, и ел, и делал — до тех пор, пока не доходил в своем увлечении до самого дальнего предела. Пока не происходило событие, говорившее ему: дальше идти по этой дороге нельзя, она заканчивается обрывом. Почти с тем же колоссальным трудом, с каким он отказывался от приятных вещей и ситуаций, он отказывался от привычного, от того, что давным-давно стало неотъемлемой частью его существования.

Страсти обуревали Морозова и в повседневной жизни. Так, ссориться с членами семьи он не любил, по возможности старался уйти от конфликта. Но еще меньше он любил, когда кто-то врывается в его жизнь, смешивая планы, отнимая время и силы. Когда такое случалось и осложнялось к тому же назойливостью, Савва Тимофеевич давал волю гневу. Сначала сдержанно, в корректной форме. «Когда Морозов сердился, он всегда говорил «по-купецки» — словоерсами». Однако холодность, отстраненность нередко являлись предвестниками настоящей бури. Если собеседник не желал оставить Морозова в покое, если его настойчивое желание изменить что-то в жизни купца задевало Савву Тимофеевича за живое, это провоцировало настоящий взрыв эмоций, вспышку неконтролируемой ярости. В подобный момент облик купца обезображивался, он не помнил себя от ярости. Трудно сказать, доходило ли дело до рукоприкладства, но некоторые семейные ссоры в морозовском доме-завершались битьем посуды. А. Н. Серебров сообщал об одной из

таких ссор с участием супруги Морозова, Зинаиды Григорьевны. Она произошла незадолго до кончины Саввы Тимофеевича, в период продолжительного эмоционального спада. «Не успела захлопнуться за мною высокая дубовая дверь, как из спальни послышался шум: два голоса, перескакивая друг через друга, подымались все выше и выше, пока истощный крик Саввы не оборвал это состязание:

— Убью-ю!

Что-то большое, стеклянное грохнулось на пол и разбилось вдребезги».

Морозов хорошо понимал страстность своей натуры, но бороться с ней было ему не под силу. Все, что он мог, — как можно глубже укрывать бушующие в душе страсти — до тех пор, пока они, подобно кипящей лаве, не прорывались наружу. Возможно, если бы Савва Тимофеевич оказался человеком крепко верующим, подобных сцен в его жизни случилось бы меньше, он старался бы осадить себя, не давать внутренним волнениям выплескивать пену своего гнева наружу. Но Морозову это не удавалось. Якоря в виде веры у него не было.

Будучи человеком весьма состоятельным, Савва Морозов поражал окружающих неприхотливостью в быту. Он отнюдь не стремился к приобретению дорогой одежды и, как сказали бы сегодня, аксессуаров. Внешний облик его отличался скромностью. Время от времени одежда на купце-«миллионщике» выглядела затрапезно или просто неряшливо. А. В. Амфитеатров описывает Морозова как «небольшого ростом, коренастого человека, в каком-то блине вместо фуражки, в довольно-таки поношенных серых штанах и — без часов.

— Что вы, Савва Тимофеевич, всё у других спрашиваете, который час?

— Потому что своих часов не имею-с.

— Так вы бы купили!

— Денег нету-с, а маменька-с не дарит-с.

Он был неотделенный сын Марьи Федоровны Морозовой, которой чудовищными капиталами — знаменитыми морозовскими капиталами — и ворочал, как полномочный распорядитель. Свой личный капитал он имел незначительный и любил это напоминать и ставить на вид». [\[104\]](#)

Схожий пример приводит Марк Алданов: «Костюм у него был даже не от Мейстера, недорогой, и белье не голландского полотна, а простое». К этому наблюдению автор добавляет свой комментарий: «Ему было не совсем ясно, почему одевается он дешево, тогда как дом, мебель, лошади стоят огромных денег. Но он не понимал в своей жизни и более важных вещей». Думается, в данном случае Марку Александровичу изменила его

наблюдательность, и «непонимание» Морозова тут ни при чем. Внук Морозова, общавшийся с его женой — своей бабушкой, Зинаидой Григорьевной, свидетельствует: ей было присуще «суетное тщеславие, стоившее порой немалых затрат». Роскошный дворец, слуги, приемы, экипажи — все это Морозов завел главным образом ради жены. Недаром авторы многочисленных описаний отмечают, что его кабинет был самой скромной комнатой; это бросалось в глаза на фоне общей роскоши, царившей в морозовском особняке на Спиридоновке. «В кабинете Саввы — все скромно и просто, только на книжном шкафе стояла бронзовая голова Ивана Грозного, работа Антокольского. За кабинетом — спальня; обе комнаты своей неуютностью вызвали впечатление жилища холостяка». Максим Горький отмечал неприхотливость хозяина, указывая на его нелюбовь к крикливой роскоши: «Я не однажды замечал, что он смотрит на пеструю роскошь комнат, иронически прищурив умные свои глаза. А порою казалось, что он ходит по жилищу своему как во сне, и это — не очень приятный сон. Личные его потребности были весьма скромны, можно даже сказать, что по отношению к себе он был скуп, дома ходил в стоптанных туфлях, на улице я видел его в заплатанных ботинках».

По-видимому, дело не в скупости Саввы Тимофеевича. Человек, который с легкостью тратит значительные суммы, участвуя в решении чужих дел, вряд ли будет экономить на собственном облике. Скорее, сам Морозов придавал собственной внешности не слишком большое значение. Если он стремился произвести на окружающих впечатление, то делал это, блистая мощью ума, а не дороговизной костюма.

В отношении Морозова к одежде сквозило столь очевидное пренебрежение, что это давало повод для анекдотов. Так, Зинаида Григорьевна Морозова приводит в воспоминаниях любопытный эпизод из жизни мужа, связанный с Всероссийской выставкой 1896 года. Савва Тимофеевич состоял в дружеских отношениях с нижегородским миллионером, старообрядцем Н. А. Бугровым, которого Максим Горький величает «удельным князем нижегородским». По словам Зинаиды Григорьевны Морозовой, Бугров был «высокого роста, рыжий, некрасивый, но с умным русским лицом, ходил в длиннополом сюртуке и высоких сапогах и носил на голове старомодный цилиндр, и когда был государь [Николай II] на Выставке, в один день была устроена прогулка на катерах. Савва Тимофеевич сопровождал [Николая], и [с ними] был Бугров. Савва Тимофеевич был очень рассеянный человек, был во фраке и цилиндре. Кто-то ради шутки взял и переменял его цилиндр с Бугровым, и Савва Тимофеевич не замечал, что надел чужой цилиндр, который был ему

велик. Все начали смеяться, и Савва Тим. спросил: «А чему вы смеетесь?» — «А что у вас на голове?» — «Цилиндр». — «А какой?».^[105]

Несмотря на рассеянность в быту, С. Т. Морозов мог, когда это требовалось, выглядеть представительно. В этом ему помогал его хорошо развитый вкус. Так, перед крупным артистом В. П. Далматовым и журналистом Н. О. Рокшаниным, приехавшими к нему просить денег на театр, Морозов предстал безукоризненно одетым. «Появился в конце сводов представительный молодой человек с темной бородкой, во всем черном; открытая грудь смокинга ослепляла белизной манишки и мягкие подошвы обуви отличали в С. Т. Морозове человека хорошего тона, совсем не соответствовавшего окружающей обстановке».^[106] Преображался Морозов и тогда, когда ему требовалось решать деловые вопросы, например пребывая в правлении Никольской мануфактуры. В таких случаях он одевался в сдержанном английском стиле, что обходилось недешево; судя по сохранившимся счетам, одежду для парадных выходов он приобретал в фешенебельных магазинах.^[107] Серебров отмечал: «В просторном, английского фасона пиджаке, отложном крахмальном воротничке и полосатых, хорошо отутюженных брюках он казался стройнее, выше ростом и меньше походил на татарина».

Обычно Савва Тимофеевич хорошо чувствовал ситуацию, понимал, когда ему необходимо соблюдать условности, а когда можно послать их подальше. В конечном итоге Морозова гораздо больше интересовало то, что происходит у человека внутри: в голове и в душе. А то, как он выглядит, не заслуживало особого внимания.

Психологическому облику С. Т. Морозова уделено здесь очень много места. Еще бы, с момента кончины Саввы Тимофеевича прошло более столетия. И на протяжении всего этого периода имя его не сходит с уст: время идет, одна эпоха сменяет другую, а о Савве Морозове до сих пор говорят и пишут. Но рассуждают всё больше о помощи Московскому Художественному театру, о поддержке революционного движения, о странных обстоятельствах смерти купца. То есть — о поступках Морозова или же о событиях, вызванных его действиями. Но в этой картинке отсутствует самое главное — сам Савва Морозов. До сих пор не было сделано хотя бы самого общего, самого приблизительного наброска, характеризующего Савву Тимофеевича как личность, раскрывающего его жизненные приоритеты и мотивы его поступков.

Помещенный здесь очерк его личности написан с позиций

«персональной истории». Согласно этому направлению, точкой отсчета в любой биографии является личность во всем многообразии ее проявлений. Если нет личности — распадается на отдельные куски и создаваемое ею цельное полотно истории. Ведь поступки героя, позиции, которые он занимает, и даже события, в которых участвует, во многом являются продолжением его основных личностных качеств. Сказанное справедливо в отношении любого человека, в том числе — Саввы Морозова. Вот почему детальное описание его внутреннего мира дано до того, как речь пойдет об основных вехах его жизненного пути.

Глава третья

Большая страсть честолюбивого упрямца.

Молодость, брак, университет

В июле 1881 года, в возрасте девятнадцати лет, Савва Тимофеевич Морозов поступил в Императорский Московский университет. Еще в гимназии молодой купец проявил склонность к точным наукам, поэтому он избрал отделение естественных наук физико-математического факультета. За несколько лет обучения в университете сильно изменились жизненные приоритеты юного коммерсанта, а с ними и круг его общения. На университетский период пришлось и первые крупные потрясения в биографии С. Т. Морозова.

Студентам физико-математического факультета преподавались: антропология, теоретическая химия, история, математика, микроскопия и микроскопическая химия; французский, английский, немецкий языки. Среди профессоров Московского университета, лекции которых слушал С. Т. Морозов, были блестящий физик и физиолог К. А. Тимирязев, зоолог, один из основателей русской антропологии А. П. Богданов, зоолог Н. Ю. Зограф, историк, выдающийся оратор В. О. Ключевский и др. Курсы метеорологии и физики читал «строгий» профессор А. Г. Столетов; его лекции предназначались одновременно для медиков, математиков и химиков и проходили в большой физической лаборатории. По воспоминаниям одного из современников, В. П. Танеева, желающих послушать лекции Столетова было так много, что «в дверях, когда их открывали, происходила ужасающая давка, а в аудитории скамейки, все проходы и внизу всё свободное место у кафедры занимали густой толпой студенты».^[108] Вместе с университетом в жизнь Саввы Тимофеевича пришли новые друзья.

Одна из Великих реформ 1860-х — Университетская реформа — имела огромное значение для недворянской молодежи, которая хотела приобщиться к элитарному миру науки.

Университетский устав 1863 года предполагал повышение уровня университетского образования. Было увеличено количество учебных дисциплин и число преподавателей; большое внимание уделялось организации практических и лабораторных занятий, семинаров. Кроме

того, этот устав сделал обучение в высшем учебном заведении доступным для всех слоев населения. Студентом мог стать молодой человек любого социального происхождения, достигший семнадцатилетнего возраста и окончивший гимназию или другое среднее учебное заведение. Поэтому на одном курсе с Саввой Морозовым учились выходцы из самых разных слоев общества.

Внук С. Т. Морозова отмечал: «В университете... обучался молодой Морозов вместе с юношами из самых почтенных московских семей. Были среди его однокашников даже два графа: Сергей, сын Льва Николаевича Толстого, и Олсуфьев». Действительно, Дмитрий Адамович Олсуфьев и Сергей Львович Толстой, также поступившие на физико-математический факультет в 1881 году, довольно скоро стали друзьями молодого купца. Сергей Толстой, как и Морозов, увлекался конной ездой и псовой охотой. Но ближе Морозову в духовном отношении был Дмитрий Олсуфьев. По признанию самого Олсуфьева, оставившего краткие воспоминания, отношения их, скорее приятельские, чем дружеские, сохранялись до конца жизни Саввы Тимофеевича. Вот что писал Дмитрий Адамович: «Познакомился я с Саввой Морозовым в 1881 году; мы оба были на первом курсе Московского университета по естественному факультету. Вспоминаю Савву Тимофеевича плотным, невысокого роста, живым, добродушным молодым человеком. Мы скоро сошлись и подружились. Впоследствии, когда Морозов женился, я бывал часто в его семье».^[109]

По словам Д. А. Олсуфьева, «Морозов в 90-х годах... еще дружил с проживавшим тогда в Москве молодым помощником присяжного поверенного А. В. Кривошеиным и был, мне кажется, под сильным влиянием консервативно славянофильских идей, которых держался Кривошеин». В XX веке Александр Васильевич Кривошеин станет крупным российским государственным деятелем, будет занимать важные посты в русском правительстве, в том числе пост главноуправляющего землеустройством и земледелием (1908–1915); в годы Гражданской войны станет видным деятелем белого движения, председателем правительства Юга России (1920).

Если Толстой, Морозов и Олсуфьев были погодками, то А. В. Кривошеин (1857–1921) годился им в старшие товарищи. Кривошеин был из тех людей, которые задают тон в общении. Впоследствии супруга Саввы Тимофеевича язвительно напишет о нем в воспоминаниях: у Кривошеина «...было умение войти в чужую душу, и он этим прокладывал себе жизненный путь и дошел до поста министра земледелия, не умея отличить

гречу от овса».^[110] Александра Васильевича объединяла с Морозовым не только учеба на физико-математическом факультете (который он скоро сменит на юридический факультет Санкт-Петербургского университета), но и общее увлечение — искусство: Кривошеин коллекционировал произведения западноевропейской живописи. «Близкий нам человек во время нашего студенчества, почти свой в наших семьях, А. В. Кривошеин пользовался огромным успехом в московском купеческом «свете» и в особенности среди дам и девиц. Кривошеин был тогда восторженным эстетом, декламатором стихов и любителем живописи».^[111] Дружба Морозова с Кривошеиным длилась более десятилетия, по крайней мере до начала 1890-х годов. В 1892 году А. В. Кривошеин породнился с Саввой Тимофеевичем, женившись на его племяннице, Е. Г. Карповой, и после женитьбы переехал в Петербург. Видимо, после этого общение друзей сильно затруднилось.

Студенческая жизнь сближала Морозова не только с дворянами. Если верить свидетельству его внука, «не стеснялся Саввушка приводить домой и других коллег — в косоворотках под потертыми студенческими куртками». На протяжении большей части XIX века высшие учебные заведения были головной болью правительства: нередко в их стенах распространялись левые и крайне левые идеи. Однако в 1880-х годах, после убийства народовольцами императора Александра II (1881), власть старалась пресекать действия революционно настроенных граждан еще в зародыше. По словам С. Л. Толстого, несмотря на отдельные факты вовлечения студентов в народовольческое движение, «время моего пребывания в университете было глухим временем: революционеры были разгромлены и скрывались в подполье».^[112] Поэтому в 1880-х, да и в 1890-х годах Савва Тимофеевич был еще очень далек от сочувствия революционерам.

Университет являлся огромным плавильным котлом, где мирно сосуществовали выходцы из разных сословий. Высшая школа стирала различия этического и мировоззренческого плана, обусловленные разным происхождением студентов, различием тех сред, в которых они воспитывались. Все вели приблизительно схожий образ жизни. Некоторое представление об университетском быте той поры дают воспоминания старшего сына Льва Николаевича Толстого — Сергея.

В 1881 году семейство Толстых переезжало из Ясной Поляны в Москву. Сергей Львович, собиравшийся поступать в Московский университет, перебрался в Москву первым. Быт Первопрестольной был для

него необычен — равно как и то, что на одной студенческой скамье богатые купцы и обеспеченные аристократы соседствовали с малоимущими студентами — выходцами из разночинной интеллигенции.^[113] Поэтому Сергей Толстой со вниманием присматривался к университетским порядкам: «В начале сентября лекции еще не начинались, знакомых и родственников в городе почти не было, и я недели две бродил по Москве без дела. Я ходил обедать в кухмистерскую, учрежденную студентами на товарищеских началах. Она оказалась далеко не образцовой, была грязна и плохо организована. Прислуги не хватало. Из хлеба, нарезанного кусками и лежавшего на большом блюде, каждый брал сколько хотел, нередко грязными руками и неаккуратно, так что куски крошились и хлеб превращался в смесь мякиша, корок и крошек. Но мне в то время всё студенческое нравилось, и я с удовольствием смешивался со студенческой толпой».^[114]

Университетская жизнь Саввы Тимофеевича была столь насыщенной, что от него стали постепенно отдаляться старые друзья. В начале второго курса, «осенью 1882 года, Савва почти перестал бывать у Крестовниковых. По воскресеньям, когда собиралась у Морозовых молодежь, он часто уезжал на фабрику в Зуево». Один из близких к семье людей высказал предположение, что «либо у Саввы новый амур, либо матушка его не пускает. И принялся доказывать, что Савва был безумно влюблен в Машу (Марию Александровну Крестовникову. — А. Ф.), но Тимофей Саввич и Мария Федоровна нашли нужным положить этому конец, учитывая молодость сына и то, что он только-только поступил в университет».^[115]

Так было дело или иначе, но Савва Тимофеевич стал всё реже общаться с милыми, наивными, по его же собственному определению, «тепличными» сестрами Крестовниковыми. Встречи с ними отошли в область грустно-приятных воспоминаний. Не то чтобы они забылись под влиянием новых интересов и не то чтобы новые приятели заняли их место в сердце Морозова. Скорее, дело в другом. Прежние товарищи были тесно связаны с семьей Саввы Тимофеевича, являлись для него воплощением тихих семейных ценностей: родственных вечеров, семейных выездов, домашнего очага. Для Саввы Тимофеевича семья и всё, что с ней было связано, вдруг стало чужим и далеким. Он находился на самом переломе взросления; настроение его в этот период было сумрачным, а доверительные отношения с родственниками уступили место холодности и отчуждению. «Это было время больших переживаний для Саввы, характер его сильно изменился: он стал резким, подчас даже грубым и дерзким, в

нем появилась какая-то растерянность, скрытность. Юлия искренне сочувствовала брату, но даже и с ней он был неоткровенен». По-видимому, в это же время произошло некоторое отдаление Саввы от Сергея, который в том же 1881 году поступил в Московский университет, но, в отличие от Саввы, избрал юридический факультет.

Отчуждение от друзей юности было во многом закономерно. В университете Савва Тимофеевич окунулся в иную, незнакомую ему ранее, бурную студенческую жизнь. И, путешествуя по ее лабиринтам, обрел новый опыт.

В любые времена университетская жизнь имеет две стороны. Первая — глубокое погружение в науку: посещение лекций и семинаров, самостоятельные занятия в лабораториях, чтение специальной литературы. Другая сторона — безудержное веселье, коему студенты предаются в свободное от учебы время. Судя по сохранившимся свидетельствам, первое время Савва Тимофеевич с одинаковой охотой отдавался и тому, и другому занятию. «Случалось Савве поздней ночью на лихаче подкатывать к отчому дому. А на другой день на вопрос родителей: «Где это ты так поздно гулял, Саввушка?» — старший сын отвечал непринужденно: «В Петровском парке, у цыган, место привычное».^[116] О том же, по словам А. Н. Сереброва, рассказывал сам Савва: «В университете увлекался химией, а чаще того с однокашниками — Сергеем Толстым, сыном Льва Николаевича, и с Олсуфьевым — резались в карты, а то ездили в Грузины, к цыганам. Была там одна цыганка — Катюша. Огонь! Толстого она называла «простоквашей», а меня почему-то «подпругой».^[117] Разве похож?..»

Иными словами, двадцатилетний Савва Морозов вел себя, как избалованный сын богатого предпринимателя, стараясь получать от жизни как можно больше удовольствия. Очень многие его сверстники, оторвавшиеся от дома, воспитывавшиеся в гимназиях и университетах, пошли по тому же пути и уже не сумели с него свернуть. Но Савве Тимофеевичу всё же достало сил вовремя остановиться. Может быть, дело в том, что он получил от родителей прививку правильного образа жизни. Довольно скоро С. Т. Морозов пришел к осознанию: разгульная жизнь не помогает заполнить душевную пустоту. Его верующий сверстник в подобной ситуации обратился бы к Богу, но Савва Тимофеевич от этого был далек. У него имелся лишь один способ спастись от всепожирающей пустоты — всерьез заняться наукой.

Эта область деятельности была Морозову по душе. Успехи в научной

сфере приносили ему настоящее удовлетворение, которое с наступлением утра не сменялось головной болью и муками совести. Настоящей страстью Саввы Тимофеевича стала химия. По воспоминаниям С. Л. Толстого, после занятий Савва Морозов много времени проводил в химической лаборатории. Сергей Львович пишет о себе, что в 1883 году, перейдя на третий курс, он «...опять стал с увлечением заниматься в химической лаборатории количественным и титрованным анализом. После лекций я шел в лабораторию, завтракал там пирожками из булочной Чуева, пил чай из химического стакана, заваренный на газовой горелке, и работал до пяти часов. Там же работали И. А. Каблуков (будущий профессор и академик), Савва Тимофеевич Морозов и др.».^[118] Это была известнейшая в России лаборатория, которую возглавлял крупный химик, профессор Владимир Васильевич Марковников. Видный теоретик, прославившийся благодаря научным открытиям, он оказался одновременно прекрасным практиком: ученый содействовал развитию отечественной химической промышленности и стал одним из организаторов Русского химического общества (1868). Знания, которые Савва Тимофеевич получил под руководством В. В. Марковникова, впоследствии сослужат ему добрую службу в его предпринимательской деятельности.

Во второй половине XIX века обучение в Московском университете длилось четыре года, и весной 1885 года Савва Тимофеевич должен был окончить учебу. Действительно, сохранилось прошение студента 4-го курса физико-математического факультета Саввы Морозова от 30 мая 1885 года: «Прилагая при сем квитанцию о взносе денег за напечатание аттестата, покорнейше прошу мне выдать свидетельство об окончании курса».^[119] После получения аттестата Савва Тимофеевич мог «продолжать... занятия в химической лаборатории и посвятить себя науке». Для этого следовало написать кандидатское рассуждение — письменную работу, которая свидетельствовала о тех знаниях, которые приобрел соискатель на степень кандидата. Намерение написать эту работу у Саввы Тимофеевича имелось и было запечатлено в прошении на имя ректора. Вот только... обстоятельства не благоприятствовали его претворению в жизнь.

Современные исследователи Т. П. Морозова и И. В. Поткина предполагают, что Савва Тимофеевич передумал представлять кандидатское рассуждение, «решив, что для его дальнейшей практической деятельности диплом не так уж нужен». Но, думается, дело в ином. С. Т. Морозов учился в университете не ради получения диплома, а потому, что наука, и в частности химия, с некоторых пор составляла неотъемлемую —

и лучшую — часть его существования. Максим Горький, который дружил с предпринимателем и вел с ним частые беседы по душам, в 1932 году вспоминал: «Савва Морозов... химик, мечтал о профессуре и имел к этому все данные. У него были отличные работы по химии, и вообще ставился вопрос об оставлении его при университете».^[120]

Савва Тимофеевич был вынужден прервать обучение не по собственной воле. Ему помешало событие, которое вошло в литературу под названием «Морозовская стачка». Одна из крупнейших организованных забастовок рабочих Российской империи, она разразилась в январе 1885 года на текстильной фабрике «Товарищество Никольской мануфактуры Саввы Морозова сын и К^о». Это событие по своему масштабу не имело аналогов в истории русской промышленности. Более того, оно стало первым — неожиданно громким — раскатом грома, предвещающим грозную бурю. Говоря словами крупного предпринимателя Владимира Павловича Рябушинского, забастовка на морозовской фабрике «составила эпоху в истории русского фабричного законодательства». Кроме того, стачка коренным образом изменила жизнь хозяина фабрики, Тимофея Саввича Морозова, и его старшего сына. Поэтому здесь она будет освещена довольно подробно.

Морозовская стачка началась в селе Никольском 7 января 1885 года и продолжалась 11 дней, до 17 января. В первый же день забастовки в ней приняло участие огромное по тем временам число рабочих — обычно называют цифру в 8, а иногда и в 11–12 тысяч человек. Думается, первая цифра более правдоподобна.^[121] Что же вызвало столь массовый протест?

На этот вопрос самые разные источники отвечают однозначно: причинами стачки стали понижение заработной платы и высокие штрафы на производстве. Подробное описание размера и порядка штрафования дал лидер большевиков, Владимир Ильич Ленин. Для него Морозовская стачка была одной из крупнейших вех в становлении революционного сознания рабочих — переходом от стихийной борьбы с «притеснителями» к борьбе организованной, под руководством «передовых» рабочих. «С 1882 года Морозов стал сбавлять плату, и до 1884 года было пять сбавок. В то же время становились всё строже и строже штрафы: по всей фабрике они составляли почти четверть заработка (24 копейки штрафов на заработанный рубль), а иногда доходили у отдельных рабочих до половины заработка».^[122] Однако свидетельство В. И. Ленина нуждается в существенном уточнении.

Во-первых, в тот период — вплоть до 1886 года — система штрафов за выработку некачественного товара и нарушение трудовой дисциплины существовала не только на морозовских фабриках, но и на других предприятиях страны: «До 1886 года... фабриканты могли брать штрафы, за что хотели и в каком угодно количестве». Во-вторых, Владимир Ильич ничего не говорит о причинах, побуждавших Тимофея Саввича Морозова штрафовать работников, а без этой информация о штрафах оказывается неполной.

Люди, укорененные в советской действительности 1930-х и сочувствовавшие российскому рабочему движению, утверждали: «Владелец фабрики, просматривая итоги штрафов, часто говорил браковщикам: «Мало, прогорю», — в то время как сумма штрафных денег составляла более 20 тыс[яч] руб[лей] в год».^[123] Но это не соответствует действительности. Начиная с 1880 года по распоряжению Т. С. Морозова штрафные деньги шли не в его карман, а на выплату рабочим пособий по увечью.^[124] Вероятно, несколько ближе к истине свидетельство Зинаиды Григорьевны Морозовой, невестки Тимофея Саввича. Зинаида Григорьевна писала об упрямом характере своего свекра: «Не жаден был, не скуп, мог бы фабричному народу скостить штрафы. Ан нет, амбиция хозяйская не позволяла... Вот и достукался до забастовки».^[125] Иными словами, Тимофей Саввич, радея о будущем всего предприятия, не сумел или не захотел вовремя пойти на уступки. В пользу того, что Т. С. Морозов не был человеком жестоким или жадным, говорит следующий факт: наравне с представителями других ветвей морозовской династии он постоянно заботился о благоустройстве быта своих рабочих.

Именно в бытность Тимофея Саввича хозяином Никольской мануфактуры при ней был создан небольшой фабричный городок, положивший начало будущему городу Орехово-Зуево. Он состоял примерно из 450 зданий жилого, хозяйственного и культурного назначения. К 1882 году, помимо казарм для жилья и административных построек, здесь имелись детский приют (аналог современного детского сада), ясли, приют для сирот, школа, ремесленные мастерские, богадельня для престарелых рабочих с состоящим при ней домовым храмом и т. п. Была также больница на 200 кроватей, а при ней аптека и поликлиника. Больница была устроена с учетом новейших медицинских достижений: величина палат была такова, чтобы на каждого больного приходилось до пяти кубических саженей воздуха. «Двухэтажное здание больницы стояло отдельно от производственных корпусов и располагалось окнами на юг.

В каждой из палат имелись вентиляторы для свежего и теплого воздуха. Палаты были терапевтические и хирургические. Для инфекционных больных предназначался специальный барак на 20 кроватей. Больных обслуживали 2 врача, аптекарь, 7 фельдшеров и 38 служителей. Родильный приют на 6 кроватей обслуживали врач, 2 акушерки, 6 помощниц». ^[126] За пределами Никольского, на других землях Товарищества, были созданы еще одна больница и больничный барак при торфоразработках. Молоко для больниц, приютов и колыбельной поставлялось с собственного скотного двора, где специально для этих целей содержалось 35 коров. Пользование всеми перечисленными благами было бесплатным. Только за 1880/81 отчетный год Товарищество затратило на содержание медицинских учреждений приличную сумму — более 40 тысяч рублей. Еще почти семь тысяч было потрачено на содержание детских учреждений.

Таким образом, в Никольском имелось всё, чтобы обеспечить благосостояние рабочих и членов их семей. Появилась возможность воспитывать потомственных рабочих: дети, не достигшие семилетнего возраста, содержались в яслях и детском саду, в семь лет шли в училище, а затем — в учебные мастерские для приобретения профессии. Девочек учили рукоделию, мальчиков — столярному, слесарному, токарному, кузнечному, ткацкому и переплетному ремеслам. Нередко одной из причин стачек называют то, что фабричному люду стали продавать гнилые продукты. Однако из донесений чиновников известно, что это не так. Ассортимент продуктов был достаточно широк: несколько сортов мяса и рыбы, хлеб, мука, различные крупы, масла, овощи, чай, сахар, пиво, молочные продукты. Качество отпускавшихся в лавке продуктов было неизменно хорошим. Помимо харчевой лавки на территории мануфактуры функционировал рынок, где можно было купить продукты крестьянского хозяйства. Питьевая вода с 1880 года поступала из специально пробуренных артезианских скважин. Имелись пекарня и квасная, причем квас на фабрике отпускался бесплатно. За проживание в казармах и отопление жилья плата с рабочих также не взималась. Не забывало руководство фабрики и о духовных потребностях рабочих. Так, в Никольском существовало две библиотеки: общественная и детская, которая находилась при училище.

Разумеется, если судить с точки зрения сегодняшних бытовых норм, условия проживания рабочих Никольской мануфактуры были далеки от идеальных. Использовался — как и на других фабриках — труд детей и подростков, работа на предприятиях проходила в три смены, причем третья

смена — в ночное время. Казармы «состояли из тесных «каморок», набитых семьями». И всё же... подобные вещи необходимо расценивать с позиции того времени, когда они происходили. Большинство рабочих — это бывшие крестьяне, покинувшие деревню ради заработка. Поэтому проживание нескольких семейств в одной казарме «соответствовало укоренившейся привычке деревенской бедноты жить большой семьей в одном помещении».

Савва Тимофеевич Морозов

Тимофей Саввич Морозов, отец Саввы

Мария Федоровна Морозова (урожденная Симонова), мать Саввы

Мария Александровна Гарелина (урожденная Крестовникова)

*Дом М. Ф. Морозовой. Москва. Большой Трёхсвятительский переулок.
Центральный фасад. Фото конца XIX в.*

*Малая гостиная в доме М. Ф. Морозовой в Большом Трехсвятительском переулке.
Фото конца XIX в.*

«Приезд гувернантки в купеческий дом». Художник В. Г. Перов. 1866 г.

Хитровская площадь. Вид с каланчи Мясницкой полицейской части. 1916 г.

Вид на Кремль с площадки Морозовского сада. 1850-е гг.

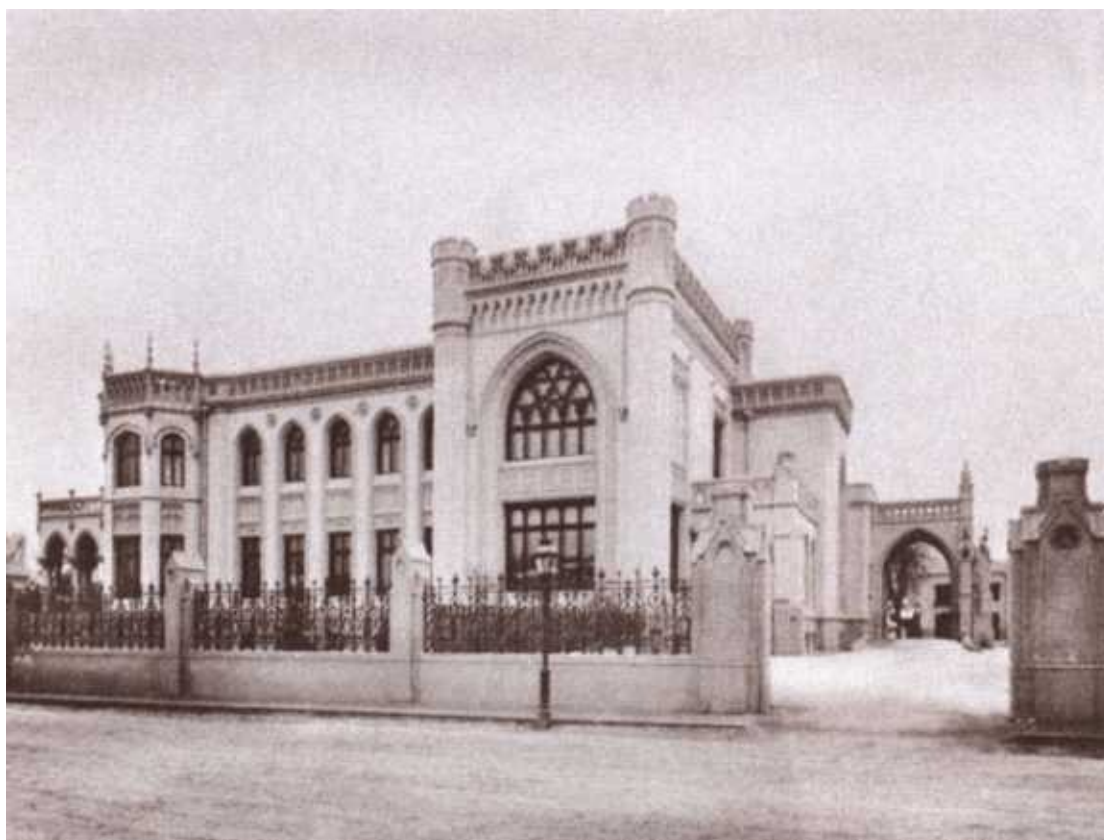

Зинаида Григорьевна Морозова (урожденная Зимина), впоследствии — жена С. Т. Морозова. 1888 г.

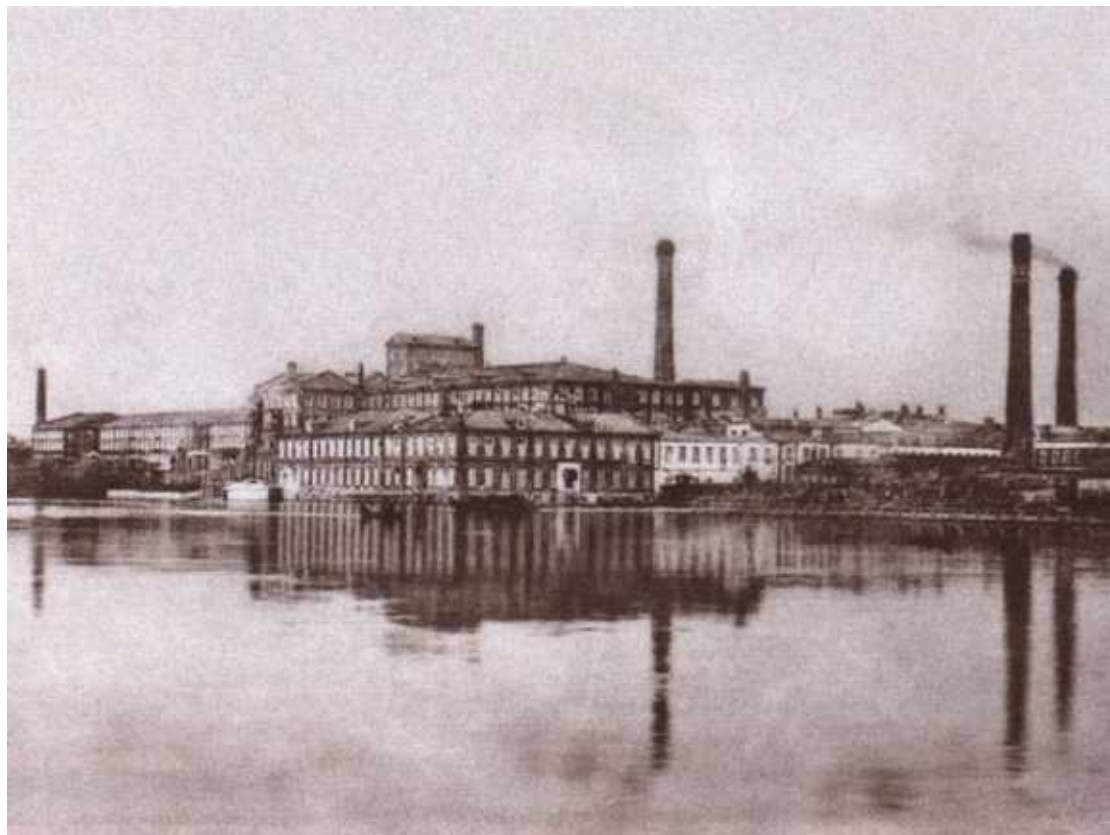
*Савва Тимофеевич Морозов, мануфактур-советник, с орденом Святой Анны на шее.
1896 г.*

Дом Зинаиды Григорьевны Морозовой на Спиридоновке

Никольская мануфактура

Савва Тимофеевич Морозов

Макарьевская флачная часовня во время открытия ярмарки

Нижегородская ярмарка. 1890-е гг.

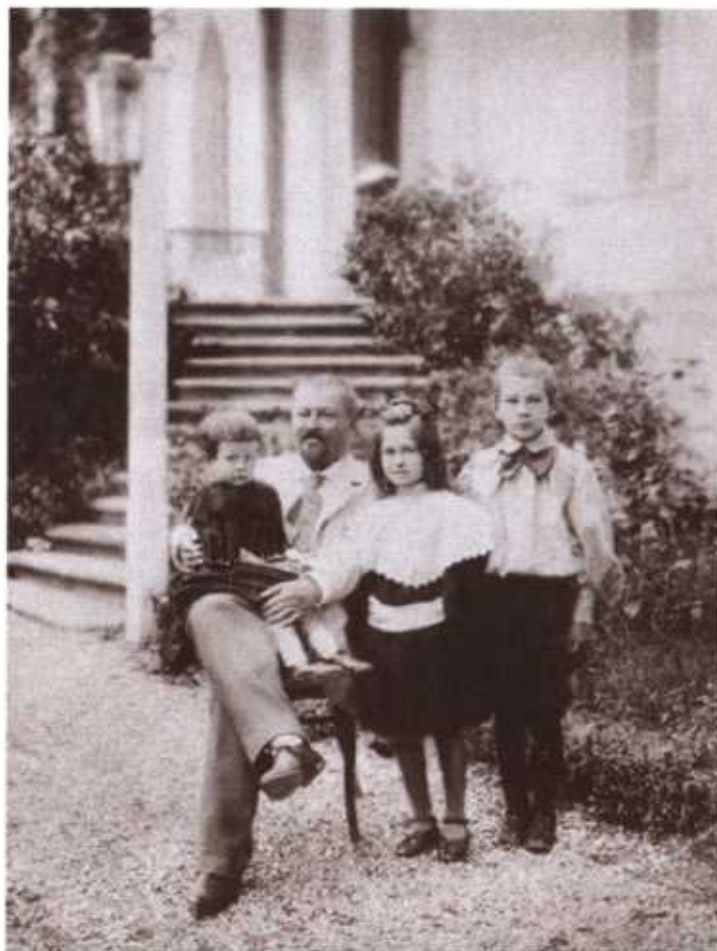

Нижегородская ярмарка. Главный ярмарочный дом. 1890-е гг.

Император Николай II и министр финансов С. Ю. Витте на Нижегородской выставке, 1896 г.

С. Т. Морозов с детьми Марией, Еленой, Тимофеем. 1897 г.

Мария Федоровна Морозова с внуками Тимофеем, Еленой и Марией

С. Т. Морозов с младшим сыном Саввой. 1904 г.

Зинаида Григорьевна Морозова

Савва Тимофеевич Морозов с матерью Марией Федоровной и детьми Марией, Тимофеем и Еленой. 1898 г.

Что касается заботы о рабочих своей фабрики, то Тимофей Саввич намного обогнал свое время. Созданные для них бытовые условия были намного лучше, чем при других фабриках в тех же 1880-х годах. Т. С. Морозов жертвовал личные, и весьма немалые, деньги на социальные мероприятия. Один из директоров правления Никольской мануфактуры, говоря о Тимофее Саввиче, отмечал: «Он справедливо находил, что, пользуясь трудом людей, нельзя щадить средств на удобство их помещения, на улучшение их пищи, на лечение их в случаях заболеваний и на образование подрастающих поколений. Поэтому постройка казарм, харчевые лавки, школы и больницы, существующие при фабриках Товарищества, обозревались им постоянно лично, и он входил в мельчайшие подробности их устройства и содержания».^[127] Более того, современные исследователи отмечают, что на Никольской мануфактуре за работу платили значительно больше, чем на других аналогичных предприятиях. «Иногда разница доходила до копейки с аршина. Поэтому на Т. С. Морозова обыкновенно работали «лишь наиболее опытные и умелые ткачи, которые сравнительно редко подвергались штрафам».^[128]

Итак, Тимофей Саввич не был по отношению к рабочим ни жесток, ни жаден; во всяком случае, не скупился на обустройство их быта. Зачем же он брал с них такие большие штрафы? На этот вопрос лучше всех ответил видный предприниматель и общественный деятель Владимир Павлович Рябушинский. Будучи сам хозяином крупного дела и к тому же видным представителем старообрядчества, Владимир Павлович лучше кого бы то ни было понимал мотивы действий Тимофея Саввича Морозова. Вот его свидетельство: «Высокое достоинство и соответствующая слава товаров Саввы Морозова были достигнуты очень *строгой приемкой, тщательной сортировкой* (первый разбор, второй разбор) и большой добросовестностью при продаже. Морозовский товар можно было брать с закрытыми глазами... Достигнуть этого было нелегко... Чтобы приучить ткачей к тщательной работе, их штрафовали за пороки в ткани. Такие меры были необходимы, и закон их разрешал... Штрафовали везде, но у Саввы Морозова особенно беспощадно, и ходил слух, что это делалось по личному приказанию Тимофея Саввича для увеличения хозяйской прибыли. Думаю, что это неправда. Был у нас в доме слуга, раньше служивший у Морозовых. Так он рассказывал, как его старый хозяин у себя в моленной... часами со слезами отмаливал грех штрафования. В Древней

Руси существовали особые вопросы на исповеди для разных групп населения: одни для служилых людей (воевод), другие для хозяев — не задерживал ли плату наемника и т. д. Помню, как мой духовник... меня об этом на духу (то есть на исповеди. — А. Ф.) спрашивал. Полагаю, что если бы Т[имофей] С[аввич] действительно сознательно так грешил, его лишили бы причастия. Естественней полагать, что цель действительно была — *добиться безукоризненного товара*, что и было достигнуто». ^[129] Действительно, как пишет исследователь истории Никольской мануфактуры И. В. Поткина, Тимофей Саввич в работе придерживался следующего принципа: «Вообще все товары работать хорошие. Плохих не работать...» Ведь именно от качества товара зависела деловая репутация фирмы, а значит, спрос на ее изделия.

Еще одно любопытное свидетельство принадлежит судебному следователю П. Боскареву. Он утверждает, что высокие штрафы взимались только с плохих работников: «Необходимость штрафов за порчу товара и за прогулы предусмотрена законом и вводится в условия найма, необходимость эта сознается и самими рабочими, исправный работник не боится штрафа, кричит против штрафа только работник негодный». ^[130]

Помимо уже указанных существовала еще одна причина, которая никак не зависела от личной воли Т. С. Морозова. Экономическое развитие Российской империи в последней трети XIX века шло в гору. Но были в этом поступательном движении отдельные резкие откаты. Первая половина 1880-х годов была тяжелым временем для текстильной промышленности: на это время пришелся кризис сбыта, связанный с нарастающим процессом освоения новых рынков. По словам И. В. Поткиной, в 1882 году «кризис больно ударил по Никольской мануфактуре... Заработная плата рабочих в годы кризиса падала. Одновременно Тимофей Саввич стал намного строже спрашивать за работу, в результате чего возросла частота штрафов за испорченный товар... Проводившееся властями расследование показало, что в конце 1884 г. взыскания с морозовских рабочих колебались в диапазоне от 5 до 40 % от общего заработка, в октябре и ноябре средний уровень штрафов составил 18,5 и 15,75 % на заработанный рубль». Особенно тяжелыми для рабочих оказались 1882 и 1884 годы. В более благополучном 1883 году их материальное положение несколько улучшилось по сравнению с 1882-м: сдельные цены стали чуть выше, а штрафы понизились. Но вслед за этим, в 1884 году, последовало новое ухудшение, которое обострило ситуацию на фабрике.

К началу 1885 года напряженность среди рабочих Никольской

мануфактуры возросла до критической отметки. Назрел стихийный бунт. Этим не замедлили воспользоваться социалистически настроенные элементы, которые в советской литературе названы «передовыми» рабочими. Возглавившие массу недовольных рабочие лидеры «перевели бунт на рельсы организованного сопротивления». Они же, по-видимому, воспользовались тактическим просчетом со стороны владельца Никольской мануфактуры. 7 января 1885 года, на которое пришелся большой церковный праздник, Собор Иоанна Крестителя (следовал сразу за двенадцатым праздником Крещения), Тимофей Саввич Морозов объявил рабочим днем. Это стало последней каплей, переполнившей чашу терпения фабричного люда, и одновременно удобным предлогом для начала немедленного выступления.

«Накануне Морозовской стачки передовые рабочие, имевшие опыт революционной борьбы, — П. А. Моисеенко, В. С. Волков, Л. И. Иванов — провели 2 тайные встречи инициативных рабочих, на которых был выработан план действий и составлены требования» — так освещались события стачки в советской литературе. Кем же в действительности являлись эти передовые рабочие? По словам жандармского полковника Николая Ираклиевича Воронова, «прошлое этих лиц представляется сомнительно благонадежным».^[131] П. А. Моисеенко и Л. И. Виноградов (Иванов) — крестьяне Смоленской губернии, принадлежали к тайному политическому сообществу, занимались подпольной деятельностью. Оба неоднократно арестовывались за хранение нелегальной литературы и были в ссылке в Восточной Сибири. В. С. Волков — серпуховской мещанин, которого жандармский полковник именует «влиятельным деятелем» — так велика была сила его воздействия на толпу. «Руководители забастовки и ее активные участники... нарушали дисциплину, часто прогуливали, и их больше всех штрафовали за порчу товара».

Итак, 7 января 1885 года рабочие отказались приступать к своим обязанностям. Первый день стачки ознаменовался массовыми беспорядками. Стачечники стали громить фабричную контору, лавки, квартиры ткацкого мастера А. И. Шорина и других мастеров, чьи действия вызывали у рабочих острое недовольство. Разгром сопровождался драками и грабежом. Ограблению подверглись дома служащих Никольской мануфактуры, хлебопекарня, товарные склады и магазины. «Рабочие-погромщики забирали домашнюю утварь, били окна, ломали двери, растаскивали по своим домам мешки с мукой, и при этом не было недостатка в водке». По указке руководителей стачки были совершены нападения на военный караул — и даже на отдельных военных чинов. В

советской литературе принято отмечать, что еще в начале забастовки «руководителям стачки удалось прекратить погром», однако это не так. Напротив, они являлись «главными зачинщиками и вожаками буйства и грабежа». Наиболее авторитетный из трех лидеров, В. С. Волков, «с флагом в руках предводительствовал в уличных беспорядках во все дни до самого ареста; он руководил толпою, которая слушалась и подчинялась ему безусловно».

Днем 7 января Т. С. Морозов, напряженно наблюдавший за ходом стачки, телеграфировал владимирскому губернатору И. М. Судиенко: «Рабочие бунтуют, бьют стекла, разбили в школе, конторе директора, разбита харчевая лавка, беспорядок увеличивается». Еще одна телеграмма была отправлена через два часа: «На фабрике положительно бунт, толпы рабочих ничем и никем не сдерживаются, представляется опасность для жизни живущих». И еще час спустя, когда стало ясно, что миром стачка не завершится: «Находимся в крайней опасности, народ бунтует. Убедительнейше просим возможно скорее прислать войска для прекращения беспорядков».

Восьмого января на фабрику прибыл владимирский губернатор в сопровождении войск. В подавлении беспорядков участвовали полк пехоты и пять сотен казаков. 11 января В. С. Волков вручил губернатору «Требования по общему согласию рабочих», которые были предъявлены не только фабрикантам, но и правительству. В тексте говорилось о необходимости учреждения государственного контроля над заработной платой и о принятии законодательных изменений в условиях найма. Кроме того, рабочие выдвигали ряд экономических требований непосредственно к руководителям производства. Разбой продолжался. В итоге пришлось прибегнуть к репрессивным мерам. По приказу губернатора значительная группа стачечников, в том числе руководители забастовки, была арестована. Саму же стачку властям удалось подавить силовым путем лишь 17 января.

По настоянию главы Владимирской губернии Т. С. Морозов пошел на некоторые уступки — в тех вопросах, удовлетворение которых не считал несправедливостью. Стачка закончилась, но ее последствия оказались сильнее, чем можно было предположить.

Описываемые события пришлось пережить на то время, когда до окончания четвертого — выпускного — курса Савве Тимофеевичу оставалось всего одно полугодие или около четырех месяцев учебы. На молодого коммерсанта, которому не исполнилось и двадцати трех лет, Морозовская

стачка произвела неизгладимое впечатление. Она стала первым крупным потрясением в биографии Саввы Тимофеевича Морозова. Стачка неумолимо вторглась в повседневный быт Морозовых и сломала самые его основы, всегда казавшиеся незыблемыми.

Во-первых, отечественная промышленность подверглась проверке на прочность, и основная тяжесть удара пала на плечи уже немолодого Тимофея Саввича Морозова. Савва Тимофеевич не мог не переживать за отца — уже говорилось, что между ними существовала особая эмоциональная связь. Может, в студенческие годы связь эта несколько ослабла, но отнюдь не исчезла. Тимофей Саввич Морозов был все еще силен, был уверен в том, что, ведя дело прежними методами, он передаст его сыну работающим так же четко, как хорошо отлаженный механизм. И вдруг в этом механизме произошел сильнейший сбой — причем когда произошел? В момент, когда самому Тимофею Саввичу уже пошел седьмой десяток, а старший сын только доучивался в университете и еще не был готов принять дело из отцовских рук. Кроме того, подобного в русской промышленности до сих пор не происходило. Прежние стачки «возникали по инициативе самих пролетариев, без воздействия пришлых элементов, чего нельзя было сказать о стачке на Никольской мануфактуре». А значит, не было выработано стратегии по борьбе с подобными потрясениями. Что следовало предпринять купцу — продолжить жестко стоять на своем или же проявить гибкость, пойти на уступки рабочему люду? Трудно в таких обстоятельствах не растеряться... А растерянность, неумение быстро справиться с ситуацией — далеко не те качества, которые отец хочет продемонстрировать повзрослевшему сыну. По-видимому, Тимофей Саввич решил как можно крепче держаться своих позиций. Благодаря этому впервые обнаружились существенные разногласия между ним и Саввой: если отец стоял на своем, то сын считал, что необходимо уступить, чтобы не потерять еще больше.

Во-вторых, из-за стачки заметно пошатнулась деловая репутация Тимофея Саввича. Более того, доброму имени фирмы «Саввы Морозова сын и К^о» был нанесен серьезный ущерб. Эта марка и раньше была известна по всей России, но слава ее была положительной. Под словами «Савва Морозов» подразумевались широкий ассортимент и отличное качество тканей, солидная деловая репутация, неизменный успех в делах. Теперь же на первое место выдвинулся мощный отрицательный компонент известности: «Савва Морозов» — изверг и кровосос, эксплуататор рабочего класса... И неважно, что «эксплуататор» строит для рабочих больницы, библиотеки, детские сады — это отходит на второй план, ведь слава о

благих делах Тимофея Саввича не выходила за пределы Орехово-Зуева. Морозовская стачка стала не только позорным пятном на морозовском деле, но и ярлыком, навешенным на шеи его владельцев — как отца, так и сына.

Будучи человеком молодым, честолюбивым, Савва Тимофеевич остро переживал этот удар по репутации. Тем более что из-за стачки само упоминание дельцов Морозовых вызывало в обществе отторжение, будто бы они вдруг стали носителями неизвестной, но очень опасной болезни. В начале 1880-х годов Товарищество «Саввы Морозова сын и К°» считалось крупнейшим предприятием России. На его фабриках, а также на соседних предприятиях работали тысячи человек — и все они либо участвовали в стачке, либо наблюдали за ее ходом. Все эти тысячи, сами того не ведая, стали носителями революционной заразы, которая уже во второй половине 1880-х начала активно распространяться по Владимирской губернии, а затем вышла далеко за пределы Орехово-Зуева. «В губерниях Московской, Владимирской и Ярославской начались... рабочие бунты... Рабочие прекращали работу... разрушали фабричные здания и машины, иногда поджигая их, избивая администрацию и т. п.». Начальной же точкой этих событий стало Никольское. Впоследствии Савва Тимофеевич вспоминал в беседе с А. Н. Серебровым: «Слышали, конечно? «Знаменитая» Морозовская стачка восемьдесят пятого года? После этой стачки порядочные люди перестали со мной здороваться, а в народе и по сей день распевают заторные песни про Савву Морозова, и все думают, что это про меня. Иди, доказывай, что я не Тимофей Саввич!»^[132]

И, наконец, третье. Стачка заставила Савву Морозова вынырнуть из уютного мира кабинетной науки и с головой окунуться в суровую реальность. Молодому купцу пришлось раньше времени повзрослеть и с полной отдачей включиться в коммерческую деятельность. Судя по сохранившимся документам, отец привлек старшего сына к работе в правлении вскоре после стачки, когда жизнь на фабрике начала входить в прежнее русло. Савва Тимофеевич Морозов в возрасте двадцати трех лет в марте 1885 года был избран одним из директоров Товарищества Никольской мануфактуры. Один из первых приказов директора С. Т. Морозова датируется 30 июля 1885 года.^[133]

Иными словами, последние месяцы пребывания Саввы Тимофеевича в университете совпали с периодом его погружения в предпринимательскую жизнь. Ему пришлось управляться одновременно с двумя делами, одно из которых, а именно управление фабричными делами, было ему не очень-то

по душе. Тем не менее он еще не оставлял надежд состояться в качестве ученого. Этим и объясняется тот факт, что он подал прошение о написание кандидатского рассуждения. Однако... его ученой карьере помешали состояться непосредственные последствия Морозовской стачки.

Последствия Морозовской стачки оказались неожиданно сильны. И дело не в том, что Никольская мануфактура понесла колоссальные убытки. По свидетельству жандармского полковника Н. И. Воронова, за 11 дней стачки «одних стекол выбитых в разных зданиях фабрики насчитывалось от 10 до 11-ти тысяч. За вставку стекол уплачено было до 3-х тысяч руб[лей] ... Испорчены машины и станки, порваны ремни-проводники, даже порезаны».^[134] Один только ущерб, причиненный погромом харчевой лавки и хлебопекарни, составил более шести тысяч рублей — весьма существенная по тем временам сумма! Ее величину можно понять, если провести небольшую аналогию. Так, художник М. В. Нестеров, получивший в 1889 году за свою картину «Пустынник» 500 рублей, отправился на эти деньги в трехмесячное путешествие по Европе; он подробно осмотрел города Италии с их всемирно известными соборами и картинными галереями, побывал в Австрии, Франции и Германии. В целом урон, нанесенный забастовщиками, был оценен в 11 900 рублей. Прямой же убыток от того, что в течение одиннадцати дней не велись работы на мануфактуре, достиг и вовсе гигантской суммы — 35 тысяч рублей. После окончания забастовки работы на Никольской мануфактуре возобновились. Если 7 января 1885 года на фабрике работало 6299 человек, то уже в марте число рабочих увеличилось до 6930^[135] — притом что расценки остались прежними. Работа предприятия стала входить в привычное русло.

Дело даже не в том, что по репутации предприятия был нанесен серьезный удар. Доброе имя фирмы еще можно было восстановить.

Наиболее тяжелым последствием Морозовской стачки для Тимофея Саввича, а равно и для его сына, стал моральный ущерб. Вся его тяжесть обрушилась на плечи коммерсанта через год с небольшим после январских событий 1885-го и стала для него неприятной неожиданностью.

Над активными участниками Морозовской стачки во Владимирском окружном суде состоялось два судебных процесса. Один из них прошел в феврале, другой — в мае 1886 года. Большую роль в деле сыграл суд присяжных, введенный в результате Судебной реформы 1863–1864 годов. Дело в том, что февральский процесс 1886 года, вынесший обвинительный

приговор нескольким наиболее активным участникам стачки, проходил без участия присяжных. Владимирский окружной прокурор, следивший за строгим соблюдением законодательства, заявил протест. Второй процесс над рабочими уже проходил в присутствии присяжных заседателей. Он продолжался с 23 по 27 мая 1886 года и, в отличие от первого, получил широкую огласку. Во многом — благодаря тому, что дело обернулось не в пользу Тимофея Саввича.

Суду присяжных были переданы «рабочие в числе 33-х человек, содержащихся под стражею, и 72 человек, находящихся на свободе, под надзором полиции». В их число входили зачинщики стачки — П. А. Моисеенко и В. С. Волков. Все они были привлечены «по обвинению в подстрекательстве к буйству толпы, в нападении на военный караул и в погроме фабрики Тимофея Морозова». Рабочих защищали крупнейший судебный оратор того времени, «московский златоуст» Ф. Н. Плевако, а также его ученик, адвокат Н. П. Шубинский. Плевако славился не только склонностью к виртуозной импровизации, но и своей необъективностью: вместо строгой апелляции к фактам он нередко играл на чувствах присяжных. Так, уже позже, участвуя в процессах о фабричных беспорядках, адвокат старался вызвать у присяжных сострадание к несчастным рабочим, «...обессиленным физическим трудом, с обмершими от бездействия духовными силами, в противоположность нам, баловням судьбы, воспитываемым с пеленок в понятии добра и в полном достатке». Дело о Морозовской стачке не стало исключением в карьере адвоката. Его горячие речи в защиту рабочих возымели свое действие.

Неожиданно для самого себя Тимофей Саввич обнаружил, что роли в судебном театре поменялись. Теперь уже рабочие стали стороной обвинения, а сам он оказался обвиняемым. Вот как много лет спустя описывал происходящее его сын: «Старик испугался. До тех пор в России настоящих стачек не бывало. А тут еще суд нарядили. Судили, конечно, не отца, а забастовщиков, но адвокаты так ловко дело повернули, что настоящим-то подсудимым оказался отец. Вызвали его давать показания. Зала полнешенька народу. В бинокли на него смотрят, как в цирке... Кричат: «Изверг!», «Кровосос!» Растерялся родитель. Пошел на свидетельское место, засуетился, запнулся на гладком паркете — и затылком об пол. И, как нарочно, перед самой скамьей подсудимых!.. Такой в зале поднялся глум, что председателю пришлось прервать заседание».^[136]

Защита проигнорировала все доводы обвинителей. Она не обратила внимания на результаты расследования, проведенного судебным следователем П. Боскаревым. Она сознательно искажала показания Т. С.

Морозова и условия быта рабочих; так, Ф. Н. Плевако утверждал: «Фабричная администрация, вопреки общему закону и условиям, не отапливает заведения, — рабочие стоят у станка при 10–15 градусах холода. Вправе они уйти, отказаться от работы при наличии незаконных действий хозяина или должны замерзнуть геройской смертью, буде не переживут срока договора?» Однако на сегодняшний день в руках исследователей имеются памятные книги распоряжений Товарищества Никольской мануфактуры. Согласно этим документам, Тимофей Саввич «строго следил за температурно-влажностным режимом и не разрешал допускать колебаний температуры, нарушающих диапазон 20–22°», так как это негативно сказывалось на качестве получаемого товара. «При 10–15° выше нуля работы производить бессмысленно, поскольку нить будет постоянно обрываться, и более или менее качественную пряжу или ткань получить не удастся».^[137] Помимо искажения фактов адвокаты умудрились «...отрицать очевидное: разрушения, грабеж и истребление имущества, мотивируя это тем, что потолки, полы и стены домов остались на месте. В связи с этим в следственных протоколах появился горький вопрос: «А могли бы жить защитник в таком здании, в котором выбиты стекла, выбиты рамы и сбиты с петель двери, да еще зимой?».^[138]

Присяжные, на разрешение которых суд поставил 101 вопрос о виновности подсудимых, ответили на все вопросы отрицательно; таким образом, обвиняемым был вынесен оправдательный вердикт. «Вышел суд, все стремительно направились в залу суда. Тут удалось услышать явственно слова господина] председателя суда: *«Нет, не виновны, действовали в свою защиту»*. Исключением стали лишь «вожди» стачки — получив на предыдущем, февральском процессе обвинительный приговор, теперь они не могли быть оправданы, поэтому их сослали в северные губернии.

Таким образом, из 105 обвиненных в беспорядках буянов наказание понесли только трое. Остальные — 102 человека — оказались оправданы и отпущены на свободу. Единственным же виновником стачки в конечном итоге оказался... Тимофей Саввич Морозов.

Такое решение суда стало настоящей сенсацией. Правительство не на шутку встревожилось, осознав, какие последствия оно может за собою повлечь. Именно рабочие впоследствии станут удобным орудием, при помощи которого будет разрушено здание Российской империи. Более мобильное, более агрессивное, привыкшее к сплоченным действиям и лучше поддающееся агитации, чем раскиданное по всей стране,

привязанное к земле крестьянство. Вскоре после окончания майского процесса «последовало высочайшее повеление, чтобы дела о беспорядках рабочих на фабриках в окружных судах производились без участия присяжных». Однако это распоряжение опоздало. Опасный прецедент уже был создан. В донесении от 6 июня 1886 года Н. И. Воронов писал о «бессмысленном и безобразнейшем» оправдательном вердикте: это «... событие встревожило власти, которые менее всего ожидали такого исхода дел, на фабрикантов навело панику и озадачило их, но на фабричных рабочих, и в особенности же на вожаков стачек и руководителей всяких беспорядков оно произвело торжество, дав вместе надежду, что и в будущем их незаконные действия останутся безнаказанными». Впоследствии опасения жандармского полковника получают подтверждение делом. Стачки рабочих, в том числе организованные извне, станут привычным явлением российской жизни, а от стачек недалеко и до демонстраций...

Такой оборот дела негативно сказался на психике и самочувствии Тимофея Саввича. Пять дней, которые длился судебный процесс, подкосили здоровье еще крепкого, но пожилого человека. Любимое дело, которому он посвятил всю жизнь, в которое вложил душу, вдруг показало себя с неприглядной стороны, причинило старому хозяину сильную боль. С этого момента Тимофей Саввич стал понемногу сдавать. По словам Саввы Тимофеевича в изложении А. Н. Сереброва, «приехал отец из суда — и прямо в постель. Целый месяц пролежал в горячке. Встал совсем другим человеком: состарился, озлобился, о фабрике и слышать не хочет. Продать ее, а деньги в банк, — там спокойнее, и никаких рабочих! Кабы не матушка моя, Марья Федоровна, быть бы мне теперь банкиром! Она его уговорила» оставить предприятие пайщикам, большую часть которых составляли члены семейства Морозовых.

Оправившись от потрясения, Тимофей Саввич начал потихоньку удаляться от дел. Поручив свои обязанности директора-распорядителя другим членам правления — зятю А. А. Назарову, затем старшему сыну, владелец Никольской мануфактуры отправлялся в Крым восстанавливать подорванное здоровье. Теперь старшему сыну, Савве Тимофеевичу, пришлось вникать в дела предприятия гораздо глубже. Впрочем, полноценное погружение произошло не сразу. Ведение основных дел фирмы взяла на себя Мария Федоровна Морозова, ей помогали другие пайщики. А Савва, хотя работа на семейном предприятии и стала отнимать у него гораздо больше времени, по-прежнему пытался совмещать ее с учебой.

Как уже было сказано, в мае 1885 года Савва Тимофеевич окончил курс университетского обучения со степенью кандидата, после чего подал прошение на написание кандидатского рассуждения. Однако с марта 1885 года он исполнял функции одного из директоров Товарищества Никольской мануфактуры. Очевидно, директорская должность требовала гораздо больше времени, нежели он предполагал. По-прежнему продолжался кризис, вызывавший отчаяние у многих промышленников. Так, крупный промышленник Н. К. Крестовников писал: «В 1885 году происходит в нас сильный поворот к пессимизму. Мы стараемся сократить расход на содержание контор, складов; сокращаем число комиссионерств и в результате доходим до сокращения сбыта... Дух наш поник, и мы снова заговорили о ликвидации!»^[139] Чтобы удержаться на плаву, приходилось предпринимать гораздо больше усилий, нежели в более благополучные годы. Кроме того, весь 1885 год, как и первая половина 1886-го, для семейства Морозовых прошел в напряженном ожидании суда.

Выполнить учебно-квалификационную работу в срок С. Т. Морозов не успел, о чем свидетельствует его новое прошение на имя ректора Московского университета. Оно составлено 12 февраля 1886 года, через четыре дня после первого судебного процесса по делу зачинщиков Морозовской стачки (проходил 7–8 февраля). Морозов писал: «Имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство отсрочить мне свидетельство на жительство впредь на 6 месяцев, так как мне кандидатское рассуждение отложено на означенный выше срок».^[140] Однако даже то, что ему пошли навстречу и предоставили дополнительное время, не спасло молодого купца. С каждым месяцем он все сильнее втягивался в дела мануфактуры. В начале августа 1887 года Тимофей Саввич отправился в Крым поправлять здоровье. Вернулся из поездки он только 14 октября. На протяжении этого времени его старший сын исполнял обязанности отца по фабрикам. «В следующем году эта ситуация повторилась. Таким образом, он (Тимофей Саввич. — А. Ф.) сумел подготовить членов Правления к самостоятельной работе в качестве руководителей».^[141]

Очевидно, осенью 1887 года Савва Морозов окончательно осознал, что, в силу сложившихся обстоятельств, он так и не сумеет написать квалификационную работу. Поэтому 4 ноября 1887 года он вновь подал на имя ректора прошение, где говорилось: «Честь имею просить Ваше превосходительство об утверждении меня в звании действительного

студента^[142] ввиду того, что мною не предоставлено своевременно кандидатское разсуждение». Аттестат об окончании Императорского Московского университета Савва Тимофеевич Морозов получил 17 декабря 1887 года. Документ свидетельствовал, что С. Т. Морозов «...при *отличном* поведении окончил курс по отделению естественных наук Физико-математического факультета и за оказанные им *хорошие* успехи, определением Университетского Совета, 31 октября 1887 года состоявшимся, утвержден в звании действительного студента».^[143]

Начиная с осени 1887 года дела мануфактуры должны были поглотить Савву Тимофеевича целиком. Тем более что его младший брат Сергей «из-за своей нервной болезни» постоянно уклонялся от участия в делах фирмы. «С конца 1887 года С. Т. Морозов как директор Правления Никольской мануфактуры стал получать жалованье и наградные, что в 1888 году составило 30 300 рублей в год. Имел он в то время и собственное движимое имущество, включавшее высокодоходные паи Трехгорного пивоваренного общества, Купеческого банка и акции Торгового банка».^[144] Тогда же, в 1887 году, Савва Тимофеевич был выбран кандидатом в директора Товарищества «Братья Крестовниковы и К°», паями которого он также располагал.^[145] Казалось бы, в таких обстоятельствах С. Т. Морозов мог похоронить надежду когда-либо состояться на научном поприще. Тем не менее у него оставался еще один шанс.

В те годы среди купцов-текстильщиков было принято отправлять своих отпрысков за границу, чаще всего в Европу. Там они знакомились с новейшими достижениями промышленности, уделяя особое внимание текстильной отрасли: посещали фабрики и выставки, завязывали полезные знакомства, а то и наравне с простыми рабочими обучались премудростям текстильного дела под руководством заграничных мастеров. По свидетельству современных исследователей, брат Тимофея Саввича, Захар Саввич Морозов, «...считал необходимым изучать зарубежный опыт в текстильной отрасли, его потомки неоднократно бывали за границей». Глядя на сверстников, Савва Тимофеевич решил воспользоваться этой возможностью и съездить за границу в образовательных целях. Когда именно состоялась эта поездка и сколько времени заняла, пока, к сожалению, не выяснено. Известно лишь, что Морозов-младший покинул родину после получения аттестата об окончании университета, пробыл за границей несколько месяцев и вернулся домой при жизни Тимофея Саввича. Таким образом, поездку надо датировать промежутком между

декабрем 1887-го и октябрем 1889 года. Зато сохранились некоторые свидетельства о том, где именно Савва Тимофеевич успел побывать и чем занимался.

Совершенствовать образование он отправился в Англию. Это неудивительно: в ту эпоху Англия была лидером в текстильной отрасли — как, впрочем, и в промышленности вообще. По свидетельству купца Николая Александровича Варенцова, «вся английская промышленность стояла в то время неизмеримо выше, чем промышленность во всех европейских странах; то же можно сказать о культурности английских рабочих, с которыми в то время не могли тягаться рабочие других государств, вследствие чего Англии не приходилось бояться конкуренции кого-либо». Для молодых коммерсантов, желавших отшлифовать свое образование и получить новые навыки, Англия нередко являлась наиболее желанной целью. Поскольку Савва Тимофеевич с раннего детства усиленно изучал английский, проблем в общении с англичанами не возникло.

По свидетельству его внука, Савва Тимофеевич жил и проходил обучение как минимум в двух английских городах: в Манчестере и Кембридже. И то и другое вполне объяснимо. Манчестер в XIX веке являлся мировым лидером среди центров текстильной промышленности. Здесь располагалось множество текстильных фабрик, которые славились качеством выработки тканого материала. В Манчестере С. Т. Морозов «набирался сноровки, опыта у мастеров по ткачеству, прядению, крашению тканей». ^[146] Иными словами, изучал теорию и практику текстильного дела. Как это происходило, можно понять из воспоминаний другого купца, Петра Ивановича Щукина, который в 1870-х годах также обучался за границей.

В 1875 году П. И. Щукин осваивал теорию фабрикации шелковых тканей, а по окончании этого курса опробовал ее на практике — собственноручно ткал бархат у одного мастера, владевшего несколькими станками. «Работал я у этого мастера с месяц, причем бархат, который я ткал, был очень широкий, вследствие чего выработка подвигалась весьма медленно. Моя работа состояла в том, что я приводил в движение челнок с утком, пропускал железный прутик с желобком и разрезал сплетение ниток особым ножом... По мере выработки бархата он укладывался, чтобы не мялся, в деревянный цилиндр, приделанный к станку». ^[147] Очевидно, этот этап обучения был необходим, чтобы молодой купец научился разбираться в качестве приобретаемой для продажи мануфактурной продукции, и Савва Тимофеевич его также проходил. По собственному свидетельству Морозова, в Манчестере он «работал... на текстильной фабрике». Помимо

практики промышленного дела обучался Савва Тимофеевич и теории. В Кембридже он совершенствовал свои познания по химии: слушал лекции наравне с другими студентами, «собирался защищать в Кембридже диссертацию по химии, — я ведь специалист по краскам, патенты имею, — но не вышло из меня ученого». В связи с семейными обстоятельствами Савва Тимофеевич был вынужден опять — на этот раз навсегда — прервать обучение и вернуться на родину.

Морозов окончательно отказался от научной карьеры и посвятил свою жизнь фабрике. Однако тоска о несбывшейся мечте по временам всё же будоражила его, заставляя чувствовать, что он находится не совсем на своем месте. Максим Горький, описывая одну из своих первых встреч с Саввой Морозовым, рассказывал: «Кто-то сказал мне, что он учился за границей, избрав специальностью своей химию, писал большую работу о красящих веществах, мечтал о профессуре. Я спросил его: так ли это?

— Да, — с грустью и досадой ответил он. — Если б это удалось мне, я устроил бы исследовательский институт химии. Химия — это область чудес, в ней скрыто счастье человечества, величайшие завоевания разума будут сделаны именно в этой области».^[148]

Обычно ипостась ученого дремала в купце, но в самые неожиданные моменты она пробуждалась. Это происходило во время фабричной работы, когда необходимо было заняться красителями для тканей, — и в те моменты, когда дела театра требовали творческого подхода. В очерке о крупном купце-миллионщике, нижегородце Н. А. Бугрове тот же Горький описывал обед, на котором присутствовали сам Алексей Максимович, Бугров и Морозов. «Бугров уже сидел в отдельном кабинете у накрытого стола, два официанта в белом, как покойники в саванах, почтительно и молча суетились, расставляя тарелки с закуской... Савва был настроен нервно и раздраженно; наклонив над тарелкой умное татарское лицо, он торопливо, дробной речью, резкими словами стал передавать рассказ какого-то астраханского промышленника о том, как на Каспии истребляют сельдь, закапывая в песок берегов миллионные избытки улова.

— А из этого можно бы приготовить прекрасный удобрительный тук, рыбью чешую превратить в клей...

— Все ты знаешь, — вздохнув, сказал Бугров.

— А вот такие, как ты, сидят идолами на своих миллионах и ничего не хотят знать о нуждах земли, которая позволяет им сосать ее. У нас химическая промышленность не развита, работников для этого дела нет, нам необходимо устроить исследовательский институт химии, специальные

факультеты химии нужны».^[149] В Савве Тимофеевиче говорил не теоретик, а практик, превосходный знаток своего дела. Впоследствии он начнет претворять свою программу в жизнь, но, к сожалению, не успеет ее реализовать в полной мере.

Есть люди, которые заняты своим делом — тем, которое полностью отвечает их устремлениям и позволяет в наибольшей мере раскрыться их талантам. Эти счастливицы легко шествуют по уготованному им пути, нередко принимая выпавшие на их долю лишения как должное: наградой за все страдания служит редкая возможность заниматься любимым делом. Савва Тимофеевич такой возможности оказался лишен. Это был человек, вечно сомневающийся, тем ли, чем надо, он занят, вечно стремящийся к некоей смутно угадываемой и постоянно ускользающей, как радуга, цели. Вечно жалеющий, как Егор Булычов: «*Жил я мимо настоящего дела*». Но всё это придет потом. А в самом конце 1880-х годов Савва Тимофеевич был полон кипучей энергии. На уме у него, помимо Никольской мануфактуры, помимо химии и ученых степеней, были и другие, не менее важные дела. В ряду этих дел едва ли не первое место занимала женитьба.

История женитьбы Саввы Морозова довольно любопытна. Ее обстоятельства немало говорят о характере и убеждениях молодого купца. Получив директорский пост и обретя финансовую самостоятельность, Савва Тимофеевич впервые в полной мере почувствовал собственную силу, а также связанную с ней ответственность за себя и близких. Пора было подумать и о создании собственной семьи. В этом вопросе Савва Тимофеевич повел себя недолжным для христианина образом: влюбился в замужнюю женщину. Причем влюбился страстно, буйно, потеряв голову от охвативших его чувств.

Предметом увлечения Саввы Морозова стала молодая старообрядка Зинаида Григорьевна (1867–1947), урожденная Зимина. Среди современников Морозова было распространено убеждение, что З. Г. Зимина происходила из рабочей среды и трудилась на одном из предприятий клана Морозовых. Так, князь С. А. Щербатов называет ее бывшей ткачихой. М. А. Алданов пишет, что рабочие уважали Савву Тимофеевича не только за постоянную заботу о их интересах, но и так как «...знали, что он женат на красавице «присучальщице»,^[150] еще не так давно стоявшей за фабричным станком». Однако современные исследования показали, что наемной работницей Зинаида Григорьевна не была. Дочь богородского купца второй гильдии, почетного гражданина Г. Е. Зимина, с детства готовили к

исполнению купеческих обязанностей. Работать за станком она могла с той же целью, что и Савва Тимофеевич в Манчестере — чтобы понять самые основы текстильного дела.

В середине 1880-х годов Зинаида Григорьевна была замужем за Сергеем Викуловичем Морозовым — двоюродным племянником Саввы Тимофеевича. Одна из современниц, хорошо знавшая супругов Морозовых, писала о их взаимоотношениях: «Не думаю, чтоб любовь была. Просто она была очень бойкая, энергичная, а он слабохарактерный, нервный очень. И очень хорош собою, волосы хорошие. Чем-то на француза походил». Безвольность мужа, его страсть к азартным играм и скачкам, а также полное нежелание заниматься семейным делом вряд ли были по нутру энергичной Зинаиде Григорьевне. То, что в первом, недолгом, браке купеческая дочь жила без любви, подтверждают ее собственные воспоминания: «Он очень меня любил, но всегда мне говорил: «Я тебе не пара». Он был немного странный человек, и я его любила, как друга». ^[151] Но любовь к другу и любовь к мужу — такие разные, диаметрально противоположные явления...

Современные исследователи утверждают, что Савва Тимофеевич впервые увидел Зинаиду Григорьевну еще будучи студентом, в день ее венчания с Сергеем Викуловичем. Невесте было 17 лет — на семь лет меньше, чем жениху. Отношения двух купцов Морозовых были добрыми. Однажды Савва Тимофеевич пригласил Сергея Викуловича на один из вечеров, устраивавшийся в «Клубе служащих» Никольской мануфактуры. «Но накануне Сергей уехал на охоту, а Зинаида, проявив упрямство и своенравие, пришла одна. Савва Тимофеевич быстро подошел к ней и любезно проводил в зал. Так началось их знакомство. А вскоре в Орехово-Зуеве заговорили о новом увлечении С. Т. Морозова, до Марии Федоровны дошел слух о тайной переписке сына с Зинаидой и их встречах. Мария Федоровна говорила об этом с сыном, но Савва упорно молчал и продолжал встречаться с Зинаидой». ^[152]

Чувство Саввы Тимофеевича к юной Зинаиде было взаимным и столь сильным, что молодые люди не остановились даже перед разводом, инициатором которого, по-видимому, являлся Савва. В ту эпоху развод, да еще в старообрядческой среде, являлся страшным грехом, делом практически немислимым. Он бросал тень позора не только на разводящуюся пару, но и на родственников с обеих сторон. Да и разрешения на развод добиться было непросто; ситуацию несколько облегчало лишь то, что у семейной пары не было детей.

Зинаида Григорьевна долго сомневалась, прежде чем решиться на развод. Ведь она не только обрекала себя на общественное порицание и крупную ссору с родственниками, но и вступала на зыбкую почву, где всё ее будущее зависело только от Саввы и его порядочности. Свое тяжелое состояние она описывает в мемуарах: «Когда началась моя любовь к Савве Тимофеевичу, мы с Серг[еем] Викул[овичем] были в Крыму, мне было 18 л[ет], и я, не будучи плаксивой, целые дни плакала и не знала: решаться ли мне на развод... Я помню, я сидела у окна... К дому, где мы жили, подъезжает коляска, запряженная четверней. Выходит из нее А. А. Остроумов (он уезжал с своей женой), в руках у него букет дивных роз, который он несет как-то боком, входит ко мне и говорит: «Все ревешь... на цветы». Он знал мою драму и понимал, что в то время развод не шутка».

[153] Через много лет после этого события Зинаида Григорьевна с теплотой отзывалась об Алексее Александровиче Остроумове — выдающемся русском враче-терапевте, профессоре терапевтической клиники Московского университета (с 1880 года): хотя Остроумов и держал себя «резко, даже временами грубо», это «...был человек большой души, ко мне он относился трогательно».

Несмотря на все переживания, 26 января 1887 года решением Владимирского окружного суда брак Зинаиды Григорьевны и Сергея Викуловича Морозовых был расторгнут. «Весной 1888 года Савва и Зинаида стали встречаться почти открыто». Родители восприняли такую связь «...как немалый позор. Мария Федоровна вызвала к себе Савву, но, увидев его счастливые глаза, спокойную убежденность в своей правоте и уверенность в будущем с Зинаидой, не стала уговаривать его расстаться с этой женщиной».

[154] Видимо, Мария Федоровна, будучи женщиной умной и многоопытной, понимала, что переупрямить старшего сына она не в силах. Запретный плод, как известно, приобретает особую сладость. Поэтому... не лучше ли отойти в сторону и подождать — авось Саввушка пресытится общением с любезной ему «разводкой» и выберет себе невесту получше? А чтобы избежать скандала, можно было бы выплатить Зинаиде Григорьевне определенную сумму или даже обеспечить ее пожизненным содержанием. Однако подобным мыслям, если они и мелькали в голове Марии Федоровны, не суждено было осуществиться.

После того как Зинаида расторгла первый брак, прошло около двух с половиной лет. Ее бурный роман с Саввой Тимофеевичем продолжался, об официальном оформлении отношений речи не шло. И вдруг... «Как гром среди ясного неба прозвучало для Марии Федоровны заявление сына о том,

что они с Зинаидой Григорьевной ждут ребенка и вопрос о свадьбе для него решен окончательно». Конечно, по отношению к избраннице Савва Тимофеевич поступил как порядочный человек. Но его решение не на шутку обеспокоило родственников, так как являлось нарушением важнейших норм его среды. Молодой купец открыто бросал вызов основам своей веры, ввергая две души — свою и Зинаиду — в страшный соблазн. Кроме того, дело шло ни много ни мало о чести двух почтенных семейств! Женитьба на разведенной особе в старообрядческой среде считалась «грехом и позором». Это событие бросило бы тень и на Морозовых, и на Зиминых. Внук Саввы Тимофеевича передает фразу, сказанную Зинаидой Григорьевной: «Когда разъехались мы с Сергеем да пошла я по второму разу под венец... сказал родитель: «Мне бы, дочка, легче в гробу тебя видеть, чем такой позор терпеть»». ^[155]

Тут уж было не до политики. Родители сделали всё возможное, чтобы изменить решение сына. Савва Тимофеевич «с обидой вспомнил слова матери Марии Федоровны: «Да уж порадовал ты меня, Саввушка. Первый жених на Москве, а кого в дом привел... Что бесприданница твоя Зиновия — еще полбеда, разводка — вот что плохо»». ^[156] Однако никакие уговоры на Савву не подействовали. «Для Саввы Тимофеевича, обладателя двух университетских дипломов, изъездившего половину Европы... не было невесты, желаннее этой «разводки». Ради нее... едва не рассорился с родителями, пока добился благословения на брак». Родителям и жениху, и невесте оставалось только одно: смириться с решением своих детей и скрепя сердце благословить молодых. Поэтому 18 июня 1888 года Тимофей Саввич и Мария Федоровна Морозовы, а также купец 2-й гильдии Г. Е. Зимин подписали «Предварительное объявление, по которому законного препятствия к записи настоящего брака они не заявляют и поддерживают вступление их сына и дочери в законный брак».

Свадьба Саввы Тимофеевича Морозова и Зинаиды Григорьевны Зиминной состоялась 24 июня 1888 года. Жениху было 26 лет, невесте — 21 год. Молодые начали новую жизнь отдельно от родителей, въехав в собственную усадьбу на Никитской улице. Усадьба эта, скорее всего, являлась частью «родительского благословения» Тимофея Саввича и Марии Федоровны Морозовых. Любопытно, что ближайшим соседом молодых Морозовых являлся «выдающийся русский врач, профессор и директор госпитальной терапевтической клиники Московского университета Алексей Александрович Остроумов» — тот самый, который поддержал Зинаиду Григорьевну в непростое для нее время.

Савва Тимофеевич и Зинаида Григорьевна поступили по-своему, вынудив родителей пойти на уступки. При этом влюбленные не хуже родителей понимали, что их желание пожениться идет вразрез с принятыми в обществе нормами. Так, специалист по истории купеческой благотворительности Г. Н. Ульянова утверждает, что З. Г. Морозова «внесла первое крупное пожертвование в возрасте 21 года».^[157] То есть — в 1888 году, тогда же, когда она вступила в брак с Саввой Тимофеевичем. Таким образом, Зинаида Григорьевна, воспитанная в старообрядческой среде, старалась облегчить легшее на ее плечи бремя греха, усугубленного тем, что ребенок был зачат еще до свадьбы. Что касается Саввы Тимофеевича, то он, видимо, еще больше отошел от Бога. Ради любимой женщины он решился на смелый шаг — преступил религиозные каноны. Вплоть до конца 1890-х годов супружеская жизнь Саввы Тимофеевича и Зинаиды Григорьевны была счастливой.

Что же представляла собой Зинаида Григорьевна как женщина и как личность?

Красавицей Зинаида Григорьевна не слыла, но обладала эффектной, привлекательной внешностью. Ее «карие с зеленоватым отливом глаза» притягивали мужчин. А природное обаяние, безупречная осанка и хороший вкус вкупе с умением «подать себя» заменяли ей красоту. К сожалению, в описаниях современников она предстает уже немолодой женщиной, матерью троих или четвертых детей, и представить себе, какова она была в молодости, можно лишь по фотографиям. А они лишь показывают лицо и фигуру, и впрямь эффектные, но не передают движений, манер, голоса. Купец П. А. Бурьшкин, который общался с З. Г. Морозовой в 1900-х годах, писал: «Я ее помню уже не молодой, но еще очень интересной женщиной, весьма авторитетной и скорее надменной. Она была своего рода русским самородком».^[158] А князь С. А. Щербатов так отзывался о З. Г. Морозовой, с которой познакомился в 1898 году: «Женщина большого ума, с прирожденным тактом и нарядной внешностью, ловкая, хитрая, острая на язык и не лишенная остроумия, равно как и художественного чутья, с черными, умными и вкрадчивыми глазами на некрасивом, но значительном лице, принимала с поистине королевским величием, вся увешанная дивными жемчугами».^[159]

В характере Зинаиды Григорьевны было немало примечательных черт. В чем-то она даже походила на своего супруга: своевольная, предприимчивая, с хорошим чувством юмора, она, по отзывам современников, держала себя с большим достоинством, не выказывая

лишних эмоций ни в разговоре, ни в движениях. З. Г. Морозова отличалась прямоотой в суждениях, смело высказывала нелюбимые для собеседника мысли, но делала это в такой форме, что на нее не обижались. Современники так отзывались об этой черте характера Зинаиды Григорьевны: «Присущее ей чувство юмора, чувство русского эмоционального восприятия жизни, уверенность в своей правоте и не боязнь сказать прямо в глаза человеку то, что она о нем думает, сохраняя при этом добрые с ним отношения, ее жажда жизни делали ее необыкновенной».^[160] А по свидетельству ее внука, «Зинаида Григорьевна была... человеком, достойным уважения: прямым, решительным... Умела она трезво судить о своих поступках».

Бог не обидел Зинаиду Григорьевну умом, житейской сметкой и природным остроумием. Эти качества своей жены Савва Тимофеевич высоко ценил. Правда, ум ее был не слишком глубок — сказался недостаток полученного в родительском доме образования. Зинаида Григорьевна, чувствуя колоссальную разницу культурного уровня между собой и мужем, старалась восполнить этот недостаток, усиленно занимаясь самообразованием. По словам исследователей, «став женой С. Т. Морозова, Зинаида Григорьевна окружила себя учителями французского и английского и очень быстро, благодаря природным способностям, превратилась в достаточно образованную женщину». В круг ее общения входили видные политические, научные, общественные деятели, а также люди искусства — и те нередко считались с ее мнениями. По словам самой Морозовой, она нередко общалась с министром финансов С. Ю. Витте. «С[ергей] Ю[льевич] бывал у меня со своей женой, Мат[ильдой] Ивановной, и когда я ездила в Ялту, то всегда заезжала к ним. С[ергей] Ю[льевич] обыкновенно говорил со мной о делах, всегда спрашивал моего мнения, на что я всегда шуточно отвечала: «Ну что я, баба, понимаю?» А он отвечал: «А все-таки, скажите ваше мнение».^[161]

Ум Зинаиды Григорьевны Морозовой отмечали многие ее современники. В одном из писем 1903 года Антон Павлович Чехов характеризовал ее как «женщину добрую и неглупую». Незадолго до этого Чехов гостил у Морозовых на их даче в Покровском, и, по словам самой Зинаиды Григорьевны, «сначала он был со мной очень застенчив, но потом он стал понемногу отходить и так как... мы оба рано вставали, то стали пить кофе внизу на террасе, и он ко мне привык... После кофе мы обыкновенно переходили в большую комнату, садились с ним на угловой диван, который был широким и с массой подушек, и сидя на диване,

А[нтон] Щавлович] каждый раз мне говорил: «А знаете, З[инаида] Г[ригорьевна], если бы у меня был такой диван, я бы сидел на нем целый день и дремал». Говорили мы с ним обо всем и отлично друг друга понимали». ^[162] Это свидетельство тем более ценно, что А. П. Чехов разбирал людей и нередко сбегал от скучных собеседников. К. С. Станиславский также с уважением отзывался об уме Зинаиды Григорьевны, хотя некоторые другие ее качества будили в нем раздражение. В октябре 1903 года, после возобновления в репертуаре МХТ чеховской пьесы «Три сестры», Константин Сергеевич писал ее автору: «Зинаида Григорьевна с компанией была также в театре... Восхищалась пьесой и целый антракт вспоминала о Вашем визите к ней. Говорила умно и тонко». ^[163]

В отличие от Саввы Тимофеевича Зинаида Григорьевна не была человеком замкнутым. Напротив, бойкая, энергичная, острая на язык, в отношениях с людьми она чувствовала себя как рыба в воде. Ей нравилось «выходить в свет», участвовать в многолюдных мероприятиях — балах, приемах, благотворительных концертах — и вообще бывать на виду. Причем она не просто участвовала в тех или иных мероприятиях, но и проявляла организаторский талант: устраивала благотворительные концерты, многолюдные приемы, участвовала в деятельности благотворительных комитетов. П. А. Бурьшкин вспоминал о Зинаиде Григорьевне с большим уважением: «Мне доводилось с ней встречаться по городским благотворительным делам. Помню один комитет, где она с большим искусством председательствовала». Как благотворительница Зинаида Григорьевна приносила обществу немалую пользу: только на нужды Московского городского общественного управления в 1898–1913 годах она пожертвовала более 74 тысяч рублей. ^[164]

Иными словами, З. Г. Морозова любила то, чего ее супруг старался избегать, — купаться в общении с людьми. Но чрезмерная общительность жены не мешала Савве Тимофеевичу наслаждаться ее обществом. Морозов считал необходимым для жены иметь своего рода пространство свободы, где она занималась бы тем, что приносит ей удовольствие. Поэтому «к гостям жены Савва относился с должным уважением, но почти никогда на... приемах не присутствовал, ссылаясь на дела и занятость».

Наконец, было в характере Зинаиды Григорьевны одно качество, за которое современники ее сильно недолгоблюдали. Она обладала каким-то невероятным, исключительным тщеславием, в котором иной раз переходила все границы. Это качество являлось мотивом очень многих действий купеческой дочери. Так, родители окрестили ее по святцам —

Зиновией, но в быту она предпочитала пользоваться более звучным именем — Зинаида. За свою жизнь Зиновия-Зинаида трижды побывала замужем, причем с каждым новым замужеством поднималась по социальной лестнице. «З. Г. Морозова... стала сперва потомственной почетной гражданкой, затем женой мануфактур-советника... Далее, в третьем браке, она стала женой свитского генерала и помещицей, и ее имя было внесено в родословную книгу дворян Московской губернии с 1912 года».^[165] Тщеславие Зинаиды Григорьевны проявлялось в любви к роскошной обстановке и дорогой одежде, при помощи которых она стремилась утвердить свое превосходство. Кроме того, она любила производить впечатление на окружающих и при помощи высказываемых на публике «оригинальных» суждений.

Суетное желание прослыть умнее и значительнее, чем она есть, обрекало Зинаиду Григорьевну на насмешки: за глаза ее называли «кривлякой» (выражение В. И. Немировича-Данченко), а то и пустышкой, хотя таковой она совсем не являлась. Тот же Станиславский, который не так давно признавал тонкий ум З. Г. Морозовой, в 1905 году раздраженно писал в дневнике после одной из постановок: «Зинаида Григорьевна ломается и старается показаться умной, отрицая всё. Говорит скучно: «Зачем автор это писал? Он не сказал ничего нового». Ее компаньонки начинают осторожно юлить между мной и Зинаидой. Я разругался. Советовал никогда не спрашивать, зачем писал автор. Не следовать ужасной русской привычке все критиковать и играть *blase* (пресыщенность, *фр.* — А. Ф.), — это неинтересно и пошло. Это мещанство!»^[166]

Как уже говорилось, Савве Тимофеевичу также было присуще честолюбие, а в некоторых случаях и тщеславие. Так что к аналогичному качеству супруги он относился спокойно. Правда, в его семье не было заведено выставлять свое богатство напоказ, но для любимой жены С. Т. Морозов не жалел никаких средств. «Частые поездки с мужем за границу, пребывание на фешенебельных западноевропейских курортах»,^[167] хорошо обустроенная дачная жизнь в Крыму и лучших районах Подмосковья, устройство балов и благотворительных концертов, на которых Зинаида Григорьевна блистала в модных и невероятно дорогих заграничных туалетах, драгоценности, парфюмерия — всё это оплачивалось мужем из любви к жене. К дорогим туалетам жены Савва Тимофеевич относился философски: «Коли нравится тебе, модница, стало быть, хорошо. Носи на здоровье». Поощрял он и увлечения Зинаиды Григорьевны — коллекционирование фарфора, а также разведение цветов, на что ежегодно

затрачивалось от двух тысяч до четырех тысяч рублей. Его внук со слов самой Зинаиды Григорьевны писал: Морозов «...понимал, что и поездка в обществе камергеров и статс-дам за город... и благотворительный базар в пользу нижегородских сирот, затеянный ею, всё это не повредит доброму имени Никольской мануфактуры... Ну, да что там: руку на сердце положи, льстил Савве Тимофеевичу ореол, который окружал его супругу». Морозов соглашался даже на устройство женой балов, на которые она нередко приглашала аристократов. Соглашался, хотя как человек проницательный не мог не понимать того, о чем писал А. П. Чехов своей жене 13 февраля 1902 года: «Зачем Морозов Савва пускает к себе аристократов? Ведь они наедятся, а потом, выйдя от него, хохочут над ним, как над якутом. Я бы этих скотов палкой гнал».

Говоря иными словами, два честолюбца прекрасно уживались под одной крышей. Им было что обсудить друг с другом по вечерам, когда один добивался успеха на поприще общественной деятельности, другая — в благотворительной сфере или общении с аристократией. Даже когда остынет первая страсть, между мужем и женой останутся добрые приятельские отношения... Однако это будет намного позже. А пока молодые супруги наслаждались жизнью и друг другом.

Период с конца осени 1888-го по конец осени 1889 года был для Саввы Тимофеевича хлопотным. Он принес в его жизнь новые события, причем радостное переплелось с трагическим в такой тугий узел, что различить границу между ними почти не представляется возможным.

После событий 1885–1886 годов, «чтобы спасти репутацию фирмы, потребовалось очень многое изменить в фабричных порядках: были резко сокращены штрафы, несколько повышена заработная плата, введены наградные».^[168] Первые перемены произошли под неустанным руководством Тимофея Саввича. Однако старый хозяин после стачки и особенно после судебных процессов стал сдавать, чаще болеть. Дела фирмы превращались для него в тяжелую обязанность. Поэтому в конце 1880-х годов Тимофей Саввич всё больше и больше отдалялся от дел, передавая сыну свои полномочия директора-распорядителя мануфактуры. И — сильно переживал, наблюдая, как тот заводит на мануфактуре новые порядки, которые ему, Тимофею Саввичу, казались не вполне продуманными.

Действия Саввы Тимофеевича на посту директора Никольской мануфактуры являлись логическим продолжением тех мер по обустройству фабрик, которые предпринимал его отец, с одной только разницей: молодой

хозяин был более решительным. Были сокращены штрафы, существенно улучшены социально-бытовые условия для рабочих, начались модернизация оборудования, поиски подходящего топлива для предприятий и т. п. С. Т. Морозов вспоминал: «Пришлось мне попотеть. Оборудование на фабрике допотопное, топлива нет, а тут — конкуренция... Надо было всё дело на ходу перестраивать. Вот когда мне пригодилась Англия!»^[169]

Тимофею Саввичу некоторые «затеи» сына, вероятно, казались спешными, плохо продуманными. Настораживали излишнее внимание Саввы к «рабочему вопросу», его непоколебимая уверенность в том, что европейский опыт, в том числе опыт взаимоотношений между хозяином и служащим, может быть с успехом применен на русской почве. На эту тему отец и сын вели долгие беседы, в которых отец укорял сына, что тот «правит не в ту сторону», а его рабочие «острастки не знают» и потому дают много брака. Но, пожалуй, наибольшие разногласия между ними вызывал финансовый вопрос. По словам Саввы Тимофеевича в передаче Сереброва, перемены на фабрике «...стоили немалых денег, а родитель мой дрожал над каждой копейкой. Ссорились мы с ним до седьмого пота».^[170]

Так, около 10 ноября 1888 года между отцом и сыном произошла очень крупная ссора. Тимофей Саввич только-только вернулся с крымской дачи, где он поправлял здоровье в конце лета — середине осени. В его отсутствие делами правления в Москве заведовал опытный бухгалтер И. А. Колесников, а обязанности Т. С. Морозова по фабрикам исполнял в Никольском Савва Тимофеевич.^[171] Вместе с Зинаидой Григорьевной он жил в Орехово-Зуеве. Супруги ждали ребенка, до рождения которого оставалось полтора-два месяца. Той осенью в Никольском продолжались масштабные работы по расширению бумагопрядильной фабрики. Одновременно шла замена старых станков на новые, более совершенные. По подсчетам современных исследователей, эти мероприятия обошлись Товариществу Никольской мануфактуры в 700 тысяч рублей. Фантастически огромные деньги!

Вернувшись из Крыма, Тимофей Саввич не спешил возвращаться к фабричным делам. Он жил в загородном имении Усады, недалеко от Никольского. В тот день, когда произошла его ссора со старшим сыном, хозяин мануфактуры неожиданно нагрянул на фабрику с инспекцией: «Ходил... по цехам, заглядывал и в котельную, и на склады, нагоняя страх на мастеров и приказчиков». Обстоятельства ссоры со слов З. Г. Морозовой записал ее внук. Тимофей Саввич предостерегал сына от излишних рисков,

тот стоял на своей правоте... Деловой разговор окончился беседой на повышенных тонах: трудно двум хозяевам ужиться в одном кабинете. Тимофей Саввич хлопнул кулаком по столу, потом «...часто задышал, распустил узел галстука, расстегнул ворот рубашки. Отодвинул стакан с водой, услужливо поданный сыном, произнес с усилием:

— Спасибо. Может быть, теперь из кабинета прикажешь выйти, господин председатель правления?

— Это как вам будет угодно, папаша.

Тимофей Саввич тяжело поднялся, зашагал к двери. Вышел, не оборачиваясь, тихонько, без стука притворил дверь». [\[172\]](#)

После этой беседы Савва Тимофеевич находился в подавленном состоянии. Возвысить на родителя голос — само по себе грешно, тем более что отец находился уже в преклонном возрасте. Зинаида Григорьевна, узнав, в чем дело, «в ножки мужу кланялась: одумайся, мол, попроси у родителя прощения». Но получала лишь отказ: строптивому Савве Тимофеевичу тяжело было ехать к отцу с повинной, еще тяжелее признать правильным отцовский подход к делу — когда он, Савва Тимофеевич, видел необходимость управлять мануфактурой совсем иначе...

По словам Зинаиды Григорьевны, она сильно переживала «...разрыв Саввы Тимофеевича] с его отцом и уход С[аввы] Тимофеевича] с фабрики, где он так хорошо работал». И все-таки в один из вечеров «С[авва] Тимофеевич] поехал просить прощенье у отца после моих слез (а я не плаксива). Я пять дней об этом молила С[авву] Тимофеевича]». [\[173\]](#) Наконец уговоры подействовали. «Время близилось к полуночи, когда Савва Тимофеевич, приказав закладывать рысака, зашел в полутемную спальню, застегивая пальто, наклонился над кроватью жены, поцеловал ее в лоб:

— Быть по-твоему, Зина, еду в Усады.

Вскоре, бросив поводья взмыленной лошади подбежавшему лакею, Морозов шагал к загородному дому отца. Навстречу молодому хозяину торопилась встревоженная прислуга:

— Плохо с барином... Как приехали, сразу слегли.

Той ноябрьской ночью мануфактур-советника Тимофея Морозова хватил первый удар». А его старший сын до конца дней будет укорять себя, что ускорил болезнь отца.

Тем временем у Зинаиды Григорьевны начались роды. Из-за сильного волнения она разрешилась от бремени раньше срока — на восьмом месяце беременности. Первенец С. Т. и З. Г. Морозовых появился на свет 15 ноября

1888 года. «И получаса не прошло, как с лестницы понеслись поспешные шаги. В столовую хозяйского особняка стремительно вошел» доктор Владимир Федорович Снегирев. «Зинаида Григорьевна лежала на диване. Муж стоял перед нею на коленях, держа обе ее руки в своих руках». ^[174] Роды прошли тяжело, у врача были серьезные основания опасаться за жизнь матери и младенца. Зинаида Григорьевна вспоминала: «Влад[имир] Федорович] боялся, как бы не было у меня заболевания, назначил сильную дезинфекцию, которую я плохо перенесла. У меня сделался страшный озноб тела, 40 гр[адусов] температура». Взмолвленный Савва Тимофеевич вызвал другого врача — соседа по московской усадьбе, профессора Алексея Александровича Остроумова, «который сказал, что у меня отравление, бранил Владимира] Федоровича] и был в отчаянии, оказывается, не всякий организм переносит сильную дезинфекцию. Я почти год отвратительно] себя чувствовала». ^[175] Тем не менее и мать, и новорожденный сын выжили. Мальчика назвали в честь деда — Тимофеем.

Так за краткий промежуток времени в жизни С. Т. Морозова произошло два события: одно печальное, другое радостное.

Семья в жизни Саввы Тимофеевича Морозова играла огромную роль. Помимо Тимофея Зинаида Григорьевна родила ему еще троих детей: Марию (1891), Елену (1895) и Савву (1903). ^[176] Зинаида Григорьевна, несмотря на любовь к светским развлечениям, была хорошей матерью. После рождения первой дочери супруги Морозовы ездили в гости к графу Льву Николаевичу Толстому. Жена писателя, «Софья Ан[дреевна], очень была со мной любезна, — вспоминала Зинаида Григорьевна. — Я была очень молода, у меня было тогда 2-е уже детей, и С[офья] А[ндреевна], представляя меня Льву Николаевичу], сказала: «Она такая прекрасная мать!». Дети получили такое же воспитание, которое когда-то Савва Тимофеевич получил от отца. Дома «на своих постах и гувернер с гувернантками, и нянюшки, и бонны, и главенствующая над всеми «всеобщая тетушка» Варвара Михайловна, землячка по Орехово-Зуеву, свой человек на Спиридоньевке». Затем будут гимназии, университеты... С. Т. Морозов любил своих детей, не жалел никаких средств на их воспитание. Любил и жену, полную свою единомышленницу в делах. Так было до тех пор, пока жизнь Саввы Тимофеевича шла в гору.

После того как его сразил первый удар, Тимофей Саввич продержался еще год. Он отмаливал грехи, совершал благотворительные деяния, отдавал родным последние распоряжения. По словам Саввы Тимофеевича, «перед

смертью отец позвал меня к себе, хотел что-то сказать наедине, да так и не успел, погрозил мне пальцем и умер». Тимофей Саввич скончался 10 октября 1889 года в возрасте 66 лет на крымской даче, в Мисхоре. Отпевание и погребение главы семейства прошли в Москве, на Рогожском старообрядческом кладбище,^[177] «при стечении большого количества народа».

По завещанию Тимофея Саввича Морозова его преемницей на посту директора-распорядителя Товарищества Никольской мануфактуры стала его вдова, Мария Федоровна. Неужели даже на пороге смерти отец не смог простить сына? Думается, обиды здесь ни при чем: глава семейства руководствовался соображениями иного порядка. Тимофей Саввич с юных лет и до последних дней жизни привык заботиться о деле, подчиняя ему свои и чужие интересы. Передавая почти все свое имущество жене, опытный купец тем самым предохранял семейное дело от раздробления. Это подтверждают строки из его завещания: «Все без изъятия недвижимое и движимое мое имение, мною благоприобретенное... в чем бы оно ни заключалось и где бы ни находилось, я завещаю супруге моей Марии Федоровне Морозовой в полную исключительную и независимую ее собственность и в неограниченное владение и распоряжение».^[178]

Состояние, оставленное Тимофеем Саввичем своим потомкам, было поистине огромно — 16 миллионов 129 тысяч 018 рублей. Среди прочего, Мария Федоровна получила почти половину паев Никольской мануфактуры и максимальное число голосов на собрании. Сыновьям досталось лишь по 13 процентов общего количества паев, а также по 50 тысяч рублей. Впрочем, Сергей Тимофеевич по-прежнему передавал свои полномочия старшему брату.

Период единоличного управления мануфактурой закончился. Наступил новый период — коллегиальный. Одновременно с ним начался новый этап жизни Саввы Тимофеевича Морозова, который пришелся на первые три четверти 1890-х годов и ознаменовался для него успехом во всех основных направлениях его деятельности.

Глава четвертая

Вершина

Во всякой жизни есть вершины, равнины и пропасти. И тот, кто высоко забрался, рискует, упав, больно расшибиться. Савва Тимофеевич круто шел в гору. Он словно летел по горной дороге на железной колеснице, правя четверкой бешеных жеребцов. Выше, выше, еще выше... уже и солнце близко! В миг, предшествующий падению, жизнь особенно хороша и особенно много обещает на ближайшее будущее. Ветер бьет в лицо, зовет забрать на небо, невольные зрители в восхищении созерцают уверенный бег колесницы.

1890-е годы — пик в судьбе Саввы Тимофеевича Морозова, период когда всё удавалось. Времени, здоровья, созидательной энергии хватало и на заботы о семейном деле, и на активную общественную деятельность, и на покровительство наукам и искусствам. В эти годы Савва Тимофеевич был весел, спокоен, полон сил. Рядом с ним — любимая и любящая жена, в доме резвятся подрастающие дети, а жизнь пусть иногда и огорчает, но чаще преподносит приятные сюрпризы. Казалось, этот человек, одаренный какой-то бешеной энергией, которой с лихвой хватило бы на десятерых, будет преуспевать всегда и во всем. Его напористость завораживала и заражала современников. С. Т. Морозов твердо шел по дороге, проторенной его отцом. Ни малейших признаков того, что он с нее свернет!

И вдруг произошло событие, перевернувшее все его представления о собственной жизни. Словно бомба взорвалась в ухоженном садике: всё вверх тормашками, окна выбиты, яблоня торчит из земли корнями к небу...

Но это — чуть погода. Сначала прелюдия. Покой, мир, процветание.

Прежде чем описывать деятельность С. Т. Морозова в качестве предпринимателя и общественного деятеля, необходимо понять, каких взглядов — политических и религиозных — он придерживался в самом конце 1880-х — в 1890-х годах.

Современному интеллектуалу Савва Морозов известен как человек, сочувствовавший крайне левым политическим течениям. Однако это увлечение относилось лишь к последним годам его жизни. Мало кто знает, что на протяжении полутора десятилетий успешный коммерсант С. Т. Морозов отнюдь не состоял в оппозиции властям. В 1880–1890-х он был еще бесконечно далек от того, чтобы оказывать поддержку

революционерам. Его политические взгляды этого периода были умеренно либеральными, а в некоторых моментах и консервативными. Так об этом сообщает университетский товарищ Морозова, Д. А. Олсуфьев: «Морозов в 90-х годах был еще весьма далек от революционных настроений... По складу своих мыслей он был либералом-позитивистом».^[179] К этому Дмитрий Адамович добавляет, что в 1890-е годы Морозов находился «под сильным влиянием консервативно славянофильских идей, которых держался [А. В.] Кривошеин». Думается, словам Олсуфьева вполне можно верить. Квалифицировать политическую принадлежность Морозова не так-то просто.

О либеральных взглядах и речах С. Т. Морозова упоминали такие разные люди, как «пламенный революционер», впоследствии видный деятель советского правительства Л. Б. Красин; публицист, эмигрировавший из большевистского государства, А. В. Амфитеатров; купеческая дочь, эмигрантка В. П. Зилоти. Последняя уточняет: С. Т. Морозов «...был либерал, увлекался рабочим вопросом».^[180]

«Рабочий вопрос» встал в центр всей общественной деятельности Саввы Тимофеевича. И в том, каким путем предприниматель двигался к его решению, наилучшим образом раскрывается его «либерализм». На протяжении 1890-х годов в попытках купца разобраться с этим вопросом не было никакой марксистской «подложки». Ничего революционного, ничего радикального, боже упаси! Тем более никакой «борьбы с самодержавием». Напротив, все стремления С. Т. Морозова в решении этого и других насущных вопросов российской жизни были направлены на проведение политических реформ. Именно так: он реформист, он, в какой-то степени, сущий европеец по своей тяге к эволюционному совершенствованию общественного устройства.

На законодательном уровне он отстаивал гражданские права рабочих: право на справедливые условия труда, на сокращение рабочего дня, а позже, в 1900-х — на создание союзов, на стачку и т. п. Так, в 1897 году на заседании очередной правительственной комиссии по ограничению рабочего дня С. Т. Морозов открыто настаивал на ограничении продолжительности рабочего дня двенадцатью часами.^[181] Причем, по мнению Морозова, это ограничение в обязательном порядке должно быть прописано в законе. Говоря словами современных исследователей, далеко «...не каждый фабрикант мог открыто высказать подобные требования своим коллегам и правительству».^[182]

Точно так же — путем активного диалога с властью — Савва Морозов

отстаивал права и интересы того класса, к которому принадлежал по праву рождения — купечества. Но об этом — ниже.

Что же касается отношения к властям, то вплоть до конца 1890-х Савва Тимофеевич с ними активно сотрудничал, *легальными способами* добиваясь с их стороны уступок и по рабочему вопросу, и по различным нуждам предпринимателей. Он был вхож в министерские кабинеты, «знал тайные ходы петербургских департаментов»,^[183] находился в приятельских отношениях с С. Ю. Витте и многими другими высокопоставленными сановниками. Он представлял купечество в диалоге с представителями правящей династии как по делам, так и на разного рода официальных торжествах: поздравлял членов императорской семьи со вступлением в брак, выражал соболезнования по случаю кончины императора Александра III. О добрых отношениях Морозова с правительством говорит и тот факт, что в 1895 году правление Никольской мануфактуры пожертвовало десять тысяч рублей на сооружение в Москве, перед храмом Христа Спасителя, памятника императору Александру III. К покойному царю Савва Тимофеевич, как и Тимофей Саввич, относился с большим уважением. Известно, что С. Т. Морозов возглавил депутацию для возложения венка на царский гроб в Петропавловском соборе.^[184]

Любопытно, что еще в начале 1900-х Савва Тимофеевич проявлял либеральные воззрения, ратуя за систему представительного правления, ограничивавшего, но не отменявшего самодержавие, за всеобщие прямые выборы, за обеспечение гражданских прав и свобод.

С другой стороны, по ряду вопросов — главным образом в экономической области — Морозов отстаивал консервативные взгляды. Так, он являлся последовательным противником фритредерства, то есть свободной торговли между различными странами и свободной конкуренции внутри страны. Между тем за фритредерские идеи ратовала либеральная часть чиновничества. Савва Тимофеевич, как прежде его отец, возглавлял ту часть купечества, которая считала, что государство должно при помощи протекционистской политики оградить русскую экономику от конкуренции с более развитой западной.

А. В. Амфитеатров представляет Савву Морозова лидером «бунтующего капитала», а П. А. Бурыйшкин в тон ему говорит: «На бирже и в Купеческой управе фронда начинается с выступления на общественную арену Саввы Тимофеевича Морозова, то есть с начала девяностых годов». Казалось бы, эти суждения вступают в противоречие с тем, что было сказано выше. Однако никакого противоречия здесь нет. Дело в том, что

политические воззрения С. Т. Морозова были независимы и плохо укладывались в прокрустово ложе современных ему течений. Нужно хорошо понимать, что в этот период он не пытался протестовать против системы; все его усилия, весь его протест были направлены на изменение положения внутри системы и при помощи тех средств, которые эта система сама дала в его распоряжение.

Что касается религиозных представлений Саввы Тимофеевича, то здесь дело обстояло еще сложнее. Трудно проследить за душевными движениями человека, если сам он не желает, чтобы эти движения кто-либо увидел. И даже если временами проглядывают неясные сполохи от сильных перемен в душе, не стоит трактовать их однозначно. Особенно если этот человек, по выражению его современников, «ох, какой глубокий и сложный!». ^[185] Тем не менее кое-что увидеть всё же можно.

Уже говорилось, что С. Т. Морозов был воспитан глубоко верующими людьми, с детства обретая навык молитвенного общения с Богом. Говорилось и о том, что на гимназической скамье он научился «не веровать в Бога». Тем не менее это не помешало ему на протяжении нескольких лет «занимать одно из первых мест» в совете Рогожской старообрядческой общины. Исследовательница Н. А. Филаткина пишет: «После кончины Тимофея Саввича произошел разрыв Саввы... с этой общиной, а в 1892 году Савва вследствие ряда не названных им причин отказался выполнять обязанности выборного. Видимо, этот разрыв произошел в результате его женитьбы на «разводке» Зинаиде Григорьевне, что было недопустимо в среде старообрядцев». ^[186] Однако четкой взаимосвязи между этими событиями не прослеживается: к 1892 году прошло четыре года с момента женитьбы Саввы Тимофеевича на Зинаиде Григорьевне. Получается, что, не веруя в Бога и нарушив устои своей общины, С. Т. Морозов на протяжении нескольких лет все же продолжал активно участвовать в жизни общины — и та, несмотря на строгое отношение к нарушителям старообрядческих устоев, не исторгала его из своей среды. Более того, еще и в начале 1900-х годов, в период дружбы с Горьким, Савва Тимофеевич поддерживал контакты со староверческим сообществом. Так, может быть, Морозов не являлся тем атеистом, которым его принято изображать? Может, он был человеком шатающимся, не стойким в вере, но не покидающим ее окончательно?

Писатель, публицист Александр Валентинович Амфитеатров в романе «Дрогнувшая ночь», посвященном «памяти хорошего человека Саввы Тимофеевича Морозова», приводит любопытный эпизод. Он пишет:

«Старая вера мешала Савве... быть утвержденным на посту... московского городского головы, хотя этого поста он и сам желал, и москвичи его в головы прочили. Да и в правительстве многие находили, что этот выбор был бы и представителен, и полезен, так как направил бы «будирующую»^[187] деятельность молодого купеческого лидера и капиталы, им повелеваемые, не к огорчению властей, но к утешению... Но, когда Савве совершенно ясно дали понять, что дело стоит только за присоединением его к православию, Савва под большие колокола не пошел и купить удовольствие головить на Москве отступничеством от веры отцов своих наотрез отказался.

— Да не все ли вам равно, Савва Тимофеевич? — убеждали его. — Ну, какой вы старовер?.. Образованный человек, интеллигент... Ну, на что вам далось ваше старообрядчество? Какой смысл вам за него держаться? Что вы в нем для себя нашли?

А он с улыбочкою, себе на уме, возражал:

— Как что-с? Прекрасная вера-с. Как отцы, так и мы. Очень хорошая вера-с. Купеческая-с».^[188]

Трудно сказать, имел ли этот эпизод место в действительности. Но, видимо, дыма без огня не бывает: Амфитеатров отлично знал и уважал Морозова, а потому вряд ли стал бы на пустом месте возводить напраслину на большого купца. Итак, он характеризует С. Т. Морозова как человека, не собиравшегося порывать с общиной и отказываться от веры предков даже ради предложенного ему высокого поста. Подтверждением подобного вывода служат строки из воспоминаний Д. А. Олсуфьева, университетского товарища Морозова. По словам Дмитрия Адамовича, «Морозов до конца жизни держался по семейным традициям старой веры, но... не имел никаких религиозных запросов; допускаю даже, что он был атеистом и, во всяком случае, полным религиозным индифферентом».

Олсуфьев очень осторожен в формулировках, и не зря. Судя по всему, Савва Тимофеевич, потеряв в отрочестве живую связь с Богом, тяготился этой потерей, постоянно искал, чем бы ему заполнить образовавшуюся в этом месте души пустоту. Об этом говорит один эпизод, приведенный Максимом Горьким. Он описывает похороны Антона Павловича Чехова — крупного писателя, драматурга, с которым и Горький, и Морозов были в теплых отношениях. Похороны состоялись в Москве 9 июля 1904 года. «Мы пришли с похорон А. П. Чехова и сидели в саду Морозова, настроенные угнетенно. Гроб писателя, так «нежно любимого» Москвою, был привезен в каком-то зеленом вагоне с надписью крупными буквами на

дверях его: «Для устриц». Часть небольшой толпы, собравшейся на вокзал встретить писателя, пошла за гробом привезенного из Маньчжурии генерала Келлера и очень удивлялась тому, что Чехова хоронят с оркестром военной музыки. Когда ошибка выяснилась, некоторые веселые люди начали ухмыляться и хихикать. За гробом писателя шагало человек сто, не более... Какая-то дама в лиловом платье, идя под кружевным зонтиком, убеждала старика в роговых очках:

— Ах, он был удивительно милый и так остроумен...

Старик недоверчиво покашливал. День был жаркий, пыльный. Впереди процессии величественно ехал толстый околоточный^[189] на толстой белой лошади. Все это и еще многое было жестоко пошло и несовместимо с памятью о крупном и тонком художнике.

Проводив гроб до какого-то бульвара, Савва предложил мне ехать к нему пить кофе, и вот, сидя в саду, мы грустно заговорили об умершем, а потом отправились на кладбище. Мы приехали туда раньше, чем пришла похоронная процессия, и долго бродили среди могил. Савва философствовал:

— Все-таки — не очень остроумно, что жизнь заканчивается процессом гниения. Нечистоплотно. Хотя гниение суть тоже горение, но я предпочел бы взорваться, как динамитный патрон. Мысль о смерти не возбуждает у меня страха, а только брезгливое чувство, — момент погружения в смерть я представляю как падение в компостную яму. Последние минуты жизни должны быть наполнены ощущением засасывания тела какой-то липкой, едкой и удушливо-пахучей средой.

— Но ведь ты веришь в Бога?

Он тихо ответил:

— Я говорю о теле, оно не верит ни во что, кроме себя, и ничего кроме [себя] не хочет знать». ^[190]

Вроде бы эти слова позволяют утверждать, что Савва Морозов являлся атеистом. Однако они свидетельствуют лишь о том, что купец всё еще не нашел, чем заполнить душевную пустоту, однако поисков не оставил. В диалоге с Горьким Морозов не отрицает своей веры в Бога. Просто, будучи человеком скрытным, он говорит своему собеседнику то, что ему понятно и приятно. А тот слышит то, что хочет слышать.

Наконец, хотелось бы привести еще один эпизод. Он фигурирует в воспоминаниях жены С. Т. Морозова, Зинаиды Григорьевны. З. Г. Морозова рассказывает о крупном нижегородском купце-миллионщике Н. А. Бугрове: «Он был старообрядец, умный, способный, не женатый, любил очень Савву

Тимофеевича] и говорил ему: если бы ты был, Савва, настоящий старообрядец, я бы тебе оставил всё свое состояние. А то тебя не поймешь — ты не церковник и не старообрядец, а бог знает кто ты».^[191] Бугров, человек проникательный, хорошо знавший Савву Морозова, не называет его прямо неверующим. В словах Николая Александровича можно увидеть другое: Савва Тимофеевич был одинаково далек как от старообрядческой, так и от Синодальной церкви. Мыкался между ними, но не смог сделать выбор в пользу той или другой или же в пользу полного отказа от веры.

Честно говоря, нет никакой возможности точно определить, какие религиозные принципы оставались живыми и действующими в сознании повзрослевшего Морозова. Вероятнее всего, он был агностиком, придерживаясь «старой веры» формально, по традиции, из нежелания конфликтовать со своим семейством и родной общественной средой. Но «вероятно» не значит «так и есть». В этом вопросе остается изрядная доля неопределенности. «Воинствующим безбожником» Савва Тимофеевич не был ни в какой период своей жизни. Глубоко верующим перестал быть в юности. А всё то, что находится в широком диапазоне от первого до последнего, с Морозовым вполне могло быть. Вера его сломалась — да. Но исчезла ли она до конца? Недоказуемо. И даже сомнительно...

По словам родни С. Т. Морозова, незадолго до смерти его видели в храме, со свечкой в руках. Что у него там металось в глубинах души и куда бы двинулся этот титанический человек, не приди его последний срок, бог весть.

Итак, к началу 1890-х годов Савва Тимофеевич Морозов окончательно сложился как личность. Четко оформились его политические, общественные, этические взгляды. С этого момента он занимает видные позиции сперва в руководстве семейным предприятием, а потом и в русской общественной жизни.

После смерти отца, зимой 1889/90 года, 27-летний С. Т. Морозов впервые почувствовал себя настоящим хозяином дела. Формально главой фирмы «Саввы Морозова сын и К^о» являлась Мария Федоровна. Тем не менее ее старший сын получил собственный, весьма обширный, участок работы, за который отвечал перед советом директоров. «Мария Федоровна оказала своему сыну самую высокую степень доверия, справедливо рассчитывая на его знания, приобретенные в стенах Московского и Кембриджского университетов». Согласно исследованию И. В. Поткиной, «4 ноября 1889 г. С. Т. Морозов, выполнявший до сего момента обязанности директора Правления с продолжительными перерывами, в

связи со смертью отца стал ответствен за важнейшие направления: закупку оборудования, контроль над производством и качеством продукции, социальные вопросы». Вскоре, в марте 1890 года, Мария Федоровна поделит свои административные функции между тремя директорами: Саввой Тимофеевичем, А. А. Назаровым и И. А. Колесниковым. Этот триумвират и будет вырабатывать новую стратегию управления мануфактурой на протяжении всех 1890-х годов.^[192]

В конце 1889 года богородский 1-й гильдии купец Савва Морозов решил закрепить свое положение полноправного руководителя предприятия. Он устроил богатый банкет для поставщиков, имевших дело с Товариществом Никольской мануфактуры. Купец Н. А. Варенцов, который еще при жизни Тимофея Саввича стал одним из крупных поставщиков сырья на его фабрики, отзывался об этом с укоризной: «Саввой Тимофеевичем при начале вступления в свое дело был устроен пир только лицам, имеющим поставки на фабрику, в ресторане «Стрельна», известном своим роскошным зимним садом. Приглашенных было много, угощение обошлось дорого, но, несомненно, было сделано с целью, чтобы сразу стать к нужным для дела лицам в более близкие отношения и сделаться между ними популярным. Для интересов фирмы таковой пир не представлял никакой нужды, она и без того была очень интересна всем, имеющим с нею дела».^[193] Думается, Николай Александрович был слишком суров к Савве Тимофеевичу — а вернее сказать, пристрастен, как и во многих других своих отзывах об этом человеке. Если исходить из психологического облика молодого купца, станет ясно: он вовсе не искал «популярности» среди поставщиков. Скорее, старался понять, что представляют собой эти люди, каковы их слабые и сильные стороны. А такие наблюдения плохо проводить, сидя в директорском кресле и ведя деловую беседу с глазу на глаз. Куда как лучше наблюдать за людьми в непринужденной обстановке, за общим столом, когда дорогое вино и хорошая еда настраивают на благодушный лад.

В период коллегиального правления именно благодаря Савве Морозову в работе Никольской мануфактуры произошел ряд важнейших преобразований. Значительная их часть была направлена на то, чтобы свести к минимуму потери и убытки. Прежде всего Савва Тимофеевич поставил работу предприятия на солидную научную базу.

«Впервые в истории Никольской мануфактуры появляются составные части статистики производства и элементы научного прогнозирования». Составляются диаграммы расхода тепловой энергии «...с целью поиска

оптимального режима работы паровых двигателей». Сравнивается стоимость разных видов топлива, чтобы точно знать, «в какое время года выгоднее употреблять нефть или торф». Проводятся статистические исследования, в ходе которых выявляются причина и процент бракованного товара и т. п. Характерно, что первые приказы о начале сбора этих данных появились в ноябре — декабре 1889 года. Получается, эти решения созрели в голове С. Т. Морозова еще при жизни его отца, однако возможности их реализовать у него в тот период не было. Она появилась лишь после кончины Т. С. Морозова.

При бумагопрядильной фабрике была создана испытательная станция. На ней определялись свойства и качество производимых товаров, а также поступавших извне образцов. Благодаря регулярным справкам о состоянии хлопкового рынка и о настроении на товарных американских и английских биржах, которые поступали из разных источников, появлялась возможность прогнозировать момент понижения цен и экономить на закупках сырья. А совершенствование системы по учету и контролю средств позволяло избежать их нецелевого расходования. Основной целью всех перечисленных мероприятий являлось снижение издержек производства и лишних расходов.

Еще одно важное направление деятельности С. Т. Морозова — обновление материальной базы производства. Только за одно десятилетие, с 1891 по 1902 год, на расширение и развитие предприятия была потрачена поистине фантастическая сумма — более 7,5 миллиона рублей. Было закуплено новейшее оборудование, улучшилась энергетическая оснащенность предприятия. Появились первые мощные паровые машины новейшего образца, привезенные из Германии. Пройдет всего несколько лет, и в 1903 году будет произведена еще одна замена устаревших паровых двигателей новыми, более мощными. Этот момент описывает Марк Алданов в романе «Самоубийство».

Во время обхода фабрик С. Т. Морозов «в одной из мастерских... остановился у машин, которые главный инженер предлагал заменить новейшими, хотя и эти были выписаны из Англии не очень давно... Спросил о машинах и старших рабочих. Их мнение очень ценил... После недолгого совещания с управляющим расчет инженера был признан правильным, и новые машины заказаны, хотя это означало большой расход: на машины Морозов денег не жалел. Русская техника должна была сравняться с западной».^[194] Столь частое обновление материальной базы было редким достижением. Далеко не каждая текстильная фабрика в Российской империи могла позволить себе подобную роскошь! А ведь

одновременно с закупкой оборудования шло расширение предприятия; в 1895–1899 годах строились новые фабрики, оснащенные по последнему слову науки. «Это были светлые и просторные корпуса, в которых легко дышалось и работалось». Иными словами, при поддержке других директоров Савва Тимофеевич Морозов за несколько лет провел масштабную техническую модернизацию предприятия. Благодаря его деятельности Никольская мануфактура в конце XIX века стала одним из самых передовых в техническом отношении предприятий Европы.

Среди прочих обязанностей С. Т. Морозова имелась та, которая в наибольшей мере отвечала его внутренним запросам — он заведовал химическим производством, исполняя обязанности химика-технолога. В стенах мануфактуры существовало красильное отделение, где производились отбелка и окраска различных тканей. «Бабушкиных рецептов», доставшихся в наследство от Ульяны Афанасьевны, для такого масштабного предприятия было уже недостаточно. А от стойкости окраски тканей зависели репутация фирмы и скорость реализации товара. Поэтому еще при Тимофее Саввиче появилась аналитическая химическая лаборатория. Под руководством Саввы Тимофеевича из нее выросло крупное производство. Оно обеспечивало фабрики Никольской мануфактуры собственными химическими продуктами «однородного качества и в достаточно чистом виде. Сложные красители привозились из Германии... В отличие от своей бабушки... действовавшей скорее интуитивно, С. Т. Морозов поставил красильное дело на строго научную основу».

При отбелке и крашении тканей на фабриках использовались только химически чистые реактивы. Это обеспечивало краске замечательную стойкость. «В музее отбельно-красильной фабрики сохранилась подборка образцов тканей, изготовленных на фабриках Морозова: множество не похожих друг на друга рисунков, необыкновенно яркие, сочные тона, так что даже не верится, что этим образцам сто лет», — отмечают современные химики.^[195] Вряд ли у Саввы Тимофеевича было достаточно времени, чтобы регулярно заниматься разработкой новых красителей и сопутствующих веществ. Однако иногда ему это удавалось. Во всяком случае, А. Н. Серебров, описывая директорский кабинет С. Т. Морозова на фабрике, отмечает: «На полках, рядом с бухгалтерскими книгами, образчики ситцев, хлопка и медные детали машин; на низких монастырских подоконниках — частоколы грязных пробирок; в углу — химические весы под стеклянным колпаком». Таким образом, С. Т. Морозов смог отчасти реализовать давнюю мечту — претворить в жизнь

знания, полученные на университетской скамье, и хотя бы ненадолго почувствовать себя ученым.

Важной составляющей делового успеха Никольской мануфактуры являлся сбыт произведенной продукции. Ее руководство старалось по возможности не пользоваться услугами перекупщиков, что заметно снижало стоимость товара для рядовых потребителей. Фирма «Саввы Морозова сын и К^о» собирала сведения о кредитоспособности своих торговых партнеров, наводя справки о покупателях у разных лиц и предприятий. Для конца XIX столетия — явление почти беспрецедентное. В городах и на ярмарках «морозовские торговые агенты и приказчики... постоянно вели наблюдения и сообщали в Правление полученные сведения. А конторщик тщательно заносил всё это в особую «Алфавитную книгу записи покупателей». В ней содержались сведения обо всех деловых партнерах Морозовых — как о крупных дельцах, так и о мелких торговцах.

Гигантские размеры предприятия требовали системного подхода к управлению. Появилась необходимость регулярно собирать сведения о работе всех частей сложного предприятия, но это было бы невозможно без научной базы. С. Т. Морозов стал первым, кто подвел эту базу, кто выработал систему сбора и обработки информации. В этом смысле он намного опередил свое время.

Наконец, на плечах Морозова, директора одного из крупнейших текстильных предприятий страны, лежало решение еще одного важнейшего вопроса — социального. Необходимо было позаботиться о рабочих не только на законодательном уровне, но и на уровне собственного предприятия. Савва Тимофеевич уделял решению этого вопроса немало времени, сил и средств. Ему удалось сделать многое. Поэтому необходимо рассмотреть его действия подробно.

Савва Тимофеевич принял на себя руководство семейным делом в тот момент, когда отношения между рабочими и предпринимателями стали перестраиваться. Не в последнюю очередь это произошло благодаря Морозовской стачке и ее последствиям. Во второй половине 1880-х годов одна за другой создавались комиссии по выработке промышленного законодательства, и результаты их деятельности сильно изменили лицо российской промышленности. «Вскоре после Морозовской стачки, уже в марте 1885 года, был принят Закон об отмене ночной работы женщин и детей, запрещающий ночной труд детей до 12 лет и ограничивающий 8 часами дневной труд подростков 12–15 лет... Правда, этот закон носил временный характер и действовал всего 3 года».^[196] Гораздо более

существенное значение имел Закон о штрафах, принятый в июне 1886 года, после суда над зачинщиками Морозовской стачки. Этот закон «...указал случаи, когда позволительно брать штрафы»; была определена максимальная величина штрафов — не более Уз заработка. Кроме того, предписывалось, что штрафные деньги следует не класть в карман фабриканта, а обращать «в особый капитал с назначением на нужды рабочих». Позднее в фабричном законодательстве появились и другие нововведения.

Принятые в 1880-х — начале 1890-х законы были далеко не совершенны. Однако они повлияли на сознание фабричного люда. Вот как это описывал предприниматель В. П. Рябушинский: «В 80–90-е годы... XIX века произошел перелом в отношениях между хозяевами и рабочими. Патриархальный период с его добром и злом, с простодушием и грехом, с защитой, помощью и с обсчитыванием и обидой — кончился. В романе «В лесах и на Горах» Мельникова^[197] можно прочесть про хозяев-обидчиков и про хозяев справедливых... После эпохи, описанной Мельниковым (1830–1850-е годы. — А. Ф.), патриархальные отношения держались еще лет 30–40. При них иной старик-фабрикант с полным убеждением в своей правоте говорил: «Много у меня грехов, но одно себе в заслугу ставлю: фабрику учредил и дело развил: теперь 10 000 народу кормлю». И старые рабочие хозяину, с которым в детстве вместе в бабки играли, это тоже в заслугу ставили. Но шли годы, и в глубокой старости тому же хозяину во время забастовки приходилось слышать, как ему из толпы рабочей молодежи кричали: «Нас 10 000, а мы тебя одного, толстопузого, кормим».^[198] Иными словами, рабочий изменил свое отношение к фабриканту. Время требовало, чтобы и фабрикант стал по-иному относиться к рабочему. Одним из таких фабрикантов «новой формации» и стал Савва Тимофеевич Морозов.

На первый взгляд трудно уловить разницу в подходах к рабочему вопросу Т. С. Морозова и его старшего сына. Ведь, по словам историка И. В. Поткиной, «Савва Тимофеевич оказался достойным продолжателем дела своего отца, который по праву считается инициатором всех социальных программ на Никольской мануфактуре. Отличие заключалось в том, что средств в распоряжении молодого Морозова было намного больше, а значит, и масштаб деяний был уже совсем иным».^[199] Но если приглядеться, можно заметить довольно существенную разницу, и заключалась она не только в количестве свободных денег.

Уже говорилось, что для Тимофея Саввича его дело, то есть Никольская мануфактура, являлось самоценностью. Поэтому для него было

нормально подчинять собственные интересы, а также интересы своих близких и всех, кто так или иначе соприкасался с мануфактурой, общим интересам дела. При таком подходе обеспечение быта рабочих, с одной стороны, было важным вопросом, так как шло на пользу дела; в связи с этим Тимофей Саввич обустроивал быт рабочих на собственные деньги, а не за счет фирмы. С другой стороны, этот вопрос всё же не являлся первостепенным — он занимал второе место после таких важнейших задач, как закупка сырья и топлива, обеспечение производства и сбыта товаров и т. п. В сознании Саввы Тимофеевича такой иерархии не было. Для него и дело, и положение рабочих — как в бытовой, так и в правовой области — были явлениями равноправными. И требовали к себе одинаково пристального внимания.

Современники Морозова, говоря о его заслугах, основное внимание уделяли его предпринимательской деятельности, особенно подчеркивая его достижения в социальной сфере. Так, в одном из посвященных ему некрологов сказано всего несколько слов о его помощи Московскому Художественному театру, зато гораздо больше говорится о его коммерческих успехах: «Главная деятельность С. Т. Морозова протекала на фабрике. После смерти отца... он принимал самое деятельное участие в развитии и усовершенствовании фабричного производства. Для того чтобы поставить мануфактурное производство на высоту, он совершал несколько раз заграничные поездки, где знакомился со всеми техническими новинками. Главная его работа направлена была на улучшение быта рабочих». [\[200\]](#)

Вопросы социальной политики входили в круг обязанностей С. Т. Морозова как директора-распорядителя Никольской мануфактуры. В его непосредственном подчинении находились Социальный и Санитарный советы, а также Квартирный отдел. Савва Тимофеевич лично вникал во все вопросы жизни рабочих, знал их нужды и чаяния и нередко помогал в случае нужды. «С. Т. Морозов считал своим долгом фабриканта создавать необходимые условия для качественной работы, давать возможность рабочим получать образование и повышать квалификацию, делать всё необходимое для комфортного быта и полноценного отдыха». [\[201\]](#)

Прежде всего, Савва Тимофеевич вплотную занялся обустройством быта рабочих. Причем дело не ограничивалось распоряжениями на бумаге, он как хозяин на месте отдавал распоряжения и лично следил за их исполнением. «Часто исчезал из Москвы на недели, проводя время на

фабрике».^[202] В 1891–1892 годах была выделена крупная сумма — 300 тысяч рублей — на улучшение жилищных условий рабочего люда. Современники отмечали: в Никольском, при фабриках Саввы и Викулы Морозовых, «...постоянно строятся казармы для жилья рабочих... Почти ежегодно до 500 человек получают казарменное помещение. Со временем, даже в близком будущем, можно рассчитывать, что все рабочие на этих фабриках будут размещены по казармам. Это столь важно, в особенности для здоровья детишек, которые при казарменном размещении родителей находятся постоянно в просторных и теплых помещениях».

С 1894 года началось планирование, а затем и постройка новых казарм улучшенного типа — с водопроводом, ванной комнатой, вентиляцией, общими кухней и прачечной, рядом хозяйственных помещений. Для конца XIX века это был большой прогресс! Возведение новых казарм контролировалось Санитарным советом, который возглавлял С. Т. Морозов. Уделял этот совет внимание и другим важным вопросам: условиям работы на фабрике, качеству пищи, отпускаемой в фабричной лавке, и т. п. По словам М. А. Алданова, во всех рабочих столовых «...всё было чисто, свежо, сытно». Современные исследователи отмечают, что, к примеру, анализ качества хлеба проходил по нескольким критериям; нельзя было ограничиться результатами, скажем, только химического анализа, так как по его показателям «самый плохой, вредный для желудка хлеб мог считаться хорошим».

Жандармский полковник Николай Ираклиевич Воронов, описывая быт рабочих на фабриках Владимирской губернии, отмечал: «Лучше других обставлена жизнь рабочих на фабриках Саввы Морозова и Викулы Морозова... Рабочие этих фабрик пользуются здоровыми удобными квартирами; помещения устроены образцово, удовлетворяют вполне гигиеническим условиям необходимым, также и самые фабрики, где рабочий проводит полжизни... Характер производства на этих фабриках не имеет такого разрушительного влияния на здоровье, как на стеклянных заводах, шлифованных и хрустальных и прочих; распределение рабочего дня таково, что не особенно утомительно действует на рабочих, а главное близость хождения на работу. Также особенной дороговизны на предметы первой необходимости в Никольском... [нет], по сравнению с другими фабричными центрами [они] далеко дешевле». К этому сухому перечню Николай Ираклиевич добавляет: «К тому же Савва Морозов по своей доброте и заботливости к рабочему делал скидку 5 % со стоимости продуктов, с других же предметов даже 10 % забираемого рабочими товара из лавки потребителей; кажись, другого такого благодетеля, как Савва

Морозов, во Владимирской губернии не найдешь». ^[203]

Устройством казарм забота о рабочих отнюдь не ограничивалась. При фабрике еще со времен Тимофея Саввича существовали больница с аптекой, богадельня и т. п. В 1890-х годах усилиями хозяев мануфактуры была возведена «старообрядческая церковь поповского согласия, они же [Морозовы] финансировали перестройку главного православного собора».

^[204] Одновременно возводились новые училища для детей, появлялись мастерские для подростков и курсы повышения квалификации — для взрослых рабочих. Администрация поощряла рабочих к совершенствованию профессиональных навыков. Те, кто учился на курсах, за каждый учебный день получали надбавку к зарплате; добившись успехов в учебе, по ее окончании получали повышенную заработную плату. А трое или четверо, окончивших курс с наилучшими результатами, за счет Никольской мануфактуры отправлялись на практику в Германию или Англию и после возвращения могли рассчитывать на более высокооплачиваемую должность.

Помимо обустройства жилья и условий работы Савва Тимофеевич заботился о досуге рабочих, а их вместе с семьями в Никольском проживали десятки тысяч. В конце XIX — начале XX века настоящим бичом малограмотного русского населения было пьянство. Многие тысячи людей «...большую часть проводили свободное от занятий время в трактирах и других сомнительно-нравственных местах». ^[205] Этому немало способствовали рабочие клубы, которые «...начали превращаться в особого рода притоны, похожие действительно на клубы, где рабочие пьют, играют в карты и в орлянку». По свидетельству Максима Горького, мысль об этом мучила Морозова. В беседе с Горьким он однажды высказал следующее: «Талантлив наш народ, эта удивительная талантливость всегда выручала, выручает и выручит нас. Вижу, что он — ленив, вымирает от пьянства, сифилиса, а главным образом оттого, что ему нечего делать на своей богатой земле, — его не учили и не учат работать. А талантлив он — изумительно! Я знаю кое-что. Очень мало нужно русскому для того, чтоб он поумнел». Он интересно рассказал несколько фактов анекдотически быстрого развития сознания среди молодых рабочих своей фабрики, — а я вспомнил, что у него есть несколько стипендиатов рабочих, двое учились за границей». ^[206] Существовал только один способ пресечь поголовное пьянство — обеспечить разнообразный культурный досуг для десятков тысяч людей. И, одновременно, научить их качественно работать. Этой гуманистической целью и руководствовался С. Т. Морозов на протяжении

тех пятнадцати лет, когда он, стоя во главе мануфактуры, отвечал за решение социального вопроса.

Помимо устроенной еще Тимофеем Саввичем общественной библиотеки Савва Тимофеевич организовал при Никольской мануфактуре целый ряд культурных заведений. По воскресеньям работали классы по рисованию для всех желающих; специально приглашенные учителя проводили уроки грамоты со взрослыми рабочими. Каждое воскресенье для рабочих устраивались народные чтения с волшебным фонарем (широко распространенный в XIX веке аппарат для проекции изображений, прототип диапроектора). На прилегающей к мануфактуре территории был разбит благоустроенный парк для народных гуляний, где в выходные дни устраивались массовые игры и танцы; парк до 1917 года считался лучшим в Московской губернии. Здесь же в 1897 году появился деревянный Летний театр для рабочих и служащих орехово-зуевских фабрик. Что особенно важно для понимания деятельности С. Т. Морозова, театр являлся общедоступным (требование сохранения общедоступности он впоследствии будет предъявлять к МХТ), то есть плата за его посещение была минимальной.

На создание Летнего театра Савва Тимофеевич, а также бывший муж Зинаиды Григорьевны Сергей Викулович Морозов совместно ассигновали 200 тысяч рублей.^[207] В день его торжественного открытия был устроен фейерверк, «огни которого разлетелись высоко в темном небе, поражая и восхищая малоискушенного зрителя». На сцене Летнего театра по приглашению Никольской мануфактуры выступали столичные знаменитости: артисты Театра Корша, Императорских Большого и Малого театров. А через семь лет, в 1904 году, Савва Тимофеевич заложит еще один общедоступный театр в Орехово-Зуеве — Зимний, который получит название Большого, на 1350 мест; при жизни купца строительство театра не завершится. Кроме того, по инициативе С. Т. Морозова из талантливых рабочих в Орехове были созданы самодеятельный народный хор и симфонический оркестр (1902). Все эти нововведения давали рабочим и членам их семейств возможность проводить досуг, не впадая в пьянство.

Мероприятия, проведенные на Никольской мануфактуре по инициативе и при деятельном участии Саввы Морозова, намного опередили его время. Вот как в 1907 году описывал быт рабочих Никольской мануфактуры тот же Н. И. Воронов: «В Орехово-Никольском администрация Морозовских фабрик пошла даже больше [чем другие] по пути забот о развлечении рабочих. Там имеется уже лет 15... театр для рабочих, где играют пьесы приглашенными артистами. Театр расположен

в прекрасном парке, где рабочий за сравнительно ничтожную плату может получить: чай, молоко, квас и прочее — за исключением спиртных напитков. По воскресным и праздничным дням в парке играет музыка. Нам приходилось не раз посещать парк и выносить приятное впечатление: всюду царит порядок, рабочие прилично ведут себя, чинно гуляют со своими семьями по парку, хотя нам передавали, что рабочие ухитряются через заборы, довольно высокие, передавать водку; думаю, что это не более, как отдельные случаи».

Иными словами, Никольская мануфактура, заботясь о нуждах рабочих, полностью обеспечивала всю инфраструктуру Орехово-Зуева. Говоря словами современных исследователей, «близ фабрик стали создаваться поселения, нередко превосходящие по размерам и численности населения расположенные поблизости крупные города. Сложные условия бытовые и социальные фабричных сел сформировали необходимость материально улучшать их: возводить, наряду с жилыми домами, здания, обслуживавшие все без исключения потребности обитателей — духовные, образовательные, бытовые».^[208]

Наряду с бытовыми условиями рабочим обеспечивались прекрасные условия труда.

Заработки на Никольской мануфактуре были значительно выше, а рабочий день — намного короче, чем на других аналогичных предприятиях. В этом смысле от нее отставала даже соседняя мануфактура Викула Морозова, которую, благодаря грамотной социальной политике ее руководства, современники считали одной из лучших. По словам Н. И. Воронова, в 1896 году у «Саввы Морозова» расценок был на 15 процентов больше, чем у Викулы. Кроме того, «переход с 12 часов к 9-ти часовой работе, совершившийся у Саввы Морозова уже более года тому назад, а на фабрике же Викула Морозова предполагалось к осуществлению только к 1 января». Иными словами, С. Т. Морозов не только сам проводил грамотную социальную политику, но и подавал пример другим мануфактуристам, чьи рабочие завидовали своим более благополучным собратьям.

К началу XX века Савва Тимофеевич лидировал в своеобразном соперничестве, которое еще при его отце установилось между двумя ветвями одной текстильной династии. Крупный предприниматель и общественный деятель, старообрядец В. П. Рябушинский отмечал: «Раньше соперничали, кто лучше церковь выстроит, кто лучше ее украсит... В XIX и в XX веках церкви продолжали строить, но с конца XIX века главное соперничество между именитыми родами пошло в том, кто больше для

народа делает. Было тут, чего греха таить, иногда и тщеславие; у Морозовых, пожалуй, меньше, чем у других. Тут вспоминаю, как, перефразируя французское «Noblesse oblige» — знатность обязывает, старший брат Павел Павлович нас часто наставлял: «Богатство обязывает» (Richesse oblige)». ^[209]

Однако лучшие условия труда и жилья еще не означают, что у всех рабочих Никольской мануфактуры была райская жизнь. О них заботились, им хорошо платили, но с них многое и спрашивали. Савва Тимофеевич стремился создать систему заинтересованности рабочих в результатах собственного труда. Чем эффективнее был этот труд, чем более дисциплинирован и ответствен сам рабочий, тем больше он получал. Морозов разработал четкую систему премий и взысканий. Так, перед тем как отправить товар в продажу, его было необходимо рассортировать и разложить по кипам. Если в этих процедурах происходили ошибки «по нерадению» рабочего, с него за каждый просчет взимался один рубль серебром, если же был виноват конторщик — он штрафовался на три рубля. Рабочие нанимались сроком на год — от Пасхи до Пасхи, и «сумма взысканий... должна была служить оценкой работы, которая при повторном найме работника принималась в соображение». ^[210]

Иными словами, С. Т. Морозов делал всё, чтобы на его предприятии работали квалифицированные специалисты, поэтому и зарплата у его рабочих была выше. Кроме того, важная роль уделялась дисциплине. Учитывалось поведение рабочих в свободное от работы время: драки, пьянство и т. п. нарушения сурово карались. Квартирный отдел докладывал директорам о каждом проступке или факте неповиновения со стороны рабочих. Таким образом, руководство предприятия не только поддерживало повседневный порядок в поселке, но и вело дальновидную социальную политику, удаляя возможных смутьянов — вроде тех, которые инициировали стачку 1885 года.

Вслед за отцом Савва Тимофеевич считал, что «...и руками рабочих творится успех фирмы, был уверен, что от условий быта фабричных зависит успешный рост промышленности и народного благосостояния, что в просвещении простых людей кроется сила и могущество государства и его индустрии». ^[211] По словам А. Н. Сереброва, когда Морозов приезжал на фабрики, его не боялись, как, бывало, боялись его строгого отца. Напротив, спокойно подходили, если надо было решить какой-то вопрос. Морозов, «возбужденный, суетливый... бегал вприпрыжку с этажа на этаж, пробовал прочность пряжи, засовывал руку в самую гущу шестеренок и

вынимал ее оттуда невредимой, учил подростков, как надо присучивать оборвавшуюся нитку. К нему подходили инженеры, мастера, рабочие, о чем-то его спрашивали неслышными сквозь стук голосами; он отдавал какие-то распоряжения, писал записки, указывал куда-то руками, похлопывал рабочих по плечу и угощал их папиросами из большого кожаного портсигара. Сам он курил из другого». ^[212]

С. Т. Морозов старался относиться к рабочим как к равным — конечно, в той мере, в какой это позволял его социальный статус. «С ними он говорил ласково, почти как с равными, и на их языке». Те отвечали купцу признательностью. По словам М. А. Алданова, «рабочие любили и ценили его простоту в обращении, заботу об их интересах, то, что он к свадьбам дарит деньги, принимает на свой счет похороны, помогает вдовам». ^[213] Даже через много лет после его смерти, «в первые годы советской власти, от бывших Морозовеких рабочих можно было услышать следующее: «Хороший человек был Савва Тимофеевич... Прост уж больно был! Подойдешь, бывало, к нему и скажешь: «Дайте закурить, Савва Тимофеевич». И что же ты думаешь? Лезет наш Саввушка в карман, вытаскивает портсигар и, пожалуйста, закуривайте — первый сорт! И к тому же не скуп. Если нужда крайняя придет, подойдешь к Саввушке, и никогда он не поскупится на рублишко, другой... Хороший человек был Савва Тимофеевич!». ^[214] С той же теплотой о Савве Морозове отзывался жандармский полковник Н. И. Воронов. Проводя обследование множества предприятий Владимирской губернии, тот по долгу службы регулярно общался с самыми разными предпринимателями. С. Т. Морозова Воронов называл «благодетелем» рабочих.

Правда, не все современники одинаково положительно оценивали деятельность Саввы Тимофеевича по устройству быта рабочих. Прежде всего, недовольство выражали другие предприниматели, которым такое «нецелевое» расходование фабричных средств казалось как минимум странным — не говоря о том, что положение рабочих Никольской мануфактуры вызывало зависть у их коллег на других фабриках. А зависть — легковоспламеняющийся материал, в который достаточно попасть горячей спичке или случайной искре, чтобы возникла забастовка. М. А. Алданов писал о Морозове — хозяине: «Постройки на его заводах, в отличие от других в городке, были новые, каменные, очень хорошие. Таковы были и дома, выстроенные им для рабочих с лекционными залами и с театром, — другие фабриканты только пожимали плечами, а иногда в разговорах о нем многозначительно постукивали пальцем по лбу». ^[215] Тем

не менее редкое в ту эпоху внимательное отношение к рабочему люду принесло свои плоды. В отличие от соседних предприятий Никольская мануфактура на протяжении целых двух десятилетий (с 1885-го до начала 1905 года) оставалась в стороне от крупных социальных потрясений.

С позиций только что сказанного слова, вложенные Максимом Горьким в уста Саввы Тимофеевича, выглядят совершенно неправдоподобно. По утверждению писателя, незадолго до смерти Морозов признался ему: «Старик ткач, приятель моего отца, недавно сказал мне: «Брось фабрику, Савва, брось да уйди куда-нибудь. Не в твоём характере купечествовать. Не удал ты хозяин». На деле С. Т. Морозов был прирожденным хозяином — знающим, требовательным, справедливым, умевшим позаботиться о рабочих, причем не в ущерб предприятию. Во время его управления прибыли предприятия выросли в несколько раз. По утверждению исследователей, «преобразования на Никольской мануфактуре при Савве Тимофеевиче вывели ее на третье место по уровню годового дохода среди российских компаний»,^[216] а в текстильной промышленности она являлась безусловным лидером. Росло и качество продукции. В 1896 году Товарищество Никольской мануфактуры в третий раз (до этого в 1865 и 1882 годах) удостоилось высшей награды для предприятия — права изображения на своей продукции государственного герба Российской империи; в 1893 году мануфактура получила за качество продукции Гран-при на выставке в Чикаго, а в 1900-м — в Париже. Это было уже европейское признание! Лучшего хозяина, чем С. Т. Морозов, трудно себе представить — ему удавалось сочетать несочетаемое. Беда Саввы Морозова была в том, что хозяева этого, нового типа только начинали зарождаться, их всё ещё было ничтожно мало — слишком мало, чтобы противостоять натиску разрушительных идей, носители которых желали сделать рабочих своим орудием. Да и сами «хозяева» нередко становились жертвами этих идей и тех, кто их пропагандировал...

В последней трети XIX столетия любой сколько-нибудь крупный купец, наряду с делами своей фирмы, занимался общественным служением. Работа на благо общества была безвозмездной. Более того, коммерсант регулярно жертвовал на нее собственные средства, а также свои силы и время. В ответ он получал лишь уважение со стороны коллег... а ещё иногда славу — правда, лишь в том случае, если ему удавалось добиться успеха. Видным общественным деятелем был Тимофей Саввич. Его старшему сыну, Савве Тимофеевичу, удалось добиться на этом поприще не меньших высот.

На путь общественной деятельности Савва Тимофеевич вступил вскоре после смерти отца. Его первые шаги на этом поприще позволяют проследить воспоминания Н. А. Варенцова — крайне любопытный и, к сожалению, пристрастный источник: Николай Александрович приводит только те эпизоды, которые характеризуют С. Т. Морозова с негативной стороны, и умалчивает о его успехах, в то время как о его отце он отзывается с исключительной теплотой и уважением. Возможно, автор мемуаров, составлявший их в советское время, негодовал на С. Т. Морозова за его революционные увлечения. Так или иначе, Варенцов вспоминает, что желание заняться общественной деятельностью Савва Тимофеевич выразил в начале 1890 года. Он «...явился на торжественное собрание выборщиков Биржевого комитета... подошел ко мне с просьбой познакомить его с Николаем Александровичем Найденовым. Все это давало право думать, что он имеет намерение заняться общественными делами и занять подобающее положение среди купечества. Это было принято к сведению».^[217]

Н. А. Найденов «был лидером и на бирже, и в купеческом обществе, и в городском управлении». Иными словами — являлся крупнейшим общественным деятелем, видным представителем московских деловых кругов того времени. Кроме того, Найденов много лет проработал бок о бок с Тимофеем Саввичем. Заручившись его поддержкой, С. Т. Морозов мог спокойно вступать на новое для себя поприще.

1890 год стал в жизни молодого купца годом перемен. Как уже говорилось, в этом году С. Т. Морозов активно взялся за усовершенствование работы Никольской мануфактуры. С другой стороны, на этот же год пришлось начало еще двух его общественных служений (если не считать участия в подготовке Среднеазиатской выставки, от которого, как уже говорилось, Морозов уклонялся вплоть до решающего этапа).^[218] Так, в момент образования Общества для содействия улучшению и развитию мануфактурной промышленности (1890) С. Т. Морозов стал его членом, а через некоторое время и председателем. У купечества в тот период не было права инициативы на государственном уровне. Однако благодаря обществу всё же строился диалог промышленников и власти: при решении тех или иных экономических вопросов коммерсанты информировали государственные органы о состоянии и нуждах различных отраслей народного хозяйства. В конце того же 1890 года Морозова ожидал очень крупный успех, к которому надо было заранее подготовить почву, — он был избран председателем

Нижегородского ярмарочного биржевого комитета.^[219]

Видимо, устройство Среднеазиатской выставки явилось для предпринимателя удобной стартовой площадкой, с которой он мог заявить о своих намерениях. Савву Тимофеевича не особенно интересовали «восхваления» со стороны газетчиков, которые ему вменял в вину Н. А. Варенцов. Важнее было другое: чтобы его общественная позиция «прозвучала» и вовремя достигла ушей влиятельных коммерсантов. Этот расчет оправдался, молодого купца услышали, и он был выбран на желанный пост. О его действиях на посту председателя Нижегородского комитета чуть ниже будет сказано подробно.

Как общественный деятель в начале 1890-х годов Савва Тимофеевич развил очень бурную активность. Говоря словами В. И. Немировича-Данченко, купец «силу капитализма понимал в широком, государственном масштабе, работал с энергией». Вдаваться в подробности всех его общественных служений нет нужды, но упомянуть самые главные необходимо. В 1891 году Морозов стал выборным Московского биржевого общества, каковым оставался до конца жизни. Это была «самая значительная, самая влиятельная представительская организация торговли и промышленности в Москве... и во всей России».^[220] На этом посту Савва Тимофеевич занимался решением важнейшей для русской промышленности задачи — расширения рынков сбыта как в Европе, так и в Азии. Эта задача включала в себя сложные переговоры с представителями разных государств и иностранным купечеством, постройку удобных дорог, обеспечение выгодных тарифов и т. п. Одно из важнейших достижений Морозова в этой сфере — то, что ему удалось «сдвинуть с мертвой точки вопрос об установлении постоянных торговых отношений России с балканскими странами».^[221] А в 1892 году Савва Тимофеевич стал членом Московского отделения Совета торговли и мануфактур. Это был совещательный орган при Министерстве финансов, чьей задачей было «содействие правительству в изыскании мер в пользу торговой и мануфактурной промышленности».

В 1893 году Морозов баллотировался на пост московского городского головы, однако тогда был избран другой кандидат. Известный московский купец Н. П. Вишняков, который относился к С. Т. Морозову неприязненно, отмечал в мемуарах: «Кандидатом был в городские головы, но его не любят».^[222] Но напомним, что А. В. Амфитеатров утверждал прямо противоположное: «...этого поста он и сам желал, и москвичи его в головы прочили. Да и в правительстве многие находили, что этот выбор был бы и

представителен, и полезен».^[223] Думается, последнее утверждение ближе к истине — Вишняков был явно небеспристрастен. Однако, потерпев единственное существенное поражение, Морозов лишь с большей самоотдачей продолжил работу на остальных направлениях деятельности.

Иными словами, едва взявшись за новое дело, Савва Тимофеевич приступил к нему весьма энергично. И, действуя быстро, четко, с дальним прицелом, довольно скоро стал крупной фигурой в московском купечестве. Так, через два года после начала общественной деятельности (1892), когда происходили многоступенчатые выборы в Московское отделение Совета торговли и мануфактур, Савва Тимофеевич прошел в первом же туре, набрав двенадцать голосов из шестнадцати.

География деятельности Морозова была достаточно обширна — даже если оставить за скобками его деловые заграничные турне, если не учитывать его летних поездок с семьей на крымскую либо одну из подмосковных дач. Савва Тимофеевич значительную часть жизни проводил в разъездах. Долго на одном месте не задерживался. Сегодня такая «легкость на подъем» не кажется удивительной, но в ту эпоху люди не часто отправлялись в дальние поездки. А Савва Тимофеевич регулярно разъезжал между Москвой, Орехово-Зуевом, Владимиром, Нижним Новгородом и Петербургом. Многие крупные и средние дела — как государственного уровня, так и личные — решались в кабинетах столичных чиновников. В связи с этим любопытен один эпизод из воспоминаний В. И. Немировича-Данченко. Владимир Иванович отмечает, что Морозов «знал тайные ходы петербургских департаментов. Рассказывал однажды с усмешкой, как ему нужно было провести в Петербурге одно дело. Долго ничего не клеилось, пока ему не сказали потихоньку: отправьтесь по такому-то адресу, к вам выйдет роскошная дама, ничему не удивляйтесь и сделайте всё, что она скажет.

Он поехал по указанному адресу; к нему, действительно, вышла красивая женщина.

— Вы ко мне по делу о моей замечательной корове? — сказала она весело.

— Да, да, — ответил он, быстро догадываясь.

— Но вас предупреждали, что это исключительный экземпляр, племенная, холмогорская. Меньше чем за пять тысяч я не могу ее уступить.

Морозов без всяких возражений вручил пять тысяч. Коровы он, конечно, никакой не получил, но зато всё, что ему нужно было в департаменте, на другое же утро было исполнено».^[224]

В столице Российской империи Савва Тимофеевич, решая дела по ведомству Министерства финансов, регулярно общался и с чиновниками высокого ранга: с министрами, с представителями императорской фамилии. Неплохие личные отношения сложились у него с министром финансов Сергеем Юльевичем Витте.^[225] По словам Зинаиды Григорьевны Морозовой, ее знакомство с Витте состоялось во второй половине 1892 года, то есть примерно тогда же, когда Савва Тимофеевич начал общаться с министром по долгу службы. «Витте объезжал Никольскую фабрику, когда был назначен министром. Ему был у нас приготовлен завтрак, во время которого он сидел около меня. И вдруг он начал такой разговор: «А знаете, З[инаида] Г[ригорьевна], я получил из Берлина письмо, где было сказано, что мы — фон Витте». Я на него удивленно посмотрела и сказала: «Охота вам, С[ергей] Ю[льевич], этим вздором заниматься — вы такой умный человек, что сам себе предок...» Серг[ей] Юл[ьевич] как умный человек не обиделся на мои слова, а только покраснел, и ему было неловко. Потом наше знакомство продолжилось, и мы были друзьями. Он почти каждую осень жил в Крыму, я также очень любила Крым, жила в Мисхоре. С[ергей] Ю[льевич] бывал у меня со своей женой, Мат[ильдой] Ивановной, и когда я ездила в Ялту, то всегда заезжала к ним».^[226]

Итак, Савва Тимофеевич Морозов очень быстро стал не только известным, но и крайне влиятельным человеком, обладателем, по словам А. В. Амфитеатрова, «крутого авторитета» как в купеческой, так и в чиновничьей среде. «Огромный денежный туз, который мог не считаться ни с кем и ни с чем, человек с огромными связями, которыми мог лихо пренебрегать» — такую характеристику давала Морозову пресса в 1890-х годах.^[227] Пожалуй, наибольший успех пришел к нему на посту председателя Нижегородского ярмарочного комитета. Это был не только почетный, но и очень важный пост. Но прежде чем об этом говорить, необходимо сделать отступление, чтобы понять: что же представляла собой Нижегородская ярмарка во второй половине XIX столетия?

В 1822 году в междуречье Оки и Волги начала действовать Нижегородская Макарьевская ярмарка. В этом регионе она существовала уже в начале XVI века, но торговые ряды располагались за пределами города — возле монастыря Святого Макария Желтоводского, затем в городе Макарьево. В 1816 году деревянные ярмарочные строения сгорели в огне грандиозного пожара. К этому моменту ярмарка разрослась, на прежнем месте ей стало тесно, и в 1817 году ее перенесли на территорию Нижнего

Новгорода. Строительство каменных ярмарочных рядов по проекту генерал-лейтенанта А. А. Бетанкура продолжалось пять лет (1817–1822). 15 июля 1822 года ярмарка открылась на новом месте, сохранив прежнее название — Макарьевская.

В XIX веке Нижегородская Макарьевская ярмарка являлась самым масштабным событием в русской экономической жизни. Она имела не только всероссийское, но и международное значение. Это был один из крупнейших центров оптовой и розничной торговли на территории Российской империи: остальные ярмарки — Тобольская, Иркутская, Кяхтинская и даже такая крупная, как Ирбитская (на Урале, здесь шла торговля между европейской частью России и Сибирью), — сильно отставали от Нижегородской по товарообороту. Именно она, Макарьевская, диктовала цены практически на год вперед. Во время работы ярмарки учреждения города переносили на ее территорию свои финансовые и коммерческие операции. Расцвет Нижегородской ярмарки пришелся на вторую половину XIX века, чему способствовало строительство Московско-Нижегородской железной дороги (1862). Сюда стекались товары со всех концов Российской империи, а также из стран Востока: из Ирана, Индии, Афганистана, Китая.

Нижегородская ярмарка работала ежегодно, всякий раз открывалась в одно и то же время — 15 июля. Долгое время (1822–1863 годы) работа ярмарки заканчивалась 15 августа. С 1864 года она была продлена на десять дней, так что официальное закрытие ярмарки приходилось на 25 августа. К середине лета Нижний Новгород наполнялся людьми и товарами. На тяжелогруженных обозах и барках, а затем и на пароходах, и по железным дорогам сюда стекался торговый люд. Над дорогами от многочисленных телег, лошадей, обозов поднимались тучи пыли.

Открытие Нижегородского торжища было торжественным, при огромном стечении народа. Первым делом ярмарочное духовенство, в присутствии нижегородского генерал-губернатора, служило молебен. Без него начало любого, тем более такого крупного дела в русском быту было совершенно немыслимо. «15 июля бывало молебствие у Главного дома, после чего на устроенных специально шестах поднимались флаги, и всероссийский торг считался открытым. Раньше же... никто не имел права начинать торговлю, и нарушение этого [правила] каралось законом».^[228]

Значение Нижегородской ярмарки было столь велико, что ее называли «карманом России». Действительно, сюда стекались капиталы со всей Российской империи и из ряда зарубежных стран. Неудивительно, что ярмарке придавалось особое значение. Время от времени представители

императорского дома лично приезжали сюда с визитом, и ярмарочное купечество угощало их пышными обедами.

Макарьевская ярмарка занимала обширное пространство «на большом мысу, образуемом реками Волгой и Окой, при устье последней». Каждую весну почти вся ее территория затапливалась водой, «вплоть до потолков первого этажа, а в годы сильных разливов вода доходила до подоконников второго этажа. В это время ярмарка представляла интересное зрелище, наподобие Венеции, с торчащими из воды зданиями». После того как вода спадала, начинались просушка зданий и их подготовка к новому ярмарочному сезону.

Созданные по проекту архитектора А. А. Бетанкура каменные ряды были довольно велики, хотя к концу XIX века стали, по мнению современников, не слишком удобны для торговли. Центром ярмарки являлся гостинный двор; он состоял из шестидесяти отдельных корпусов, где располагалось 2530 лавок. Кроме того, по берегам Обводного канала было построено более сорока больших каменных зданий «для торговли и склада товаров». Помимо этих строений на ярмарке имелись два богато украшенных собора (Спасский и Александро-Невский), три часовни, армяно-григорианская церковь и мечеть.

Н. А. Варенцов подробно описывал облик ярмарки: «Вся ярмарочная площадь была разбита на правильные прямоугольные участки, на которых были построены двухэтажные каменные корпуса», причем торговля происходила в первом этаже, а «второй этаж предназначался для жилья... Проезды между корпусами были замощены булыжником, а тротуары бетонированы... У каждого здания [было] по несколько пожарных кранов. Вокруг всей ярмарки шел каменный тоннель, куда спускались по каменным винтовым лестницам, устроенным через известные промежутки; в тоннелях находились уборные для публики». На ярмарке был устроен водопровод (1870), а со временем ее территория стала освещаться при помощи электричества (1885). Мануфактурная торговля начиналась от амбара Товарищества Саввы Морозова, «по улице, пересекающей всю ярмарку, и заканчивалась на Сибирской пристани; мануфактурные ряды шли до канавы, распространяясь в ту и другую сторону от улицы, в одну сторону — до Главного дома, а в другую — до старого собора, где заканчивались рядами, называемыми Китайскими».

Центральное строение ярмарки — Главный дом — предназначалось для торговли и размещения ярмарочной администрации. По описанию крупного купца-мануфактуриста, мецената Петра Ивановича Щукина, «в старом Главном доме, в нижнем этаже, под низкими сводами, в темноте

ютились небольшие магазины, даже днем освещавшиеся коптевыми керосиновыми лампами. Посредине на деревянной эстраде играла военная музыка; в тесноте и духоте толкалась публика».^[229] Это неудобное здание было снесено, и в 1889 году на его месте было возведено другое, нарядное, в русском стиле. По сравнению со старым новый Главный дом был «... более удобный и приличный, крытый стеклом. В нем живет во время ярмарки нижегородский губернатор и помещается Ярмарочный комитет». Некто Иван Кубасов восклицал: «Чего тут только не было! От простого петушка-леденца до бриллиантов и золота. От дамского платочка до собольих палантин и норковых шубок. Горы фруктов, арбузов, дынь. Летали воздушные шары, на антресолях играл военный оркестр».^[230]

Перед Главным домом была разбит сквер с газонами и цветочными клумбами. Прямо за ним, по словам Н. А. Баренцева, «тянулся бульвар до старого, красивой архитектуры собора; на бульваре росли старые тополя, немного разнообразия довольно монотонную застройку однообразных зданий».

В ярмарочных рядах можно было найти любой товар: еду и посуду, одежду и ткани, украшения и косметику, мебель и антиквариат... Главными русскими товарами были сукна, железо, меховые изделия и хлеб. Значительную часть товаров составляли азиатские изделия: шелк из Персии, халаты и бирюза из Бухары, чай из Китая. Наконец, на ярмарку привозились товары из Европы и ее колоний: краски, клеи, разнообразные вина.

Коренной нижегородец Максим Горький в романе «Жизнь Клима Самгина» отмечал, что Макарьевская ярмарка «убедительно кричала о богатстве страны... Приземистые, однообразно желтые ряды ее каменных лавок, открыв широкие пасти дверей, показывали в пещерном сумраке груды разнообразно обработанных металлов, груды полотен, ситца, шерстяных материй. Блестел цветисто расписанный фарфор, сияли зеркала, отражая все, что двигалось мимо их, рядом с торговлей церковной утварью торговали искусно граненым стеклом, а напротив огромных витрин, тесно заставленных бокалами и рюмками, блестел фаянс приспособлений для уборных. В этом соседстве церковного с домашним Клима Самгин благосклонно отметил размахистое бесстыдство торговли».

Рядовые посетители ярмарки начинали разъезжаться в середине августа; после 15-го числа оставались в основном оптовики. Как уже говорилось, официальное закрытие ярмарки начиная с 1864 года приходилось на 25 августа. Однако торговля нередко продолжалась до 1 —

го, а то и до 10 сентября. Как вспоминал П. И. Щукин, «в последних числах августа ярмарка заметно пустела: в Модной линии, ближе к старому собору, оптовые торговцы сукнами закрывали свои лавки, то же делали в Панском гуртовом ряду мануфактуристы. Когда начинали появляться на ярмарке козлы и козы, спускавшиеся с городских гор, то купцы говорили, что ярмарка кончается, а когда начинали бродить свиньи, то говорили, что она уже кончилась».

Завершалась ярмарка так же, как и начиналась — благодарственным молебном. Так, газета «Московский листок» от 17 сентября 1903 года сообщала: «Вчера на Новой площади, что близь Никольских ворот, по желанию местных торговцев, совершен первый в нынешнюю осень молебен по случаю благополучного окончания торговли на Нижегородской ярмарке». Последние торговцы разъезжались, торопясь до осенней распутицы поспеть в родные края.

Во время ярмарки этот провинциальный город наполнялся людьми до отказа. Пестрая толпа ярмарочных посетителей, если смотреть на нее с высоты, напоминала лоскутное одеяло. «Съезд на Нижегородскую ярмарку достигает 200 тысяч человек; съезжаются преимущественно русские; азиаты, не составляя особенно значительной части приезжих, разнообразием своих типов и костюмов придают ярмарке отчасти восточный характер». В это же время в самом Нижнем Новгороде людей проживало на порядок меньше — около двадцати тысяч.

Сюда приезжали крупные купцы и мануфактуристы, мелкие торговцы и ремесленники. Приезжал и простой народ — отовариться, пообщаться, развлечься. «Всяк суетится, лжет за двух, и всюду меркантильный дух» — так в «Путешествии Евгения Онегина по России» А. С. Пушкин характеризовал Нижегородскую ярмарку. Действительно, «меркантильный дух» на протяжении почти трех столетий являлся тем мощным магнитом, который ежегодно притягивал «к Макарию» неисчислимое множество людей. Кого только не объединяла ярмарка в своем «плавильном котле»: на протяжении полутора месяцев здесь жили бок о бок русские и азиаты, москвичи и жители провинции, богачи и нищие.

Наряду с лицевой стороной была у ярмарки и своя изнанка. О ней упоминает П. И. Щукин: «На ярмарку съезжалось множество нищих, калек и уродов. По рядам днем разъезжали в колясках разряженные в платья ярких цветов женщины и прелюбезно раскланивались с торговцами: это были обитательницы Кунавинских притонов, приезжавшие на ярмарку из Москвы, Казани, Рыбинска и других городов».^[231] Были здесь, разумеется, и другие представители общественного «дна»: карманники, взломщики,

карточные шулеры...

Отбросов общества на ярмарке оказывалось так много, что специально для них был построен ночлежный приют. Но всё же они составляли небольшую часть приезжих. Здесь было немало мещан и крестьян, сюда приезжали за товарами дворяне, гостили со свитой великие князья. Главный же тон на ярмарке задавало именитое московское и местное купечество.

Ярмарочный быт был патриархален, редко выходя из привычного русла. Крупные московские фабриканты и влиятельные торговцы приезжали на ярмарку ближе к ее окончанию, когда предстояло заключение крупных сделок. Солидные коммерсанты ценили постоянных клиентов, оказывали им почет и уважение. И те платили взаимностью. Об этом свидетельствует П. И. Щукин; он с юных лет ездил на ярмарку вместе с дядей, первые недели торгов замещавшим отца. «Приезжие покупатели, входя в лавку, крестились и троекратно целовались с дядей и с главными приказчиками. Некоторые покупатели привозили подарки. Так, казаки братья Абрамовы из Новочеркасска дарили балыки или цимлянское вино, кавказские армяне — кахетинское вино в бурдюках или сушеные фрукты». Об обычае угощать партнеров писал и купец И. М. Чумаков: в 1883 году торговля шла плохо, покупателей почти не было, коммерсанты терпели убытки. Чумаков рассуждал: «Дел нет, а расход ведем: сегодня угощал обедом Гирбасова Прохора Федоровича... Расходовал 6 рублей 50 копеек. Нужно угостить, ведь покупатель».^[232]

Выгодными покупателями на ярмарке считались ходябщики, они же «ходьба» или коробейники. Они закупали товар на ярмарке большими партиями, расплачиваясь за него наличными «на довольно значительную по тогдашнему времени сумму». Купленное они затем перепродавали в провинции, торгуя вразнос по селам и деревням. «Каждый хозяин «ходьбы» приходил в лавку с десятью или более приказчиками, долго торговался, потом каждый из его приказчиков в отдельности отбирал товар; после отборки товара по заведенному обычаю «ходьбу» угощали в трактире Бубнова, куда отправлялись в таком порядке: впереди шли хозяин «ходьбы» с моим дядей, а за ними попарно приказчики-ходябщики».

На протяжении десятилетий жизнь в торговых рядах текла раз и навсегда заведенным образом. «Ходячие цирюльники бреют на улице ломовых, сидящих на своих телегах, а странствующие сапожники чинят прохожим сапоги. Женщины и мальчишки подбирают щепки, дощечки, бумагу, концы веревок и т. п. Снуют бабы с владимирскими вишнями, разносчики с балыками, ветчиной, раками и другими товарами, татары со

шкурками каракуля, персияне с коврами, орехами и сушеными фруктами, бухарцы и хивинцы в своих пестрых полосатых халатах. Хлебники на лубочных лотках разносят по лавкам белый ситный хлеб, а бабы на коромыслах — кушанья в эмалированных судках и соленые огурцы в железных ведрах... По чрезвычайно длинному плашкоутному (то есть опирающемуся на плоскодонные суда. — А. Ф.) мосту тянутся, как и прежде, по двум противоположным направлениям бесконечные вереницы телег, нагруженные невыделанными кожами, разным железом и чугуном, ящиками, бочками и т. д.». [\[233\]](#)

На ярмарке царил строгий порядок. Любое его нарушение строго каралось. Так, по словам Н. А. Варенцова, «курить на улицах и площадях ярмарки строго воспрещалось, и делающие это наказывались... штрафом. Неоднократно мне приходилось видеть, как какой-нибудь шутник вынимает папиросу и берет в рот, делая вид, что как будто не замечает полицейского, стремительно бросающегося, чтобы задержать его. Но прохожий идет спокойно и не зажигает; полицейский, догадываясь, что всё это им сделано нарочно, сердито отходит прочь, чем вызывает у зевак хохот». [\[234\]](#)

Любая торговля — риск, поэтому за внешней размеренностью скрывалось кипение нешуточных страстей. Здесь сколачивались и терялись гигантские, порой миллионные состояния. Костромской купец И. М. Чумаков писал в «Памятной книге»: «Продаю и рискую, то есть отпускаю в кредит почти незнакомым. Не рискнешь — не продашь».

Время от времени случалось, что покупатель не желал платить своих долгов. В таком случае он приходил к кредиторам «плохо одетым, выпачканным и нередко пьяным». П. И. Щукин вспоминал, что «покупатель Фуфыкин явился однажды к нам на ярмарку весь выпачканный и пьяный и сообщил, что не может уплатить старого долга, сказав: «Торговали кирпичом и остались ни при чем». Благодаря присяжному поверенному Меморскому... мы получили сполна стоящий за Фуфыкиным долг». Существовал и более честный способ отсрочить долги: пригласить кредиторов «на чашку чая», то есть собрать их за одним столом и упросить о скидках и рассрочках долгов.

Нижегородская ярмарка привлекала к себе не только размахом торговой жизни. Она предоставляла самый широкий выбор мест, где можно было поесть, от небольших забегаловок до роскошных ресторанов. Местной особенностью являлось то, что «во всех ресторанах и трактирах пели хоры разных достоинств», чаще всего женские.

Трактир играл в ярмарочном быту огромную роль: здесь «обмывались»

успешно состоявшиеся и заключались новые, подчас многотысячные сделки, здесь можно было присмотреться к возможным клиентам и узнать последние новости. В то же время именно здесь пропивались, проедались и проигрывались весьма крупные суммы. Певицам из ресторанных хоров загулявшие посетители дарили деньги и бриллианты. Кутежу предавались не только люди непутевые, но даже солидные главы семейств, вырвавшиеся из привычного круга. Так, в газете «Московский листок» от 6 сентября 1902 года отмечалось: «Начинается прилет купечества с ярмарки в Нижнем-Новгороде. Вид у прилетающих довольно общипанный... Ярмарка вышла не столько деловой, сколько пьяной. Пили от скуки. Пили от безделья. Пили просто потому, что пить хотелось. И теперь, по возвращении к московским пенатам, только руками отмахиваются на вопросы о делах, о торговле, о платежах».

Нередко на ярмарку приезжали специально для того, чтобы, не вызывая подозрения у домашних, «под предлогом забот и совещаний об экономическом преуспевании России», уйти в загул. Об этом писал, в частности, А. В. Амфитеатров. Один из купцов-персонажей его романа «Дрогнувшая ночь» говорит о характерном для ярмарочной жизни «нижегородском обалдении». Оно заключалось в том, что «пьяные совсем неожиданно совершают трезвые дела, а трезвые тем более неожиданно увязают в совершенно пьяные поступки-с». Тот же герой пояснял, почему посетители ярмарки проявляют мало интереса к культурной жизни: «Народ к нам на ярмарку едет сплошь одинокий-с. Еще Александр Николаевич Островский изобразил, как Тихон Кабанов на ярмарку-то, с позволения вашего сказать, улепетывал-с от маменьки Кабанихи и от скуки семейного очага-с... И вот — вы изволили говорить о театрах, концертах и рефератах... Помилуйте-с! Какой Тихону Кабанову может быть интерес в подобной эстетике?.. Ему первое дело — как бы память ошарашить и отшибить, именно как балдою, — отсюда и этимология — обалдеть-с. Для подобной цели господин Шаляпин или госпожа Лешковская совершенно недействительны-с. Ибо они серьезного внимания требуют и мысль будят, а Тихону Кабанову именно мыслей-то и не требуется».^[235]

Лучшим заведением ярмарки считался ресторан Никиты Егорова. Здесь беседовало о делах и предавалось чревоугодию крупное купечество. П. И. Щукин писал: «В то время Волгу и Оку еще не отравили нефтью, как ныне, и потому рыба имела чистый вкус; раки были крупные, не такая мелочь, какую видишь теперь; в окрестностях Нижнего в изобилии водились утки, дупеля, бекасы, рябчики». В этих же стенах можно было хорошо выпить. «По вечерам в буфете часто сидел за столиком Александр

Максимович Попов... На столике стояла батарея бутылок красного вина, ибо Александр Максимович пил лишь красное вино и не иначе как полбутылками. По мере того как Александр Максимович опорожнял полбутылки, он становился все развязнее и, встречая входивших посетителей, бросался в объятия каждого, уже не различая знакомого от чужого».

Ярмарочное начальство принимало все меры, чтобы пресечь поголовное пьянство. Для этого оно стремилось занять досуг десятков тысяч людей, прежде всего крестьян, мещан, мелких ремесленников, рабочих, то есть — выходцев из малообразованных слоев населения.

Любая ярмарка, тем более такая крупная, как Нижегородская, на Руси сопровождалась гуляньями. Балаганы и театры, карусели и качели, «медведчики» с учеными медведями и кукольные театры, цирки и комнаты смеха работали на протяжении всей ярмарки. Устраивались и «разовые» развлечения для широкой публики: состязания в беге, кулачные бои, лотереи, катания на лодках с пением и т. п. Широкой популярностью пользовались лубочные картинки.

Итак, представленного выше текста достаточно, чтобы понять: Нижегородская ярмарка представляла собой нечто большее, нежели перевалочный центр, куда свозилась и откуда распределялась по селам и городам основная часть предметов потребления. По словам сотрудника Императорского Русского географического общества Н.Н. Овсяникова, «Нижегородская ярмарка есть важнейший экономический фактор русской жизни, полной всевозможных интересов, стоящих в ближайшей связи с... политико-экономическим и финансовым положением России... Это — пульс народного организма». ^[236] И пульс этот находился в руках двух сил — чиновничьей и предпринимательской, — которые противостояли друг другу по важнейшим вопросам экономической жизни.

Большой властью на ярмарке обладал нижегородский генерал-губернатор — высший чиновник местной администрации, в чьих руках сосредоточивалась гражданская и военная власть. Управление Нижним Новгородом, особенно в период ярмарки, являлось для властей делом особой важности. Поэтому нижегородскому генерал-губернатору на время ярмарки давались чрезвычайные права. Другой крупной силой являлся Нижегородский ярмарочный биржевой комитет — орган управления Нижегородской ярмаркой, состоявший из представителей крупного купечества. Большую роль здесь играли московские тузы. «Нижегородский ярмарочный биржевой комитет не был, в собственном смысле слова,

московской организацией, но московское влияние было там очень сильно, и неоднократно именно московский человек возглавлял «всероссийское торжище». Так было, когда председателем комитета пребывал Савва Тимофеевич Морозов».^[237]

Согласно правилам 1888 года, члены Нижегородского ярмарочного комитета избирались собранием уполномоченных ярмарочного купечества. По словам П. А. Бурьшкина, власть этого органа была достаточно велика: «В административном отношении ярмарочная территория представляла обособленную единицу, находившуюся в ведении Нижегородского губернатора, но не входившую в состав городской черты Нижнего Новгорода. Поэтому Комитету приходилось ведать не только вопросами руководства, ходом ярмарочной торговли или торгово-промышленным представительством, а в миниатюре быть как бы городским самоуправлением, со всеми свойственными таковому функциями. Это требовало создания постоянного органа, ведающего ярмаркой, и ярмарочный комитет Нижегородский, в отличие от других ярмарок, был организацией, которая действовала круглый год. Собрания комитета происходили периодически, разница между ними и «ярмарочными» была в том, что они имели место в Купеческой управе, в Москве, а не в Главном доме на ярмарке».

То, какая из этих двух сил брала верх в тот или иной период времени, сказывалось на преуспевании не только губернского города в междуречье Оки и Волги, но и всей Российской империи. А это, в свою очередь, во многом зависело от личностных качеств и генерал-губернатора, и председателя ярмарочного комитета. Если качества последнего читателю уже известны, то к фигуре нижегородского генерал-губернатора Н. М. Баранова надо как следует присмотреться.

Николай Михайлович Баранов (1836–1901) являлся личностью весьма примечательной. В Нижнем Новгороде о нем ходили анекдоты, как основанные на реальных событиях, так и вымышленные. Подобно другим генерал-губернаторам той поры, Баранов был отставным военным, отличившимся во время Русско-турецкой войны 1877–1878 годов. По словам А. В. Амфитеатрова, в народе Баранова величали «героем «Весты». Имелся в виду эпизод из военной карьеры Николая Михайловича. В июне 1877 года, командуя небольшим пароходом «Веста», Баранов встретил турецкий броненосец и в результате пятичасового боя заставил неприятеля отступить с потерями. В декабре того же года Баранов отличился вторично, был награжден орденом Святого Георгия 4-й степени и произведен в

капитаны 1-го ранга. Однако вскоре, в 1879 году, Баранову пришлось оставить военную службу, так как его первый подвиг подвергся сомнению: «Недоразумения, возникшие впоследствии, когда был возбужден вопрос о правильности оценки боя «Весты» с турецким броненосцем, заставили его просить над собою следствия и суда, окончившихся для Баранова неблагоприятно: он был вынужден оставить службу во флоте и вышел в отставку». С этого момента началась гражданская карьера Баранова. Его переводили с одной административной должности на другую, пока, наконец, в 1883 году он не был назначен нижегородским генерал-губернатором. На этом посту Николай Михайлович пребывал вплоть до 1897 года.

Личностные качества генерал-губернатора — как положительные, так и отрицательные — были столь яркими, что резко выделяли его из серой массы чиновничества. С одной стороны, это был человек талантливый, энергичный, трудолюбивый. С другой — «при всей своей... редкой энергии, огромной инициативе и индивидуальности, Баранов был неудачником. Его выдвигали исключительные обстоятельства: война, смутное время, холерная эпидемия. Напротив, мирная, повседневная обстановка его угнетала и неизменно осаживала после каждого подъема, вызванного особыми случаями» — так отзывались о нем современники. Тем не менее и в повседневной обстановке он со рвением исполнял должностные обязанности. Вступив на пост генерал-губернатора, Баранов объявил нижегородцам, что будет вести приемы по экстренным делам в любое время дня и ночи. Каждый в случае надобности имел право явиться к нему во всякое время и даже обратиться к нему по телефону, возле которого круглые сутки дежурил один из чиновников. Факт удивительный для бюрократической России того времени! С девяти утра его приемная была полна народу. «Высокий чиновник все вопросы решал сразу... Обход ярмарки он производил лично и не менее двух раз в сутки... Старался прийти неожиданно, вдруг, чтобы застать людей врасплох». Он не только сам был энергичен, но умел передавать свою энергию окружающим, в том числе своим непосредственным подчиненным.

Писатель, публицист Владимир Галактионович Короленко характеризовал Н. М. Баранова следующим образом: «Игрок по натуре, он основал свою карьеру на быстрых, озадачивающих проявлениях «энергии», часто рискованно выходящих за пределы бюрократической рутины, всегда ярких и почти всегда двусмысленных». ^[238] Баранова знали как «маленького местного самодержца», «взбалмошного губернатора». В то же время ему были присущи удивительное правдолюбие и уважение к печати. «В

бытность Баранова губернатором, во время холерной эпидемии... ему пресса лучше всего помогала бороться со всевозможными вздорными слухами, смущавшими народ. Он настоял на том, чтобы газеты печатали точные, верные сведения о ходе эпидемии в такое время, когда в других городах эти цифры скрывались. Баранов сам верил и других умел убедить в том, что правда спасает, а ложь и обман всегда только губят».

Иногда хороший анекдот лучше характеризует человека, чем многотомные рассуждения исследователей. «В анекдоте часто открывается искрящаяся огнями гениальность человеческой души».^[239] Николай Михайлович Баранов являлся центральным персонажем многих анекдотических историй. Особенно упорно по Нижнему Новгороду ходил рассказ об иностранце, который после кутежа с певицами обнаружил, что его обокрали. «Он пожаловался в полицию. Баранов приказал явиться всему хору и спросил, как было дело. Певицы всё отрицали. Тогда Баранов приказал сечь всех подряд, начиная с хозяйки. Когда дошло до третьей певицы, она заголосила: «Хозяйка с Манькой деньги спрятали, а я за всех отвечаю?!» К радости иностранца, кошелек с семью тысячами ему вернули. Однако Баранов приказал тут же высечь и его, «дабы гулял, а головы не терял».

Высмеивая отдельные поступки «героя «Весты», его в то же время уважали и даже побаивались. Он являлся, пожалуй, самым популярным нижегородским губернатором. «В Нижнем Новгороде Баранова недаром звали орлом. Говорили, что он действует «вне закона», но слушали и исполняли его приказания, потому что знали, что Баранов всегда брал на себя ответственность и умел защитить своих подчиненных». Так, во время холеры 1892 года, спасая всероссийскую ярмарку не только от эпидемии, но и от связанной с ней паники, Баранов не останавливался ни перед чем. «Когда появились первые признаки зловещих холерных бунтов, Баранов отдает краткий приказ: «Зачинщиков повешу на глазах у всех и на месте». И бунты прекращаются, ибо все знают, что у Баранова дело не разойдется со словом». Не брезговал Баранов и телесными наказаниями. Оправдывая крайние меры, Николай Михайлович писал: «За семь лет моего управления ярмаркой не возникло ни одного пожара, не произошло ни одного убийства, ни даже грабежа».^[240]

Как типичный чиновник, Баранов «кормился» за счет Нижегородской губернии. Известно, что особенно крупные суммы он получал от купцов-старообрядцев, милостиво позволяя им держаться своих обычаев и даже строить запрещенные законом молельни. Так, Максим Горький в очерке о

нижегородском купце-старовере Н. А. Бугрове отмечал: «Старообрядец «беспоповского согласия», он выстроил в поле, в версте расстояния от Нижнего, обширное кладбище, обнесенное высокой кирпичной оградой, на кладбище — церковь и «скит», — а деревенских мужиков наказывали годом тюрьмы по 103 статье «Уложения о наказаниях уголовных» за то, что они устраивали в избах у себя тайные «молельни». В селе Покровке Бугров возвел огромное здание, богадельню для старообрядцев, — было широко известно, что в этой богадельне воспитываются сектанты-«начетники».^[241] На все это «пресловутый» генерал-губернатор Баранов закрывал глаза, ежегодно получая от Бугрова внушительную взятку (около 40 тысяч рублей). В то же время незаконно полученные деньги не задерживались в губернаторских карманах. «Человек с железной волей в вопросах, которым он придавал государственное значение, Баранов в частной жизни был мягким и на редкость добрым человеком. Весь в долгах, закладывая собственные вещи, он помогал не только знакомым, но еще чаще своим подчиненным». По словам А. В. Амфитеатрова, когда Баранова в 1897 году назначили сенатором и таким образом отдалили от его «вотчины» в Нижнем, оказалось, что у бывшего распорядителя судеб практически нет средств к существованию.

К моменту, когда С. Т. Морозов возглавил ярмарочный комитет, этот человек уже на протяжении семи лет стоял во главе Нижегородской ярмарки. Неудивительно, что ярмарочное купечество далеко не всегда могло с ним ужиться.

Московское купечество еще со второй четверти XIX века ощущало себя мощной силой, и с каждым новым десятилетием это ощущение только нарастало. Представители купеческого сословия обладали колоссальными средствами, широкими связями, личной инициативой и, в последней четверти столетия, поддержкой со стороны государства. Разумеется, они желали влиять на проводимую государством экономическую политику. Однако сделать это было непросто. С одной стороны, коммерсанты регулярно сталкивались с препонами, которые чинились им чиновниками различных министерств и ведомств — как в случае с «племенной коровой», которую якобы купил С. Т. Морозов. С другой стороны, сама эта сила являлась разноректорной: она состояла из целого ряда личностей с разным уровнем образования, разным представлением о народном благе и различными устремлениями.

По словам П. А. Бурьшкина, «торгово-промышленную Москву отнюдь нельзя рассматривать, как однородную, политически единомышленную

группу. В московском купечестве, как среди лиц русского торгового сословия вообще, были люди разных мнений, разных оттенков политической мысли. Были правые, были и левые. Были крайние правые; были, хотя и не особенно часто, и крайние левые, тесно связанные с революционным движением». Помимо политических делений были деления отраслевые: «агрии» (то есть купцы, чья деятельность была тесно связана с сельским хозяйством), промышленники, банкиры и т. п. Подобно героям известной крыловской басни, они тянули воз российской экономики в разные стороны, поскольку по ряду важнейших вопросов не могли договориться друг с другом. В связи с этим особенно велика была роль купеческих лидеров. В 1890-е годы одним из наиболее ярких купеческих вождей являлся Савва Тимофеевич Морозов. Роль Морозова на Нижегородской ярмарке была столь велика, что пресса окрестила его «купеческим воеводой».

С. Т. Морозов заступил на пост председателя Нижегородского ярмарочного комитета 21 октября 1890 года. Первым крупным испытанием в этом новом качестве для него стал неурожайный 1891 год. Летняя засуха сгубила на корню хлеб в обычно плодородных черноземных губерниях. Недород хлеба был чреват серьезными экономическими последствиями: разорением крестьян, голодом, резким падением покупательной способности. Савва Тимофеевич организовал ходатайство о выделении средств на борьбу с голодом. 2 августа 1891 года он выступил на собрании уполномоченных с речью: «Недород, охвативший все хлебобородные губернии, угрожает распространиться на губернии промышленные... Предупредить, предусмотреть и прийти на помощь путем ходатайства перед правительством является долгом ярмарочного управления. Ввиду недорода хлеба в России покупная способность значительно пала, — предвидится сокращение производства в районах фабричных и неизбежная при этом безработица грозит массе фабричных и заводских тружеников».

[242]

Ярмарка 1891 года, несмотря на недород, все же состоялась и даже ознаменовалась некоторыми успехами — благодаря Сибири, где был собран обильный урожай. Однако экономический прогноз С. Т. Морозова оправдался. Голод, начавшийся зимой 1891/92 года, продолжался на протяжении всего 1892-го, а в некоторых губерниях и 1893 года. Наиболее инициативная часть интеллигенции устраивала столовые для голодающих крестьян. Савва Тимофеевич также проявлял о них заботу, правда, сохранившиеся свидетельства о его личной помощи крестьянам относятся к более позднему времени. Так, в дневнике Софьи Андреевны Толстой,

жены Л. Н. Толстого, имеется запись за 19 апреля 1898 года о приезде к ним С. Т. Морозова, который «дал для голодных крестьян Льву Николаевичу 1000 рублей»^[243] — очень крупную по тем временам сумму.

Следующие два года, на протяжении которых Морозов возглавлял ярмарочный комитет, тоже нельзя назвать легкими. Продолжительный голод, вызванный неурожаем, в те времена обычно сопровождался массовыми эпидемиями. На этот раз эпидемия холеры (1892–1893) вспыхнула в низовьях Волги и довольно быстро начала распространяться по всей стране. До Нижнего Новгорода она добралась в самом начале ярмарки. Эта «болезнь грязных рук» грозила в основном простому люду. Образованная публика, зная, что «захварывали холерой большею частию после питья сырой воды», старалась соблюдать санитарные постановления.

События 1892 года отражены в воспоминаниях Н.А. Баренцева. Говоря о Морозове, Николай Александрович язвительно отмечает: «Какую [он] принес пользу ярмарке, будучи председателем, мне неизвестно, но вспоминаю одно заседание членов ярмарочного комитета, куда я попал членом по недоразумению, будучи выбран без моего согласия во время моего отсутствия... В одно из моих пребываний на ярмарке мне пришлось быть на заседании под председательством Саввы Тимофеевича. Рассматривался вопрос об ассигновании пяти тысяч рублей на устройство баков с кипяченой водой для ярмарочных обывателей, пьющих обыкновенно из кранов проведенную сырую воду; требовалось это по случаю надвигающейся холеры из Астрахани. Раздались возгласы от некоторых членов комитета против такового нововведения: для чего это делать? Жили до сего времени, обходились без них. Расходов и без того много! — и еще другие вроде этого. Смотрю: председатель слушает спокойно и не думает возражать. И я уверен, что этот вопрос был бы решен в нежелательном смысле, если бы не последовало протеста с моей стороны, от человека, случайно попавшего на это заседание. Мой протест подействовал, и собрание ассигновало требующуюся сумму».^[244] Думается, у Морозова была выработана своя манера ведения подобных заседаний: дать несогласным «выпустить пар», а потом первым выступить с инициативой. Во всяком случае, из других источников известно, что Савва Тимофеевич в тот период отнюдь не бездействовал. Напротив, объединившись с нижегородским генерал-губернатором Н. М. Барановым, бросил все силы на борьбу с охватившей город эпидемией.

Из Петербурга в Нижний Новгород был командирован профессор Клинического института великой княгини Елены Павловны В. К. фон

Анреп. Он возглавил специально созданный штаб надзирателей, которые следили за соблюдением санитарных норм. По свидетельству купца П. И. Щукина, благодаря энергичной деятельности властей предрожавшая «начавшаяся было паника быстро улеглась. На ярмарке открыли бараки для холерных. На Волге был устроен плавучий госпиталь, куда буксирные пароходы возили заболевших холерой на приспособленных для этого лодках. Когда же не хватило для больных места в бараках и госпитале, то Николай Михайлович немедленно распорядился отдать губернаторский дворец... под госпиталь (на такой шаг решился бы далеко не каждый чиновник, ведь губернаторский дворец принадлежал казне. — А. Ф.). С его разрешения наша фирма вместе с мануфактурами Гюбнера, Цинделя и Даниловской устроили близ старого ярмарочного собора кухню для нас, наших служащих и служащих означенных мануфактур. Мой брат Сергей ездил к Н. М. Баранову просить дозволения устроить на свой счет кухню для наших служащих. Поваров выписали из Москвы; за провизией посылали утром в город на базар одного из приказчиков с артельщиком; за кухней наблюдал приглашенный нами врач. Для питья стали прибавлять в кипяченую воду красное вино, что у нас делается и до сих пор... Впоследствии на ярмарочных площадях были поставлены для общего употребления баки с кипяченой водой, смешанной с красным вином». Первым несколько бочек с красным вином для обеззараживания воды пожертвовал известный виноторговец П. А. Смирнов, затем его примеру последовали другие крупные купцы.

Известно, что по крайней мере часть перечисленных Щукиным мер была принята по инициативе Саввы Тимофеевича. «Для предупреждения распространения холеры Ярмарочный комитет установил 6 водогреевен для кипячения воды, построил временный водопровод, подававший из Волги чистую воду. Со своей стороны, Савва Тимофеевич приказал доставить четыре паровые машины с Никольской мануфактуры, которые приводили в движение водяной насос, работавший днем и ночью. Он также выписал из Москвы медикаменты, одежду и белье для больных холерой, чье платье сжигалось при поступлении в больницу».^[245]

Борьба со стихийными бедствиями являлась важной и неотъемлемой, но все же не главной частью деятельности Морозова. Во всяком случае, не она принесла ему уважение со стороны коммерсантов и громкую славу «купеческого воеводы».

С. Т. Морозов возглавлял Нижегородский ярмарочный биржевой комитет на протяжении шести с половиной лет — с 21 октября 1890-го по 8

мая 1897 года.^[246] Он выгодно отличался от своих предшественников на этом посту. В частности, предыдущий председатель комитета, Павел Васильевич Осипов, зарекомендовал себя не столько как реформатор, сколько как корыстолюбец. По словам П. И. Щукина, «П. В. Осипов, будучи председателем Ярмарочного комитета, делал большие денежные поборы на губернаторские обеды с торговавших на ярмарке купцов. Оставшиеся от обедов вина и сигары относились к П. В. Осипову на квартиру». Морозову подобные мотивы были чужды, он не стремился нажиться за чужой счет. Отчасти им двигало желание власти. Но наряду с ним имелось более благородное стремление — направить ту потенциальную энергию, которой располагало русское купечество, в созидательное русло, заставить ее служить на благо русской экономики. В достижении этой цели Савва Тимофеевич немало преуспел.

В. И. Немирович-Данченко, говоря о Морозове, отмечал: «Он с увлечением отдавался роли представителя московского купечества, придавая этой роли широкое общественное значение».^[247] А публицист А. В. Амфитеатров, в 1890-х годах находившийся с Морозовым в приятельских отношениях, писал о нем следующее: «Морозов в то время был не только представителем, но, в буквальном смысле слова, главою всероссийского купечества, и в умной, честлюбивой, молодой голове его бродили мысли и планы замечательные. Ему откровенно мечталась политическая роль, и он совершенно серьезно и с большою последовательностью принялся было выковырывать из именитого русского купечества «третье сословие». Купеческую рознь он железною рукою подбирал, человека по человеку, сплавляя в дружное единство, и успел уже показать петербургской бюрократии зубы и когти сплоченной купеческой силы — далеко не шуточные».^[248] Амфитеатров писал это применительно к 1896 году, когда Морозову уже удалось добиться серьезных результатов. Но, думается, эти слова можно отнести и к более раннему времени.

В конце XIX века ярмарочное купечество явственно ощутило, что назойливая административная опека в лице нижегородского генерал-губернатора сильно сковывает его в действиях. И на рубеже 1880–1890-х годов предприняло первые попытки выйти из-под этой опеки. Савва Тимофеевич Морозов стал первым, кто вошел в серьезный конфликт с чиновничеством в лице генерал-губернатора Н. М. Баранова. «Нашла коса на камень, и этот камень, на который налетела барановская коса, до того косившая в чужом поле, как у себя дома, был не кто другой, как новый

председатель Ярмарочного комитета, умный, довольно просвещенный... принадлежащий к семье несметных богачей Савва Тимофеевич Морозов». Оценивая роль Морозова в торговой жизни 1890-х годов, современники отмечали: «Он был первым из тех, кому удалось поднять на должную высоту знамя ярмарочного общественного управления, что было резким поворотом для того времени. С. Т. Морозов, которому сам черт не брат, показал Баранову, что не он — Баранов, а он — Савва Морозов, хозяин на ярмарке, и сделал это без лишнего задора, умело и корректно».^[249]

При этом личные отношения Морозова и Баранова остались вполне дружескими. Они встречались не только за многолюдными обедами, которые давало Баранову ярмарочное купечество, но и на неофициальных мероприятиях. Так, П. И. Щукин описывал «солдатский обед», на который его пригласил генерал-губернатор в августе 1895 года. «Солдатский обед оказался весьма порядочным. Только странно, что на пирожное подали поднос с мармеладом разных сортов. За обедом присутствовали: Д. В. Григорович,^[250] нижегородский вице-губернатор Фредерикс, нижегородский полицмейстер князь Михаил Викторович Волконский и председатель ярмарочного комитета С. Т. Морозов... Во время обеда Николай Михайлович много рассказывал и не давал другим говорить. Наконец говорливый Григорович не вытерпел и перебил Николая Михайловича, сказав: «Душенька, вы уже достаточно говорили, позвольте теперь и мне кое-что рассказать».^[251]

Итак, в начале 1890-х годов на историческую арену вышел «бунтующий капитал под командою Саввы Морозова». Капитал этот, являя «некоторый элемент фронды», вошел в противостояние с чиновничеством. Что же представляло собой это противостояние?

Ответ на этот вопрос можно найти в воспоминаниях П. А. Бурышкина. Говоря о деятельности московских биржевых организаций, купец отмечает: «До начала японской войны никто и не помышлял об обсуждении вопросов, так или иначе связанных с политикой... И не потому, что все были так уж законопослушны... По правде говоря, мало кто был готов к разработке вопросов самого общего порядка. Поэтому говорили о торговых палатах, о тарифной политике, о регулировании сахарной промышленности, о пересмотре положения о промысловом налоге, но не ставили вопросов о том, что нужно для развития производительных сил страны и роста русского народного хозяйства. Не ставили отчасти и потому, что ответ знали заранее: нужно изменить общие условия русской жизни —

и политической, и социальной».^[252]

Иными словами, Савва Тимофеевич был одним из первых, кто поднял эти самые «вопросы общего порядка». Причем поднял в весьма умеренной форме. Заговорил вслух о переменах в рабочем законодательстве, об изменении правового положения российской буржуазии, о том, по какому пути следует идти русскому народу, и т. п. В публичных выступлениях с опорой на факты доказывал, что для развития экономической мощи страны необходимо поднимать тяжелую промышленность, совершенствовать техническое и коммерческое образование, оказывать мощный отпор фритредерским стремлениям и многое другое... Иными словами, Морозов сформулировал стратегию развития русской экономики на долгие годы вперед. Для того времени это были смелые высказывания. Тем более что С. Т. Морозов принимал все возможные усилия, чтобы подтвердить свои слова делами.

Уже в начале 1890-х морозовская «программа» стала претворяться в жизнь. Одним из важнейших ее пунктов являлось осуществление протекционистской политики. Купцы-промышленники хорошо осознавали, что для нормального функционирования экономики необходимо создание мощной национальной промышленности. А оно возможно только в том случае, если государство — хотя бы на первых порах — будет оберегать эту промышленность от иностранной конкуренции при помощи таможенных барьеров, выделения целевых субсидий и т. п. В связи с этим летом 1892 года произошло важное событие. Фактически оно знаменовало новый этап в деятельности купечества, когда к его голосу начали прислушиваться при решении внешнеполитических вопросов. И случилось это благодаря активной позиции председателя Нижегородского ярмарочного комитета.

По словам исследователя И. В. Поткиной, «летом 1892 г...начинала разгораться таможенная война с Германией», то есть резкое повышение таможенных пошлин с обеих сторон (Германия, как и Россия, проводила протекционистскую политику). Ярмарочное купечество готовило новый таможенный договор с Германией, который должен был вступить в силу в 1893 году. По этому случаю министр финансов С. Ю. Витте лично отправился в Москву и на Нижегородскую ярмарку «для собеседований с промышленниками». Председатель Московского биржевого комитета Н. А. Найденов от лица московских коммерсантов «говорил о тревоге, охватившей промышленные круги, в связи с новой политикой и о недостаточности защиты русской индустрии, и заявил себя протекционистом».

На Нижегородской ярмарке министр финансов выслушал речь Морозова. По свидетельству П. А. Бурьшкина, «его выступление носило боевой характер и вызвало большой шум. Морозов говорил, что «богато наделенной русской земле и щедро одаренному русскому народу не пристало быть данниками чужой казны и чужого народа»; что «Россия, благодаря своим естественным богатствам, благодаря исключительной сметливости своего населения, благодаря редкой выносливости своего рабочего, может и должна быть одной из первых по промышленности стран Европы». В правительственных кругах обе эти речи не понравились, и Суворин в «Новом времени» сурово критиковал Морозова. Эта же газета устроила анкету, которая показала, что видные представители торговли и промышленности в общем солидарны с говорившими, отмечая, что оба говорили за всю Россию. Одним это нравилось, другим нет, но во «всероссийском» характере выступлений никто почти не сомневался».^[253]

В обращении к правительству С. Т. Морозов высказал те же мысли в более осторожной форме: «Заключение торговых договоров с Германией является вопросом, возникновение которого по справедливости может внушать опасение о будущности русской промышленности», так как «состояние торговых балансов страны определяется разницей между суммой вывоза и ввоза, а этот последний при заключении торгового договора значительно увеличится». Иными словами, коммерсанты напоминали правительству о том, что русскую экономику в ее же интересах следует оградить от иностранной конкуренции. Следует отметить, что Витте придерживался схожих взглядов на эту проблему.^[254]

Двадцать девятого августа 1892 года общее собрание уполномоченных под руководством Морозова приняло следующее постановление: «Ходатайствовать перед его императорским величеством о том, чтобы при обсуждении торговых договоров с Германией были вызваны сведущие люди из торгового сословия».^[255] В итоге правительству пришлось поступиться внешнеполитическими интересами в пользу экономических. Это была уже крупная победа С. Т. Морозова. Объединив усилия ярмарочного купечества, он отстоял интересы русского предпринимательского сословия. С одной стороны, удалось добиться «... исправления ставок таможенных пошлин во внешней торговле России» в его интересах. С другой стороны, государство прислушалось к голосу торгово-промышленной элиты и позволило ей непосредственно участвовать в решении важных экономических вопросов. П. А. Бурьшкин отмечал: «Новый договор внес большие изменения в русско-германские

отношения... и в народно-хозяйственные, и в политические, и сыграл важную роль в переменах, имевших место в конце прошлого столетия во всей европейской внешней политике».

Помимо решения судьбоносных для страны вопросов, помимо формирования купеческого самосознания Морозов как председатель Нижегородского комитета занимался и сугубо ярмарочными делами: решал проблему бюджета и упорядочения налоговых сборов с ярмарочного купечества (1892) и т. п. Это имело не менее важное значение, чем эффектные выступления по другим насущным вопросам. Действия, предпринятые С. Т. Морозовым за шесть с половиной лет пребывания на посту председателя ярмарочного комитета, позволили активизировать работу этого органа. С этого времени комитет стал претендовать на действительное представительство общероссийских интересов. За смелость в отстаивании важнейших для купечества проектов Савву Тимофеевича уважали даже те, кто лично к нему относился неприязненно. П. А. Бурый говорил: в Нижегородском ярмарочном комитете Морозова «...очень ценили и любили. Мне пришлось вступить в состав этого комитета лет через пятнадцать после его ухода, но о нем всегда говорили и вспоминали». А купец Я. Е. Башкиров, отмечая заслуги Морозова, подчеркивал: «Он поднял авторитет ярмарочного управления, придал ему характер общественного самоуправления, между тем как до него оно носило характер казенного учреждения».

Однако до сих пор не предпринималось попыток понять, какие качества позволили Морозову в столь краткий срок объединить разрозненное купечество. Между тем это довольно интересно. Морозов проявлял себя не только как стратег, деятель с ясным политическим мышлением, и не только как прекрасный оратор, но и как превосходный тактик. Хорошо разбираясь в людях, то проявляя определенную гибкость, то играя на слабостях, он лавировал между представителями разных точек зрения и в итоге добивался своего. В этом смысле характерен следующий фрагмент из беседы Морозова с Амфитеатовым: «Я — вроде Пиквика-с: [\[256\]](#) пластырь ко всеобщему умиротворению-с... Не потому-с, впрочем, чтобы по природе своей был уж очень благодушен, а потому-с, что они там все настолько меня терпеть не могут-с, что, когда я говорю «да», они даже между собою грызться перестают — лишь бы иметь удовольствие, в большинстве, преподнести мне «нет»... А я и рад, что довел их до согласия-с, потому что-с мое «да» несколько мне не было нужно-с, а весь мой интерес помещался именно в том-с, чтобы было «нет-с». [\[257\]](#)

Но далеко не всегда приходилось идти «от противного». Когда речь шла о сборе пожертвований, соглашение нередко достигалось добром. В. И. Немирович-Данченко отмечал «замечательную купеческую черту» — когда при сборе средств на какое-либо дело «надо, чтобы дело было компанейское, пусть по тысяче внесут, а он — двести, но надо, чтоб чувствовалось тут какое-то единодушие»^[258]. Этот принцип действовал в самых разных сферах — как чисто экономических, так и связанных с вопросами высокой культуры. «Когда на обеде мануфактурщиков Лодзь не то мирилась, не то соперничала в вежливости с Москвою, тот же Савва Морозов поднял в застольной речи вопрос о недостатке в России ученых прядильщиков и о необходимости обзавестись бумагопрядильными школами. Сказал, а в ответ встает лодзинский фабрикант:

— Что же тут, господа, разговаривать? Надо дело делать. Жертвую двадцать пять тысяч рублей на учреждение бумагопрядильной школы в Москве.

— Не стоять Лодзи супротив Москвы! — кричит с другого конца московский мануфактурист. — Жертвую сорок!

— Мы — пятнадцать тысяч, — поддержали ярославцы.

— Мы — десять, — поддакнула Тверь.

И пошло, и пошло... В какие-нибудь пять минут вырос капитал в четверть миллиона рублей. Такие же сцены происходили зауряд у железоделателей, у машиностроителей. Капитал гулял и щеголял собою».^[259]

Любопытно, что большое значение Морозов придавал прессе. В частности, под его опекой находилась газета «Волгарь», которая на своих страницах «подчеркивала значение консолидации российских фабрикантов и коммерсантов».^[260] Таким образом, в арсенале Морозова имелся хороший набор средств, позволявших ему объединить купечество на пути к той или иной намеченной им цели.

К 1896 году Савва Тимофеевич неустанной деятельностью на пользу торгово-промышленного класса снискал себе громкую всероссийскую славу и уважение. Его заслуги на поприще торговли и промышленности были отмечены государством «по засвидетельствованию господина] министра финансов» С. Ю. Витте. Так, 28 февраля 1892 года «за полезную деятельность и особые труды по ведомству Министерства финансов» он получил орден Святой Анны 3-й степени (носился на груди, на ленте). 31 декабря 1893 года, за «полезную деятельность на поприще отечественной

промышленности», Морозов был «всемилодивейше пожалован» званием мануфактур-советника. Это звание много лет с честью носил его отец. То, что к этому званию прилагался гражданский титул «ваше высокоблагородие», вряд ли грело ему душу. Само звание Морозов ценил — это была высокая, а главное, заслуженно высокая оценка его профессиональной деятельности. Наконец, в 1896 году, после проведения Всероссийской промышленной и художественной выставки, он удостоился одной из высших наград Российской империи — ордена Святой Анны 2-й степени (носился на шее).^[261] Его отец, Тимофей Саввич, получил такую же награду в возрасте 59 лет, а Савве Тимофеевичу исполнилось только 34 года — это ли не доказательство успеха! Анна 2-й степени давала своим кавалерам право на личное дворянство. Тем не менее Савва Тимофеевич, как и его отец, остался верен купеческому сословию — и это многое о нем говорит. Сколь часто в те годы купцы стремились забыть свои «мужицкие корни», получить дворянское звание! Лишь немногие, те, кто чтили свою принадлежность к купечеству, кто понимали огромную роль этого сословия в жизни страны, отказывались от дворянского титула. Лучше всего это выразил видный купец, создатель крупнейшей картинной галереи П. М. Третьяков: «Очень благодарю... за великую честь, но от высокого звания дворянина отказываюсь. Я родился купцом и купцом умру».^[262]

Безусловно, получение всех этих наград льстило Морозову, в очередной раз доказывало ему, что он занят своим делом и выполняет его хорошо. Новая общественная роль, которую он на себя примерил, оказалась ему впору. Надо было ей соответствовать — не только делами своими, но и внешней стороной жизни. Иначе говоря, надо было обзавестись жильем, которое соответствовало бы его новому статусу. Вероятно, именно с получением первого ордена, а не с тем, что «небольшой дом, в котором жила в Москве семья Морозовых, стал тесным», связано приобретение в апреле 1893 года участка на Спиридоновке, где впоследствии будет возведен знаменитый морозовский «дворец» в стиле английской неоготики по проекту Ф. О. Шехтеля. А сейчас, в середине 1890-х годов, жизнь Саввы Тимофеевича шла заведенным чередом. По крайней мере некоторое время.

Резкие перемены в жизни и деятельности Морозова обычно связывают с его увлечением Московским Художественным театром... и некоторыми театральными деятелями. Однако на самом деле они начались в тот момент, когда Художественный театр еще не появился на свет. И связаны с событием, пришедшимся на 1896 год, которое принято называть «звездным

часом» С. Т. Морозова. Действительно, оно оставило яркий след в биографии Саввы Тимофеевича. Правда, нельзя однозначно оценивать его роль и последствия для купца.

Летом 1896 года Нижний Новгород временно превратился в деловую столицу Российской империи. «Лето 1896 года было жарким для русских чиновников, дельцов, промышленников и торговых людей, предпринимателей, прожектеров, журналистов, изобретателей, авантюристов и прочих сил, которыми выражается — по крайней мере напоказ — культурный слой общества. Едва откипев в суете и шуме коронационных торжеств, несколько пригорюнившихся под конец, точно пришибленных ужасами Ходынки, все эти силы потоком хлынули из Москвы в Нижний Новгород».^[263] Здесь, в Нижнем, одновременно проходило три важнейших для экономической жизни страны события: Нижегородская ярмарка, 16-я Всероссийская промышленная и художественная выставка (с 28 мая по 1 октября) и Всероссийский торгово-промышленный съезд (4–17 августа). Ко всем трем событиям С. Т. Морозов имел непосредственное отношение. И с ними связано важнейшее достижение Саввы Тимофеевича как главы ярмарочного комитета.

Дело в том, что на период проведения Нижегородской ярмарки Государственный банк регулярно выдавал купцам кредиты на определенный срок. Одно из трех крупных мероприятий, планировавшихся на лето 1896 года, — открытие Промышленно-художественной выставки, — должно было состояться за полтора месяца до начала ярмарочных торгов. Это вынудило ярмарочный комитет обратиться к Министерству финансов с ходатайством об увеличении срока предоставления кредитов на нужды торговли и промышленности. Однако глава ведомства, С. Ю. Витте, ответил на это ходатайство отказом. Тогда-то Морозов и вышел на сцену. По словам А. В. Амфитеатрова, «по вопросу о долгосрочном казенном кредите ярмарке он впервые «тряхнул Витте» — тряхнул победоносно и гордо, без каких-либо задних ходов и протекций, а просто и выразительно показав министерской бюрократии, что за его спиной сомкнулась сила всероссийского капитала: готова ответить на утеснение финансовою войною и, вообще, требует, чтобы с нею в Петербурге считались не свысока, а вровень; при случае же, как вот сейчас, например, пожалуй, даже и снизу вверх».^[264]

Максим Горький пишет, что это происходило следующим образом. На одном из заседаний ярмарочного комитета купечество обсуждало отказ Витте. «Представители промышленности говорили жалобно и вяло,

смущенные отказом.

— Беру слово! — заявил Савва Морозов, привстав и опираясь руками о стол. Выпрямился и звонко заговорил, рисуя широкими мазками ловко подобранных слов значение русской промышленности для России и Европы. В памяти моей осталось несколько фраз, сильно подчеркнутых оратором.

— У нас много заботятся о хлебе, но мало о железе, а теперь государство надо строить на железных балках... Наше соломенное царство не живуче». ^[265] Жесткая речь Морозова произвела впечатление на слушателей. «Кто-то заметил ему, что правительство серьезно заинтересовано вопросом о положении рабочих, а он: «Да, чиновников очень заботит положение во гроб всех насущных вопросов жизни, и хотят они так положить их, чтобы они возможно дольше не воскресали». Не нахожу я, что это остроумно сказано, а впечатление на слушателей — хорошее!» — эти слова Горький вложил в уста одного из персонажей в ранней редакции романа-хроники «Жизнь Клима Самгина». ^[266]

Произнесением бойкой речи дело не ограничилось. Свой успех Савва Тимофеевич тут же закрепил делом. Тот же Горький в очерке «Савва Морозов» отмечал: «В конце речи он предложил возобновить ходатайство о кредитах и четко продиктовал текст новой телеграммы Витте — слова ее показались мне резкими, задорными. Купечество оживленно, с улыбочками и хихикая, постановило: телеграмму отправить. На другой день Витте ответил, что ходатайство комитета удовлетворено».

Это была крупнейшая победа Морозова на пути выковывания «классового самосознания» купечества, его сплочения в единую силу. Она принесла предпринимателю громкую славу настоящего лидера русского купечества, в честь которого на ярмарке был дан пышный обед. А. В. Амфитеатров писал о триумфе Морозова: «Эта победа сделала Савву Тимофеевича на довольно продолжительное время популярнейшим человеком и в Москве, и на Волге, и повсеместно в крупных коммерческих центрах России. В Нижнем же его положительно возбоготворили. На ярмарке Савва всегда был и вел себя настоящим царьком, но теперь в его руках как-то неожиданно сосредоточились все нити и вопросы тройственной жизни, которою трепетал в это странное время странный город над Окою и Волгою: ярмарочной, выставочной, городской...

— Лезут-с ко мне-с с делами-с, которые-с меня нисколько не касаются и еще менее интересуют-с... — презрительно возмущался сам Савва Тимофеевич на чересчур уже усердное превращение его в повсеместного

«мужа совета». — Какое мне дело-с? Я даже и не служу-с нигде-с. Как будто-с мало-с там у них своего начальства-с?.. Вон, Баранов уже запрет-с меня пожарную команду смотреть... Ну, что же-с? Смотрел-с: очень скверная команда-с...

Немного людей в России слышали столько лести, как Савва Морозов в эти дни своего «политического» успеха, который множеству людей представлялся почему-то необыкновенно решительным и прочным. Опять, впервые после смерти знаменитого московского городского головы Н. А. Алексеева, пошли по купечеству слухи-мечты о новом министерстве торговли с министром из купцов... А министром из купцов кому же иному быть, как не Савве?

— Да ведь по старой вере он, — с тоскливым сомнением возражали наиболее умеренные из поклонников.

Энтузиасты же и этот аргумент отражали:

— Савва понажмет, так замиряется!»^[267]

Иными словами, во время нижегородских событий 1896 года влияние Морозова как представителя российского «третьего сословия» было колоссальным. В его лице купечество уже не скрывало своих претензий на политическую власть. Велико было и его личное участие во всех этих событиях.

Последним по времени проведения, но не по важности для ярмарочного купечества был 4-й Всероссийский торгово-промышленный съезд. Он проходил на протяжении двух недель, с 4 по 17 августа. В работе Нижегородского съезда приняли участие около тысячи человек. По сравнению с предшествующими «этот съезд уже имел значительное представительство промышленников, но все-таки еще чиновники и интеллигенция были на первом плане».^[268] Одним из его наиболее активных участников был председатель ярмарочного комитета С. Т. Морозов.

Помимо общего вопроса — насколько правительственные меры помогают развиваться различным отраслям русской промышленности — обсуждалось три частных.^[269] Один из этих частных вопросов — о понижении таможенных пошлин на земледельческие машины и орудия, а также на чугун, железо и сталь — вызвал острейшую дискуссию. По словам П. А. Бурышкина, «на этом съезде вопрос о пошлине на сельскохозяйственные орудия занимал одно из центральных мест, что дало повод опять вернуться к спору, привычному для России XIX века:

земледельческая ли страна Россия и нужно ли в ней создавать или поощрять развитие промышленности». Отношение к тарифной политике разделило участников съезда на два противостоящих лагеря, в каждый из которых входили и купцы, и ученые с мировым именем, и заинтересованные в решении вопроса чиновники.

Один из этих лагерей представляли «промышленники». Они считали, что Россия должна уменьшить экспорт сельскохозяйственной продукции и, таким образом, обрести независимость от Запада. Сделать это, по мнению промышленников, можно было лишь при одном условии — если государство сделает упор на развитие различных отраслей промышленности и поддержит частные начинания в этой сфере. К примеру, промышленники считали необходимым делать земледельческие машины и орудия на российских заводах, которые необходимо ограждать от конкуренции с европейскими производителями. В 90-х годах XIX века это была трезвая позиция. Не зря Морозов на собственном производстве создал отдельный механический завод, четко придерживаясь принципа: «Прежде заказа каких бы то ни было машин на стороне, заведующие должны спросить механический завод, не возьмет ли он исполнить эту машину у себя». [\[270\]](#)

Другой лагерь объединял так называемых аграриев, которые представляли интересы крупных землевладельцев и производителей зерна и потому не были заинтересованы в уменьшении экспорта сельскохозяйственной продукции. «Характерно то, — писал Бурьшкин, — что «лидерами» были не землевладельцы и не фабриканты, а интеллигенты-представители науки. Аграриев возглавлял профессор Л. В. Ходский, [\[271\]](#) а промышленников профессор Д. И. Менделеев, но промышленники выставили уже ряд серьезных ораторов, умевших говорить и знавших, что хотят сказать. Таковыми были: представитель горнопромышленников Юга Н. С. Авдаков, представитель Москвы С. Т. Морозов... и Г. А. Крестовников. Когда зашла речь о защите сельского хозяйства, то последний заметил, что «здесь вовсе не сельскохозяйственный съезд, а торгово-промышленный», на что Ходский, играя словами, заявил, что сельскохозяйственная промышленность имеет право на внимание съезда, как и всякая другая ее отрасль». [\[272\]](#)

По словам Амфитеатрова, и промышленники, и аграрии были одинаково сильны. «Общество... восторженно рукоплескало всякому выражению протеста. В моде был бунтующий капитал под командою Саввы Морозова. В моде был профессор Ходский, в стенах самой выставки

прочитавший доклад, которым в пух и прах разнес торгово-промышленную политику Витте и неудачный ее нижегородский смотр: бунтующая наука!»^[273] Тем не менее победу на съезде одержали аграрии. 10 августа, выступая в прениях, «от торгово-промышленной группы С. Т. Морозов заявил протест против некоторых решений, принятых съездом». Савва Тимофеевич потребовал занести в резолюцию съезда решение, выдвинутое аграриями, но при этом оформить точку зрения промышленников как отдельное мнение.

На заключительном общем собрании съезда Морозов выступил с особым заявлением. Он говорил от лица ярмарочного купечества: «С тех пор как среди ярмарочного купечества сделалось известным постановление II отдела съезда, а затем и общего собрания по вопросу о пошлинах на земледельческие машины, чугун и железо, ко мне стали поступать сначала медленно, а в последние дни в большом количестве заявления от торгующих с просьбой дать им возможность высказаться, что они с постановлением, сделанным здесь, не согласны и не разделяют тех мнений, которые здесь были высказаны. Вследствие этого Ярмарочный комитет назначил обсуждение вопроса об этих пошлинах имеющим быть в конце нынешнего месяца общим собранием уполномоченных ярмарочного купечества».^[274] Действительно, коммерческие круги рассматривали итоги предпринимательского форума с большим пристрастием, отстаивая позиции главы ярмарочного комитета.

В итоге Савва Тимофеевич вновь проявил себя гибким политиком. В один из последних дней съезда, когда его позицию уже нельзя было изменить, Морозов заручился поддержкой Витте. 16 августа 1896 года ярмарочное купечество давало обед в честь Сергея Юльевича — главного устроителя выставки 1896 года. О том, насколько для Морозова был важен этот обед, говорит следующий факт: к концу лета цены на торжественные обеды «...дошли до баснословия какого-то. На выставке подписные обеды, начавшись чуть ли не скромными пятью рублями с лица, выросли, усердием и соперничеством купечества, к концу лета в нелепые суммы, как 45 рублей — обед Витте... причем распорядительствовавший им Савва Морозов потом признавался, что еще доплатил от себя по 40 рублей на каждый прибор».^[275]

На этом обеде Морозов говорил о заслугах министра финансов в деле укрепления и роста отечественной промышленности. Особо подчеркнул, что процветанию промышленности содействовали принятые Витте протекционистские меры. Затем добавил: «И вот теперь, когда перед лицом

всей Европы мы имеем это свидетельство нашего роста, мы встречаемся с постановлением сначала одного отдела, а затем и общего собрания Торгово-промышленного съезда, протестующим против этих мер. Не стану говорить о том, что съезд не аккредитован для того, чтобы рассматривать такие вопросы. Скажу, что самое время, в которое заседает съезд, менее всего соответствует таким решениям». [\[276\]](#)

Иными словами, Морозов прилагал все усилия к тому, чтобы русская экономика продолжила победное шествие в гору. Ставил актуальные общественно-политические задачи и с честью их решал. На этом пути ему удавалось одолевать даже такие препятствия, которые могли показаться непреодолимыми, например, решение столь крупного органа, каким был Торгово-промышленный съезд. За его спиной стояла реальная сила русского промышленного капитала.

Наиболее заметным событием лета 1896 года была 16-я Всероссийская промышленная и художественная выставка. Это была первая выставка, пришедшаяся на правление нового императора — Николая II. Тем не менее она была тесно связана с правлением предыдущего царя, Александра III (правил в 1881–1894 годах). Именно он задумал провести крупный смотр достижений народного хозяйства. Главным организатором выставки являлся министр финансов С. Ю. Витте. По замыслу Сергея Юльевича, выставка должна была продемонстрировать верность проводимой Александром III протекционистской политике. Ей надлежало отразить процесс быстрого оживления русской экономики. Поэтому на выставке прежде всего предполагалось показать крупнейшие достижения русской промышленности и, шире, отечественной экономики. Кроме того, большое внимание предполагалось уделить художественным произведениям отечественных мастеров: живописцев, скульпторов, архитекторов, фотографов.

Подготовка к столь значимому мероприятию началась задолго до его открытия. Савва Тимофеевич был назначен «членом высочайше утвержденной комиссии по заведованию устройством» выставки еще при жизни Александра III, 4 октября 1893 года. Видимо, именно тогда выставку было решено провести в Нижнем Новгороде. Впоследствии, уже после начала выставки, это решение вызвало в обществе массу нареканий. Так, Н. А. Варенцов рассуждал: «Правительство, желая устроить Всероссийскую выставку, долго не знало, на каком городе ему остановиться, но под давлением губернатора Баранова и председателя ярмарочного комитета Саввы Тимофеевича решило устроить в Нижнем Новгороде, и этот выбор

был крайне неудачен. Савве Тимофеевичу было отлично известно, что удобной площади для выставки в Нижнем не имеется, что она потребует больших затрат для постройки гостиниц, ресторанов и других разных необходимых сооружений, да, кроме того, сама по себе ярмарка с каждым годом теряла свое значение... И Савве Тимофеевичу следовало бы указать правительству на неудобство открытия там выставки, но он этого не сделал, предполагая, из-за своих эгоистических желаний: скорее выдвинуться и захватить орден». Но, по-видимому, у Морозова имелись очень веские основания для того, чтобы провести выставку именно в Нижнем Новгороде, и эти причины не имели ни малейшего отношения к его честолюбивым устремлениям.

С одной стороны, дело было как раз в том, что Нижегородская ярмарка в конце XIX столетия стремительно теряла былое всероссийское значение. Основные города России соединялись линиями железных дорог, и товары из самых дальних регионов можно было отвозить напрямик в Москву. Пульс народного организма стал ослабевать, и это вызывало серьезную озабоченность русского правительства. Морозов, как «всемогущий председатель ярмарочного комитета и, собственно говоря, в этом звании, глава всероссийского именитого купечества»,^[277] прилагал все усилия, чтобы затормозить этот процесс, а то и повернуть его вспять. Правда, в силу обстоятельств достичь этой цели ему не удастся. К началу XX столетия ярмарка утратит былое всероссийское значение, когда «выезд на ярмарку перестал быть обязательным, не осуществлялся более под руководством самих хозяев». Руководящая роль во внутреннем торговом обороте перейдет к Москве. Возьмет верх современная форма торговли — биржевая. Однако в середине 1890-х годов еще казалось, что процесс утрачивания ярмаркой прежней роли можно обратить вспять.

Чтобы вдохнуть в ярмарку новую жизнь, было необходимо провести ряд специальных мероприятий, которые бы способствовали появлению новых товаров, внедрению новых технологий, освоению новых рынков. С другой стороны, выставка должна была раскинуться на колоссальной территории. По словам ее посетителей, на то, чтобы тщательно осмотреть все павильоны, требовалось не меньше недели. А такую площадь вблизи крупного города, на пересечении дорог, надо было еще поискать. Об этом говорил писатель Н. Г. Гарин-Михайловский в статье, посвященной выставке 1896 года: «Указывают бесполезность избранного места для города, указывают на другие места, где выставка, как памятник, сохранилась бы лучше и в то же время принесла бы больше пользы местному населению. Вопрос этот для меня, как не местного жителя,

неясный... Может быть, разные мелкие неудобства, вроде хождения по пескам выставки, укусов комаров в свое время, дороговизны и затруднения в извозчиках, риска сгореть в разных сухопутных и плавучих деревянных кострах, — всё это, может быть, окупается какими-нибудь вполне основательными соображениями в пользу именно выбранного места. Хотя бы одно пространство: восемьдесят десятин! Такой кусок земли, свободный к тому же, в самом городе или поближе к нему не так легко найти. Наконец близость ярмарки, а с ней уже готового контингента обычной публики».

Как бы то ни было, Морозов наряду с другими членами комитета энергично принялся за обустройство выставки. Следовало установить множество павильонов, открыть ряд гостиниц, улучшить сухопутное и речное сообщение, организовать скорую доставку грузов и позаботиться о массе других необходимых вещей. Так, к открытию выставки в 1895 году был расширен плашкоутный мост, пущен первый в России электрический трамвай, образован Лубянский сад для гулянья публики и т. п. Было возведено более двухсот построек, из них около семидесяти — по распоряжению Министерства финансов. Еще около 125 павильонов построили частные лица и учреждения: крупные купцы, хорошо понимая значение выставки для рекламы своих фирм, стремились экспонировать свою продукцию в собственных павильонах. Эти постройки, несмотря на временный характер, выделялись богатством отделки. Архитектура сооружений носила ярко выраженный зрелищный, рекламный характер. К проектированию некоторых из них привлекались известные российские архитекторы: Л. Н. Бенуа, А. Н. Померанцев, Л. Н. Кекушев, Ф. О. Шехтель и др.

На выставке было представлено 20 отделов, в том числе отделы сельского хозяйства, художественно-промышленный и среднеазиатский. Помимо участия в организации выставки в целом С. Т. Морозов лично руководил подготовкой отдела изделий из волокнистых веществ. По словам современников, это был один из самых важных и интересных отделов выставки.^[278] Среди «великолепных» по качеству подготовки и наиболее посещаемых был также отдел Крайнего Севера под руководством купца-мецената С. И. Мамонтова; в оформлении павильона для этого отдела участвовал художник К. А. Коровин, который специально для выставки создал серию панно, отражающих суровую жизнь народов Севера. На выставке были представлены первая в мире гиперболоидная стальная сетчатая башня-оболочка конструкции В. Г. Шухова; первый в мире радиоприемник конструкции А. С. Попова, первый русский автомобиль

конструкции Е. А. Яковлева и П. Фрезе, а также многие другие технические изобретения, технологии, художественные произведения. Иными словами, устроителям выставки действительно удалось представить достижения всех отраслей отечественного хозяйства.

Отличительной особенностью Всероссийской выставки 1896 года являлась популяризация последних достижений науки и техники. На выставке читались лекции по разным предметам; в каждом отделе, в известные часы, давались объяснения людьми, хорошо знакомыми с предметом. Так, во время приезда царя в химическом павильоне пояснения давал знаменитый химик Дмитрий Иванович Менделеев. В увлекательной форме демонстрировалась работа разнообразных аппаратов. К примеру, достижения воздухоплавания сопровождались полетами пилотируемого воздушного шара. Н. Г. Гарин-Михайловский писал: «Выставка в смысле труда и энергии — несомненно явление очень и очень выдающееся на общем фоне нашей малодетальной русской жизни... Никакими книгами, никакими путешествиями по России не восполнишь того, что собрано на этих восьмидесяти десятинах: это вся Россия, и здесь рельефно выступают и положительная, и отрицательная сторона нашей жизни». Однако, о чем редко пишут, невзирая на все усилия устроителей, несмотря на колоссальные затраты, выставка 1896 года... не удалась.

О том, что 16-я Всероссийская промышленная и художественная выставка не оправдала возложенных на нее надежд, писали многие современники. Причем это были люди самых разных политических взглядов — и консерваторы, и либералы, и приверженцы левых взглядов. Писал об этом, хотя и с явной неохотой, сам устроитель выставки — С. Ю. Витте. Из их отзывов видно: выставка потерпела фиаско не потому, что была плохо подготовлена, а потому, что общество проявило к ней полнейшее равнодушие.

Собственно, равнодушное отношение к выставке проявилось еще до ее открытия. Причем ее проигнорировала та часть общества, которая, казалось бы, в ней была заинтересована — купечество. Отправив необходимые образцы товаров в соответствующие отделы выставки, коммерсанты сосредоточились на подготовке к более важному событию, от которого напрямую зависели их прибыли, — к ярмарке. Н. А. Варенцов вспоминал: незадолго до открытия выставки «московское купечество давало обед министру финансов Витте в Сокольниках на даче миллионера Лямина... Витте встал и стоя вел разговор о выставке, и мне показалось, что он был огорчен, узнав, что многие из присутствующих на обеде поехать

на открытие не могут; как раз в это время Н. А. Найденов меня представил ему, и он сказал мне: «Надеюсь, вы-то будете на открытии выставки?». [279] Пройгнорировала выставку и отечественная пресса, которая «объявила выставке только что не бойкот, выразительно подчеркнутый уже тем демонстративным фактом, что с коронационных праздников целый специальный поезд русских журналистов помчался не в Нижний, а в гости за границу, на чужую выставку, в Будапешт». [280]

Те, кто побывал на выставке, описывали ее как вымерший город: «Несмотря на великолепие выставки, она прошла без посетителей». [281] За четыре месяца работы на ней побывало менее миллиона человек — с учетом народных учителей, учеников, рабочих и других посетителей, с которых плата не взималась, а также воспитанников учебных заведений, для которых был устроен даровой проезд на выставку. Это было меньше, чем на Московской всероссийской выставке 1882 года, которую посетили более миллиона человек, притом что ее размеры были гораздо более скромными. Так, число экспонентов в Нижнем Новгороде равнялось 9700, в Москве — 5318. «Вместо чаемых сотен тысяч явились едва простые тысячи, а бывали дни и с простыми сотнями. Были отделы, в которые никто никогда не заглядывал, кроме влюбленных парочек, справедливо находивших их уединение надежнее всякого пустыря... Даже бесплатные билеты, выдававшиеся выставкою для круговых путешествий по России, — уж это ли, казалось бы, не соблазн! — были не все использованы даже в конце выставки!»

По-видимому, для открытия выставки был выбран неудачный момент. Она была устроена сразу после коронационных торжеств в Петербурге (14 мая 1896 года) и омрачившей их трагедии на Ходынском поле (18 мая) — давки, в которой погибло и пострадало более тысячи человек. «Общество, усталое от празднеств коронации, истратило в Москве и силы свои, и деньги, и любопытство, и на вояж в Нижний Новгород охотников оказалось уже очень немного». Предположение о неудачном выборе времени выдвинул сам устроитель выставки, Сергей Юльевич Витте. Он писал в воспоминаниях: «Выставка эта была сделана по моему почину и, хотя она была устроена очень хорошо, но имела средственный успех, — может быть, потому, что был выбран неудобный момент после коронации. Я открыл выставку 28-го мая; она еще почти не была окончена». [282] Любопытно, но А. В. Амфитеатров, который в момент написания романа «Дрогнувшая ночь» придерживался левых взглядов на общественное устройство, [283] называет в нем ту же причину, а именно — политический

бойкот выставки со стороны общества.

По словам А. В. Амфитеатрова, «можно сказать, что на Нижегородской всероссийской выставке общество как бы выместило Ходынку: там бедствие имело источником неожиданно чудовищное многолюдство, здесь — почти — совершенное безлюдие. Там ждали двести тысяч, привалил миллион, здесь ждали миллиона, не пришло и двухсот тысяч. Выставку выстроили, собрали, открыли, а простояла она чуть не пустая. Ждали, что выставка необычайно украсит и оживит ярмарку, а, вместо того, пришлось ожидать, как милости, открытия ярмарки, чтобы она оживила выставку».

[284] Ярмарка действительно оживила выставку, но ненадолго. Как шутили в те времена, «вечное одержало победу над временным», основная масса народа ушла на ярмарочную территорию — туда, где в каменных корпусах и деревянных сарайчиках кипела торговля.

Тем не менее некоторые из возложенных на нее задач выставка с честью выполнила.

Если рядовых посетителей на выставке было немного, то людей влиятельных, а также тех, кто желал обзавестись обширными связями, сюда буквально притягивало мощным магнитом. К середине лета в Нижнем Новгороде собрался весь цвет купечества. Кроме того, сюда «слетелся и сползся... весь сановный Петербург». 16-я Всероссийская выставка показала мощь русской экономики посетившим ее высоким гостям. А в их числе были как российские, так и зарубежные подданные. 17 июля, когда началась Нижегородская ярмарка, на выставку приехал император Николай II, прибывший в Нижний Новгород с супругой и свитой. Царь исполнил данное им купечеству обещание — приурочить свой визит к «наиболее оживленному времени». В числе сопровождавших царя важных сановников были министры: финансов С. Ю. Витте, внутренних дел И. Л. Горемыкин, путей сообщения князь М. И. Хилков, земледелия и государственных имуществ А. С. Ермолов, а также некоторые члены императорской фамилии.

Честь встречать царя хлебом-солью выпала не кому иному, как С. Т. Морозову — хозяину Нижегородской ярмарки и заведующему одним из отделов выставки. 28 мая в здании городской думы Савва Тимофеевич вручил царю драгоценное блюдо с угощением и произнес приветственную речь от лица ярмарочного купечества. Императорская чета пробыла на выставке три дня, с 17 по 19 июля. Николай II лично посещал павильоны и, по словам С. Ю. Витте, «несколько раз подробно все осматривал». А. В. Амфитеатров отмечал: «Одним из эффектов выставки было — что в павильонах царю ее показывали и у витрин делали разъяснения не

заведующие отделами, но их помощники и сотрудники — студенты разных специальностей. Царю это понравилось. Настолько, что, когда Витте в каком-то отделе вмешался было в объяснения, Николай остановил его:

— Сергей Юльевич, не будем мешать господину студенту». ^[285]

К приезду царской четы был приготовлен ряд торжественных мероприятий: дневная и вечерняя иллюминация, устройство фейерверка на Волге, парадный спектакль в городском театре, прогулка по Волге на пароходах. Помимо торжеств планировались официальные встречи императора с представителями разных сословий. О том, какое впечатление производили на посетителей «царские дни», можно судить по статьям Максима Горького — он описал пробную иллюминацию Нижегородского кремля: «С Волги — это нечто сказочное. На темной массе гор, поросших пышной зеленью, вдруг вспыхнули тысячи разноцветных огней — точно на город упали звезды с неба... Оригинальна... триумфальная арка при въезде на мост с ярмарки — корабль, оснащенный и как бы летящий в воздухе». В некоторых праздничных мероприятиях царя сопровождал Морозов. Его супруга потом вспоминала: «Когда был государь на выставке, в один день была устроена прогулка на катерах. Савва Тимофеевич] сопровождал [государя], и был Бугров». ^[286] А. В. Амфитеатров отмечал: «Вообще он [Николай II] был очень весел в это посещение выставки» — даже несмотря на то, что оно, по мнению публициста, было не слишком удачным.

В одном из сообщений о посетителях выставки говорилось: «Кроме царской фамилии, здесь были все министры, послы иностранных держав, вице-король Китая и пропасть всякой знати». ^[287] Под вице-королем Китая подразумевался канцлер Китайской империи, чрезвычайный посол Ли Хун-Чан (Ли Хунчжан), который «катался на ручной тележке по выставке». ^[288] Его посещение, приуроченное к коронации Николая II, расценивалось властями как важное явление. Целью визита китайского сановника было подписание союзного оборонительного договора между Китаем и Россией. Кроме того, Витте провел с Ли Хун-Чаном успешные переговоры, добившись согласия Китая на сооружение в Маньчжурии Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), что позволило в сжатые сроки проложить ее до Владивостока. ^[289]

По свидетельству Витте, Ли Хун-Чан «...пробыл на выставке несколько дней, так сказать, у меня в гостях; я говорю у меня, т. е. в гостях у министра финансов. Ли-Хун-Чан очень всему удивлялся, в особенности он удивлялся всему тому, что касалось отдела машин и техники. Затем он уехал из России в Европу и посетил некоторые европейские страны. Он

служил предметом большого удивления иностранцев, которые будучи совсем чужды азиатской, и в особенности китайской культуре, находили Ли-Хун-Чана и его свиту людьми полудикими... В исполнение договора, заключенного с Ли-Хун-Чаном, была составлена конвенция моим товарищем Романовым и китайским послом в Петербурге и Берлине; конвенция эта была затем ратифицирована... В Европе в то время говорили, будто бы Ли-Хун-Чан получил от русского правительства взятку; это неверно».

Иначе говоря, представительскую функцию выставка выполнила в полной мере.

До сих пор говорилось о больших или меньших успехах Морозова как главы ярмарочного купечества. Но тот момент, когда он находился на пике своей славы, июль 1896-го, стал для него предвестником страшного провала. Вызвавшая его причина была, в сущности, пустяковой и могла бы остаться не более чем неприятным инцидентом. Но, будучи преломленной в призме взаимных обид, обернулась для Саввы Тимофеевича нешуточными последствиями. Прежде всего, она привела к его ссоре с могущественным союзником — министром финансов С. Ю. Витте. А. В. Амфитеатров, будучи в эмиграции, вспоминал обстоятельства произошедшего скандала. По его собственному выражению, он разгорелся из-за «бабьих хвостов».

В честь приезда императорской четы в Нижний Новгород российское именитое купечество дало пышный бал. Естественно, что от лица купечества государя встречал Савва Тимофеевич Морозов. Подобные мероприятия давали повод для соперничества среди дам — в изысканности бальных туалетов, в замысловатости причесок и богатстве украшений. Зинаида Григорьевна Морозова хорошо понимала, что на балу она будет играть роль жены «купеческого воеводы» — поэтому сделала всё возможное, чтобы не ударить в грязь лицом. И, благодаря взывавшему тщеславию, несколько переборщила.

По словам Амфитеатрова, «жена Саввы Морозова, Зинаида Григорьевна... разоделась в какое-то сверхъестественно великолепное платье с трэном (то есть шлейфом. — А. Ф.) на сколько-то вершков длиннейшим, чем у царицы Александры Федоровны, и украсила купеческое чело свое брильянтовой диадемою, весьма похожею на ту, которую носила императрица».^[290] Церемониймейстер императорского двора усмотрел в этом явное нарушение этикета: «Трэном и диадемой Зинаиды Морозовой чуть ли не нарушены прерогативы императорской власти и не поколеблены основы государства!» Императрица Александра

Федоровна, когда ей объяснили в чем дело, серьезно обиделась...

А сам Савва Тимофеевич умудрился на этом балу задеть самолюбие Витте. Он успел трижды вмешаться в разговор сановника с государем. С одной стороны, это было нарушение этикета. С другой же — «Витте вообще терпеть не мог, чтобы в его присутствии кто-нибудь привлекал к себе особое внимание царя. Обозленный по совокупности, он прочитал Савве резкую нотацию. Савва, гордый и смелый, не из таких людей был, чтобы покорно выслушивать министерские нотации, и отвечал Витте язвительно, с убийственной русскою, якобы простецкою, иронией, которою он владел мастерски, скажу даже, как никто. Витте обозлен был тем больше, что, как умный человек, не мог не понимать невольной глупости своего положения в этом конфликте, возникшем, как там ни верти, а все-таки лишь из-за «бабьих хвостов».

Если верить свидетельству внука С. Т. Морозова, который узнал о ссоре двух могущественных людей от своей бабушки, настоящие последствия скандала оказались заметны далеко не сразу. На следующее утро между супругами состоялся довольно безобидный диалог. Зинаида Григорьевна, листая свежие газеты, говорила, что надо бы послать их родственникам — чтобы те знали, как мануфактур-советник С. Т. Морозов лично встречал государя. Муж с усмешкой ответил, что он и так чувствовал себя актером — для полноты картины не хватало только домотканого армяка и густой бороды. «Тихо, без объяснений провели супруги поздний вечер».^[291]

Однако время и неуступчивый характер как Витте, так и Морозова сделали свое дело. Возможно, сыграли роль также сплетни, которые пошли по всему Нижнему — «и среди купечества, и среди сановников царской свиты». Так или иначе, но Витте оказался злопамятен. По словам виновницы инцидента, З. Г. Морозовой, «в обращении к людям Витте мог быть очень приятен и вместе с тем [если] кого он не любил, был очень противен».^[292] Схожую мысль высказал Амфитеатров: «С. Ю. Витте был умный и сильный человек. С. Т. Морозов, всемогущий председатель ярмарочного комитета... был не менее умница, не менее сила. И вот два умника, две силы должны были столкнуться в неприятнейшее объяснение, которое, по редкости двух равно самолюбивых, неуступчивых характеров, перешло в злопамятную ссору, чреватую «государственными последствиями». Мсть Витте была для Морозова исключительно болезненной: «Витте провалил морозовский проект (ходатайство ярмарочного комитета) о долгосрочных кредитах от казны (для

промышленников и торговцев. — А. Ф.), хотя ранее сам их одобрял и поддерживал». ^[293]

Это был удар под дых. Тот самый ураганный ветер, силу которого Морозов не выдержал. Савву Тимофеевича погубил тот же проект, который несколькими месяцами ранее вознес его на вершину славы. Конечно, можно было пойти на компромисс, замириться с Витте, но Морозов не сумел совладать со своей гордыней. Другой человек на его месте мог бы проявить волю, пойти напролом и преодолеть жизненные обстоятельства. Но, как уже говорилось, воля С. Т. Морозова не являлась непреклонной: столкнувшись с железной волей Витте, она сильно покорежилась. На пути Морозова встретилось препятствие, которое показалось ему непреодолимым; он предпочел свернуть со своего пути и пойти в обход.

А. В. Амфитеатров писал: «С. Т. Морозов, после этого искусственного фиаско, почел себя компрометированным в глазах всероссийского именитого купечества, как председатель, не оправдавший его ожиданий, и не нашел возможным оставаться на выборном посту «излюбленного человека». Произнеся речь, которую ославили революционной, хотя в политической части ее можно было лишь с натяжкой и чтением в сердцах понять даже как только либеральную музыку, сделал глумливый тон, направленный лично против Витте. И ушел в частную жизнь». ^[294]

Момент, когда Витте отомстил Морозову, трудно с точностью датировать. Он произошел во второй половине 1896-го либо в начале 1897 года (во время проводившейся Витте денежной реформы). Савве Тимофеевичу было всего-то 34 или 35 лет, он находился на самом пике своей жизненной силы. Именно с данного момента — вне всякой связи с театром — жизнь Саввы Морозова и его мировоззрение круто переменялись. Да, образование и безверие еще раньше сделали Морозова другим человеком, нежели его предки, менее цельным, с какой-то трагически надорванной струной в душе. Тем не менее на протяжении долгих лет он исправно шел по торной дороге, неся на своем хребте тот же крест, который несли его отец и дед; он был плоть от плоти своей родной среды — купечества. Его связь с почвой хотя и была ослаблена, но всё же питала его живительными соками. И вдруг связь эта шумно лопнула, торная дорога была оставлена, а тянувший к земле крест отброшен. Отчасти случившееся произошло по вине самого Морозова, отчасти — из-за внешних обстоятельств, бороться с которыми он не нашел в себе сил. Так или иначе, но, пережив расцвет, Морозов стал другим человеком. Менее цельным и — гораздо более одиноким.

Глава пятая

Второй пик в судьбе Морозова: МХТ, Андреева, революция

В жизни многих людей случается так называемый «кризис среднего возраста». Мечты не сбылись, жизнь не приносит прежнего удовлетворения, возможностей всё еще много, но времени для приложения сил осталось гораздо меньше. Кто-то переживает свой кризис более или менее спокойно, а кто-то вспыхивает, подобно сверхновой звезде, горит и... сгорает. Или, во всяком случае, в горниле беспощадного пламени рождается совсем другой характер, совсем другая личность. Именно так произошло и с Морозовым в последние годы XIX столетия.

Еще в середине 1890-х Савва Тимофеевич оставлял впечатление полного благополучия. Современники о нем в ту пору писали: «Умный, просвещенный, хотя часто прикидывающийся простаком, но энергичный и предприимчивый, а главное — несметно богатый человек»^[295] — настоящее дитя своей эпохи! Но самое важное, что в это время Савва Тимофеевич был личностью цельной, хотя и постоянно подвергал себя проверке на прочность. Чем больше талантов, чем больше душевных красок Морозов задействовал, тем сильнее бушевали его внутренние страсти. Мощное честолюбие звало везде состояться и повсеместно быть первым.

Как христианин, как человек, воспитанный в старообрядческой среде, Морозов должен был заглушать в себе голос страстей. Тому же учила его жизнь и в среде купеческой: хорошему предпринимателю необходимо сохранять трезвый, холодный ум и подавлять страстные увлечения, не давать им разгула. До поры до времени оба сдерживающих механизма в душе Саввы Тимофеевича — христианский и предпринимательский — работали исправно. Но к излому столетий оба они дали сбой. Это был период, когда страсти вырвались наружу из недр купеческой души, расколов ее на неравные части. Части эти еще можно было срастить, еще можно было залечить ту страшную трещину в душе Морозова, которая чем дальше, тем больше давала о себе знать. Но Савва Тимофеевич лечением не затруднялся. В его жизни появлялись новые увлечения, а с ними всё новые и новые страсти. С. Т. Морозов, что называется, пустился во все тяжкие. Не все его страсти были разрушительны по сути своей, некоторые были

направлены на созидание. Однако, наряду с творческой, в нем всё чаще стала проявляться разрушительная ипостась. В конечном итоге это и привело его к трагедии. Савва Тимофеевич пошел не по своему пути, поддавшись зову страстей и — не выдержал.

В конце 1890-х годов в жизни Саввы Морозова произошли кардинальные перемены. Еще в 1896 году он пребывал на самом пике своей карьеры, его влияние в купеческой среде было поистине безграничным. Казалось, так будет всегда. Но уже в 1897-м, разругавшись с Витте, он вдруг резко порвал с общественной деятельностью и, говоря словами А. В. Амфитеатрова, «ушел в частную жизнь: в свое колоссальное фабричное дело, в забаву возникшим вскоре Московским Художественным театром... а впоследствии заинтересовался и революцией».^[296] К концу XIX века Морозов стал совсем другим человеком: потерявшим себя, разочарованным, обозленным, — но всё еще полным энергии и желания преобразовывать окружающую действительность. В сущности, во второй половине своей жизни купец переживал ту же трагическую оторванность от своей среды, которая так явственно проступает в произведениях Горького — и которая была характерной чертой интеллигенции рубежа XIX–XX столетий. Эта неприкаянность позволила Горькому, а за ним и Сереброву называть Морозова «социальным парадоксом», то есть человеком, чуждым той среде, из которой он вышел, и безуспешно пытающимся найти себе новую среду и новые идеалы.

Восьмого мая 1897 года С. Т. Морозов покинул пост председателя Нижегородского ярмарочного биржевого комитета, который с успехом возглавлял на протяжении шести с половиной лет. В 1899-м, после того как он довел до завершения начатый в 1895 году крупный проект (строительство железной дороги на территории Персии), имя Морозова «... на несколько лет исчезает со страниц протоколов Московского биржевого комитета».^[297] Напоследок Савва Тимофеевич попытался найти утешение в политической деятельности. Еще в период своей славы он был избран гласным Московской городской думы на четырехлетний срок, с 1897 по 1900 год. Но это было не то, что ему требовалось.

Компетенция думы ограничивалась местными, чисто хозяйственными делами, а ее стремление к самостоятельности и попытки вмешаться в политическую жизнь подавлялись правительственной администрацией. Будучи всего лишь одним из многих, Савва Тимофеевич не мог в полной мере реализовать свои лидерские способности. Крупный московский купец

Н. П. Вишняков, относясь к С. Т. Морозову неприязненно, дал отрицательную характеристику и ему самому, и его деятельности в городской думе: «Полный, обрюзгший мужик сорока лет, обстриженный под гребенку, с жирным лицом, свиными глазами из породы хищников. Почти в Думе не бывает. Долгополый, немодный сюртук (это своего рода шик солидности). Говорит с сильной потугой, стараясь выражаться красиво и значительно; выходит лишь бесцветно».^[298] Понятно, что новая должность не смогла удовлетворить Морозова — она представляла лишь суррогат, лишь слабую тень его бывшего всемогущества. Во всяком случае, думский пост Савва Тимофеевич также оставил, сложив с себя полномочия раньше срока — в 1899 году.^[299] По-видимому, прекращение общественной деятельности по всем направлениям — это лишь отражение захлестнувшего купца мировоззренческого кризиса.

Будучи человеком самолюбивым, Морозов крайне болезненно воспринял ссору с Витте и особенно то, что высокий чиновник «провалил» тот проект, на который купец возлагал большие надежды. У Саввы Тимофеевича пропало всякое желание продолжать диалог с властью, и любая общественная деятельность ему в этот период жизни претила. Зато в душе его поднялось другое, еще пока смутное желание: если нельзя договориться с властью по-хорошему, легальными способами, значит, надо действовать нелегально.

Именно в этот период (конец 1898-го — 1899 год) в жизни Морозова произошел один любопытный эпизод, описанный В. И. Немировичем-Данченко: «Слухи об его «палаццо», убранном с большим вкусом, дошли до великого князя, и вот к Морозову является адъютант с просьбой показать Сергею Александровичу дом. Морозов очень любезно ответил: «Пожалуйста, во всякое время, когда ему угодно». — «Так вот, нельзя завтра в два часа?» Морозов переспрашивает: «Ему угодно осмотреть мой дом?» — «Да». — «Пожалуйста, завтра в два часа». На другой день приехал великий князь с адъютантом, но их встретил мажордом, а хозяина дома не было. Это было очень тонким щелчком: мол, вы хотите мой дом посмотреть, не то чтобы ко мне приехать, — сделайте одолжение, осматривайте, но не думайте, что я буду вас приниженно встречать».^[300] Иными словами, именно в 1897–1898 годах сформировался оппозиционный настрой Морозова. Правда, до его отливки в созданные большевиками формы было еще довольно далеко.

Хуже другое: Савва Тимофеевич позволил себе впасть в уныние, озлобился на окружающий его мир и... явственно ощутил собственное

одинокчество. Фотографии той поры, как и описание Вишнякова, показывают Морозова сильно располневшим — очевидно, он пытался найти утешение своим скорбям в еде. Из глаз его ушел задор, в них поселилась тяжелая печаль человека неприкаянного, явственно осознающего свое глубочайшее одиночество. Это не могло не отразиться на его семейных отношениях. «Странный, по существу очень одинокий человек с неудачно сложившейся жизнью, вечно мучимый сложнейшими противоречиями не только мировоззренческого, но и личного характера, которые привели его к резкому конфликту с семьей» — так писал о Морозове А. ИТ. Желябужский — прозаик, драматург, племянник мужа М. Ф. Андреевой и ее воспитанник.^[301]

Исследователи жизни С. Т. Морозова вполне основательно утверждают, что взаимоотношения Саввы Тимофеевича с Зинаидой Григорьевной являются «одним из самых сложных и неясных моментов» в его биографии.^[302] Действительно, оба супруга были людьми скрытными, Зинаида Григорьевна в мемуарах о муже почти не пишет. Поэтому с уверенностью сказать, когда именно между ними произошло охлаждение, практически невозможно. Но известно, что еще в 1895 году, когда родился их третий ребенок — Елена, в семье Морозовых был мир и покой; по-видимому, такое положение сохранялось и в начале — середине 1896-го, когда Савве Тимофеевичу было море по колено. В то время он был примерным семьянином. А к 1898 году, когда состоялось знакомство С. Т. Морозова с Андреевой, его отношения с женой уже были серьезно расстроены. Во всяком случае, известно, что Савва Тимофеевич подыскивал себе любовницу. Об этом говорит следующий эпизод из записок замечательного русского художника Константина Коровина.

Константин Алексеевич писал о встрече в Москве очередного Нового года: «Новый год в России ждали, встречали торжественно и радостно. К Новому году получались награды, повышения по службе, раздавались ордена за службу отечеству. В день Нового года делали визиты, ездили на санках, санки весело поскрипывали по мерзлому снегу. Визитер всегда был в новом костюме с иголочки, причесанный, надушенный, всегда радостный и веселый. Поздравлял, расплываясь в доброжелательной улыбке: «С Новым годом, с новым счастьем вас»... Однажды мой приятель, несколько желчный человек, спросил одного визитера, Колю Хитрова, молодого человека с красными не в меру губами:

— Скажите, — говорит, — дорогой, с каким это вы меня новым счастьем поздравляете?

... Коля Хитров растерялся и только мог сказать:

— Везде так говорят в Новый год, так принято.

— Мало ли говорят неприличных вещей, а вы повторяете, — строго сказал Петр Васильевич. — Остерегайтесь!

... Проезжая Пречистенкой, [Коля Хитров] подумал: «Заеду к Савве Тимофеевичу, поздравлю». Приказал извозчику подъехать к подъезду. Слез с саней и вбежал в подъезд особняка.

Савва Тимофеевич такой радостный, лицо веселое, гости, на столе бутылки. Коля шаркнул ножкой и поздравил хозяина дома с Новым годом, а про новое счастье умолчал.

— Ох, — говорит хозяин дома Коле Хитрову, — с Новым годом... А что такое Новый год, что в нем, чего ждать? Вот если бы новое счастье вышло, ну тогда... Хотя что это такое за новое счастье — никто и не знает... Вот сегодня поутру ко мне приехал артист, дорогой Михаил Провыч (Садовский. — А. Ф.). Я его и спросил: «Вот скажи мне, дорогой, что это такое за новое счастье такое, которое все в Новый год сулят, — есть ли оно?»

Задумался Михаил Провыч и сказал мне:

— Есть.

— Какое такое? — спрашиваю я у него.

А он: «Это, — говорит, — не иначе, как интеллигентная содержанка».

«Вот, — думаю, — до чего верно, — прямо меня по сердцу шаркнуло. — Верно». Я ему говорю:

— Вот уж я, дорогой друг, давно ищу интеллигентную содержанку. Трудно — не найдешь. Думаешь, нашел, интеллигентная... а потом видишь — нет, елот. Нет этой самой изюмины-то интеллигентской, нет. Да и он согласился, что трудно. Таких сколько хочешь, а вот интеллигентную — трудно найти». ^[303] Впоследствии эта «изюмина», которую так искал Савва Тимофеевич, обойдется ему очень дорого...

Вероятно, семейный разлад произошел в первой половине 1897 года, а его причиной стал инцидент со шлейфом, когда Зинаида Григорьевна нарушила придворный этикет и, сама того не желая, способствовала краху карьеры мужа. Следует оговориться: это лишь предположение, подтвердить его точными указаниями источников нельзя. Тем не менее ясно: еще до того, как Морозов увлекся Художественным театром, его брак дал трещину. Дело, видимо, даже не в том, что он обиделся на жену за свое фиаско. Просто вдруг почувствовал, что больше не может на нее опереться. Страсть между ними давно остыла — слишком много лет прожито вместе. Любви, какая иногда бывает между мужем и женой и которой они согревают друг

друга, у Морозовых не было. Было своего рода товарищество, основанное на соревновании двух честолюбий — вещь хорошая до тех пор, пока по одному из честолюбий не нанесен серьезный удар. Вне супружеского ложа Зинаида Григорьевна была человеком холодным, не щедрым на эмоции. Постепенно Морозова стал утомлять этот холод, дополняемый холодным блеском показной роскоши. Он вдруг ощутил, что Зинаида Григорьевна превратилась в чужого ему человека, что она живет собственными интересами, которые мало пересекаются с интересами мужа. А Савве Тимофеевичу, как никогда, было необходимо душевное тепло... Искать его он стал за пределами дома.

Иными словами, в конце 1890-х годов Морозов принял решение свернуть с прямого пути. Там, где у него что-то не ладилось — в общественной ли деятельности, в общении ли с государством или в собственной семье — он шел в обход, и пути его были лукаво-извилисты.

Единственная жизненная задача, от выполнения которой Савва Тимофеевич не отказался в конце 1890-х годов, — руководство семейным предприятием. Отойдя от общественной деятельности, Савва Тимофеевич направил всю свою энергию на Товарищество Никольской мануфактуры, вернее — на существующие при ней вспомогательные производства. По словам современников, «для того, чтобы поставить мануфактурное производство на высоту, он совершал несколько раз заграничные поездки, где знакомился со всеми техническими новинками». [\[304\]](#)

Важнейшей заботой Саввы Морозова в конце 1890-х годов стало налаживание крупного производства по изготовлению красителей. Еще в 1892 году он купил два имения в Пермской губернии, на территории которых основал три химических завода (последний из них появился в 1898 году). В июне 1902 года в одно из морозовских имений на Урале приехал важный гость — известный писатель, драматург Антон Павлович Чехов. Среди прочего, Чехов посетил Всеволоде-Вильвенский спиртовой завод. «Темный, низкий, закопченный завод, где в огромных чанах и холодильниках сутками прели какие-то составы и жидкости, где не было живого огня и шума машин, Чехову явно не понравился. Морщась от уксусного запаха, он безразлично прослушал объяснения инженера, постучал из вежливости тросточкой по огромной бутылки денатурата и, не дождавшись Морозова, вышел на воздух». [\[305\]](#)

Известно, что на уральских заводах Морозова производились «... уксусная кислота, древесный и метиловый спирт, ацетон, денатурат, древесный уголь и соль уксусной кислоты. Все эти продукты находили

применение в текстильной промышленности».^[306] Савве Тимофеевичу удалось, хотя бы частично, воплотить в жизнь мечту молодости. Пусть он не создал химический институт — зато сумел наладить сложное химическое производство. Для России это была молодая и, что еще важнее, очень перспективная отрасль промышленности. Савва Тимофеевич активно занимался ею на протяжении нескольких лет, вплоть до своей смерти. В 1900 году Морозов купил еще один завод и учредил торговый дом «Морозов Савва Тимофеевич и К°». Химическое производство требовало больших капиталовложений. Первое время предприниматель пытался обойтись собственными средствами. Но незадолго до смерти, в 1904 году, он обратился за поддержкой к немецким промышленникам. Совместно с ними Морозов учредил в Берлине акционерное общество соединенных химических заводов «Морозов С. Т., Крелль и Оттман», которое в мае 1904-го получило разрешение на деятельность в России.^[307] К сожалению, плодов своей деятельности Морозов не увидел: предприятия начали приносить дивиденды уже после гибели основателя компании.

Другим важным направлением деятельности Морозова в эти годы было топливно-энергетическое. По словам исследователей, в 1890-е годы «на Никольской мануфактуре произошло резкое падение потребления торфа в связи с переходом на прогрессивные виды [топлива] — нефтяные остатки и каменный уголь». Об этом писал в воспоминаниях А. Н. Серебров, который, будучи студентом Горного института, занимался разведкой каменноугольных месторождений близ уральского имения Морозова. «На столе у окна были разложены рулоны голубой кальки и планшет ватмана, приколотый к столу кнопками. Морозов сразу приступил к делу. «Это план нашего уральского имения. На юге, как видите, имение граничит с Демидовым. Там — старые каменноугольные копи... На севере, в нашем имении, пласты не разведаны. Они должны быть вот здесь!» — Тупым концом карандаша он прочертил предполагаемое простираание пластов». Через некоторое время Морозов приехал ревизовать имения и проверять результаты деятельности Сереброва. «Оказалось, что составленные мною чертежи были так велики, что не умещались ни на одном из столов. Чтобы вывести меня из затруднения, Савва раскинул кальку от одного угла комнаты в другой, поставил на концах горящую лампу и несколько подсвечников и, растянувшись на полу, пригласил меня последовать его примеру. Так, ползая по занозистым половицам, мы приступили к осмотру чертежей и деловой беседе».^[308]

Эти отрывки из воспоминаний в очередной раз рисуют Морозова

рачительным хозяином, который вникал во все мелочи того дела, которому он посвятил всю свою жизнь — в каком бы душевном состоянии он ни находился. Но при всей важности неустанного предпринимательского труда не он прославил имя купца. На рубеже веков Савва Тимофеевич сумел покорить вторую — и очень высокую — вершину в своей жизни. Этой вершиной стало служение искусству.

До 1897 года у Саввы Тимофеевича было два главных дела — Никольская мануфактура и широкая общественная деятельность. Оба дела в той или иной степени приносили ему удовлетворение: первое — что он честно выполняет долг перед семьей, второе — перед обществом. Кроме того, общественная деятельность позволяла реализоваться его честолюбивым устремлениям. А потом одно из этих дел исчезло. В жизни купца появилась гигантская дыра. Это о Морозове Горький потом скажет устами Егора Булычова: «Жил я мимо настоящего дела». Но душевная пустота требует заполнения. Савва Тимофеевич мечтал о большом деле — таком, которое заполнило бы эту дыру, сделало бы его жизнь более яркой, более насыщенной. И таким новым — желанным — делом стал для Морозова Московский Художественный театр (МХТ).

Участие в делах этого театра — на сегодняшний день наиболее известное из деяний Морозова. Однако в жизни коммерсанта это был далеко не первый театральный «проект». Авторы множества статей и передач, посвященных меценатской деятельности С. Т. Морозова, повторяют расхожее утверждение: будто причина деятельного интереса купца к Художественному театру в его увлечении красивой актрисой Марией Федоровной Андреевой. Якобы из-за Андреевой Морозов тратил огромные средства на покровительство МХТ, в котором она работала. Однако в серьезной литературе это утверждение уже давно опровергнуто. Впервые соприкоснувшись с юным Художественным театром, Морозов увлекся отнюдь не актрисой, а самим делом и его создателями — К. С. Станиславским и В. И. Немировичем-Данченко. Этими людьми трудно было не восхищаться! Талантливые, смелые, трудолюбивые, они решили бросить вызов условностям и коренным образом перестроить все театральное дело.

Как уже говорилось, первые театральные увлечения Саввы Тимофеевича относятся к его отроческим годам. Четырнадцатилетний Морозов часто посещал московские и, вероятно, петербургские театры, знал всех первоклассных актеров, а в возрасте шестнадцати лет участвовал в постановке любительского спектакля. С годами это юношеское увлечение занимало в его душе все больше и больше места. Так, будучи

председателем ярмарочного комитета, Морозов выделял деньги на организацию и проведение театральных гастролей; по его почину на Нижегородскую ярмарку съезжались лучшие труппы со всей России. Н. Г. Гарин-Михайловский с восторгом отзывался о Нижегородском театре: «В городском театре для провинции небывало художественная постановка опер... прекрасный хор, оркестр, красивый ансамбль исполнителей. Сцена живет, увлекает. Корысти, погони за деньгами нет. Там любовь, там искусство. Этот театр — один из ярких блесков выставочной жизни».

Известно также, что Морозов оказывал материальную поддержку целому ряду частных театров: А. С. Суворина в Петербурге, Ф. А. Корша и В. В. Чарского в Москве и другим. Известный драматический актер В. П. Далматов, чья игра приводила в восторг многих театральных ценителей, в том числе и Морозова, вспоминал о помощи, которую Морозов оказал московскому театру В. В. Чарского. Это произошло в начале 1894 года, когда карьера Саввы Тимофеевича круто шла в гору. Думается, уместно привести здесь отрывок из воспоминаний Далматова почти целиком, с небольшими сокращениями.

Товариществу частного театра В. В. Чарского срочно требовалась крупная сумма, девять тысяч рублей, — иначе власти в лице обер-полицмейстера Власовского запретили бы существование театра. Треть суммы удалось добыть у известного театрального мецената С. И. Мамонтова, но у кого было попросить большую часть? «Составился совет, душой которого был известный журналист и корреспондент «Новостей» Рокшанин. Было решено просить Савву Тимофеевича Морозова... Однако Рокшанин не нашел для себя удобным являться к С. Т. Морозову одному, по весьма важным соображениям, причем он сказал:

— Надо толково сделать, не вмешивая меня в это дело, даже косвенно... Хотя если бы Далматов поехал, я бы мог его сопровождать и представить.

Все перевели умоляющие взоры на В[асилия] П[антелеймоновича].

— Почему же это ты для меня делаешь такое исключение? — осведомился я.

— А видишь ли, когда ты был в Нижнем, на ярмарке, я слышал, с каким энтузиазмом он отзывался о тебе! Восторгался! И потом сам был свидетелем, как он и Баранов после биржевого заседания уговаривали купечество идти в театр тебя смотреть.

— А-а! Вот оно что!

На следующий день, в девять часов утра, мы оба поехали к С. Т. Морозову... Появился в конце сводов представительный молодой человек с

темной бородкой, во всем черном; открытая грудь смокинга ослепляла белизной манишки, и мягкие подошвы обуви отличали в С. Т. Морозове человека хорошего тона... Он любезно пожал руку Рокшанину, который представил меня.

— Ах, это вы. Очень, очень рад познакомиться. Поклонник вашего таланта. Вы мне доставили истинное наслаждение. Очень, очень приятно, — крепко пожимая руку, довольно тихо проговорил С[авва] Тимофеевич, и даже как будто краснея.

Началась «живая картина», так как Рокшанин был очень бледен, а В[асилий] П[антелеймонович] не решался просить, а С. Т. Морозов не понимал, в чем дело.

Наконец, как-то вышло так, что В[асилий] П[антелеймонович] изложил, в чем дело.

— Так вам нужны, вы говорите, пять тысяч?

— Да... Очень нужны, — сказал я. — Мы вам возвратим их Великим постом. Можете быть уверены... Эти деньги будут лежать в сохранности у Власовского... в виде залога.

— Хорошо-с. Только я не могу сейчас дать. Прошу завтра в это же время заехать сюда...

На другой день я приехал к Морозову несколько раньше назначенного времени и ходил под мрачными облупившимися сводами просто сам не свой, предаваясь неприятному предчувствию, что Морозов вышлет сказать, что ему некогда, извиняется, просит заехать на днях... или что-нибудь в этом роде.

— Простите, я вас заставил ждать, — дела... — неожиданно, как бы подкравшись в своей мягкой обуви, проговорил деловым тоном Морозов... Не садясь, он вынул из смокинга пачку денег и, передавая их мне, также сердечно сказал:

— Желаю от всей души полного успеха.

Я вынул, в свою очередь, сохранную расписку и почетный билет на все спектакли нашего товарищества, — но Морозов ни того, ни другого не принял.

— Простите, не могу. Я страстно люблю театр. Но такая моя горькая участь. Если узнают, что я вам дал денег, да еще пользуюсь почетным билетом — меня, пожалуй, заподозрят в чем-нибудь таком... что для нашего брата нежелательно. Понимаете, коммерция руководствуется собственным катехизисом. И потому я буду просить вас и ваших товарищей ничего обо мне не говорить, прошу даже, если возможно, забыть, что это именно я оказал услугу... Вот мои проценты с вас на капитал, — шутя и

добродушно улыбаясь, проговорил С. Т. Морозов, — и мы расстались».^[309]

Этот эпизод показывает, что С. Т. Морозов испытывал к театральному искусству искреннюю любовь на протяжении многих лет. Любопытно, что, будучи человеком расчетливым, а иной раз и прижимистым, он регулярно вкладывал средства в ненадежное театральное дело, где очень многое зависело от случайностей: немало частных театров умирало, не прожив и двух сезонов. Однако Морозова это не слишком смущало. Говоря словами современников, «потребность в частных театрах всё время чувствовалась в воздухе культурной Москвы». Видимо, приобщение к театральной культуре как можно более широких слоев населения входило в морозовскую «программу» преобразования действительности. И эту программу Савва Тимофеевич претворял в жизнь уже в середине 1890-х.

Как уже говорилось, на его средства в Орехово-Зуеве один за другим появились два театра: в 1897-м деревянный Летний, в 1912-м каменный Зимний. Оба театра являлись общедоступными, то есть были рассчитаны на людей с невысокими доходами, прежде всего на рабочих и служащих. Они были созданы не только для того, чтобы отвлечь простой народ от пьянства, но и для повышения его культурного уровня. Наряду с концертами для публики попроще здесь давались театральные постановки, привлекавшие интеллигенцию. На орехово-зуевской сцене нередко выступали лучшие петербургские и московские артисты.

Тем не менее вплоть до конца 1890-х годов театр был лишь одним — и отнюдь не самым главным — из направлений деятельности С. Т. Морозова, только одной из его страстей, направленных на созидание. Возможно, появившись Художественный театр чуть раньше, к примеру в 1896 году, Савва Тимофеевич ничем не выцелил бы его из других театральных проектов. Дал бы денег на театральные нужды, изредка посещал бы спектакли и — на этом всё, никакого личного участия. Однако МХТ появился в тот самый момент, когда Морозов отчаянно искал для себя крупное дело, позволяющее ему раскрыть свои таланты и реализовать кипучую энергию. В итоге именно Художественный театр прославил имя Морозова-мецената, на несколько лет стал самой благородной страстью московского купца, которой тот отдавал немало сил и денег. И в то же время именно МХТ оказался той искрой, которая привела к взрывным последствиям.

Решение о том, что в Москве появится новый, Художественный, театр, было принято летом 1897 года. 21–22 июня состоялась знаменитая «восемнадцатичасовая беседа» двух деятелей театра: К. С. Алексеева (по сцене Станиславского) и В. И. Немировича-Данченко. Начавшись в ресторане «Славянский базар», она завершилась на даче К. С.

Станиславского, в Любимовке. По словам писательницы, драматурга Т. Л. Щепкиной-Куперник, «из этой беседы, из этого соединения двух волей, двух начал родился Художественный театр».^[310] Поэтому прежде чем начинать подробный разговор о театре, нужно остановиться на личности его основателей.

К. С. Станиславский (1863–1938) являлся выходцем из московской купеческой среды, которая в конце 1870-х — в 1880-х годах «...наряду со своими промышленно-торговыми делами вплотную заинтересовалась искусством». Сын крупного коммерсанта С. В. Алексеева, Константин Сергеевич рано увлекся театром. Более того, одним из первых поддался влиянию распространившейся среди купечества театральной «моды». Огромное влияние на него оказал родственник Алексеевых — известнейший купец, меценат, основатель Абрамцевского кружка и создатель русской оперы Савва Иванович Мамонтов. Любительские постановки Мамонтова объединяли не только всю родню, но и лучших художников того времени: И. Е. Репина, В. Д. Поленова, В. И. Сурикова, В. М. Васнецова и др. Как уже говорилось, в их основе лежал принцип реализма. Чтобы создать у зрителя полную иллюзию реальности, декорации делались настоящими художниками, были красивы и тонко прорисованы — в то время как в Императорских театрах декорации были условны до грубости. Мамонтов первым порвал с теми штампами, которые господствовали на театральной сцене той поры.

Роль Мамонтова в становлении Станиславского как актера была настолько велика, что, по собственным словам Константина Сергеевича, всё мало-мальски выдающееся надо было показать Савве Ивановичу. Станиславский вспоминал эпизод из своего детства: «Мне принесли мой перекрашенный шкафчик с детскими игрушками. Небесный колер внутренности шкафа так меня, ребенка, восхитил, что я решил, что и это «надо показать Савве Ивановичу».^[311] Став взрослым, он по-прежнему относился к меценату с благодарностью: «Знакомство с художниками (В. Д. Поленов, Репин, Суриков, Серов, Коровин и пр.) и, главное, с самим С. И. Мамонтовым произвело на меня как артиста большое впечатление».

На домашней сцене Мамонтовых Константин Сергеевич впервые приобщился к актерскому мастерству, которое очень скоро стало естественной частью его жизни. Родители регулярно ездили в театр и на музыкальные концерты, куда брали с собой всех восьмерых детей. А потом, по образу и подобию мамонтовского, основали собственный домашний театр. Купеческая дочь В. П. Зилоти отмечала, что мать будущего

режиссера, «Елизавета Васильевна, хотела охранить своих детей от развлечений вне дома. Чувствуя склонность их к театру, выстроила постоянные театры, сначала в Любимовке, а позже и в своем доме у Красных ворот, который был роскошнее оборудован, чем первый. Она достигла своей цели: молодежь устраивала по несколько спектаклей в год».

[312]

Сам Константин Сергеевич в одном из писем говорил: «Я с братом учредили домашний кружок из сестер, братьев, товарищей и знакомых. Пришлось начать с одноактных пьес и водевилей».

[313]

В. П. Зилоти, которая часто общалась с Алексеевыми и смотрела их постановки, писала: «Исполнялись большей частью оперетки. У девиц (имеются в виду сестры К. С. Алексеева. — А. Ф.) были милые голоса и большие способности к сцене. У Зины — талант драматический, у Ньюши — инженеру; [314] у Кости же — громадный режиссерский дар и тонкий комический талант. Всего более осталось из тех годов в памяти моей исполнение в один и тот же вечер: «Мадемуазель Нитуш» и «Маскотта»; в первой — Зина, во второй — Ньюша и в обеих — Костя. И сейчас слышу в ушах, как он в «Нитуш» в испуге бормотал: «Мать настоятельница, мать настоятельница».

[315]

Пройдя через горнило двух любительских кружков, Константин Сергеевич твердо решил посвятить себя сцене. После окончания гимназического курса ему пришлось заняться делами фирмы, но наряду с коммерцией купеческий сын продолжал осваивать драматическое искусство. Впоследствии Станиславский вспоминал: «В то время считалось неприличным слишком близко подходить к театру, и потому, сгорая любовью к театру, желая учиться драматическому искусству, мне пришлось потихоньку от всей родни (но не от отца с матерью) поступить в театральное училище... Лавируя между конторским делом, которым я уже был занят тогда, и школьными обязанностями, мне пришлось поневоле запускать последние. Скоро выяснилось, что совмещение конторы с школой невозможно. Я вышел из театрального училища, сохранив благодарные воспоминания о Гликерии Николаевне Федотовой, с которой поддерживал знакомство, перешедшее теперь в долголетнюю дружбу».

[316]

В 1888 году К. С. Станиславский вместе с известным русским актером, театральным педагогом А. Ф. Федотовым, а также художником Ф. Л. Соллогубом и оперным певцом Ф. П. Комиссаржевским основал Московское общество искусства и литературы. Оно было задумано как художественный клуб с драматическими и оперными спектаклями любителей, а также со школой. Но, поскольку в его стенах запрещались

карточные игры, это негативно сказалось на финансовой стороне дела. Поэтому «...со второго года пришлось сократить задачи, ограничившись любительскими спектаклями и оперно-драматической школой. На третий год... Ф. П. Комиссаржевский и А. Ф. Федотов ушли из кружка. Мы сузились в маленький драматический кружок, скитались по разным частным квартирам и играли в Охотничьем клубе, который один отнесся к нам любовно. За 7 лет скитальческой жизни у нас образовался кружок, причем за отсутствием режиссеров и артистов на героические роли мне пришлось играть героев и режиссировать все спектакли». Иными словами, под началом Станиславского сложился кружок любителей, которые на протяжении 1890-х годов постигали азы театрального мастерства. В их число входили будущие знаменитости: М. П. Лилина, А. Р. Артем, В. В. Лужский, М. Ф. Андреева (с 1894 года) и др.

Сам Константин Сергеевич в рамках общества отрабатывал те принципы, которые впоследствии лягут в основу Московского Художественного театра. К моменту его образования Константин Сергеевич уже сложился как театральный режиссер, актер и педагог. Впоследствии Станиславский прославится и как автор всемирно известной актерской системы, которая получит его имя. Пока же, в конце 1890-х, Станиславский страстно мечтал «создать идеальный драматический театр из любителей». ^[317] Он считал, что, в отличие от актеров-профессионалов, любители свободны от стереотипов и потому именно они должны сыграть ведущую роль в реформировании театра.

В 1923–1925 годах Константин Сергеевич написал интереснейшие воспоминания, озаглавленные «Моя жизнь в искусстве». Мемуары Станиславского являются прекрасным источником информации по биографии не только МХТ, но и С. Т. Морозова в период его сотрудничества с театром. Будучи дополнены письмами Станиславского разным адресатам, а также речами, заметками и дневниковыми записями, они дают возможность увидеть довольно объективно написанный портрет мецената. Станиславский и Морозов, возможно, не всегда жили в мире, но оба они были выходцами из купеческой среды, оба всю жизнь искали художественную правду, оба были неутомимы в поисках собственного призвания. О Савве Морозове — крупнейшем и наиболее значительном меценате Художественного театра — Станиславский отзывается с неизменной теплотой и уважением, подчеркивая его колоссальный вклад в становление МХТ даже в такое время, когда это, казалось бы, было совершенно невозможно. Так, уже при советской власти на юбилейном вечере в честь Художественного театра, перед И. В. Сталиным,

Станиславский произнес прочувствованную речь. В частности, он не побоялся упомянуть об огромном вкладе С. Т. Морозова в общее театральное дело и просил почтить память представителя «эксплуататорского класса» вставанием. И весь зал в едином порыве, включая Сталина, подчинился призыву гениального режиссера.

Владимир Иванович Немирович-Данченко (1858–1943), небогатый дворянин из украинского рода, также с детства увлекался театром. Как и Станиславский, к середине 1898 года он составил карьеру режиссера и театрального педагога, но, в отличие от Станиславского, имел литературные дарования. Гимназический товарищ Немировича-Данченко, А. И. Сумбатов-Южин, вспоминал, как он «в 1875 году гимназистом шестого класса вместе с товарищами, среди которых был Владимир Иванович Немирович-Данченко... снял на последние гроши пустую квартиру в Чугуретах (в Тифлисе), составил спектакль».^[318] Потом Владимир Иванович из Тифлиса переехал в Москву, где в 1876 году поступил в Московский университет, но увлечения театром не оставил. В качестве театрального критика Немирович-Данченко работал в московских газетах. Ради подготовки к актерской карьере, а также ради театральной журналистики и литературы Немирович-Данченко забросил учебу. Его драмы («Последняя воля», «Новое дело», «Золото», «Цена жизни», «В мечтах» и др.) пользовались популярностью как в столичных, так и в провинциальных театрах.

Однако сам драматург после присуждения ему Грибоедовской премии за пьесу «Цена жизни» (1896) считал, что по справедливости эту награду должен был получить А. П. Чехов за написанную в том же году «Чайку».

Начиная с 1891 года В. И. Немирович-Данченко преподавал драматическое искусство в Музыкально-драматическом училище Московского филармонического общества (ныне ГИТИС). Как и Станиславский, Владимир Иванович полагал, что мечта об обновлении сцены неосуществима без нового актера, способного передавать стиль и мысли новой драмы.

По свидетельству Станиславского, «в 1898 году выпускался исключительный по подбору и качеству выпуск Филармонического училища. Из него легко было составить маленькую труппу».^[319] В него входили И. М. Москвин, О. Л. Книппер-Чехова, В. Э. Мейерхольд и другие актеры, осваивавшие мастерство под руководством Немировича-Данченко. Это подтолкнуло педагога к решительным действиям. Тем более его уже

давно беспокоила мысль, что «школа без театра — явление бесполезное и не стоит ею заниматься... Воспитанники должны расти при театре, в нем должны получать первую сценическую практику».^[320] В итоге именно Немирович-Данченко стал инициатором «восемнадцатичасовой беседы».

Владимир Иванович также оставил воспоминания, которые вышли в свет в 1928 году под названием «Рождение театра». В отношении Морозова его воспоминания менее объективны, нежели мемуары Станиславского. Дело в том, что Владимир Иванович на протяжении длительного времени находился в ссоре с Морозовым, часто не понимал или не желал понять мотивов его действий. То ли сказалась разница в социальном происхождении, то ли дело было в несовместимости двух одинаково самолюбивых характеров. Обиды, которые ему вольно или невольно причинял Морозов, режиссер помнил на протяжении многих лет. Еще большим пристрастием по отношению к Савве Тимофеевичу отличаются письма Владимира Ивановича разным лицам. Особенное влияние его взгляды оказывали на его любимую ученицу О. Л. Книппер-Чехову и ее мужа А. П. Чехова, поэтому те нередко оценивали действия Морозова с предвзятостью. Будучи литератором, Немирович-Данченко создал весьма интересный портрет купца, но всё же относиться к его оценкам деятельности Морозова следует с большой осторожностью.

К. С. Станиславский и В. И. Немирович-Данченко были очень разными — как по происхождению, так и по характеру — людьми. По свидетельству современников, К. С. Станиславского любили, считали душой и совестью коллектива. Немировича-Данченко уважали за организаторский талант и причастность к миру серьезной литературы. Несмотря на эту разницу, они с одинаковым упорством стремились к общей цели. Оба с детства буквально бредили театром. У обоих за плечами имелся большой опыт преподавания актерского мастерства. Наконец, что немаловажно, у обоих была собственная группа талантливых учеников. В ходе знаменитой июньской беседы двух театральных деятелей было решено объединить две группы артистов. Таким образом, составилось ядро труппы будущего театра; на подготовку к открытию отводился один год.

По словам Станиславского, в этот день были раз и навсегда распределены функции между ними как соучредителями дела. Помимо общего руководства каждый из них исполнял еще ряд обязанностей. Режиссерскую роль они разделили между собой, в то же время Станиславский являлся актером, а Немирович-Данченко решал вопросы репертуара. «Зашел вопрос о литературе, и я сразу почувствовал превосходство Владимира Ивановича над собой, охотно подчинился его

авторитету, записав в протокол заседания, что признаю за моим будущим сотоварищем по театру Вл. И. Немировичем-Данченко полное право *veto* во всех вопросах литературного характера. Зато в области актерской, режиссерской, постановочной я не оказался таким уступчивым... Владимиру Ивановичу пришлось согласиться на право моего режиссерского и художественно-постановочного *veto*. В протокол было записано: «Литературное *veto* принадлежит Немировичу-Данченко, художественное — Станиславскому». В течение последующих лет мы крепко держались этого пункта условия. Стоило одному из нас произнести магическое слово *veto*, спор на полуслове обрывался без права его возобновления, и вся ответственность падала на того, кто наложил свой запрет... В вопросах организации я охотно и легко уступил первенство своему новому товарищу, так как административный талант Владимира Ивановича был слишком для меня очевиден. В деловых вопросах театра я ограничивался совещательной ролью».

Во время первой деловой беседы Немирович-Данченко и Станиславский совместно выработали основные принципы строительства театра. Едва ли не главным из них являлась «общедоступность»,^[321] то есть установление таких цен, при которых театр могли бы посещать представители всех слоев общества, в том числе беднейших. «Мы хотели, чтобы наш театр был общедоступным, чтобы наша основная аудитория состояла из интеллигенции среднего достатка и студенчества. И не так, как это делается обыкновенно, т. е. дешево продаются плохие места, — нет: мы давали дешевые места рядом с самыми дорогими».^[322] И Станиславский, и Немирович-Данченко горели желанием реформировать театр, избавить его от шаблонных форм и подчинить чисто художественным задачам. Идея была хороша. Однако на ее осуществление отчаянно не хватало средств.

Константин Сергеевич Станиславский, один из директоров фабрики «Алексеевы и К^о», «был человек со средствами, но не богач. Его капитал был в «деле»... он получал дивиденд и директорское жалованье, что позволяло ему жить хорошо, но не давало права тратить много на «прихоти». Был у него и отдельный капитал, но отложенный для детей, он не смел его трогать... В наше теперешнее предприятие он собирался внести пай примерно в десять тысяч», — сообщал в воспоминаниях В. И. Немирович-Данченко. У самого Владимира Ивановича нужных средств не было. «Кардинальнейший вопрос нашего дела — денежный — висел в воздухе».^[323] Начался поиск меценатов. К. С. Станиславский, «отлично зная психологию московского купечества»,^[324] решить создать

Товарищество Художественного театра по образцу акционерного общества. То есть возможные убытки падали не на одно лицо, а распределялись между акционерами, будучи пропорциональны вложенному ими капиталу.

Однако даже несмотря на этот удачный ход, богатые люди не спешили давать деньги на сомнительное дело. «Пайщики набирались с большим трудом, так как новому делу не пророчили успеха». Это совсем не удивительно. С тех пор как в 1880-х годах император Александр III разрешил создание частных театров, они стали появляться как грибы после дождя. Многие из них «лопались как пузыри. И сложилось убеждение, что к редкому предприятию так подходит название «всепожирающий Молох», как к театральному. Богатые солидные люди это отлично знали и сторонились театральных фантазеров».

Отказалась финансировать создание театра крупная благотворительница и меценатка В. А. Морозова, урожденная Хлудова. Не дала субсидии Московская городская дума. Только попечители Филармонического общества выделили небольшие средства, общей суммой около восьми тысяч, — и то лишь после вмешательства великой княгини Елизаветы Федоровны. Полученных денег для нормальной работы театра было явно недостаточно, но всё же... это был определенный успех. Окрыленные им основатели МХТ предприняли следующий шаг: обратились за материальной поддержкой к Савве Тимофеевичу Морозову.

Обстоятельства обращения К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко к одному из виднейших московских фабрикантов изложены в их мемуарах. В. И. Немирович-Данченко вспоминал: «Мое знакомство с Саввой Тимофеевичем было сначала очень поверхностное. Встречались с ним где-нибудь на больших вечерах, или на выставках, или на премьерах, — где-то нас познакомили. Однажды был объявлен какой-то большой благотворительный спектакль, в котором я с моими учениками ставил «Три смерти» Мея. Встретившись где-то с Саввой Тимофеевичем, я предложил ему взять у меня два билета. Он очень охотно принял, но со смешком сказал, что у него нет с собой денег. Я ответил: «Пожалуйста, пусть десять рублей будут за вами; все-таки довольно любопытно, что мне, так сказать, интеллигентному пролетарию, миллионер Морозов состоит должником». Оба этой шуткой остались довольны. Прошло месяца два, мы где-то снова встретились, и он сразу: «Я вам должен десять рублей, а у меня снова денег нет». Я опять: «Пожалуйста, пожалуйста, не беспокойтесь. Дайте такому положению продлиться подольше». Так при встречах шутили мы года два. Однажды я ему даже сказал: «Ничего, ничего, я когда-нибудь за ними сам к

вам приду».^[325]

Свое обещание Владимир Иванович исполнил. Зимой 1897/98 года он приехал к Морозову вместе со Станиславским: «Ну, Савва Тимофеевич, я пришел к вам за долгом — за десятью рублями». Состоялся деловой разговор, и купец не отказал просителям. «Морозов согласился войти в наше паевое товарищество сразу, без всяких опросов». Савва Тимофеевич вложил в дело десять тысяч и поставил одно-единственное условие: чтобы театральное товарищество не имело над собой высочайшего покровительства. Его собеседники это условие приняли.

По словам К. С. Станиславского, вступая в дело, Морозов заявил: «Мне нравится идея нового театра, хотя я мало верю в возможность ее осуществления».^[326] Однако... его действия говорят об обратном.

Десять тысяч рублей в конце 1890-х годов были весьма значительной суммой. Конечно, Морозов был очень богатым человеком. Но он не принадлежал к числу тех людей, что бросаются деньгами направо и налево. Напротив, тщательно взвешивал необходимость любых расходов. Так, осенью 1903 года к Морозову по рекомендации знакомых пришла женщина с просьбой пожертвовать денег для малоимущих слушательниц женского медицинского института. Купец «обещал весной дать 300 р[ублей] всего, говорит, что все распределено на этот сезон».^[327] Траты Морозова, как и любого другого крупного коммерсанта, неизменно соотносились с его доходами. Что же вдохновило купца вложиться в новый театр?

Вероятно, здесь сыграли роль сразу несколько факторов.

Во-первых, Савву Тимофеевича заинтересовало само дело — вернее, те основания, на которых оно строилось. В основание МХТ была положена идея, что театр должен быть общедоступным. Эта идея Морозову оказалась очень близка: купец сам не так давно воплотил ее на практике, создавая первый орехово-зюевский театр. Вероятно также, Морозову пришлось по душе эстетика будущего театра, стремление к максимально возможному на сцене реализму. Фактически основатели МХТ взяли на себя «в сценическом русском деле роль передвижников относительно Академии».^[328] То есть — роль разрушителей старых отживших традиций и их замены новыми, художественными, принципами искусства. Кроме того, купца заинтересовало, что в центре интересов Художественного театра находилась современная жизнь со всеми ее комическими и драматическими проявлениями. Постановки МХТ должны были перекликаться с реальной жизнью русского общества, отвечать его насущным требованиям и ставить перед ним новые вопросы. «Хороший театр должен ставить или такие

пьесы из классических, в которых отражаются благороднейшие современные идеи, или такие из современных, в которых теперешняя жизнь выражается в художественной форме» — так определил репертуар театра Немирович-Данченко. Этот-то комплекс идей, а вернее, попытки претворить его в жизнь и пришлись по душе С. Т. Морозову.

Во-вторых, вероятно, сказались давнее знакомство Морозова с Константином Сергеевичем — и та безупречная репутация, которую Станиславский заслужил как театральный деятель. Купец, актер-любитель, один из создателей (по просьбе Станиславского) Театра-студии на Поварской (1905) С. А. Попов писал, что Станиславскому трудно было не доверять. «Когда он только еще «любительствовал», его моральный кредит был уже высок, ему верили как Алексею-Станиславскому, верили тому, что он, создавая Художественный театр, шел на серьезное дело, не специфически антрепренерское».^[329] Оба просителя, особенно Станиславский, были необычайно обаятельны. По словам Т. Л. Щепкиной-Куперник, Станиславский «обладал даром воздействия на окружающих почти гипнотическим». Наконец, Морозову предложили не просто спонсировать театр, но и войти в паевое товарищество по его созданию. А это было то самое большое дело, которого он страстно желал. В результате, говоря словами Станиславского, одним из первых Савва Тимофеевич вступил в это «дело, начавшееся среди насмешек большинства».^[330]

Договор об учреждении Общедоступного театра в Москве, заключенный сроком на 12 лет, датируется 10 апреля 1898 года. (Вплоть до 1901 года — Московский Художественный общедоступный театр, или МХОТ, потом слово «общедоступный» выпало из его названия; в дальнейшем в тексте книги театр для краткости будет называться Московским Художественным, вне зависимости от времени упоминания.) В этот день было организовано Товарищество пайщиков МХТ. Его членами состояли десять лиц. Девять из них, в том числе Савва Тимофеевич Морозов, являлись представителями купеческого сословия. Каждый из подписавших договор (кроме В. И. Немировича-Данченко) внес в дело паевой взнос. Общая сумма составила 25 тысяч рублей, причем самые крупные взносы — по пять тысяч — поступили от К. С. Станиславского и С. Т. Морозова.^[331] Это было дополнение к тем десяти тысячам, которые Савва Тимофеевич уже внес ранее.^[332]

По договору предусматривалось, что учредители театра, К. С. Станиславский и В. И. Немирович-Данченко, «уполномочиваются вести как художественную, так и хозяйственную часть предприятия». В то же

самое время «прочие товарищи, если того сами не пожелают, не несут никаких обязанностей и никакой личной ответственности, в имущественном же отношении отвечают только своими денежными вкладами».^[333] Большинство пайщиков так и поступили — чего нельзя сказать о С. Т. Морозове. Купец мог бы с чистой совестью проявить равнодушие к делам профинансированного им театра: ходить с семейством на премьеры, занимая лучшие места, и «перед всей Москвой щеголять своим меценатством». Однако подобное поведение Савве Тимофеевичу было чуждо. В одном из писем за 1910 год К. С. Станиславский отмечал: «Судьба послала нам на помощь замечательного человека, бескорыстного друга искусства, Савву Тимофеевича Морозова. Он не только поддержал дело материально, но он встал в ряды его деятелей, не боясь самой трудной, неблагодарной и черной работы».^[334]

Справедливости ради следует сказать, что в работу Художественного театра Савва Тимофеевич включился не сразу. Не потому, что ждал, какой будет реакция московской публики на новый театр, вовсе нет. Как уже говорилось, важнейшим критерием того, стоит ли ему вмешиваться в то или иное дело, являлись не красивые обещания, а умение реализовать их на практике. Иначе говоря, в любом деле купец выше всего ценил конкретный, зримый результат деятельности. Верный своей привычке выжидать, Савва Тимофеевич с любопытством следил, сумеют ли основатели МХТ воплотить в жизнь свои мечтания.

Первая половина 1898 года для К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко была временем волнительным и невероятно хлопотным. Успех всего дела зависел от того, сумеют ли они на имеющиеся средства за полгода создать такие условия, которые обеспечат их детищу длительное существование.

Прежде всего, юному Художественному театру следовало найти помещение. В. И. Немирович-Данченко вспоминал: «Помнится, как мы осматривали свободные театральные здания и остановились на небольшом, не особенно красивом, состоящем, в сущности, при летнем саде».^[335] Это было здание театра «Эрмитаж» в Каретном Ряду. Здесь театр будет существовать четыре сезона — с 1898 года по первую половину 1902 года. Репертуар был намечен заранее. Так, Владимир Иванович еще в апреле 1898 года писал А. П. Чехову: «Намечено к постановке «Царь Федор Иоаннович», «Шейлок», «Юлий Цезарь», «Ганнеле», несколько пьес Островского^[336] и лучшая часть репертуара Общества искусства и

литературы. Из современных русских авторов я решил особенно культивировать *только* талантливейших и недостаточно еще понятых». В число последних Немирович-Данченко включал и самого Чехова.

Театр было решено открыть трагедией А. К. Толстого «Царь Федор Иоаннович». Ее постановка сама по себе являлась делом непростым. Дело в том, что при выборе и постановке пьес театры были вынуждены считаться со всевозможными цензурными ограничениями. Нельзя было осуждать поведение царствующей особы, выносить на подмостки иконы и т. д. Многие произведения страдали от купюр цензуры — в некоторых случаях они урезались столь сильно, что сюжет произведения полностью утрачивался. Некоторые пьесы и вовсе находились под цензурным запретом. В их числе была и трагедия «Царь Федор Иоаннович». Написанная в 1868 году пьеса на протяжении тридцати лет пролежала под сукном, так как русский царь в ней был представлен человеком слабым, немощным и едва ли не скудоумным. Министр внутренних дел А. Е. Тимашев наложил на нее следующую резолюцию: «Нахожу произведение графа Толстого «Федор Иоаннович» в настоящее время, в настоящем виде не совершенным для сцены. Личность царя изображена так, что некоторые места пьесы неминуемо породят в публике самый неприличный хохот».

По воспоминаниям Немировича-Данченко, снять цензуру с этого произведения стоило немалых усилий. «Помнятся хлопоты по освобождению из цензуры трагедии Ал. Толстого «Царь Федор Иоаннович». К счастью, об этом же хлопотал для своего театра в Петербурге Суворин. Удалось только благодаря его влиянию».^[337] Таким образом, влиятельный журналист, театральный критик и драматург А. С. Суворин сильно облегчил судьбу деятелей Художественного театра. Единственная купюра, на которой настоял Синод, — чтобы на сцене не выводили патриарха, по сюжету пьесы проповедующего мир.^[338] Лишь после того, как пьеса была разрешена, можно было приступить к главному: к репетициям.

Первые репетиции труппы Московского Художественного театра начались летом 1898 года. Они проходили «под Москвой в Пушкине, на даче Архипова, в... колыбели Московского художественного театра. Там работали днем и ночью, а так как средств было мало, актеры всё делали сами, прибирали дачу, ставили самовары, несли кроме художественной всю черную работу».^[339] Впрочем, такая жизнь лишь прибавляла азарта и желания во что бы то ни стало добиться задуманного. И, что еще важнее, она спаивала труппу Московского Художественного театра в единое целое.

Как уже говорилось, основную часть труппы МХТ составили две различные группы актеров — наиболее талантливые «любители» К. С. Станиславского и лучшие выпускники училища при Филармоническом обществе.^[340] Другая часть труппы — 21 человек — состояла из людей, имеющих специальное театральное образование.^[341]

«Ядро труппы было пополнено провинциальными артистами, из которых одни представляли из себя сложившиеся артистические величины, а другие едва начинали карьеру и находились в периоде брожения... Любители располагали некоторым практическим опытом при отсутствии систематических знаний; ученики, наоборот, систематически изучив теорию, страдали практической неопытностью. Провинциальные артисты, поработавшие не один год на сцене, принесли с собой приемы спешной работы, не соответствовавшие нашим задачам, а молодые артисты — привычки ложно направленных первых шагов». Всем этим разным величинам предстояло ужиться друг с другом на одной сцене.

О. Л. Книппер-Чехова с теплотой вспоминала о начале совместных репетиций: «Помню наш первый год, первые шаги наши в искусстве. В июне 1898 года в дачной местности Пушкино нам было предоставлено деревянное строение со сценой — для наших репетиций. Здесь-то и произошло первое знакомство и слияние двух течений — К. С. Станиславского, возглавлявшего группу актеров-любителей из Общества искусства и литературы, и Вл. И. Немировича-Данченко с его учениками по Филармоническому училищу, среди которых была и я. Помню знаменательный день 14 июня, день начала репетиций. Перед нами открывалась новая жизнь в искусстве. Глаза горели, уши напряженно вслушивались в каждое слово. Мы знакомились друг с другом, стараясь разглядеть и запомнить каждое новое лицо. Помню, сразу привлек меня обаятельный облик М. П. Лилиной, с которой я потом всю жизнь была связана нежной дружбой. Помню умильного А. Р. Артема, уже пожилого, красивую М. Ф. Андрееву».^[342]

Питомцам Станиславского и Немировича-Данченко предстояло не только сработаться друг с другом, но и воспринять новые принципы актерской игры и — новые принципы существования театра. Кредо Станиславского: «Актер должен научиться трудное сделать привычным, привычное легким и легкое прекрасным». Вся деятельность Константина Сергеевича была направлена на то, чтобы внушить эту мысль актерам. Немирович-Данченко в письме от июня 1899 года известному своей «плодовитостью» писателю, драматургу и журналисту П. Д. Боборыкину

рассказывал: «Для большинства наших актеров было чуждо и дико всё то, что он (К. С. Алексеев. — А. Ф.) требовал на репетициях год назад. И нужна была солдатская дисциплина, чтобы теперь, через год, не понимающие его уже были исключением в труппе. Всего через год мы можем указать на 15–20 артистов, которые воспитаны в более художественном направлении, чем почти все артисты казенных сцен, т. е. таких, которые понимают, что жизненная, простая интерпретация не только не ослабит впечатления, но усилит его. Яркая реальная школа, выдержанный стиль эпохи — вот та нота, которую мы стремимся дать искусству. Не Киселев, а Левитан. Не К. Маковский, а Репин».^[343]

Действительно, новый театр стремился к достоверности во всём: в костюмах, декорациях, реквизите. На императорской сцене много лет использовались бутафорские мечи и кубки, картонные короны и стены; декорации, выполненные ремесленниками, были столь же грубы и условны. Эта условность стала неотъемлемой частью театральных постановок, в целесообразности которой тогда мало кто сомневался. «Конечно, когда Ермолова в «Орлеанской деве» рвала бутафорские цепи и потрясала картонную стену, этого никто не замечал, — все видели настоящую Иоанну, невзирая на корсет и высокие каблуки, и все переживали пламенное чудо, совершаемое ею. Но это была Ермолова. И нужна была магия Ермоловой, Ленского, Горева, чтобы преодолеть постановку, в которой часто совершенно отсутствовали историческая правда и какой-либо стиль. Волшебники старились, новые силы их не заменяли, сцена не была больше рупором великих идей, и всё больше проступала картонность мечей и кубков».^[344] Недаром Станиславский, ещё будучи юношей, принимал участие в театральных постановках С. И. Мамонтова. Борясь с грубой условностью постановок, он пошел по стопам своего учителя и сумел достичь ещё большего. Цель была предельно ясна: «Хотелось уйти от театральной грубой позолоты и грошовой сценической роскоши, хотелось найти простую, богатую отделку, подернутую налетом старины».

В МХТ над созданием декораций трудились талантливые живописцы, которые стремились достичь максимального художественного эффекта.^[345] Так, 12 июня 1898 года Станиславский, отчитываясь о подготовке к первому спектаклю, радостно сообщал Немировичу-Данченко: «Почти все макеты для «Царя Федора» готовы. Ничего оригинальнее, красивее этого я не видывал. Теперь я спокоен и могу поручиться, что такой настоящей русской старины в России еще не видывали. Это *настоящая* старина, а не та, которую выдумали в Малом театре». Большое внимание уделялось

театральному реквизиту и костюмам: они шились по музейным образцам, так как непременно должны были соответствовать той эпохе и стране, о которой шла речь в постановке.^[346] Стараясь как можно глубже проникнуться бытом Московского царства (для постановки первой пьесы), актеры специально выезжали в старые русские города, где знакомились с бытом того времени, когда происходит действие пьесы. В Москве с той же целью они читали специальную литературу. Всё это было новинкой в тогдашнем театральном мире. «При постановке новой пьесы вся труппа собиралась, чтобы прочесть ее, дальше шло обсуждение пьесы, доклады, рефераты по эпохе и стилю, словом, всё то, что теперь сделалось неотъемлемым при каждой постановке, а тогда было совершенно исключительным, так как даже в хороших театрах зачастую актеры играли пьесу, даже не прочтя ее, а только ознакомившись со своей ролью: «На репетиции все видно будет».^[347] Особое значение придавалось звуку и свету на сцене — тщательно подбирая их, режиссеры добивались полного правдоподобия.

Другим важнейшим принципом Художественного театра являлся введенный К. С. Станиславским принцип построения спектакля как художественной целостности. В те времена такой подход был в новинку: труппы императорской сцены представляли собой не сплоченные ансамбли, а сумму ярких актеров, которые при помощи своих талантов могли «вытянуть» даже самую «слабую» постановку. В МХТ, напротив, актер полностью подчинялся воле режиссера, который сильной рукой направлял каждого участника постановки к воплощению общего замысла. Современники отмечали: Московский Художественный театр «стал, конечно, первым театром коллективного творчества. До него... в других театрах спектакли носили характер «гастролей» того или другого артиста, за исключением разве некоторых постановок Малого театра... Но большей частью полной равноценности игры, ансамбля и постановочных принципов не было, а к этому-то и стал стремиться молодой театр».^[348] О том же писал актер и драматург А. И. Сумбатов-Южин, юношеский приятель, а затем недоброжелатель В. И. Немировича-Данченко: «Художественный — театр *единой воли* и, во всяком случае, *единой инициативы*... Для Малого театра режиссер — равноправный член и *primus inter pares* (первый среди равных. — А. Ф.) в ряду главных актеров, для Художественного — *вождь*, идущий впереди... Почти четверть века вглядываясь внимательно в творческий рост артистических дарований Художественного театра, в его иногда изумительные спектакли, преклоняясь перед их единством и

слитностью в одно целое красок, вещей, света и актеров, я удивляюсь мощи всеобъединяющей руки, но ясно и отчетливо вижу ее, со всеми ее пятью пальцами, то отпускающими на волю, то сжимающими, как клещами, по своему высшему усмотрению, всё и всех». ^[349] Забегая вперед можно сказать, что, на первых порах, не имея в своем арсенале «звезд первой величины», именно благодаря очень глубокому продумыванию общего замысла МХТ будет добиваться колоссального успеха.

Наконец, одним из наиболее важных принципов нового театра являлся тщательный подбор репертуара. Он, в свою очередь, требовал отказа от случайных постановок, а это было крайне непросто: даже самым лучшим театрам «приходилось ставить какую-нибудь никчемную одноактную вещичку «для съезда публики». Администрация вечеров-концертов и сейчас хватается за голову с первым номером — никто не хочет «начинать». Станиславский первым осознал, что основная причина «замусоренности» репертуара случайными постановками — недисциплинированность посетителей театра. И первым же предложил радикальный метод борьбы с этим злом: воспитание публики. Сегодня это кажется привычным, но именно в Художественном театре была впервые применена система звонков, когда после последнего звонка публика в зал уже не допускалась. На эту мысль Константина Сергеевича натолкнуло яркое впечатление детских лет.

Историк театра, театральный критик В. А. Нелидов в эмиграции написал книгу «Театральная Москва». На ее страницах критик писал: «О посещении концертов у меня сохранился в памяти интересный факт, рассказанный мне самим Станиславским. Мы как-то разговорились с ним о нарушении публикой вежливости как по отношению к аккуратным зрителям, так и к артистам и исполнителям спектакля, вечным и систематическим русским опаздыванием к началу, из-за чего благодаря шуршанию юбок, исканию мест и пр[очему] вечно пропадало начало представления. Константин] Сергеевич] первый в России ввел в своем театре прекрасный обычай закрывать двери перед началом каждого акта. «Меня еще в детстве навело на эту мысль следующее, — рассказывал он. — Были концерты Николая Рубинштейна, ^[350] конечно, в Большой зале Дворянского собрания. Публика на эти концерты ломилась, и наша семья была их аккуратной посетительницей. Мне было тогда лет четырнадцать. Как-то мы все опоздали на концерт и родители вместе с нами должны были пройти всю огромную залу, чтобы попасть на свои места. Рубинштейн уже взмахнул палочкой, чтобы начать симфонию. Но, услышав наши шаги, он

положил палку, скрестил руки и, глядя на всех нас в упор, не начал дирижировать, пока мы не уселись на места.

Самочувствие у меня было ужасное, но так, — закончил Константин] Сергеевич], — и надо было воспитывать публику». [\[351\]](#)

«Воспитание публики» начиналось уже в фойе. Помещение театра «Эрмитаж», призванного развлекать публику, где некогда шла бойкая торговля, уже к первому сезону МХТ преобразилось до неузнаваемости. «Обстановка в театре... была необычайная: никакой позолоты, мишуры. В том самом «Эрмитаже» (в Каретном ряду), где театр начинал свое существование и где раньше в фойе были поцарапанные зеркала и лихо торговавший буфет, воцарилось строгое, приглушенное освещение, спокойные тона, мягко раздвигавшийся серый занавес вместо подъемного и какая-то сосредоточенная тишина.

— Точно монастырь какой-то! — ворчали московские «саврасы без узды» и скандалили, что их «за свои деньги в зал не впускают», когда спектакль уже начался. Но постепенно такая публика отхлынула от театра; своего зрителя театр дисциплинировал, а мало-помалу и другие театры стали подражать ему, и прекратилось это безобразное хождение по партеру, когда считалось шиком войти во время действия и наделать как можно больше шуму». [\[352\]](#)

Иными словами, реформаторский запал К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко был очевиден. Он передавался актерам Художественного театра и некоторым из сочувствующих новому делу. Тем не менее в его успехе многие сомневались. В числе сомневающихся были и сами основатели Художественного театра, ведь средства, которыми они располагали, таяли с каждым месяцем. При этом, что самое страшное, — неясно было, как общество примет их новое детище.

МХТ еще только готовился к рождению, но по театральным кругам Москвы о нем уже начали ходить слухи — так велик был интерес к его основателям. Особенно к Алексею-Станиславскому. Его любительские эксперименты, известные всей театральной Москве, вызывали и настоящее любопытство, и высокомерную усмешку (любители!), и недоверчивое восхищение: а вдруг получится? Непонятным казалось всё: и стремление нового театра к излишней достоверности, и отмена «вековых» театральных традиций: начиная с упразднения выхода артистов на вызовы во время действия и даже антрактов, запрещения входить в зрительный зал после поднятия занавеса, уничтожения оркестра в антрактах». Не меньшее

удивление вызывали артисты: «Необычайны были актеры и их отношение к театру. Актеры были большей частью не из актерской среды, мужчины многие с высшим образованием, что тогда было редкостью, женщины — из курсисток или учительниц... Все они шли на скромное жалованье, ходили в ветром подбитых пальтишках и способны были ночь напролет спорить о задачах искусства или насмерть перессориться из-за неправильно понятой роли... Это был театр совершенно исключительный, поставивший своих актеров на большую культурную, моральную и этическую высоту. Полное отсутствие «каботинства» (стремления к артистической славе. — А. Ф.), простота в одежде, в манерах, страстный интерес к книгам, к истории, к общественной жизни отличали почти всех членов тогдашнего Художественного театра». [\[353\]](#)

Чем ближе было открытие театра, тем больше копий вокруг него ломалось. По словам В. А. Нелидова, значительная часть образованного общества была настроена по отношению к новому театру враждебно-равнодушно. Она воспринимала Художественный лишь как смелый эксперимент — не первый и не последний на ее долгом веку. «В Москве стало известно: «с осени у нас новый театр». Отношение было выжидательноскептическое, даже фанатики-друзья притихли, а недруги — их было большинство — смотрели на новое дело как на состязание лягушки с волком — Малым театром: «все равно лопнет». [\[354\]](#) С другой стороны, какой-то шанс выжить у театра имелся — он всё же возбуждал к себе интерес. Т. Л. Щепкина-Куперник отмечала: «В театральных кругах, словно стрижи по небу, начали проноситься какие-то беглые фразы, какие-то рассказы, которые заинтересовывали и давали чувствовать значительность явления.

Помню голос Федотовой с характерной московской оттяжкой:

— Костя Алексеев — энтузиаст... Далеко пойдет!

Чье-то насмешливое:

— В алексеевском кружке «Отелло» ставят... Из Венеции настоящий средневековый меч вывезли!

Восторженный голос молодого студента:

— Видели [М. Ф.] Андрееву? Какая красавица!

— Слышали?..

— Видели?..

... Долгое время публика питалась только слухами. Частью доброжелательными, частью злобствующими; последние наполняли театральные кулуары шипением и жужжанием осинового роя.

— Любительская затея!.. По музеям ходят!.. Старую парчу скупают!.. В Ростов поехали!..

Вспоминали пресловутый венецианский меч и говорили:

— Наши-то старики в Малом театре с картонными мечами играли, а попробуй, перепрыгни-ка их!»^[355] Но в конечном итоге «интерес к московским новаторам-любителям, к этому «Косте Алексееву» всё возрастал».

Напряжение достигло предела к середине осени 1898 года.

Открытие Московского Художественного театра состоялось 14 октября 1898 года. Первое представление — трагедия «Царь Федор Иоаннович» по одноименной пьесе А. К. Толстого — было дано в помещении театра «Эрмитаж» в Каретном Ряду.

Это представление являлось решающим: от его успеха или провала целиком зависело дальнейшее существование театра. И основатели театра, и актеры с самого утра сильно переживали, в закулисном пространстве явственно витал запах валерьянки. «Волнение у всех участников было необычайное, неопишное. Все отлично понимали, что в этот вечер их будущее, их судьба поставлена на карту. Станиславский им говорил: «Сегодня мы или пройдем в ворота искусства, или они захлопнутся перед нашим носом»... Молодой Москвин, никому не известный, взявший на себя труднейшую роль царя Федора, весь охваченный ожиданием, и даже бледный под гримом, робко пробирался из-за кулис слушать увертюру. Вишневский-Годунов в волнении хватается то за голову в тубетейке, то за кушак, то хлопает руками по полам кафтана. Немирович-Данченко во фраке и белом галстуке остановился возле кулис с окаменелым лицом и замер в ожидании начала. Даже Дарский, опытный провинциальный артист, и тот поддался общему настроению. А у него самые первые слова в пьесе: «Да, да, бояре, на это дело крепко надеюсь я». Он бродил по сцене и тихо шептал эту начальную фразу на разные лады, то выделяя «да, да», то «бояре», то «крепко» — и всё это казалось ему «не так». А Станиславский, тоже бледный от волнения, чувствовал себя ответственным не только за себя, но и за всех. Он переходил от кулисы к кулисе, трогая дрожащими руками закрытый пока занавес, а когда в оркестре в одном из мест увертюры вырвались веселые звуки, он хотел было заплясать, чтоб поддержать у всех бодрое настроение, но сейчас же был удален со сцены режиссером, понявшим его душевное, далеко не веселое, настроение».^[356]

Савва Тимофеевич Морозов

Мария Андреева в роли Юдифи в пьесе К. Гуцкова «Уриэль Акоста». 1895 г.

Мария Андреева в роли Геро в комедии У. Шекспира «Много шума из ничего». 1897 г.

Андреева в роли Марии Кирилловны в пьесе В. И. Немировича-Данченко «В мечтах». 1901 г.

Андреева в роли Миньон в опере А. Тома «Миньон» 1893 г.

Константин Сергеевич Станиславский. 1902 г.

Антон Павлович Чехов и труппа Московского Художественного театра

К. С. Станиславский в роли Астрова в пьесе А. П. Чехова «Дядя Ваня» 1899 г.

Ольга Леонардовна Книппер-Чехова и Антон Павлович Чехов

Владимир Иванович Немирович-Данченко

*Савва Тимофеевич Морозов на стройке нового здания Московского
Художественного театра, 1902 г.*

Зал Московского Художественного театра после перестройки. Архитектор Ф. О. Шехтель. 1902 г.

Новое здание Московского Художественного театра в Камергерском переулке

*Карикатуры на Станиславского, Немировича-Данченко и Морозова в газете
«Столичная жизнь»*

Спасибо за подарок
мне
Магича
4 Марта 1904г

М. Ф Андреева. Фото с автографом М. Горькому: «Апеша, не забывай меня. Пиши побольше. Маруся. 4 мая 1904 г.»

М. Ф. Андреева позирует И. Е. Репину в присутствии М. Горького. 1905 г.

17 октября 1905 года. Художник И. Е. Репин

Баррикады в Москве на Малой Бронной. 1905 г. Демонстрация в Москве. 1905 г.

Демонстрация в Москве. 1905 г.

С. Т. Морозов с детьми Тимофеем, Марией, Еленой и Саввой. 1905 г.

Предсмертная записка Саввы Тимофеевича Морозова

Зинаида Григорьевна Морозова после похорон мужа. 1905 г.

Сам К. С. Станиславский в мемуарах описывал этот эпизод с хорошо заметной самоиронией: «Мое волнение усиливалось беспомощностью: режиссерская работа окончена; она осталась позади, — теперь очередь артистов. Только они одни могут вывести на свет спектакль, а я ничего уже не могу больше сделать и должен метаться, мучиться и страдать за кулисами без всякой возможности помочь. Каково это — сидеть в своей уборной, когда там, на сцене, идет генеральный бой!»

Если по одну сторону театрального занавеса царило сильнейшее волнение, то по другую разлилось жадное ожидание, до краев заполнившее зрительный зал. Для образованных москвичей открытие нового театра являлось событием. Пройдет ли оно хорошо или же неопытные артисты с треском провалятся, в сущности, было не так уж важно. И то и другое следовало увидеть собственными глазами — чтобы потом было что обсудить с приятелями. Интерес публики подогревался немаловажным обстоятельством: тем, что пьеса «Царь Федор Иоаннович» три десятка лет находилась под запретом, причем для Императорских театров запрет этот так и не был снят.^[357]

Русский писатель и общественный деятель, организатор известного кружка московских писателей «Среда» Н. Д. Телешов так описывал охватившее москвичей состояние ожидания: «По городу уже расклеены афиши, на кассе аншлаги... билеты все проданы. Но в то время это не было еще событием, и для многих было чем-то вроде увеселительного зрелища, как провалятся в этот вечер дерзостные «любители», возомнившие себя артистами. Многие пришли в театр именно с такими надеждами посмеяться при сравнении этих «любителей» с заправскими актерами. Шептунов и недоброжелателей в зале

Портрет Максима Горького. Художник В. А. Серов. 1905 г.

было немало. И это чувствовалось всеми, кто находился по ту сторону занавеса». [\[358\]](#) Свидетельство Телешова подтверждает В. А. Нелидов: «Задолго до спектакля все билеты распроданы, но не художественный интерес, не чаяние радости и восторга, а любопытство привело публику. Правда, всё, что было в Москве лучшего, пришло на спектакль, и атмосфера была наэлектризована. Выступает конкурент. И кому? Малому театру, про который... целое столетие выражались москвичи: «Учился в университете, воспитывался в Малом театре»... Задолго до спектакля собралась публика. Споры, разговоры умолкли, всякий ушел в себя. Трепет, молчаливый трепет, это слово правильно запротоколит чувства зрителей». [\[359\]](#)

Начало спектакля — вечер, шесть часов тридцать минут. Стихают

последние звуки музыки. Звучат «предупреждающие звонки, двери начинают закрываться, выпуск публики прекращается (новшество). Свет залы постепенно гасится, свет берут «на реостат» (тоже новшество), полная темнота, бесшумно и медленно раздвигается (опять новшество)» серый занавес над сценой Художественного театра. Начинается представление. Среди разлившейся по залу тишины раздаются вступительные слова пьесы: «Да, да, бояре, на это дело крепко надеюсь я!» Как хотелось актерам верить в мистическую силу этих слов...

Впечатление от спектакля было поистине ошеломляющим. «Вы, зритель, сразу, немедленно, против воли, в старой Москве конца XVI века. Где же актеры? Их нет. Ходят люди в носильном платье того времени, жизненный разговор, характерные, типичные, разнообразные русские головы. Это не спектакль, каким мы его раньше привыкли видеть, а это сама жизнь, в ее художественном преломлении, не действительность жизни, не фотография жизни, а правда жизни». Уже намного позже придирчивые зрители заметят, что «на боярынях сарафаны были сшиты из русских материй конца XVIII и начала XIX века», и начнут выискивать другие мелкие неточности.^[360] Однако в тот момент отдельные промахи не имели никакого значения — столь завораживающе цельным было само зрелище спектакля. «Впечатление первой картины было настолько сильно, что никто не аплодировал. Короткий антракт, и появляется Москвин-Федор». Н. Д. Телешов отмечал: «Настроение зала повышалось с каждым актом, с каждой картиной. Удивляло и восхищало всё: и пьеса, никогда не шедшая ни в одном театре, и постановка, и декорации, и костюмы, верные эпохе, точно вынутые из старинных боярских сундуков. А народные сцены производили впечатление небывалое и восхищающее. Незнакомые имена артистов запоминались, интересовали».^[361]

Это был не просто успех, а настоящий триумф Московского Художественного театра. В. А. Нелидов писал: «Я больше не запомню того энтузиазма, какой был после «Царя Федора». Там поразило всё: исполнение главной роли, жизненность и художественность декораций, режиссура, толпа — словом, всё-всё. Триумф был полный. Спектакль затянулся, но около часу ночи, когда он кончился, публика не только не была утомлена, а, скорее, еще более возбуждена, чем вначале. Так, безусловно, и было». Актеры почивали на лаврах заслуженного успеха, и больше всех зрительской любви досталось молодому, «еще вчера никому не ведомому» актеру И. М. Москвину, игравшему заглавную роль — царя Федора. «Вошел 14 октября в театр выходной коршевский актер,^[362] а домой

вернулся знаменитый артист Москвин», чье имя появилось на страницах всех газет.

Успех Москвина являлся той каплей, в которой отражался успех всего представления. Современники отмечали: «Даже недоброжелатели смирились и притихли. И театр с этой ночи вошел в художественную жизнь Москвы как неотъемлемая составная часть этой жизни».^[363] Первая же постановка показала состоятельность претензий Станиславского и Немировича-Данченко на «новизну», необходимость искать неизбитые подходы к сценическому искусству, заменить искусственную, искаженную жизнь на сцене поэтической жизненной правдой. «С 14 октября 1898 года укреплена была бесспорная догма: играть не роли, а «играть пьесу»... Играть правдиво, художественно, сообразно быту, времени, настроению... Третий плюс Художественного театра — он доказал, что... при вдумчивой режиссуре можно добиться от людей скромного дарования огромных художественных результатов, о чем прежде никому не приходило в голову. «Хороший спектакль» явился, таким образом, не только хорошим спектаклем, но и откровением», — подводил итог В. А. Нелидов.^[364]

Московский Художественный театр никого не оставил равнодушным. Его постановки стали предметом бурных обсуждений и горячих споров. Т. Л. Щепкина-Куперник вспоминала: «Сперва о театре спорили без конца. Страсти разгорались. Одни говорили, что это театр ансамбля, что «актеров там нет» и что Станиславский, если захочет, пуделя научит играть. Другие находили, что там все неподражаемы. Третьи жаловались, что актеры там «играют спиной» и что когда на сцене ночь, то из зрительного зала ни зги не видно. Но все спорили, волновались, доказывали... и посещали театр одинаково усердно как друзья, так и враги».

Начальный сезон — особенно его первая половина — оказался для Художественного театра тяжелейшим испытанием. Разумеется, помимо «Царя Федора» в его репертуаре было еще несколько пьес, но они не пользовались популярностью первого спектакля. Константин Сергеевич Станиславский вспоминал: «Дела театра шли плохо. За исключением «Федора Иоанновича», делавшего большие сборы, ничто не привлекало публики. Вся надежда возлагалась на пьесу Гауптмана «Ганнеле». Но надежды не оправдались, пьесу к постановке не разрешили. «Московский митрополит Владимир нашел ее нецензурной и снял с репертуара театра».

Положение молодого театра стало критическим. Он должен был во что бы то ни стало закрепить свой первый успех, доказать публике, что он не

был случайностью — в противном случае его ожидал скорый крах. Материальные дела МХТ также были не на высоте. «В это время театр не завоевал себе успеха, которого он и не заслуживал, он лишь возбуждал внимание общества. Материальные дела театра были плохи. Последний удар был нанесен запрещением постановки «Ганнеле» Гауптмана, на которую возлагались последние перед гибелью надежды». У театра оставался последний шанс — ставить «Чайку» А. П. Чехова. Впрочем, больших надежд на эту постановку не возлагалось. Ведь за два года до того, в октябре 1896-го, «Чайка» была поставлена в Петербурге, на сцене Александринского театра и... с треском провалилась. Сам Чехов с досадой писал Немировичу-Данченко в ноябре 1896-го: «Моя «Чайка» имела в Петербурге, в первом представлении, громадный неуспех. Театр дышал злобой, воздух сперся от ненависти, и я — по законам физики — вылетел из Петербурга, как бомба. Во всём этом виноваты ты и Сумбатов, так как это вы подбили меня написать пьесу».

Немирович-Данченко и его ученики были «влюблены» в чеховскую «Чайку», и переговоры с Чеховым о возобновлении спектакля Владимир Иванович начал еще весной 1898 года. Владимир Иванович буквально силой вырвал у Чехова разрешение на постановку, и репетиции «Чайки» начались в августе. Однако в том положении, в котором молодой театр оказался в декабре 1898-го, объявлять премьеру однажды оскандаленной пьесы было бы либо безумным донкихотством, либо игрой в рулетку — получится / не получится. Положение осложнялось тем, что театру пришлось бы взять на себя ответственность перед уже тяжелобольным А. П. Чеховым: второй провал его пьесы мог окончательно подорвать здоровье писателя.

Тем не менее пришлось идти на риск. «Все понимали, что от исхода спектакля зависела судьба театра... Накануне спектакля, по окончании малоудачной генеральной репетиции, в театр явилась сестра Антона Павловича — Мария Павловна Чехова. Она была очень встревожена дурными известиями из Ялты. Мысль о вторичном неуспехе «Чайки» при тогдашнем положении больного приводила ее в ужас, и она не могла примириться с тем риском, который мы брали на себя. Мы тоже испугались и заговорили даже об отмене спектакля, что было равносильно закрытию театра» — так описывал сложившееся положение К. С. Станиславский. Однако спектакль отменять не стали. Ведь руководители театра были ответственны не только перед Чеховым, но и перед своими актерами, которым надо было платить жалованье, и перед пайщиками, которые верили в будущее театра. Да и подготовка спектакля стоила немалых

сил.

В. И. Немирович-Данченко писал Чехову: «Мы положили на пьесу всю душу, и все наши расчеты поставили на карту. Мы, режиссеры, т. е. я и Алексеев, напрягли все наши силы и способности, чтобы дивные настроения пьесы были удачно интерсценированы. Сделали три генеральные репетиции, заглядывали в каждый уголок сцены, проверяли каждую электрическую лампочку. Я жил две недели в театре, в декорационной, в бутафорской, ездил по антикварным магазинам, отыскивал вещи, которые давали бы колористические пятна.

Да что об этом говорить! Надо знать театр, в котором нет ни одного гвоздя».^[365]

Премьера «Чайки» в Художественном театре состоялась вечером 17 декабря 1898 года. Всех, кто участвовал в спектакле, как и на премьере «Царя Федора», охватило колоссальное напряжение. Состояние актеров во время спектакля прекрасно передано тем же Станиславским: «Публики было мало. Как шел первый акт — не знаю... Помню, что мне было страшно сидеть в темноте и спиной к публике во время монолога Заречной и что я незаметно придерживал ногу, которая нервно тряслась». По свидетельству Н. Д. Телешова, «такого глубоко правдивого и тонко художественного исполнения Москва еще не видала. В замечательных паузах, когда потрескивали дрова в камине или гудел ветер за окнами, чувствовалась неизбежная, уже нависшая драма, которая и разрешается выстрелом за кулисами: «Нечем жить». Занавес закрылся при гробовом молчании, смутившем артистов. В публике ни звука, ни хлопка».^[366]

Оцепенение зала было похоже на неуспех. «Казалось, что мы проваливались, — писал К. С. Станиславский. — Занавес закрылся при гробовом молчании. Актеры пугливо прижались друг к другу и прислушивались к публике. Гробовая тишина. Из кулис тянулись головы мастеров и тоже прислушивались. Молчание. Кто-то заплакал. [О. Л.] Книппер подавляла истерическое рыдание. Мы молча двинулись за кулисы. В этот момент публика разразилась стоном и аплодисментами. Бросились давать занавес».^[367] Оцепенение миновало, восторг зрителей вырвался наружу.

Театр спасен! Он вновь оправдал свое название — художественный. Он получил возможность существовать дальше. Наконец удалось оправдать доверие А. П. Чехова! Это был триумф.

«Говорят, что мы стояли на сцене влоботорота к публике, что у нас были страшные лица, что никто не догадался поклониться в сторону залы и

что кто-то из нас даже сидел. Очевидно, мы не отдавали себе отчета в происходившем. В публике успех был огромный, а на сцене была настоящая пасха. Целовались все, не исключая посторонних, которые ворвались за кулисы. Кто-то валялся в истерике. Многие... от радости и возбуждения танцевали дикий танец». Немирович-Данченко в письме Чехову подтверждал это свидетельство: «После 3-го акта у нас за кулисами царило какое-то пьяное настроение... Все целовались, кидались друг другу на шею, все были охвачены настроением величайшего торжества правды и честного труда». [\[368\]](#)

Публика требовала отправить автору пьесы телеграмму. И она была отправлена — уже 18 декабря, в 12 часов 50 минут. Ее текст от имени коллектива Московского Художественного театра составил Немирович-Данченко. «Только что сыграли «Чайку», успех колоссальный. С первого акта пьеса так захватила, что потом следовал ряд триумфов. Вызовы бесконечные. Мое заявление после третьего акта, что автора в театре нет, публика потребовала послать тебе от нее телеграмму. Мы сумасшедшие от счастья. Все тебя крепко целуем, напишу подробно». Этот новый успех окончательно укрепил дружеские связи между труппой Художественного театра и А. П. Чеховым. По словам Станиславского, «с этого вечера между всеми нами и Антоном Павловичем установились почти родственные отношения». [\[369\]](#)

По утверждению Немировича-Данченко, успех «Чайки» намного превзошел успех «Царя Федора». Щепкина-Куперник отмечала, что успех первого представления еще долго не угасал: «Всю зиму после премьеры «Чайки» я радовалась ее успеху. Она шла при переполненном театре, и часто я, возвращаясь домой поздним вечером мимо «Эрмитажа» в Каретном ряду, где тогда помещался Художественный театр, наблюдала картину, как вся площадь перед театром была запружена народом, конечно, главным образом молодежью, студентами, курсистками, которые устраивались там на всю ночь — кто с комфортом, захватив складной стульчик, кто с книжкой у фонаря, кто, собираясь группами и устраивая танцы, чтобы согреться, — жизнь кипела на площади, — с тем чтобы с раннего утра захватить билет и потом уже бежать на занятия, не смущаясь бессонной ночью. Грела и поддерживала молодость». [\[370\]](#)

Итак, театр решил острый вопрос, неожиданно вставший прямо на его пути, — вопрос репертуарный. Он нашел собственный путь, обрел неповторимый облик и — пережил второе рождение, связав свою судьбу с драматургией А. П. Чехова. После «Чайки» на его сцене будут сыграны

другие чеховские пьесы: «Дядя Ваня» (1899), «Три сестры» (1901), «Вишневый сад» (1904). Современники отмечали: «Художественный театр реабилитировал и заново создал «Чайку», но смело можно сказать, что и «Чайка» создала Художественный театр, во всяком случае, все чеховские пьесы — это лучшее, что театр создал». Обновление репертуара позволило МХТ на время отложить еще одну тяжелейшую проблему — финансовую. Однако рано или поздно эта проблема должна была встать на его пути поистине непреодолимым препятствием.

Сейчас, говоря об отцах-основателях Московского Художественного театра, образованный человек уверенно назовет две фамилии: Станиславский и Немирович-Данченко. И лишь специалист прибавит к ним еще одну, «потерявшуюся» в трудное советское время. Эта фамилия — Морозов. Сегодня может показаться, что роль Саввы Тимофеевича в становлении театра не так уж велика: в конце концов, не все ли равно, кто проспонсирует хорошее начинание? Главное, чтобы полученные средства были грамотно израсходованы. Однако это ощущение крайне обманчиво. Если бы не поддержка Морозова, Художественный театр, несмотря на признание публики, скончался бы во младенчестве, не прожив и двух лет. Не только большие деньги, но и силы свои, и время, и организаторский талант, и недюжинную мощь ума вложил Савва Тимофеевич в новое театральное предприятие, чтобы дать ему долгую жизнь. Действуя согласованно со Станиславским и Немировичем-Данченко, он добился задуманного. В начале XX столетия общество хорошо понимало, что во главе МХТ стоят не два, а три крупных деятеля. Это видно не только в воспоминаниях, но даже в таком специфическом источнике, как... размещенная в газете карикатура, на которой воз Московского Художественного театра тянут на себе три фигуры с хорошо узнаваемыми лицами.

Найдя для себя новое дело, Савва Тимофеевич ушел в него с головой, отдав Художественному театру лучшее, что имелось в его душе. В обращении к Морозову К. С. Станиславский отмечал: «С первых же шагов Вы окунулись в тяжелую подготовительную работу и в ней Вы проявили Ваш большой практический опыт и администраторский талант, недостающий нам — артистам».

Однажды вложившись в Художественный театр, Морозов принял самое деятельное участие в его жизни. Говоря словами того же Станиславского, «этому замечательному человеку суждено было сыграть в нашем театре важную и прекрасную роль мецената, умеющего не только

приносить материальные жертвы искусству, но и служить ему со всей преданностью, без самолюбия, без ложной амбиции и личной выгоды».

Громкий успех первой же постановки Художественного театра являлся своеобразным знаком качества. Грандиозный успех «Чайки» стал гарантией того, что основавшие его люди умеют доводить дела до конца. Как только С. Т. Морозов это осознал, начался новый — второй — этап его сближения с МХТ. Если на первом этапе он ограничился финансированием театра, то теперь началось его постепенное вхождение во все нюансы театральной жизни.

На премьере «Царя Федора Иоанновича» С. Т. Морозов не присутствовал. Однако уже через несколько дней он заехал в театр, чтобы своими глазами увидеть нашумевшую постановку. Посмотрев спектакль, убедившись в его художественной ценности, Савва Тимофеевич окончательно окреп в мысли, что Художественному театру необходимо помогать. Через несколько лет К. С. Станиславский написал обращенную к меценату речь, в которой, среди прочего, вспоминал: «Я помню Ваше лицо, с напряженным вниманием следившее за спектаклем «Царь Федор». Казалось, что Вы в первый раз уверились в возможности осуществления симпатичной Вам идеи. После этого спектакля Вы стали внимательнее следить за деятельностью театра, и уже ни один опасный для дела момент не проходил без Вашего участия. Страстность, с которой Вы относились к вопросам, касавшимся Художественного театра, лучше всего подтверждала Вашу близость к полюбившемуся Вам делу. В критический для нашего театра момент, когда все предприятие грозило падением, Вы взвалили на себя всю тяжесть его и вернули энергию его деятелям».^[371]

Критический для театра момент наступил уже в конце первого сезона.

В относительно короткие сроки Художественный театр сумел завоевать симпатии образованной публики. Успех театра был очевиден — его посещали, им интересовались, театральные деятели брали на заметку наиболее успешные находки его руководителей. Благодаря двойному триумфу всего за один сезон Художественный театр сильно возмужал. Но это была только половина дела.

В 1898/99 году те основания, на которых покоился театр, были ненамного устойчивее карточного домика. Первый сезон для театра окончился с большим долгом. Немирович-Данченко вспоминал, что они со Станиславским уже построили колоссальные планы на второй сезон, однако «денег у нас опять не было. Но дело не только в деньгах. Мало было одержать победу, надо было ее закрепить... Надо было укрепить успех, удержаться на ногах... Нужно было дать усовершенствоваться и

блеснувшим талантам нашей молодежи». Однако пайщики, вложившие деньги в театр, уклонялись от его дальнейшего финансирования. К. С. Станиславский отмечал то же печальное положение: «Несмотря на художественный успех театра, материальная сторона его шла неудовлетворительно. Дефицит рос с каждым месяцем. Запасный капитал был истрачен, и приходилось созывать пайщиков дела для того, чтобы просить их повторить свои взносы. К сожалению, большинству это оказалось не по средствам, и они, несмотря на горячее желание помочь театру, принуждены были отказаться. Момент был почти катастрофический для дела».^[372]

Ситуацию спас С. Т. Морозов. Видимо, его вмешательство произошло в начале весны 1899-го, когда учредители театра подводили итоги за первый финансовый год. Согласно 12-му пункту Договора об учреждении Общедоступного театра в Москве, «по сведении счетов за каждый операционный год, который считается с 1 марта одного года по 1 марта следующего года, распорядители созывают в течение марта месяца общее собрание товарищей, которому и представляют подробный отчет о своих действиях и о приходе и расходе денежных сумм за прошлый год и смету и программу действий предприятия на будущий год».^[373] На заседании, где обсуждались итоги 1898/99 года, именно Савва Тимофеевич сыграл решающую роль.

Дело в том, что далеко не всем пайщикам МХТ новый взнос на нужды театра был «не по средствам». Многие члены Общества по учреждению общедоступного театра обладали весьма солидными состояниями и имели возможность пожертвовать часть личных средств на дело искусства. Однако... они были чутки к общественному мнению. Особенно к тем его голосам, звучание которых усиливалось благодаря поддержке газет. А вокруг нового театра шли настоящие баталии, часть которых выплескивалась на страницы прессы. Говоря об успехе «Чайки», Немирович-Данченко подчеркивал: «Слушалась пьеса поразительно, как еще ни одна никогда не слушалась. Шум по Москве огромный. В Малом театре нас готовы разорвать на куски». Наряду с хвалебными раздавалось немало ругательных отзывов. По Москве и Петербургу шли разговоры о том, что «...этот Художественный театр — театр моды, не может на основании добытых результатов считаться серьезным театром с будущностью».^[374] Разумеется, меняли отношение пайщиков к Художественному театру.

Немирович-Данченко писал: «Наши пайщики вели себя

двусмысленно. При встречах каждый из них делал комплименты, но движения у них были словно по скользкому полу: чуть было я касался дальнейшего, — как, мол, вот нам дальше существовать, — а его уже нет, — исчез... Мало того, начали до меня доходить слухи, что один из пайщиков даже громко и резко ругает театр: «Ничего-то интересного в нем нету, какие-то вычурные, одно штукачество. Одним словом — мода. И, конечно, никаких денег на эту затею не следует давать».^[375] Оказалось, что авторитет и Станиславского, и Немировича-Данченко не безграничен. Но, к счастью, среди пайщиков был такой человек, как Морозов.

По словам Станиславского, без Саввы Тимофеевича «наше дело не выдержало бы и 1/2 части благодаря нападкам и злым выходкам одной части печати, которая всячески подрывала доверие к нам, еще не окрепшим в новом для нас деле».^[376] Савву Тимофеевича нелестными отзывами печати было не пронять: он прекрасно знал им цену. Кроме того, Морозов имел насчет театра собственное, весьма определенное мнение. Он считал, что Художественный общедоступный театр — явление уникальное, которое необходимо Москве — и в целом отечественной культуре. Сторонники МХТ — а их уже тогда было немало — хорошо понимали его значение: «Быть может, в этих постановках были недостатки, даже наверное были. Но у нас, видевших тогда постановку этих пьес, на всю жизнь осталось впечатление, какое, вероятно, уносят с собою дети после первой рассказанной им талантливым повествователем сказки. Никогда раньше этого не слыхали, а потому свежо, поэтично и так отрадно на душе».^[377]

Морозову не впервой было собирать с купечества деньги на важное культурное начинание. Фактически он задействовал те навыки, которые прежде проявлял на Нижегородской ярмарке в качестве «купеческого воеводы». На общем собрании пайщиков учредители дела докладывали о решении трех вопросов: говорили о художественных итогах постановок, о планах на будущее время и произнесли вслух «грустные цифры — сорок шесть тысяч рублей долга. Морозов предложил пайщикам отчет утвердить, долг погасить и паевой взнос дублировать. А так как Морозов был среди них самый крупный фабрикант, то перед ним скупиться как-то стеснялись. Между прочим, замечательная типическая купеческая черта — ну, чего бы, казалось, Морозову каких-то три тысячи Осипова и даже десять — пятнадцать всех остальных пайщиков? Нет: надо, чтобы дело было компанейское, пусть по тысяче внесут, а он — двести, но надо, чтобы чувствовалось тут какое-то единодушие».^[378] Но одним лишь собиранием средств финансовое участие Морозова в театре не ограничилось. По словам

исследователей, «уже в первый год Савва затратил на театр 60 тысяч рублей, и «его пожертвования становятся важнейшим финансовым источником, питавшим новое культурное и художественное начинание».^[379]

Театр вновь получил средства к существованию. С весны 1899 года финансовые вливания в театральную кассу со стороны Морозова стали регулярными. Так, уже летом того же года театру вновь понадобились средства. 26 июля Владимир Иванович сообщал Станиславскому: «С Морозовым я обедал, но ни одного звука не сказал о том, что денег у нас нет. Правда, он так много вложил уже, что если бы и нельзя было получить от него больше, всё-таки было бы бессовестно претендовать. Но очень может быть, что без него не обойтись».^[380] Впоследствии так и вышло: Савва Тимофеевич «взял на себя все материальные заботы» о делах театра.

К. С. Станиславский писал: «В критический момент судьба послала нам двух спасителей: А. П. Чехова и С. Т. Морозова». «Когда театр был на краю гибели, — прилетела «Чайка» и принесла с собой Чехова и художественный триумф, упрочивший славу. Когда театр истощился материально, — явился С. Т. Морозов».^[381]

По словам исследователей, в 1898–1904 годах расходы купца на поддержку Художественного театра составили около 500 тысяч рублей^[382] — колоссальные по тем временам средства! Но, как уже говорилось, участие Морозова в делах Художественного театра не ограничивалось только денежными пожертвованиями. На протяжении семи лет купец отдавал театру время, силы, творческую энергию. Исследователь купеческого меценатства А. А. Аронов, отмечая многогранную деятельность Морозова на этом поприще, вопрошал: «Где, когда, в какой стране благотворители сами обладали таким могучим интеллектом, такими способностями, знаниями, навыками и умениями, что были в состоянии конкретно участвовать в сохранении и развитии лучших традиций отечественной культуры?» Савва Тимофеевич помогал театру бескорыстно. Когда К. С. Станиславский побывал в Америке, у него появилась возможность сравнить Морозова с американскими богачами: «Не то чтобы жулики, но крепкий народ, своего не уступит! Отто Кан, богач и покровитель театра, когда я ему рассказывал о Морозове и его меценатстве с чисто русской шириной, не мог понять этого человека. Они убеждены, что меценатство должно приносить доходы».^[383]

А еще Константин Сергеевич утверждал, что Морозов «принес с собой не только материальную обеспеченность, но и труд, бодрость и доверие»;

что «будучи в душе артистом, он, естественно, чувствовал потребность принять активное участие в художественной стороне». Действительно, уже в начале второго сезона МХТ, осенью 1899 года, Савва Тимофеевич стал регулярно принимать участие в работе театра. Шли последние репетиции чеховской пьесы «Дядя Ваня» (премьера — 26 октября 1899 года). Талантливая актриса, исполнительница первых ролей О. Л. Книппер исполняла в ней роль жены профессора Серебрякова, Елены Андреевны. Ольга Леонардовна писала своему будущему мужу, А. П. Чехову: «Савва Морозов повадился к нам в театр, ходит на все репетиции, сидит до ночи, волнуется страшно. Мы все, конечно, острим. Москвин уверяет, что он ходит наблюдать, хорошо ли работают приказчики. Я думаю, что он скоро будет у нас дебютировать, только не знаю еще в чем». По словам О. Л. Книппер, Савва Тимофеевич вникал в тонкости актерской работы: «Знаете, он решил, что я не могу играть Елену, т. к. у меня нет противного мужа и роль у меня будет не пережита. Я решила поискать. Вы мне ведь не откажете помочь, тем более что это для успеха Вашей же пьесы, милый писатель, правда?» В том же письме актриса признается, что сама не уверена, сумеет ли она хорошо сыграть свою роль.

Может показаться, что Морозов влез не в свою епархию. Однако это не так. К. С. Станиславский в воспоминаниях отмечал: «Мы с Владимиром Ивановичем решили приблизить Савву Тимофеевича к художественно-литературной части. И это было сделано совсем не потому, что он владел финансовым нервом театра и мы хотели больше прикрепить его к делу. Мы поступали так потому, что сам Морозов выказал много вкуса и понимания в области литературы и художественного творчества актеров. С тех пор вопросы репертуара, распределение ролей, рассмотрение тех или иных недостатков спектакля и его постановки обсуждались с участием Морозова. И в этой области он показал большую чуткость и любовь к искусству».^[384]

Руководители театра обсуждали с Саввой Тимофеевичем насущнейшие вопросы, в том числе репертуарные. Переписка Немировича-Данченко, в отличие от его воспоминаний, свидетельствует: прежде чем утвердить ту или иную пьесу, Владимир Иванович советовался с Морозовым. Так, в письме актеру В. В. Лужскому от 23 июля 1903 года Немирович-Данченко говорил: «О репертуаре... думаю, и довольно много. Говоря Вам... секретно, я уже писал с неделю назад Морозову, а теперь пишу и Вам, чтоб подумали об «Иванове» (пьеса А. П. Чехова. — А. Ф.) и возобновлении «Чайки»».^[385] А в июне 1902-го он писал Станиславскому: «Есть пьеса Бьернсона «Жертва политики» и знакомая Вам «Перчатка»...

Мы с Сав[вой] Тимофеевичем] остановились на этих двух пьесах».^[386]

До тех пор, пока по поводу репертуара между ними не возникало существенных разногласий, советоваться с Морозовым для режиссера было в порядке вещей. По словам Марка Алданова, Морозов «давал советы о пьесах, о подробностях постановки, о распределении ролей; всё выслушивалось внимательно и с интересом; режиссеры и артисты успели оценить его чутье».^[387] А К. С. Станиславский, обращаясь к Морозову, говорил: «Следя за вашей деятельностью в Художественном театре, легко проследить систематическое составление и выполнение программы ее. Она не теряет своего направления в вопросах художественных, которым вы придаете просветительное значение».^[388]

В самом деле, Савва Тимофеевич выдвинул «программу», которая имела три четко сформулированных пункта.

Так, в начале 1902 года по инициативе С. Т. Морозова было образовано Товарищество на паях Московского Художественного театра. Савва Тимофеевич предложил организовать его из наиболее ценных и необходимых работников театра.

Первое и «основное требование Саввы Тимофеевича», изложенное им в проекте Товарищества, состояло в постоянном обновлении репертуара с целью привлечения зрителя. Для этого, по его мысли, следовало давать «... не менее пяти новых пьес в сезон, если театр играет пост вне Москвы, и не менее шести новых пьес, если театр функционирует постом в Москве».^[389] Кроме того, Савва Тимофеевич настойчиво стремился поддерживать две важнейшие составляющие: общедоступность и общественную значимость репертуара. В том же проекте указывается, что остальные члены Товарищества обязуются перед С. Т. Морозовым не повышать платы на места «выше одной тысячи семисот пятидесяти (1750) рублей полного сбора по обыкновенным ценам». В черновиках документа имеется пояснение: это делается для того, «чтобы театр сохранил характер общедоступности».^[390] Там же, в черновых записях, имеется еще один важный пункт: «Репертуар театра должен придерживаться пьес, имеющих общественный интерес, и пьесы, не имеющие такового, хотя бы и могущие рассчитывать на материальный успех, не могут входить в состав репертуара театра».^[391]

Максим Горький записал слова Морозова об МХТ: «Ясно, что этот театр сыграет решающую роль в развитии сценического искусства, он уже делает это».^[392] А еще Горький вспоминал, как Савва Тимофеевич «восхищался Станиславским:

— Гениальнейший ребенок.

— Ребенок?

— Да, да! Присмотритесь к нему и увидите, что всего меньше он — актер, а именно ребенок. Он явился в мир, чтобы играть, и гениально играет людьми для радости людей. Существо необыкновенное».

Итак, несмотря на то, что по договоренности Станиславского и Немировича-Данченко составление репертуара находилось в ведении Владимира Ивановича, участие Морозова в репертуарном вопросе было весьма велико. Он ратовал за расширение «литературной основы» театра, причем старался мотивировать авторов отдавать новые пьесы именно Художественному театру. Так, сразу после успеха «Чайки» Антон Павлович огорошил руководство МХТ тем, что чуть не отдал новую пьесу («Дядя Ваня») Малому театру в обход Художественного, который принес ему громкую известность. В конечном итоге пьеса была поставлена на сцене МХТ. Но, видимо, осадок остался. В январе 1902 года Морозов предложил Чехову войти в число пайщиков МХТ. Савва Тимофеевич писал: «После многих колебаний я решился сделать участникам театра предложение, остов которого посылаю при этом письме. Литературная сила этого театра ограничивается Немировичем, но мне этого недостаточно, и вот, переговорив с Владимиром Ивановичем и Ольгой Леонардовной, я решился обратиться к Вам, не войдете ли Вы в состав Товарищества, которое будет держать театр. Все участники и я с нетерпением ждем Вашего ответа». ^[393] По словам Станиславского, «Антон Павлович откликнулся по первому призыву и вступил в число пайщиков». О своем решении вступить в пайщики в десяти тысячах Чехов сообщил телеграммой. О. Л. Книппер-Чехова по этому поводу писала ему: «Если бы ты знал, какой фурор произвела вчера твоя телеграмма!.. Савва так и прыгал от восторга».

Как уже говорилось в предыдущих главах, познания Морозова в области культуры были весьма обширны. В соединении с блестящей памятью и тонким умом они позволяли современникам называть Савву Тимофеевича «умнейшим из купцов». Эти качества признавал за Морозовым и сам Немирович-Данченко. Он писал: «Сколько раз проводили мы время с ним вдвоем в отдельном кабинете ресторана, часами беседуя не только о делах театра, но о литературе, — об Ибсене. Кто бы поверил, что Савва Морозов с волнением проникается революционным значением «Росмерсхольма», не замечая бегущих часов? Причем два стакана чая, порция ветчины и бутылка Johannisberg (сорт вина. — А. Ф.) — и то только,

чтобы поддержать ресторанную этику».^[394] Тонкое чутье позволяло Морозову мгновенно реагировать на изменение зрительских симпатий — как-никак, существование театра всегда зависит от чаяний публики. В. А. Теляковский, в тот момент управляющий Московской конторой Дирекции Императорских (то есть Большого и Малого) театров, восклицал: «Ох уж эти сборы! Музеи, библиотеки, академии художеств, картинные галереи — никто из них, подвигая вперед искусство, не обязан считаться со сборами и никто их по сборам не оценивает; одни театры подлежат этой нелепой оценке, оценке цифровой, к которой по неведению с таким доверием относится публика».^[395]

Вероятно, столь активная деятельность Саввы Тимофеевича на том поле, которое Немирович-Данченко считал своим, впоследствии послужит основной причиной их натянутых отношений.

Репертуарные вопросы в жизни молодого театра, безусловно, очень важны. Но не они составляли основу деятельности Морозова в стенах МХТ. На какую бы высоту ни поднималась его мысль, в каких бы эмпиреях ни парила, Морозову неизменно приходилось заниматься и делами более приземленными. На протяжении нескольких лет Савва Тимофеевич заведовал сугубо хозяйственными вопросами, благодаря быстрому и умелому решению которых он заслужил благодарность со стороны труппы и ее руководителей.

По словам К. С. Станиславского, Морозов «неожиданно для всех» приехал на одно из общих собраний пайщиков МХТ и «предложил пайщикам продать ему все паи. Соглашение состоялось, и с того времени фактическими владельцами дела стали только три лица: С. Т. Морозов, В. И. Немирович-Данченко и я. Морозов финансировал театр и взял на себя всю хозяйственную часть».^[396] По-видимому, заседание, на котором Морозов выкупил паи других вкладчиков, состоялось 1 марта 1900 года, когда обсуждались итоги прошедшего 1899/1900 года. В Архиве МХАТа сохранился документ, согласно которому на 1 марта 1900 года вклад пайщиков (54 тысячи рублей) и та сумма, которая имелаась в кассе театра, составляли более 75 500 рублей. В отчетном же 1900/01 году от Саввы Тимофеевича Морозова поступила аналогичная сумма — 76 150 рублей.^[397] Однако неожиданности в действиях Морозова не было. Это видно из серьезного конфликта, который разгорелся вокруг его персоны в феврале 1900 года.

Дело в следующем: Немирович-Данченко посчитал, что коммерсант

покушается на его прерогативы, вмешиваясь в художественную часть. В начале февраля Владимир Иванович жаловался в письме Чехову, что ему приходится «часто ступать на путь компромиссов, в виде особых соглашений с Морозовым, который настолько богат, что не удовольствуется одной причастностью к театру, а пожелает и «влиять». Настоящая ссора началась в середине месяца, когда Немирович пригласил режиссера и антрепренера М. В. Лентовского «посмотреть артистов», а Савва Тимофеевич отменил это распоряжение со словами: «Позвольте-с, а вы ничего не будете делать целую зиму, и дело от этого будет страдать».

Владимир Иванович, обладая болезненным самолюбием, поставил ультиматум: участие Морозова в деле возможно только при условии четкого — и обязательно на бумаге — определения его функций. В феврале 1900 года (до 20-го числа) между двумя руководителями театра произошел обмен письмами. Станиславский в этом конфликте встал на сторону Саввы Тимофеевича: «Морозов и Вы не можете или не хотите спеться. Как видно, начнутся ссоры и недоразумения, а я буду стоять посередине и принимать удары... Без Вас я в этом деле оставаться не хочу, так как мы вместе его начали, вместе и должны вести... Без Морозова (тем более с Осиповым^[398] и К°) я в этом деле оставаться не могу — *ни в каком случае*. Почему? Потому что ценю хорошие стороны Морозова. Не сомневаюсь в том, что такого помощника и деятеля баловница судьба посылает раз в жизни. Наконец, потому, что такого именно человека я жду с самого начала моей театральной деятельности (как ждал и Вас). Нам ворожит бабушка, и если при таком ее баловстве мы не можем или не умеем устроиться, то всё равно из дела ровно ничего не выйдет... С Осиповым я рискую очень... Я не верю в их порядочность, в порядочность же Морозова я слепо верю. Я ему верю настолько, что никаких письменных условий заключать с ним не хочу, ибо считаю их лишними, не советую и Вам делать это, так как знаю по практике, что такие условия ведут только к ссоре. Если два лица, движимые одной общей целью, не могут столкнуться на словах, то чему же может помочь тут бумага». ^[399] Станиславский был прав: между директорами МХТ «точного разграничения функций, обязанностей, сторон деятельности... никогда не было, да и быть не могло. В этом была их сила, это же порождало и сложности». ^[400] Функции директоров театра, в том числе его основателей — Станиславского и Немировича, во многом пересекались и дополняли друг друга.

Обидчивый Немирович-Данченко не пожелал внять доводам Станиславского: «Инструкции необходимы безусловно. Без них я

отказываюсь от предоставления больших прав Савве Тимофеевичу. Я его не так знаю, как Вас, чтобы вступать в общем деле в слепые отношения. С Вами я пойду куда хотите и на что хотите, мы столкнемся. Его я настолько не знаю, а рисковать свободой своей личности не могу. А если бы мы не сошлись в инструкциях, то я предпочту уговаривать всех пайщиков о новом взносе, искать новых, не знаю что... Но я хочу твердо определить права нашего нового компаньона». ^[401] Таким образом, уже в феврале шла речь о том, чтобы предоставить Савве Тимофеевичу новые полномочия. И они были предоставлены — на бумаге.

Всего через три дня после того, как Морозов стал единственным спонсором МХТ, 4 марта 1900 года, он был назначен одним из директоров МХТ. Его обязанности были черным по белому прописаны в договоре. Официально его пост именовался «Директор хозяйственной части Художественно-Общедоступного театра». ^[402] Собственно, обустройством театрального быта купец занимался и прежде, но теперь его служебный статус был четко закреплён. Таким образом, при помощи письменного соглашения конфликт исчерпался к удовольствию обеих сторон: Немирович-Данченко получил гарантии невмешательства в его часть дела, а Савва Тимофеевич — широкое поле деятельности, на котором он распоряжался единолично. С момента занятия директорского поста коммерсант всерьез занялся всеми вопросами, связанными с обустройством театрального быта, и развил на этом поприще бурную деятельность.

Летом 1900 года, после окончания театрального сезона, Морозов провел основательный ремонт театра «Эрмитаж», который МХТ по-прежнему снимал для спектаклей. Состояние этого театра оставляло желать лучшего. По свидетельству К. С. Станиславского, когда Художественный только-только въехал в это здание, оно находилось «в ужасном виде: грязный, пыльный, неблагоустроенный, холодный, нетопленный, с запахом пива и какой-то кислоты, оставшимся еще от летних попоек и увеселений, происходивших здесь... Вся обстановка... носила печать дурного тона... Предстояло вытравить из него дурной вкус, но у нас не было денег, чтобы создать в нем приличную для культурных людей обстановку. Все стены с их пошлыми объявлениями мы просто покрасили белой краской. Скверную мебель закрыли хорошими чехлами, нашли приличные ковры и устлали ими все коридоры, примыкающие к зрительному залу, чтобы стук шагов проходивших не мешал ходу спектакля... Но как ни чини старую рухлядь, ничего хорошего выйти не может: в одном месте починишь или замажешь, а в другом откроется новый изъян. Вот, например, в моей актерской

уборной я стал приколачивать гвоздь, чтобы повесить полку на стене. Но стены оказались настолько ветхи и тонки (уборные были переделаны из простого сарая), что от ударов молотка кирпич выскочил насквозь и в стене образовалась дыра, через которую ворвался в комнату холодный наружный воздух. Особенно неблагоприятно было с отоплением театра, так как все трубы оказались испорченными, и нам пришлось чинить их на ходу, притом в такое время, когда уже завернули морозы и пора было ежедневно нагревать здание. Этот изъян театра принес нам немало страдания и задержек в работе. Но мы не сдавались и боролись с препятствиями. А они были очень серьезны. Помню, в один из спектаклей мне пришлось отдирать от стены своей уборной примерзший к ней костюм, который предстояло тут же надевать на себя... Электрические провода также были в беспорядке и ремонтировались, вследствие чего репетиции происходили при огарках, почти в полной темноте. Каждый день открывал все новые и новые сюрпризы. То выяснялось, что декорации не помещались на сцене и надо было строить новый сарай, то приходилось упрощать мизансцену, постановку и самую декорацию ввиду недостаточности размеров сцены, то я должен был отказаться от любимейшего эффекта ввиду несостоятельности сценического освещения и механического аппарата».

За два года в техническом состоянии театра «Эрмитаж» мало что изменилось. На протяжении большей части года актерам приходилось работать в холодном, сыром, неудобном помещении. К концу второго сезона стало ясно, что Художественный театр окреп настолько, чтобы существовать дальше. В то же время его руководители осознали, что средств на приобретение или постройку нового театрального здания у них нет и вряд ли эти средства скоро появятся. В отчете о деятельности Московского Художественного театра за второй год его существования (1 марта 1899 года — 20 февраля 1900 года)^[403] говорилось: «В этой главе не найдется еще, к сожалению, известий о приобретении собственного помещения, что делается горячим желанием всего театра и что, конечно, не могло и осуществиться в столь короткий срок».^[404] Пришлось задуматься о ремонте имеющегося здания — и эту функцию возложили на плечи Морозова.

Савва Тимофеевич активно занялся обустройством театра. Он не просто перекрасил стены и сменил протершуюся обивку кресел, а сделал капитальный ремонт: привел в порядок уборные артистов, переделал сцену, починил электропроводку.^[405] Его помощниками в этом деле стали художник-декоратор В. А. Симов и специально выписанный с Никольской

мануфактуры техник.^[406] 5 августа 1900 года Немирович-Данченко докладывал в письме Станиславскому о ходе ремонтных работ: «Сав[ва] Тимофеевич] работает очень хорошо, много и внимательно, и в этом отношении очень меня порадовал... Цвет для театра и обивки подберет Шехтель. Сцену переделают. Всё, что еще нужно переделать, уже я осмотрел и указал».^[407] Свидетельство Немировича-Данченко подтверждает актер и режиссер А. А. Санин. Тогда же, в августе, он писал Станиславскому: «О подзоре (первое от зрителя верхнее порталное сукно, закрывающее ход занавеса. — А. Ф.) не заботьтесь. Проект с крашеной дерюгой лопнул... Измышляют новый род подзора. Занимаются этим ретиво Симов и Морозов». О Савве Тимофеевиче Санин сообщал: он «... совершенно детски увлекается окраской театра, опущением пола сцены, переделкой рампы и оркестра, размещением стульев. Всё это симпатично и трогательно».^[408]

Одновременно с ремонтом здания Савва Тимофеевич занимался декорациями и подбором бутафорских принадлежностей. На третий сезон Художественный театр наметил постановку самого поэтичного произведения драматурга А. Н. Островского — пьесы-сказки «Снегурочка». К. С. Станиславский так пояснял выбор пьесы: «Снегурочка» — сказка, мечта, национальное предание, написанное, рассказанное в великолепных звучных стихах Островского. Можно подумать, что этот драматург, так называемый реалист и бытовик, никогда ничего не писал, кроме чудесных стихов, и ничем другим не интересовался, кроме чистой поэзии и романтики».

Роли были распределены уже весной 1900 года. Осенью предполагалось продолжить начатые летом репетиции, поэтому в июле — сентябре шла активная подготовка реквизита. Эта работа зажгла всех, прежде всего самого Савву Тимофеевича.

С. Т. Морозов к этой пьесе был равнодушен еще с юности. Как уже говорилось, в 1878 году в доме Морозовых был устроен костюмированный бал. В разгар праздника Савва Тимофеевич наизусть цитировал Пушкина и сетовал своей подруге Марии Крестовниковой, что участники бала слишком увлеклись культурой Европы: в зале почти не видно русских костюмов. Потом он добавил: «Я вам, Мария Александровна, когда-нибудь и всю «Снегурочку» Островского прочту, уж ее-то я необыкновенно люблю. Предлагал вот Сергею одеться Лелем, а мне Мизгирем, так не захотел! Да и вы были бы Снегурочкой, ведь здорово! А то все сегодня венецианки, итальянки, а ведь русские-то костюмы как-то ярче и

интереснее! Нет разве?» — «А я не хочу растаять во время танца, да и Берендея у нас нет!» — отвечала та.^[409] Поэтому когда МХТ решил ставить «Снегурочку», Савва Тимофеевич с восторгом воспринял эту мысль.

Постановка «Снегурочки» являлась негласным соревнованием трех известных театров Москвы. Одновременно с Художественным театром ее ставил А. П. Ленский в недолго просуществовавшем Новом театре; Большой театр готовил оперу Н. А. Римского-Корсакова «Снегурочка». «Художественникам» предстояло сделать всё возможное, чтобы не ударить в грязь лицом. Еще в феврале 1900 года состоялась поездка художника В. А. Симова с помощниками на Север, откуда были привезены множество зарисовок и эскизов, а также утварь, одежда, деревянные резные изделия и т. п. Обувь для действующих лиц Савва Тимофеевич предлагал взять из своего уральского имения Всеволодово-Вильво. Однако впоследствии пришлось ее выписывать из Архангельска. Фонари и стекла для изображения облаков и восходящей луны С. Т. Морозов выписал из заграницы.^[410] 21 июля он писал об этом Станиславскому: «Сначала она (луна) красная, а потом становится серебряной».^[411]

Четырнадцатого августа 1900 года в письме Станиславскому Немирович-Данченко с благодарностью отзывался о Морозове, который снял с его плеч необходимость следить за хозяйственной стороной театральной жизни и за декорациями: «Пишете, что не узнали моего почерка, думаете — я устал? Напротив. В прошлом году и наполовину не начинал так бодро и здорово, как в этом... Я только теперь чувствую, до чего меня (и — главным образом — меня) облегчает Савва Тимофеевич. Ведь если бы не он, я бы должен был сойти с ума. Я уже не говорю об отсутствии материальных тревог. Но он так настойчиво и энергично хлопочет обо всей хозяйственной, декоративной и бутафорской частях, что любо-дорого смотреть». Дальше Владимир Иванович показывает купца в непривычном свете: «Тон у него иногда (с актерами, с конторой, с Вальцем) не ловкий, иногда немножко смешной, тем не менее он приносит сейчас так много пользы, что это дает мне и время для более внимательной работы и отдых. Очень я ему благодарен. Вот почему я и свеж и бодр».^[412] А ведь всего полгода назад Владимир Иванович мечтал избавиться от Морозова!..

Савва Тимофеевич делал приготовления к «Снегурочке» с тем азартом, с каким охотничья собака отслеживает дичь. О том, сколь важна была его роль в подготовке этой пьесы, говорит письмо К. С. Станиславского А. А. Санину: «Электротехник в «Снегурочке» при фонарях — вещь очень важная. Буду писать или говорить с Морозовым... Если можете

управиться... тем лучше, а то для одного момента шить костюмы (12?) — жаль Морозова». Имеется в виду, что Савва Тимофеевич из своего кармана оплачивал счета за каждый сшитый для спектакля костюм. В конце письма Константин Сергеевич резюмирует: «Морозов ретив, дай Бог ему здоровья, а Богу хвала за такого деятеля». Узнав о том, что Станиславский не хочет злоупотреблять его щедростью, Морозов через А. А. Санина передавал ему, «что никаких экономий по постановке «Снегурочки» не признает — дело идет о конкуренции, о полноте и красоте картины».

Действительно, постановка «Снегурочки» оказалась чудо как красива. Премьера спектакля состоялась 24 сентября 1900 года. В октябре Максим Горький в письме А. П. Чехову восторженно отзывался о спектакле. Великолепна была, по его словам, игра отдельных актеров, а также сказочно прекрасная музыка и вся обстановка действия: «Я только что воротился из Москвы, где бегал целую неделю, наслаждаясь лицемерием всяческих диковин... Снегурочкой — очарован. Ол[ьга] Леон [ардовна] — идеальный Лель. Недурна в этой роли и Андреева, но Ол[ьга] Леон[ардовна] — восторг! Милая, солнечная, сказочная и — как она хорошо поет! Музыка в Снегурочке до слез хороша — простая, наивная, настоящая русская. Господи, как всё это было славно! Как сон, как сказка! Великолепен царь Берендей — Качалов, молодой парень, обладающий редкостным голосом по красоте и гибкости. Хороши обе Снегурки, и Лилина и Мундт. Ох, я много мог бы написать о этом славном театре, в котором даже плотники любят искусство больше и бескорыстнее, чем многие из русских «известных литераторов».^[413] Особое восхищение вызвала у Горького активная и бескорыстная деятельность Саввы Тимофеевича: «Когда я вижу Морозова за кулисами театра, в пыли и в трепете за успех пьесы — я ему готов простить все его фабрики, — в чем он, впрочем, не нуждается, — я его люблю, ибо он — бескорыстно любит искусство, что я почти осязаю в его мужицкой, купеческой, стяжательной душе».

К сожалению, среди широкой публики «Снегурочка» не имела «такого успеха, которого все ожидали». Возможно, дело в режиссерском замысле Станиславского. Константин Сергеевич мыслил царство Берендея как «царство красоты и искусства: музыки, живописи и красноречия. Все во дворце Берендея — светлые, благообразные, улыбающиеся старцы, жизнерадостные, мягкие... Все говорят нежно, мягко, походки степенные, почтительные». Асам Берендей — «поэт», «умный и сердечный человек», «чудная улыбка озаряет его лицо». Видимо, такая трактовка оказалась слишком далека от нужд и представлений зрителя, который жаждал видеть

на сцене современные реалии...

Неустанный труд С. Т. Морозова на благо МХТ не ограничивался разработкой художественно-декоративной стороны вопроса. Купец вел хозяйственные дела в самом широком диапазоне: от ремонта театрального здания и закупок необходимого технического оборудования — до приема актеров в труппу^[414] и найма помещения для репетиций. Так, для репетиций той же «Снегурочки» Морозов снял концертный зал М. С. Романова на срок с 9 апреля по 5 сентября.^[415] Размеры своих трат на Художественный театр Савва Тимофеевич не афишировал.

В. А. Теляковский писал в конце 1902 года: «Крупные расходы делает он. Также он и убытки платит. Свои расходы Морозов скрывает».^[416]

Не следует думать, что, увлекшись театром, Савва Тимофеевич забросил прочие занятия. Помогая МХТ, он одновременно продолжал вести дела Никольской мануфактуры, налаживал непростое химическое производство. Каким-то чудом коммерсанту удавалось сочетать эти столь разные занятия. «Несмотря на свои многосложные дела, Морозов заезжал в театр почти на каждый спектакль, а если ему это не удавалось, то заботливо справлялся по телефону, что делается там как по его части, так и по всем другим частям сложного театрального механизма».

По словам К. С. Станиславского и Максима Горького, в театре С. Т. Морозов не гнушался черной работы: вешал драпировки вместе с простым бутафором, устанавливал электричество, лично проверял работу столяров. К. С. Станиславский вспоминал: «Савва Тимофеевич был трогателен своей бескорыстной преданностью искусству и желанием посылить помогать общему делу. Помню, например, такой случай: не ладилась последняя декорация в пьесе Вл. И. Немировича-Данченко «В мечтах», которая была уже объявлена на афише. За неимением времени переделать неудавшуюся декорацию пришлось исправлять ее. Для этого все режиссеры и их помощники общими усилиями искали среди театрального имущества разные вещи, чтобы украсить ими комнату и прикрыть недостатки. Савва Тимофеевич Морозов не отставал от нас. Мы любовались, глядя, как он, солидный, немолодой человек, лазил по лестнице, вешая драпировки, картины, или носил мебель, вещи и расстилал ковры. С трогательным увлечением он отдавался этой работе». Во время летнего отдыха Савва Тимофеевич оставался в Москве, «неся в течение нескольких лет подготовительные работы к наступающему сезону».^[417]

Особенное внимание Морозов уделял освещению сцены.

Электрификация страны была проведена лишь после революции. На рубеже XIX–XX столетий электричество все еще было новинкой, недоступной большинству населения. Электрический свет имелся во дворцах знати и в особняках богатого купечества, а также в некоторых присутственных местах. В подвалах таких домов были установлены обособленные специальные машины, дающие электроэнергию. Но в глазах подавляющего большинства москвичей электричество выглядело дорогой диковинкой. Специалистов по обслуживанию электроагрегатов трудно было найти. Поэтому «Морозов вместе со слесарями и электротехниками, в рабочей блузе, трудился, как простой мастер, удивляя специалистов своим знанием электрического дела». Марк Алданов писал об этом увлечении Морозова: «В Москве рассказывали, что это (электрическое. — А. Ф.) освещение составляет у Морозова пункт легкого умопомешательства. Он ведал им и в Художественном театре, и в доме на Спиридоновке, и в своих имениях: сам лазил по лесенкам, работал над проводами, переодевшись в рабочее платье». [\[418\]](#)

Со временем Савва Тимофеевич «сделался главным заведующим электрической частью и поставил ее на достаточную высоту, что было нелегко при плохом состоянии, в котором находились машины в арендованном нами театре «Эрмитаж» в Каретном ряду». [\[419\]](#)

На летние месяцы, когда семья жила на даче, Морозов превращал свой дом и прилегающий к нему сад в экспериментальную мастерскую, где всё свободное от предпринимательской деятельности время посвящал опытам с театральным освещением. Так, в ванной комнате он устроил своеобразную химическую лабораторию; здесь он изготовлял лаки разных цветов «для окрашивания электрических ламп и стекол ради получения более художественных оттенков освещения сцены». В большом зале дома, а также в саду он производил пробы эффектов, создававшихся при помощи цветных светильников. «В большом саду при доме также производились пробы всевозможных эффектов, для которых требовалось большое расстояние». В этих многотрудных занятиях проявлялся Морозов-ученый и Морозов-творец, отдыхающий от утомительных коммерческих занятий. Иного отдыха эта натура себе позволить не могла. Девизом Морозова было: «Работаю — значит существую». [\[420\]](#)

Усилия Морозова не пропали даром — МХТ мог похвастаться превосходным освещением сцены, какого не было в тогдашних московских и петербургских театрах. Это признавали даже театральные деятели, скептически относившиеся к Художественному театру. Так, уже

упоминавшийся В. А. Теляковский, говоря об успехах молодого театра, ставил хороший свет на первое место и лишь потом говорил об удачной режиссуре: «Особенного успеха достиг Художественный театр по части освещения и верности в деталях одежды, игры, манер и походки выводимых личностей. В «Одиноких» вы чувствуете, что перед вами немцы, что вы перенесены в Германию. Начиная с крупного артиста и кончая горничной — всё в тоне немецкой жизни и обстановки. Видно, что режиссер, ставивший пьесу, не только прочел ее, но изучил дух пьесы и нации, в которой драма разыгрывается».^[421]

Иными словами, Савва Тимофеевич участвовал и в мелочах театральной жизни, и в ее крупных событиях. Уже в советское время, в 1928 году, К. С. Станиславский не побоялся публично вспомнить имя Морозова — настоящего мецената МХТ. На торжественном заседании, посвященном тридцатилетию МХАТа, Константин Сергеевич говорил: «Мне хочется напомнить о всеми нами любимом С. Т. Морозове, который на этих подмостках был не только директором, но он был и электротехником, работал в костюмерной; здесь есть еще и сейчас рампа, которую он делал; он красил лампочки, работал с бутафорами, когда нужно было ставить экстренный спектакль».^[422]

Художественный театр пережил тяжелые времена в очень большой степени именно благодаря Морозову. Коммерсант вложил в него сердцем, умом и кошельком со всем неистовством его страстной натуры. Для Саввы Тимофеевича МХТ стал предметом бурного романа. Эта большая любовь прославила его, принесла душевный восторг и... быть может, самое большое разочарование во всей его жизни. Морозовым руководили страсти глубокие, сильные, тяжелые. Купец предавался им со всею мощью недюжинной натуры, утратив всякий расчет. Он любил МХТ, как любят великолепную женщину из неожиданно сбывшейся несбыточной мечты.

Страсть к МХТ с особенной яркостью проявилась в 1902 году, когда перед театром остро встал вопрос о собственном помещении. Морозова ожидал апогей романа, деяние великое, вошедшее в анналы русской культуры, а затем непримиримо жестокий конфликт, который разведет его с прежними соратниками.

Строительство нового здания стало настоящей вершиной бескорыстной помощи С. Т. Морозова Московскому Художественному театру. Дело не только в том, что эта беспрецедентная по скорости стройка обошлась Савве Тимофеевичу в колоссальную сумму — более 350 тысяч

рублей,^[423] с учетом того, что архитектор Ф. О. Шехтель выполнял этот заказ безвозмездно. Важен сам подход Морозова к делу — подход, который выявляет в нем истинного мецената. Савва Тимофеевич строил здание для театра так, как будто сам собирался в нем жить, вложив в эту постройку всю свою неподдельную любовь к искусству. Зинаида Григорьевна Морозова после революции в одном из писем напоминала О. Л. Книппер-Чеховой, что ее муж, Савва Тимофеевич, «при открытии [нового здания] Художественного театра... сказал: «Я хочу, чтобы люди работали в хороших условиях», и вы работаете в хороших условиях».^[424]

Те же условия, в которых актеры работали в третьем и четвертом сезонах (с осени 1900-го по весну 1902 года), несмотря на ремонт, нельзя назвать хорошими. Антрепренер Я. В. Щукин сдавал здание «Эрмитажа» только на зимний сезон. 15 октября 1900 года К. С. Станиславский писал о Щукине: «Высасывает у нас немало крови». 21 ноября 1901 года газета «Новости дня» сообщала: «Художественный театр мечтает о новом помещении. Нынешнее его положение в Каретном ряду не особенно удобно: каждый год приходится на пост и лето перевозить все громадное имущество в другое место, т. к. г. Щукин эксплуатирует театр для себя».^[425]

В самом конце 1900 года В. А. Теляковский писал в дневниках о затруднительной ситуации, в которой оказался МХТ: «Контракт со Щукинским театром кончается, им некуда деваться... Морозова надо подбить на постройку театра, но театру нет подходящего места, да и готов он скоро не будет, если бы даже стали строить».^[426] Чтобы спасти театр, дирекция даже продумывала отступные ходы — вела переговоры об объединении с Императорскими театрами.^[427] Вопрос о строительстве нового здания в дирекции поднимался по крайней мере с середины 1901 года.

Тридцатого мая 1901 года репортер газеты «Московский листок» сообщал: «С каждым новым сезоном возрастающий успех Художественного театра в Москве несколько умалялся вследствие того, что труппе гг. Станиславского и Немировича-Данченко приходилось играть в наемном помещении, не вполне пригодном для образцового театра. Теперь, как мы узнали из вполне достоверных источников, у нашей художественной труппы будет свой собственный театр. Последний будет сооружен на средства С. Т. Морозова... Разумеется, театр этот будет построен по всем последним требованиям архитектуры и театральной техники». Итак, речь о строительстве нового здания для МХТ шла уже в

мае 1901 года. Через несколько дней, 9 июня 1901 года, в газете «Новости дня» это сообщение было уточнено: «Вчера мы узнали, что Вл. И. Немирович-Данченко, уехавший на лето в имение, вызван экстренно в Москву ввиду спешного обсуждения дирекцией Художественного театра вопроса о постройке собственного здания. Говорят, что для этой цели намечено большое место на углу Б. Никитской и Мерзляковского переулка». Однако до определенного момента все попытки найти место для театра оканчивались неудачей. Впервые уверенность в том, что у Художественного театра будет собственное помещение, появилась осенью 1901-го. Стало известно, что Лианозовский театр в Газетном переулке освобождается в связи «с переселением антрепризы Омона в новый театр на Садовой». Узнав об этом, Савва Тимофеевич не замедлил воспользоваться представляющимся шансом.

Но в преддверии будущих перемен предстояло прежде всего реорганизовать те основы, на которых зиждился театр.

В самом начале 1902 года по инициативе С. Т. Морозова было выработано новое Условие между пайщиками МХТ, коренным образом изменившее их участие в деле. Выработка этого Условия послужила поводом для еще одного столкновения между Морозовым и Немировичем-Данченко. Впоследствии, когда он смог взглянуть на события беспристрастно, Владимир Иванович вспоминал: «Морозов помог нам организовать товарищество, состоящее уже не из директоров Филармонии, а из самих артистов, причем Чехов также вступил пайщиком. И стал к театру еще ближе».^[428] Это же подтверждал в мемуарах К. С. Станиславский: «После того как с помощью Морозова наше дело стало крепким и стало давать не дефицит, а некоторую прибыль, мы решили для его упрочения передать его, со всем имуществом и поставленным на сцене репертуаром, группе наиболее талантливых артистов, основателям дела, которые являлись фактически его душой. Савва Тимофеевич, отказавшись от возмещения сделанных по постановкам и поддержке театра затрат, передал весь доход названной группе, которая с того времени и являлась хозяином и владельцем театра и всего предприятия».

Паевое Товарищество деятелей Московского Художественного театра было образовано в двадцатых числах февраля 1902 года.^[429] В него вошли 16 человек — это К. С. Станиславский, В. И. Немирович-Данченко, С. Т. Морозов, А. П. Чехов, а также актеры: М. Ф. Желябужская (Андреева), В. И. Качалов, М. П. Лилина, О. Л. Книппер-Чехова, И. М. Москвин, А. Р.

Артем и др.^[430] В своем дневнике В. А. Теляковский записал: «Все крупные артисты имеют по паю, кроме того, Станиславский, Немирович, Чехов и Стахович,^[431] остальные пай принадлежат Морозову».оборотный капитал Товарищества составлял 65 тысяч рублей,^[432] причем наибольшую часть — 14 800 рублей — вносил С. Т. Морозов; одиннадцать из шестнадцати участников вносили пай по три тысячи рублей.

Товарищество деятелей МХТ было создано на трехлетний срок, с 1 июля 1902 года по 1 июля 1905 года. Во главе его стояло избираемое на этот период правление, в которое вошли К. С. Алексеев, В. В. Лужский, С. Т. Морозов и В. И. Немирович-Данченко.^[433] На К. С. Алексеева-Станиславского возлагались обязанности главного режиссера театра, на В. И. Немировича-Данченко — художественного директора и председателя репертуарного совета, который «приискивает пьесы для репертуара, сносится с литературным миром по делам театра» и т. п., а В. В. Лужский был назначен заведующим театральной труппой и текущим репертуаром. Кроме того, и Лужский, и Немирович-Данченко были обязаны ставить по одной пьесе в год, а Станиславский — три или четыре (в зависимости от того, будет ли театр во время Великого поста выезжать из Москвы на гастроли). Что же касается С. Т. Морозова, то он «председательствует в Правлении и общих собраниях участников Товарищества и, кроме того, имеет общий контроль за всем ходом дела».

В первоначальном варианте договора было написано, что Савва Тимофеевич, в свою очередь, «в течение 3-х лет субсидирует Товарищество в нижеследующей форме: арендует на этот срок театр Лианозова, переустраивает его с тем расчетом, чтобы зрительный зал имел 1200 мест, и передает его на три года в пользование Товариществу с платою ежегодно от 10-ти до 15-ти тысяч рублей, в зависимости от того, во что обойдется само переустройство». (В итоговом варианте Условия между пайщиками МХТ этот пункт исчез, будучи перенесен в другой документ — Условие между Саввой Тимофеевичем Морозовым и пайщиками МХТ.)^[434] При решении всех насущных вопросов участники Товарищества могли пользоваться правом одного голоса, а члены правления — двух голосов.

Таким образом, в руководстве Художественного театра произошло перераспределение ролей. В частности, заметно окрепли позиции Морозова — главного пайщика Товарищества. Хозяйственные обязанности, которые ранее были за ним закреплены по требованию Немировича-Данченко, Савва Тимофеевич с себя снял; отныне их исполнял участник Товарищества А. Л. Вишневский. Зато его влияние на дела театра заметно

возросло. Об этом свидетельствует 17-й параграф первоначальной версии Условия между пайщиками МХТ. В нем говорилось следующее: «Порядок распределения занятий среди членов Правления, а равно и управление хозяйственной частью могут быть изменяемы только по постановлению собрания большинством голосов, но с непременного согласия на сей предмет С. Т. Морозова. Если же С. Т. Морозов не найдет возможным изменить существующего порядка, то таковой должен оставаться в силе даже вопреки постановлению собрания». В конечном итоге принятие Условия, в том числе его 17-го параграфа, одобрили все пайщики... кроме Немировича-Данченко. Владимир Иванович, чьи отношения с Морозовым и без того оставляли желать лучшего, буквально восстал против этого параграфа. Дошло до того, что художественный директор поставил предпринимателя перед выбором: либо этот параграф исчезнет из договора, либо он, Немирович-Данченко, уйдет из дела.

Тогда же, в феврале 1902 года, Немирович-Данченко возмущенно писал А. П. Чехову: «Когда по поводу 17-го параграфа я возбудил горячие споры и отказался принять его, то, несмотря на то, что все соглашались со мной, при баллотировке я остался одиноким. Тогда дело чуть не полетело совсем, так как Морозов, с одной стороны, ставил § 17 условием *sine qua non*,^[435] а с другой — без моего участия в деле не признавал возможным начинать его».^[436] Владимир Иванович обиды помнил долго. Уже при советской власти, в 1922 году, в письме театральному критику, историку театра Н. Е. Эфросу он высказался более резко: «Строя новый театр, Морозов хотел поставить меня на второе, третье или десятое место, отказываясь, однако, вести дело без меня».^[437]

Трудно сказать, пытался ли Морозов в действительности свести на нет роль Немировича-Данченко в решении дел МХТ: Владимир Иванович был склонен преувеличивать козни своих мнимых и действительных недоброжелателей. По словам исследователей, «при обсуждении этого пункта Савва Тимофеевич требовал сохранить за собой решающий голос в делах Правления Товарищества и полную хозяйственную независимость. И это не было, безусловно, продиктовано личной выгодой или болезненным самолюбием... Этим пунктом Устава Савва Тимофеевич требовал... доверия».^[438] Думается, это замечание соответствует действительности. Морозов хотел оградить себя от неприятных неожиданностей со стороны других пайщиков. Ведь он фактически брал на себя главную ответственность за финансовое обеспечение дальнейшей деятельности театра в течение трех лет. Кроме того, купец давал Товариществу такие

обязательства, выполнение которых никак нельзя назвать легкими. Поэтому он старался заранее укрепить свои позиции — не ради личной выгоды, а на благо общего дела.

Однако Немирович-Данченко на своих позициях стоял твердо и даже вынудил Савву Тимофеевича пойти на некоторые уступки. Из окончательной, имеющей юридическую силу, версии документа текст 17-го параграфа не исчез, однако он остался в качестве примечания, а не как самостоятельный пункт договора. Зато из окончательной версии исчезли примечания 1 и 2 к параграфу 2-му, где говорилось, что если у пайщиков «не окажется средств для внесения своих паев, то С. Т. Морозов авансирует потребные для каждого участника суммы под векселя сроком на три года» — в счет будущих прибылей. Любопытно, что Немировичу-Данченко, наравне с простыми актерами, Морозов открывал кредит лишь на три тысячи рублей, в то время как Станиславскому он готов был предоставить 15 тысяч, а Лужскому — шесть тысяч. Видимо, именно это обстоятельство больно задело Владимира Ивановича... В 1907 году в письме Станиславскому он всё еще с обидой вспоминал: «Морозов сочинил Проект Товарищества, по которому никак не могли найти, что я такое в Театре. При этом, когда я отказывался вступать в такое Товарищество... тогда Морозов отказывался перестраивать театр и давать денег. Для спасения дела я должен был принять и этот унижительный для меня договор. И при том же Морозов заявлял, что он доверяет мне не более чем всем второстепенным лицам, т. е. 3000».^[439]

В итоге был принят отдельный документ, дополнявший Условие между пайщиками МХТ, — Условие между Саввой Тимофеевичем Морозовым и пайщиками Московского Художественного театра (на срок с 1 октября 1902 года по 1 июня 1905 года). Здесь пункт, задевший самолюбие художественного директора, звучал совершенно иначе: «С. Т. Морозов обязуется кредитовать пайщиков в половинной сумме их паевого взноса на тот случай, если... им придется делать дополнительные взносы для пополнения оборотных средств театра».^[440] Не зря, видимо, под новым документом стоят подписи не всех пайщиков, а только Морозова и Немировича-Данченко.

Как бы то ни было, в феврале 1902 года Условие между пайщиками МХТ, а с ним и Устав Товарищества деятелей Московского Художественного театра были утверждены. Организационная основа дела, которое Савва Тимофеевич построил по образу и подобию коммерческого предприятия, была создана. Теперь, имея твердую почву под ногами, он

мог с легкой душой приступить к следующему этапу — строительству нового театрального здания.

Несмотря на все сложности, с которыми ему постоянно приходилось сталкиваться, к 1902 году Московский Художественный театр уже пережил юность и вступил в буйную, полную ничем не сдерживаемой энергии пору молодости. По словам А. Н. Сереброва, вхожего в закулисное царство МХТ, в это время «Художественный театр переживал пору зеленой весны, когда распускаются цветы, но нет еще плодов. Театр считался «содружеством равных во имя искусства»... В театре не предполагалось ни богатых, ни бедных, ни заведомо талантливых, ни безнадежно бездарных. Миллионер Савва Морозов чинил электрические провода, машинист сцены И. И. Титов обсуждал постановку пьес. Неизвестный сегодня актер мог завтра оказаться знаменитостью. Статистов пробовали в ответственных ролях, исполнители ответственных ролей участвовали в массовых сценах наряду со статистами. В антрактах к нам в уборную приходил В. И. Немирович-Данченко и рассказывал нам об истории «нашего» театра и его задачах. Почтенная актриса Самарова пришивала к нашим театральным костюмам оторвавшиеся пуговицы. Мы гримировались красками того же качества, что и Станиславский. Режиссеры с каждым из нас по отдельности работали над нашими бессловесными ролями. Нам предлагалось чувствовать себя членами единой дружной семьи — братьями и сестрами во имя искусства».

[\[441\]](#)

К весне 1902 года, когда артисты в последний раз забрали свое имущество из театра «Эрмитаж», Савва Тимофеевич выделил для их нужд здание на Божедомке, которое он сдавал МХТ в аренду по низкой цене. Здесь проходили репетиции труппы, а также устраивались экзамены для учащихся Драматической школы, созданной при МХТ в 1901 году.[\[442\]](#) По словам Станиславского, это здание Морозов построил «специально для наших репетиций... Там была сцена величиною почти с нашу и маленькая комнатка для смотрящих».[\[443\]](#) Впоследствии в этом здании поместилась декорационная мастерская Художественного театра.[\[444\]](#) Тогда же, весной 1902-го, Савва Тимофеевич принялся строить основное здание театра.

К. С. Станиславский с любовью вспоминал о Морозове: «Больше всего его самоотверженная преданность и любовь к делу проявились в тот момент, когда стал ребром вопрос о найме нового помещения для нашего театра. Разрешение этого трудного дела Савва Тимофеевич взял на себя и выполнил его со всем размахом и широтой, присущими его русской натуре.

Он выстроил нам на собственные средства новый театр в Камергерском переулке». Как уже говорилось, осенью 1901 года С. Т. Морозов узнал об освобождении театрального здания в Камергерском переулке. Ранее в этом доме, принадлежавшем богатому нефтепромышленнику Г. М. Лианозову, играла труппа Ф. А. Корша, затем располагалась частная Русская опера С. И. Мамонтова. Последним арендатором помещения стал француз Шарль Омон. Он разместил в здании «Кабаре-Буфф», наводившее ужас на благонравных москвичей. Это заведение было известно всей Москве излишней свободой нравов, и К. С. Станиславский вполне заслуженно назвал его «вертепом разврата». Узнав, что Омон собирается отказаться от аренды здания, Савва Тимофеевич сумел поймать момент и закрепить здание за собой.

Пятого января 1902 года между С. Т. Морозовым и владельцем театра Г. М. Лианозовым был заключен договор, согласно которому Морозов арендовал здание за 28 тысяч рублей в год сроком на 12 лет, получив возможность сдавать его в субаренду. А 1 марта 1902 года был заключен дополнительный договор с владельцем здания, по которому Морозов имел право здание перестроить. ^[445]

Через некоторое время после того, как Савва Тимофеевич закрепил за собой здание в Камергерском переулке, и было составлено упоминавшееся уже Условие между С. Т. Морозовым и пайщиками МХТ, по которому Савва Тимофеевич принял на себя следующие обязательства: «1. С. Т. Морозов предоставляет в пользование Товарищества Московскаго Художественнаго театра арендуемый им театр в доме Лианозова, сроком с 1-го октября 1902 года по 1-ое июня 1905 года, за сумму сорок тысяч (40 000) рублей, т. е. на два года и восемь месяцев, считая по 1250 рублей в месяц. 2. Расходы по отоплению, освещению, вентиляции, водоснабжению и содержанию театральных зданий принимает на себя С. Т. Морозов». ^[446]

Таким образом, по договору Савва Тимофеевич предоставлял МХТ здание театра не на 12 лет, а менее чем на три года — срок аренды истекал за месяц до того, как оканчивалось действие Условия между пайщиками МХТ. Морозов решил подстраховаться. Уже тогда, в марте 1902 года, он не без оснований сомневался в том, что Художественный театр и дальше пойдет по намеченному К. С. Станиславским пути. Впоследствии опасения Морозова оправдались в полной мере.

Константин Сергеевич составил Проект перестройки здания театра в Камергерском переулке для МХТ. В этом длинном списке он изложил всё, что хотел бы видеть в своем театре: сложно обустроенную сцену, склады,

грим-уборные для артистов, подсобные помещения, мастерские, музей и даже «дождь во всю сцену и приемники воды для него».^[447] Савва Тимофеевич старался пунктуально придерживаться этого плана. Так, в описи произведенных Морозовым работ указано, что над сценой «на третьей рабочей галерее имеются два водяных бака по 500 ведер каждый».^[448]

Понятно, что новое здание для Художественного театра возводилось не «с нуля». Это была капитальная перестройка старого здания, в котором некогда располагалось «Кабаре-Буфф». Актер Художественного театра Л. М. Леонидов уточнял: «Театр благодаря стараниям и средствам Саввы Тимофеевича Морозова переделан заново, та часть, где помещается сцена, заново построена».^[449] Эта перестройка длилась всего около полугода, с апреля по сентябрь 1902 года — фантастический срок для того времени! Особенно если учесть, что Морозов ускорял ход строительных работ отнюдь не в ущерб качеству строительства.

Строительство нового здания для Художественного театра велось под руководством известного архитектора Федора Осиповича Шехтеля — талантливого, самобытного мастера, работавшего в стиле модерн. Он уже несколько лет сотрудничал с Морозовым: возвел по его заказу великолепный особняк на Спиридоновке в стиле английской неоготики, перестроил дом в Покровском-Рубцове, создал причудливый деревянный дворец-терем на Киржаче.^[450] Шехтель взялся перестроить здание под театр безвозмездно. Видимо, как и Морозову, сама идея театра оказалась ему близка. Театровед И. Н. Соловьева-Базилевская отмечала: сближение Шехтеля «с МХТ предопределялось как логикой его творчества, так и его естеством человека того же поколения, того же культурного круга, что и основатели театра, и Чехов, и Врубель, и Левитан, и Серов. Их соединяла многолетняя дружба».^[451]

В конце апреля 1902 года Немирович-Данченко писал своей ученице и одной из самых талантливых актрис Художественного театра, Ольге Леонардовне Книппер-Чеховой: «Морозов принялся за стройку с необыкновенной энергией. В субботу там еще был спектакль, а когда я пришел в среду, то сцены уже не существовало, крыша была разобрана, часть стен также, рвы для фундамента вырыты и т. д. Невольно подумалось: если бы созидать было бы так же легко, как разрушать!».^[452] 7 мая Владимир Иванович отправил Ольге Леонардовне следующее письмо: «Стройка театра идет очень горячо. Сцена и уборные и всякие приспособления будут настолько хороши, что лет десять можно будет не

мечтать о лучшем. У Вас, у Марии Петровны, у Марии Федоровны, у Савицкой и Самаровой будут отдельные уборные, не очень большие, но свои».^[453] И еще одно — через несколько дней, в середине мая. Среди прочего, в нем говорилось: «Горячее всего идет дело с постройкой театра. Шехтель изо дня в день подбивает Морозова на новые расходы. И вот задумал Морозов издержать 100 тысяч, а издержит более 250».^[454]

Многочисленные воспоминания свидетельствуют: Морозов не являлся простым заказчиком строительства театра, а настоящим двигателем этого дела. «Театр строился не только на деньги С. Т. Морозова, не только с учетом его вкусов и фантазий, но и в буквальном смысле слова — его трудом, его руками».^[455] Кипучая энергия купца, его искреннее желание создать театр, в котором было бы удобно актеру и зрителю, его стремление успеть к началу нового сезона... всё это не давало Морозову покоя ни днем ни ночью. И — вдохновляло тех, кто трудился с ним бок о бок. К. С. Станиславский в обращении к Морозову говорил: «Я помню, как уходящие на отдых актеры после вечерней репетиции сталкивались с Вами у входа, в то время когда Вы приезжали в театр на спешные ночные работы».^[456] По воспоминаниям Константина Сергеевича, «Морозов лично наблюдал за работами, отказавшись от летних каникул, и переехал на всё лето на самую стройку. Там он жил в маленькой комнатке рядом с конторой среди стука, грома, пыли и множества забот по строительной части».

Николай Александрович Серебров посвятил Савве Тимофеевичу очерк «Социальный парадокс», в котором писал: «Морозов назначил мне свиданье ночью, в Художественном театре. Это был 1902 год. Здание театра только что строилось, вернее, перестраивалось из кафешантана. Ни сцены, ни зрительного зала еще не было, а был большой каменный корпус, заставленный внутри лесами. В здании шла спешная, ночная работа... По сходням лесов вверх и вниз сновали раскрасневшиеся веселые девки с носилками мокрой глины».^[457] И далее: «В разных углах наперебой стучали топоры и молотки: одни глухо — по дереву, другие звонко — по металлу. Как шмели, в деревянной паутине лесов гудели забрызганные краской дуговые фонари. Штукатуры, обхлестывая стены известкой, пели залиvistыми деревенскими голосами. В поисках Морозова, которого я не знал в лицо, мне пришлось облазить все четыре этажа строительной клетки, пока я добрался до самого верха. Воздух под сырым потолком был спертый, пахло угаром. Неподалеку от люка, откуда я вылез, стоял спиной ко мне приземистый маляр в холщовом халате. Левой рукой он прижимал к потолку деревянную линейку, в правой держал кисть. Я искал глазами

Морозова.

— Вы ко мне?.. От Марии Федоровны Андреевой?.. Насчет службы? — спросил маляр, поворачиваясь ко мне лицом.

Доски настила дрогнули у меня под ногами.

Кем угодно я ожидал увидеть миллионера и мецената Савву Морозова, но только не маляром в грязном халате...

— Берите халат... Помогайте... О деле поговорим после, — сказал Морозов, с усмешкой оглядывая мой франтоватый студенческий наряд... Через весь потолок тянулись свеженакрашенные серебряные линии шириною в три пальца. Крайние слева были только что еще намечены угольным пунктиром.

От смущения у меня тряслись руки, линия ложилась неровно. Краска текла в рукав.

— Берите больше краски... Не нажимайте... Вот так... Теперь пойдет хорошо! — учил меня Морозов. Сам он красил с увлечением... Время от времени, как будто между делом, он задавал мне короткие вопросы». ^[458]

Строительство нового здания шло так споро, что уже в конце июля — начале августа в записке членам Товарищества МХТ В. И. Немирович-Данченко резюмировал: «Обстоятельства нам чрезвычайно благоприятствуют. Самая трудная сторона дела — материальная — устроена как только можно хорошо заботами человека, искренно привязавшегося к нашему делу». ^[459] Владимир Иванович будто бы совсем позабыл о недавних обидах на Морозова...

Последние этапы строительства театра отражены в очерке Максима Горького «Савва Морозов»: «Я встретил Савву Морозова за кулисами Художественного театра, — театр спешно готовился открыть сезон в новом помещении, в Камергерском переулке.

Стоя на сцене с рулеткой в руках, в сюртуке, выпачканном известью, Морозов, пиная ногой какую-то раму, досадно говорил столярам:

— Разве это работа?

Меня познакомили с ним, и я обратился к нему с просьбой дать мне ситцу на тысячу детей, — я устраивал в Нижегородском манеже елку для ребятишек окраин города.

— Сделаем! — охотно отозвался Савва. — Четыре тысячи аршин — довольно? А — сластей надо? Можно и сластей дать. Обедали? Я — с утра ничего не ел. Хотите со мною? Через десять минут.

Глаза его блестели весело, ласково, крепкое тело перекачивалось по сцене легко, непрерывно звучал командующий голос, не теряясь в гулке

суете работы, в хаосе стука топоров, в криках рабочих».^[460] Строительство нового здания стало для Морозова едва ли не самым счастливым периодом в его жизни — периодом, когда за считанные месяцы ему удалось претворить в жизнь настоящую мечту.

В конце августа — начале сентября, когда работы на строительной площадке близились к завершению, К. С. Станиславский писал О. Л. Книппер-Чеховой: «Савва Тимофеевич горит с постройкой театра, а Вы знаете его в такие минуты. Он не дает передохнуть. Я так умилен его энергией и старанием, так уже влюблен в наш будущий театр и сцену, что треплюсь и не успеваю отвечать на все запросы Морозова».^[461]

Подход Морозова к строительству театра был для того времени весьма необычен. В XIX столетии устроители театров в первую очередь заботились о комфорте для зрителя: ведь в зрительном зале, наряду с простым людом, могли присутствовать и аристократы, и богатые коммерсанты, и даже представители императорской фамилии. Дамы нередко приходили в театр, чтобы продемонстрировать свои туалеты, поэтому зрительный зал иной раз отапливался гораздо щедрее, нежели грим-уборные актеров. Однако Савва Тимофеевич решил порвать с этой традицией — недаром Художественный театр считался общедоступным. Большой практический опыт, помноженный на любовь к театру, подсказывал Морозову: прежде всего надо позаботиться о здоровье и комфорте актеров. Ведь, как бы хорошо актер ни играл, любое его эмоциональное состояние, подъем или упадок сил, бодрость или усталость волей-неволей передаются и зрителю.

Станиславский вспоминал: «Девиз, которым он руководился при стройке, гласил: всё — для искусства и актера, тогда и зрителю будет хорошо в театре. Другими словами, Морозов сделал как раз обратное тому, что делают всегда при постройке театров, в которых три четверти имеющихся средств ассигнуют на фойе и разные комнаты для зрителей и лишь одну четверть — на искусство актеров и монтаж сцены. Морозов, наоборот, не жалел денег на сцену, на ее оборудование, на уборные актеров, а ту часть здания, которая предназначена для зрителей, он отделал с чрезвычайной простотой, по эскизам известного архитектора Ф. О. Шехтеля».^[462]

Здание в Камергерском переулке было оборудовано по последнему слову техники. То, что сегодня кажется привычным, в начале XX столетия являлось новинкой, которую могли позволить себе лишь состоятельные люди или учреждения, поддерживаемые богатым спонсором. В здании

была устроена сложная вентиляция,^[463] приводившаяся в движение при помощи электричества (!), которая позволяла держать постоянную температуру, паровое отопление, а также «канализация и водопровод очень хорошей работы».^[464] По всему зданию были размещены пожарные краны. Электрическое освещение первоначально подавалось от «городского кабеля», а к марту 1903 года Савва Тимофеевич устроил при МХТ собственную электрическую электростанцию.^[465]

По словам К. С. Станиславского, «закулисное царство артистов было устроено по тому плану и на тех принципах, которые мы установили при нашем знаменитом свидании с Немировичем-Данченко. Были уютные мужские и женские фойе для приема гостей, актерские уборные со... шкафами, библиотеками, диванами и другой необходимой обстановкой культурного жилого помещения». У каждого из актеров первого состава имелась собственная уборная «со всеми удобствами» — то, о чем в театре «Эрмитаж» они могли только мечтать. «Под всей зрительной залой — склады бутафории, мебели и костюмов. Рядом с уборными — отдельная сценка для школьных упражнений и для репетиций во время спектакля». Возле сцены — «отдельные комнаты для вечеровой бутафории и мебели на недельный репертуар;...большой сарай для декораций для недельного репертуара. Все эти комнаты примыкали непосредственно к сцене и были расположены таким образом, что при перемене декораций не происходило столкновений. Одни не мешали другим. Декорации уносились направо, бутафория налево, ближе к сцене, электротехнические приспособления подалеже от авансцены и т. д.». Иными словами, в театре имелось все необходимое, чтобы мысли актеров оказались сосредоточены на работе над ролью, а режиссеров — на создании спектакля. Во всем устройстве дела чувствовалась рука рачительного хозяина.

Потому-то Станиславский в обращении к Морозову заявлял: «Практически изучив когда-то чуждое Вам дело, Вы, вместе с Вашими сотрудниками, превратили в течение нескольких месяцев вертеп разврата в изящный храм искусства. Здесь разрешены такие технические трудности, о которых не задумывались даже в лучших театрах Запада. Только близко знакомый с тонкостями театрального дела оценит план размещения отдельных частей здания и удобства, которые они представляют. Только те, кто знают строительное искусство, оценят энергию, с которой оно выполнено».

Большое внимание Савва Тимофеевич уделял специальным эффектам, которые должны были усилить впечатление реальности во время спектакля.

Уже говорилось о размещенных над сценой резервуарах с водой, при помощи которых можно было изобразить дождь. Говорилось и о том огромном значении, которое Морозов придавал пр^[466] авильной постановке света, поэтому в новом здании были превосходное освещение и масса световых эффектов. «Освещение было устроено им по последним усовершенствованиям того времени, с электрическим роялем, с помощью которого можно управлять всем светом сцены и театра». Кроме того, имелись и эффекты звуковые, в их числе «гром, какого, вероятно, в то время не было ни в одном театре. Это — целый оркестр, состоящий из четырехпяти громовых аппаратов: барабаны, падающие доски и камни, создававшие самый сильный треск, самую высокую могучую ноту при громовом раскате. Антон Павлович Чехов живо интересовался всеми деталями и усовершенствованиями театра и очень обижался, когда забывали его извещать и назначали пробы без него. Он хотел вникать во все мелочи жизни театра, который он любил во всей сложности его трудовой организации. При нем происходили пробы грома, и он давал удивительно тонкие и ценные советы, так как великолепно чувствовал звук на сцене».

^[467] Помимо упомянутых, Савва Тимофеевич заказал в России или выписал из-за границы целый ряд других электрических и сценических усовершенствований.

С особым вниманием он отнесся к оборудованию самой важной площадки театра — сцены. Вопреки указаниям, которые иногда можно встретить в литературе, она была сконструирована не Ф. О. Шехтелем, а одесскими инженерами братьями Д. С. и И. С. Жуйкиными.^[468] Совместными усилиями за одно лето они создали большую образцовую «трехъярусную сцену с громадными опускающимися и поднимающимися люками». Ее устройство отвечало самым «современным требованиям европейских первоклассных театров». На сцене предусматривалась возможность изображать полеты, горы и впадины, а также «закулисные эффекты, т[ак] к[ак] гром, ветер, дождь и т. п.». Кроме того, в основании сцены имелисьдвигающиеся по рельсам колесики, так что при помощи динамо-машины сцена могла вращаться. К. С. Станиславский говорил об устройстве сцены как об одном из главных деяний Морозова на благо Художественного театра. «С особой любовью он отнесся к строительству и оборудованию сцены. По плану, составленному общими силами, была устроена вращающаяся сцена, которая в то время являлась редкостью даже за границей. Она была значительно более усовершенствована, чем обычный тип вертящихся подмостков, в которых вращается один лишь пол,

так как Морозов с Шехтелем устроили вращение целого этажа под сценой, со всеми люками, провалами и механикой подполья. Во вращающейся сцене был устроен огромный люк, который мог с помощью электрического двигателя проваливаться для того, чтобы изображать горные пропасти или реку. Этот же люк мог подниматься вверх, и тогда он образовывал большую площадку горы, террасу и проч[ее]». ^[469] Благодаря тому, что декорации и бутафорские принадлежности хранились не на сцене, а на складах, появлялась «возможность открывать сцену во весь ее объем. А она была велика».

Иными словами, Савва Тимофеевич соорудил настоящее закулисное царство, позаботившись и о комфорте актеров, и о совершенстве сценических эффектов. Провинциальная актриса В. П. Веригина рассказывала: «Отделка театра нам нравилась. За кулисами было уютно. Наверху женское фойе, внизу мужское. Большие мягкие диваны, на которых так уютно сидеть и отдыхать, мечтая о будущем, разговаривая о прекрасном настоящем. Надоевший очень скоро архитектурный стиль «модерн» навсегда остался приятным и милым для меня в стенах Художественного театра». ^[470]

Таково было пространство для актеров. Но и пространство для зрителей было не менее удобным. Элегантный зрительный зал на тысячу мест, выдержанный в зеленовато-оливковой гамме. Ставший вскоре визитной карточкой Художественного театра оливковый занавес со стилизованным мотивом волны и летящей над ней белой чайкой — напоминание о Чехове, чья пьеса «спасла театр» в годы его становления. К. С. Станиславский подробно описал интерьеры уже почти готового Художественного театра в письме к О. Л. Книппер: «Бог даст — театр будет на славу. Прост, строг и серьезен... Фойе представит из себя галерею русских писателей, которые будут красоваться вместо панно над дубовой панелью. В одной из стен фойе будет большая витрина со всеми подарками и адресами театра. Коридоры будут устланы мягкими коврами... и очень ярко освещены. Стены коридора отделаны под белый камень большими плитами. Низ сцены в зрительном зале будет отделан таким же образом. Зрительный зал очень простой, в серых тонах нашего занавеса, с широким декадентским бордюром по верху и на потолке. Ряд лож из дерева (мореный дуб) с канделябрами старинного фасона под тусклую бронзу. Никаких портьер. Перед порталом, в публике, во всю ширину сцены — больших размеров стебель с цветами под старую бронзу. В этих цветах скрыто несколько десятков ламп, освещающих из публики актеров сверху.

Это приспособление позволяет уничтожить рампу. Вместо люстры по потолку разбросаны какие-то лампы. Ряды дубовых кресел (как за границей, с спускающимися и поднимающимися сидениями)». ^[471] Ковры во всех коридорах приглушали шум. Везде царили образцовая чистота и порядок. В театре имелась даже библиотека для публики!

Впоследствии тот же Станиславский признавался, что «почти церковная строгость» интерьеров Художественного театра была во многом вынужденной. Предназначенная для зрителей часть театра была отделана на средства, «которые остались после устройства первой половины театра, предназначенной для самого искусства. Эта оставшаяся сумма была невелика, и потому отделка отличается большой простотой. Пришлось по одежке протягивать ножки». Но благодаря строжайшей экономии Савва Тимофеевич добился выполнения важной части своей программы.

По словам исследователей, «для Художественного замысел оправдан: театр создавался как общедоступный, ему предстояло формировать свою демократическую публику и публика должна знать о художественно-эстетической программе театра, его симпатиях и антипатиях». ^[472] Зритель должен был почувствовать, что он попал в «единственный в мире театр», приобщился к *настоящему* искусству. Эта нарочитая сдержанность была изящна и призвана произвести не меньший эффект, нежели богатство декора. Просто, но со вкусом одетая хрупкая девушка ловит на себе не меньше взглядов, нежели пышная дама, разодетая в парчу и украсившая себя сверкающими драгоценными камнями...

В архиве МХАТа сохранилось точное описание театра, каким он выглядел в момент открытия. Вот фрагмент из этого документа: «Лестницы в коридорах и зрительном зале каменные с изящными коваными железными решетками и парапетами с дубовым поручнем. Каменные столбы при этих лестницах сверху украшены медью... Главный вход театра у ворот имеет с улицы дубовую дверь с медными богатыми украшениями. Обделка каменных стен около этой двери, на улицу, из изразцов лепнины с висячим кованым железным, изящным зонтом. Двери, ведущие от главного входа в раздевальню, украшены богатым медным прибором с зеркальными мелкими стеклами в медной оправе, таких дверей пять штук, причем одна из них имеет еще над собой полукруглый просвет с такими же зеркальными стеклами в медной оправе. Всего над выходными дверями по Камергерскому переулку имеется три висячих кованых железных зонта изящной работы». ^[473] Сам фасад Лианозовского дома почти не подвергся переделке. Лишь над подъездами зажглись фонари с дуговыми лампами да

над правым подъездом появился горельеф работы скульптора А. С. Голубкиной: пловец, борющийся с волнами, и летящая над ним чайка — символ искусства Московского Художественного театра, образ его нелегкого предназначения.

Позже скромность отделки произведет на публику сильное впечатление. В. Н. Муромцева-Бунина вспоминала, что новое здание Художественного театра в Камергерском переулке «...не было похоже на обычные театры, все было в серых тонах, что поклонникам и особенно поклонницам очень нравилось, и многие свои гостиные и будуары стали обставлять в этом стиле».

Театр в Камергерском переулке открылся для зрителей 8 октября 1902 года постановкой «Мещан» Максима Горького.

В. П. Веригина, тогда молодая актриса из провинциального города Козьмодемьянска, вспоминала: «Вскоре перешли в отстроенный Морозовым театр в доме Лианозова, в Камергерский переулок. Открытие было торжественное. В главном фойе устроили парадный обед. Здесь новые ученики... в первый раз увидели С. Т. Морозова. Сказать по правде, никто из нас не обратил на него особого внимания... если бы он невольно не напоминал о себе своим скромным присутствием на некоторых репетициях, больше на генеральных, или по вечерам на спектаклях. Он иногда руководил освещением на сцене... придавая ему большое значение, так же как и режиссеры Художественного театра. Вообще Савва Тимофеевич был очень скромным человеком, увидев его в театре, никто бы не подумал, что именно он помог этому театру жить».^[474]

Возможно, именно в день открытия театра К. С. Станиславский произнес обращенную к С. Т. Морозову речь, в которой звучали слова благодарности: «Понесенный Вами труд мне представляется подвигом, а изящное здание, выросшее на развалинах притона, кажется мне сбывшимся наяву сном. Для общества Вы выстроили себе рукотворный памятник, но для нас, свидетелей Вашей деятельности, Вы завершили сегодня памятник нерукотворный. В сегодняшний день, радостный для нас и искусства, я приветствую Вас как щедрого русского мецената, избравшего область искусства для идейного служения обществу. Я радуюсь и тому, что русский театр нашел своего Морозова, подобно тому как художество дождалось своего Третьякова».^[475]

«Постройка театра значительно упрочила наше дело»,^[476] — признавал Станиславский. Действительно, труппа МХТ получила возможность не тратить силы на кочевую жизнь, а сосредоточиться только

на творчестве. Вероятно, о 1902–1903 годах Зинаида Григорьевна Морозова писала в воспоминаниях: «Художественный] театр в свое время был как сотканный чудесный ковер. Ковер, из которого нельзя вынуть ни одну нитку».^[477] И роль Саввы Морозова в его художественном успехе была поистине громадна.

До сих пор, говоря о сотрудничестве Саввы Тимофеевича Морозова и Московского Художественного театра, автор сознательно не затрагивал важнейшую тему — отношения между Морозовым и актрисой МХТ Марией Федоровной Андреевой. Фактически это две разные, хотя и пересекающиеся линии в его жизни. Савва Тимофеевич искренне любил искусство, обожал театр и всей душой был предан его основателю — К. С. Станиславскому. Немировича-Данченко купец уважал, но чем дальше, тем больше от него отдалялся — видимо, сказывался маложивчивый характер Владимира Ивановича, который сам же признавал: «В театре самолюбия так остры!» Поэтому всё то, что Савва Тимофеевич сделал для Художественного театра, адресовано именно самому театру и возглавлявшим его деятелям. Что же касается М. Ф. Андреевой, то это отдельная — трагическая — история.

Мария Федоровна Желябужская (урожденная Юрковская, сценический псевдоним Андреева, 1868–1953) — пожалуй, одна из наиболее неоднозначных актрис в истории Московского Художественного театра. Работая в МХТ с первых дней его основания (1898) в качестве «любительницы» из кружка К. С. Станиславского, она не только стала профессиональной актрисой, но сделала по-настоящему головокружительную карьеру. А в 1904 году любимица публики, исполнительница первых ролей, которую В. И. Немирович-Данченко назвал «едва ли не самой красивой актрисой русского театра»,^[478] Андреева вдруг... прервала свою блестящую карьеру и в расцвете лет покинула сцену. Что же она представляла собой — как женщина, как актриса, как человек?

М. Ф. Андреева родилась в Петербурге 4 июля 1868 года. Ее родители происходили из небогатых дворянских семей, но, вопреки высокому происхождению и воле родственников, выбрали себе актерскую карьеру. Будущая актриса воспитывалась в интеллигентской семье, где кроме нее было еще четверо детей. Ее отец — прославленный главный режиссер Александринского драматического театра Ф. А. Федоров-Юрковский. Мать — талантливая актриса того же театра М. П. Юрковская (по сцене —

Лелева). Юрковские жили небогато, но родители делали всё, чтобы привить детям любовь к искусству: в их доме бывали великие актеры и прославленные художники, читались серьезные книги. «Требовательный до суровости отец не упускал случая убеждать свою старшую дочь, что она некрасива и не талантлива, и поэтому ей надо много читать, знать и думать. Большая семья и материальные трудности рано приучили Марию Федоровну уважать труд. Только окончив гимназию с золотой медалью, она получила разрешение отца сменить старушечьи прюнелевые ботинки на туфли для выпускного бала, заработанные ею перепиской статей для друга их семьи — С. Я. Капустина... мирового посредника».^[479]

Мария Федоровна получила хорошее гимназическое образование, а потом окончила Высшие женские курсы^[480] и могла бы стать учительницей, но... этот род деятельности ее не прельщал. Она с раннего детства грезилась сценой. «Я чуть ли не с десяти лет мечтала стать актрисой», — писала она впоследствии К. С. Станиславскому.^[481] Для этого у нее имелись все данные: редкая красота, природная пластичность, драматический талант «и чудесное меццо-сопрано».^[482]

Мария Федоровна с успехом окончила драматическую школу, после чего началась ее артистическая карьера. Осуществлению детской мечты не помешало даже замужество: в 1888 году она обвенчалась с действительным статским советником Андреем Алексеевичем Желябужским. В этом браке она родила двоих детей; впоследствии в семье появились еще два приемных сына — племянник супруга Марии Федоровны и сын ее умершей сестры, Надежды Федоровны. «Шесть лет брака прошли в семейных заботах, воспитании детей и раутах большого дома высокопоставленного мужа». А. А. Желябужский, «крупный чиновник, человек, как говорили, умный и по-своему передовой»,^[483] был старше Марии Федоровны на 18 лет, однако их сблизил любовь к театру. Супруги вместе выступали на любительской сцене. По имени мужа актриса взяла себе сценический псевдоним — Андреева.

Несколько лет Желябужские жили в Тифлисе, а в 1894 году переехали в Москву, так как глава семейства получил должность государственного контролера Московского узла железных дорог. Круг их общения составляли знатнейшие люди Российской империи, в том числе московский генерал-губернатор великий князь Сергей Александрович и его супруга Елизавета Федоровна. Но... Мария Федоровна не довольствовалась ролью светской львицы. Мечта о сцене взяла верх и над материнскими чувствами, и над обязанностями жены крупного чиновника. Высшим

удовольствием для молодой, красивой, честлюбивой женщины стала высокая оценка ее актерского таланта. В одном из поздних писем (1938) Андреева сама это признала, впрочем, оправдывая себя изменами мужа: «Мое внешнее положение жены тайного советника играло куда меньшую роль, чем мой успех на сцене и отношение так называемого общества ко мне». [\[484\]](#)

В Москве артистические дарования Марии Федоровны расцвели в полную силу. Она брала уроки у знаменитой актрисы Малого театра Н. М. Медведевой — наставницы блистательной М. Н. Ермоловой. Наконец в 1894 году талант Андреевой привлек внимание К. С. Станиславского. Константин Сергеевич к тому моменту уже много лет вел курсы актерского мастерства в Обществе искусства и литературы. Станиславский предложил Андреевой войти в число его учеников, та с радостью согласилась. За пять лет ученичества под руководством Станиславского (1894–1898) Мария Федоровна сыграла целый ряд блестящих ролей, в том числе 11 главных героинь в спектаклях: «Светит, да не греет» А. Н. Островского и Н. Я. Соловьева, «Уриэль Акоста» К. Ф. Гуцкова, «Бесприданница» А. Н. Островского и др. Большая их часть была исполнена в паре с Константином Сергеевичем. По словам биографа актрисы Н. А. Волоховой, «после третьего спектакля — «Бесприданница», — где опять чудесный дуэт создали Андреева и Станиславский (Лариса и Паратов), о них заговорили всерьез. Театральный критик Дрезден в своей книге «Сорок лет театра» писал: «Зная по опыту, каков удельный вес любителей, я к этой затее отнесся критически. Однако первый выход Паратова (Станиславский), Ларисы (Андреевой) вызвал во мне совсем другое чувство. Это было подлинное искусство»... Чарующее впечатление производила своей игрой Мария Федоровна. Благородная внешность сочеталась в ней с изяществом исполнения и глубоким проникновением в образ». [\[485\]](#)

Роли, сыгранные М. Ф. Андреевой на любительской сцене, принесли ей большой успех. Сама Мария Федоровна об этом периоде своей жизни писала другу, музыканту, революционеру-подпольщику Н. Е. Буренину: «Я тогда уже сыграла в Обществе искусства и литературы, в спектаклях Станиславского, ряд больших ролей. Меня знала культурная московская театральная публика как Юдифь в «Уриэле Акосте», Раутенделейн в «Потонувшем колоколе», и я уже становилась известностью, любимицей публики». [\[486\]](#) И, что еще важнее, ее талант высоко оценил сам Станиславский.

В феврале 1902 года Константин Сергеевич писал Марии Федоровне:

«Итак, мы познакомились. Нам нужна была артистка, и я увлекся Вашими данными, и не ошибся, и не раскаиваюсь теперь. Однако у Вас были, как у всякого, не одни достоинства. Были и недостатки. Как артистка Вы были избалованы похвалами и поклонниками и с большой охотой слушали комплименты, но не замечания. Это так естественно. Долго Вы не принимали моих замечаний, и это охлаждало меня. Наконец Вы переломили себя и сделали артисткой, а не актеркой... и стали расти в художественном отношении. Эту победу над самолюбием я очень ценил, ценю и буду ценить и любить в Вас. Когда... я почувствовал проблески идеи в Вашем деле, когда в Вас исчезла дилетантка, уступив место серьезной работнице, я привязался к Вам как к артистке и исключительные данные ее я стал считать своими, стал любовно оберегать их. Только тут я разглядел в Вас человека, так как человек и артист это одно целое. Я полюбил в Вас экспансивность, типичную черту Вашего «я»».^[487]

По всей видимости, перелом в отношении М. Ф. Андреевой к работе произошел до 1898 года. Во всяком случае, с образованием Художественного театра К. С. Станиславский пригласил ее в труппу. Мария Федоровна стала одной из первых актрис Художественного театра, будучи зачислена в него 15 июня 1898 года.^[488] Для этого нужно было пройти строжайший отбор, судьями в котором выступали К. С. Станиславский и В. И. Немирович-Данченко. Последний в сентябре 1898 года в одном из писем А. П. Чехову подчеркивал: и он сам, и Станиславский выбрали из своих учеников лишь наиболее талантливых. «Я из 7 выпусков своих учеников выбрал только 8 человек (из 70), а Алексеев из 10-летнего существования своего Кружка только 6 человек». А Станиславский подробно описывал процедуру «отбора» актеров: «Мировая конференция народов не обсуждает своих важных государственных вопросов с такой точностью, с какой мы обсуждали тогда основы будущего дела, вопросы чистого искусства, наши художественные идеалы, сценическую этику, технику, организационные планы, проекты будущего репертуара, наши взаимоотношения.

«Вот вам актер А., — экзаменовали мы друг друга. — Считаете вы его талантливым?»

«В высокой степени».

«Возьмете вы его к себе в труппу?»

«Нет».

«Почему?»

«Он приспособил себя к карьере, свой талант — к требованиям публики, свой характер — к капризам антрепренера и всего себя — к

театральной дешевке. Тот, кто отравлен таким ядом, не может исцелиться».

«А что вы скажете про актрису Б.?»

«Хорошая актриса, но не для нашего дела».

«Почему?»

«Она не любит искусства, а только себя в искусстве».

«А актриса В.?»

«Не годится, — неисправимая каботинка».

«А актер Г.?»

«На этого советую обратить ваше внимание».

«Почему?»

«У него есть идеалы, за которые он борется; он не мирится с существующим. Это человек идеи».

«Я того же мнения и потому, с вашего позволения, заношу его в список кандидатов».

Мария Федоровна с успехом прошла этот отбор — ее не сочли ни каботинкой, ни человеком, готовым приспособляться. Яркость артистического таланта Андреевой не вызывала сомнений. Очень быстро она стала «одной из премьерш театра»,^[489] играя в нем ведущие роли. На сцене Художественного театра М. Ф. Андреева блистала несколько лет (1898–1904, 1906).

Однако почти одновременно с Художественным театром в жизни актрисы появилось другое, всепоглощающее увлечение. Оно занимало сперва небольшую часть жизни Андреевой, потом все большую и большую. Это была революционная деятельность.

По собственным словам Андреевой, первое ее знакомство с революционерами-подпольщиками состоялось в начале 1897 года. «В помощь гувернантке-француженке» своего сына Юрия Мария Федоровна пригласила студента Московского университета Д. И. Лукьянова. «Вот этот-то Дмитрий Иванович (очень внешне неказистый парень, но неглупый), член землячества студентов-ставропольцев, и познакомил меня спустя несколько месяцев жизни у нас в доме со своими товарищами по землячеству. Для меня это все были очень необыкновенные по сравнению с обычными знакомыми люди, очень интересные... Я узнала, что они образовали кружок марксистов и читают вместе, разбирая и изучая, «Капитал» Маркса. Я стала бывать в этом кружке... Изучили мы два тома, до третьего я тогда не дошла, переводили с немецкого, читали по гектографским листкам. Вот эти-то ставропольцы и были моими чрезвычайно усердными и, как я теперь вижу, очень полезными мне

«просветителями».^[490] По воспоминаниям ее приемного сына, Андреева проводила вместе со студентами все свободные «вечера, слушала споры на политические и философские темы. Всё это будоражило ее мысль, рождало горячий отклик, круто меняло весь привычный круг понятий о жизни».^[491] К октябрю 1898 года, когда на сцене Художественного театра прошел первый спектакль, Мария Федоровна, по ее словам, являлась «горячим марксистом и убежденнейшим приверженцем рабочего класса — творца всех ценностей мира».

В 1897–1898 годах Мария Федоровна впервые заглянула в пропасть революции и увидела там нечто невероятно притягательное. С этого момента жизнь ее разделилась на две части: легальную — светские приемы в доме мужа, карьера актрисы — и подпольную: служение делу революции. Первое время (примерно до 1899 или 1900 года) легальная часть ее жизни весомо преобладала, но постепенно она всё меньше и меньше увлекала Марию Федоровну. Со временем поддержание обычного уклада жизни, в том числе светских связей, стало для нее не более чем данью конспирации...

Намерение служить делу революции крепло в душе актрисы по мере того, как расширялся круг ее знакомств с «новым» для нее миром революционного подполья. В основном это были деятели, работавшие «под непосредственным руководством В. И. Ленина», после раскола Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП) в 1903 году назвавшие себя большевиками. Так, около 1898 года Мария Федоровна познакомилась с М. А. Михайловым (конспиративная кличка «дядя Миша»), который стал «ее крестным отцом по подпольной работе». В то время Михайлов «был студентом, вращался в тех же кружках, но уже был членом РСДРП. Неплохой организатор, он сразу учуял во мне большие возможности и очень умело и ловко направлял их куда и как было нужно для партии», — вспоминала она. Именно с Михайлова началась цепочка знакомств, которая со временем привела Андрееву непосредственно к В. И. Ленину. Уже в 1899 году, через «дядю Мишу», актриса была связана «с московскими партийцами». Причем «мое участие якобы строго было законспирировано, хотя народу всякого, самого подозрительного, ходило ко мне великое множество, и, как это ни странно, всё это как-то сходило с рук», — писала она.

«Дядя Миша» в 1901 году познакомил М. Ф. Андрееву с одним из руководителей Московской организации РСДРП П. А. Красиковым (клички «Антон», «Панкрат», «Игнат», «Музыкант»), который, по признанию

актрисы, сыграл большую роль в ее «социалистическом воспитании»: «Ввел меня в партийную работу и окончательно прикрепил к большевикам тов[арищ] «Игнат» — П. А. Красилов... Было это в 1901–1902 гг., я не была тогда еще членом партии, но уже твердо приняла ленинскую платформу, с которой ни разу не сходила. Если до 1902 года я помогала многим, то с этого времени все мои усилия были твердо направлены в сторону большевиков, причем «Игнат» сыграл в этом большую роль». ^[492]

Тот же Михайлов свел Андрееву с Л. Б. Красиным (партийные клички «Никитич», «Зимин», «Винтер»), которому еще предстояло сыграть определенную роль в судьбе С. Т. Морозова. По словам советских исследователей, «это был талантливый организатор большевистского подполья, член партии с 1890 года. Леонид Борисович... работал агентом ленинской «Искры», в 1903–1907 годах был членом ЦК РСДРП. В первой российской революции Л. Б. Красин руководил Боевой технической группой ^[493] при ЦК партии. Впоследствии он стал видным советским государственным деятелем, дипломатом. В то время, о котором идет рассказ, Л. Б. Красин ведал партийной кассой». ^[494]

Именно знакомство с Красиным способствовало окончательному приобщению М. Ф. Андреевой к партийным делам. Сама Андреева писала Н. Е. Буренину о Красине: «Я просто была при нем чем-то вроде агента по финансовым делам. Он говорил мне, что для того-то или того-то нужны деньги, приблизительно столько, и я стремилась как можно точнее выполнить распоряжение». ^[495] Актриса стала выполнять задания Центрального комитета социал-демократической партии. Летом 1904 года жизненный путь привел М. Ф. Андрееву в Женеву, где она познакомилась с Лениным. Владимир Ильич дал ей партийную кличку — «Феномен».

Андреева «взяла на себя хлопоты», связанные с легализацией подпольщиков: обеспечивала их «чистыми» документами, устраивала на работу (в том числе при помощи «московских промышленных тузов»). Она хранила и обеспечивала перевозку нелегальной литературы: книг, брошюр и особенно «Искры» — первой общерусской марксистской нелегальной газеты, которая была создана В. И. Лениным в 1900 году и доставлялась в Россию из заграницы. По словам А. Л. Желябужского, в этот период «наиболее ответственным участком была работа по добыванию средств для ленинской «Искры». В 1903 году Андреева заняла пост председателя нелегального Красного Креста, который оказывал помощь политическим заключенным и ссыльным. Наконец, по поручению В. И. Ленина и под непосредственным руководством Л. Б. Красина в конце 1903-го — начале

1904 года Мария Федоровна стала финансовым агентом Центрального комитета партии: собирала деньги при помощи благотворительных концертов или же путем «обложения» тех, кто увлекся идеей революции. Работа по сбору средств «шла с успехом и принимала всё больший размах — удавалось добывать очень крупные средства». Наконец, в самом начале 1904 года Мария Федоровна вместе с Горьким была официально принята в ряды РСДРП, во фракцию большевиков. А с 1905 года, по свидетельству Н. Е. Буренина, «Мария Федоровна была тесно связана с «Боевой технической группой».^[496] Чем занималась Боевая техническая группа, легко понять из его же воспоминаний: «Группа устанавливала связь с рабочими, создавала боевые отряды в районах и на предприятиях, добывала и распределяла оружие». И Андреева во всем этом принимала живейшее участие...

Итак, М. Ф. Андреева на протяжении ряда лет подвергала опасности не только свою жизнь, но и жизни двоих детей. Мало задумываясь о их будущем, она занималась подготовкой революционного переворота. При этом прекрасно осознавая, что этот переворот обернется массовым кровопролитием. Впоследствии Андреева станет крупным деятелем Советского государства. С 1918 года — комиссар театров и зрелищ в Петрограде, в 1919–1921 годах — заместитель народного комиссара просвещения в Петрограде; один из инициаторов создания Большого драматического театра (1919), директор Московского дома ученых (1931–1948). Всё это будет логическим продолжением ее второй, подпольной, части биографии.

По словам революционера П. С. Заславского, «эта женщина, по рождению принадлежавшая к высшим классам, талантливая артистка Художественного театра из числа блестящего созвездия Станиславского, молодая и красивая, пришла в партию большевиков по велению сердца, целиком отдавшись служению своему народу. Она передавала большевистской организации оружие, собирала большие средства для партии, для помощи заключенным в тюрьмах, для побегов из ссылки».^[497] Мария Федоровна вела двойную жизнь. В доме ее гостили как высокие особы, так и революционно настроенные разночинцы. «Нелегко было совмещать столь разнообразный состав посетителей. Революционеры и студенты никак не сочетались с чиновниками и аристократами. В доме было два подъезда — через один впускали «своих», через другой — «гостей», — вспоминал А. Н. Серебров.^[498]

К моменту вступления в труппу Художественного театра Андреевой

исполнилось 30 лет. При этом выглядела она совсем юной и весьма привлекательной девушкой. «Я... каждый раз с большим волнением ждал выхода Андреевой на сцену, — рассказывал Серебров. — Андреева была очень хороша собой». «Необыкновенно красивая», «мягкая» в обращении, «обаятельная», «очаровательная» — такими эпитетами наделяли Андрееву все, кто видел ее на сцене и в жизни.

Грациозная фигура, со вкусом подобранная одежда, правильные, мягкие черты лица, красивые карие глаза и длинные каштановые волосы, добрая улыбка — этой женщиной трудно было не любоваться, еще труднее не желать ее... По словам того же Сереброва, бывавшего в гостях у актрисы, прихода хозяйки всегда ждали с замиранием сердца: «Каждому чего-нибудь без нее не доставало: кому — предмета для обожания, кому — дружеской улыбки, теплоты темно-карих глаз, кому — локона каштановых волос из-под высокой, валиком, прически, кому — поговорить по делу, кому — блеснуть французским комплиментом, кому, как мне, — просто сознания того, что она здесь, близко, и такая красивая». [\[499\]](#)

Актриса Н. И. Комаровская писала: «Я обратила внимание на эту манеру Марии Федоровны глядеть собеседнику в глаза, словно проникая вглубь его мыслей. Глаза у Марии Федоровны удивительные: большие, темные и печальные. «Как у итальянской мадонны», — невольно подумалось мне... В маленьком польском городке, где проходило мое детство, только изредка на улице встречала я приезжавших с труппой на несколько спектаклей актеров, главным образом опереточных. Слово «актриса» вызывало у меня представление о надменной красавице, великолепно одетой и не удостаивающей простых смертных даже взгляда. Я гляжу на скромную белую блузку Марии Федоровны, на ее добрую улыбку... «Так вот какие они, настоящие актеры!».

Поистине ангельская красота Андреевой дополнялась мощным сценическим талантом и колоссальным трудолюбием. Это признавал даже Немирович-Данченко, который на протяжении нескольких лет находился с Марией Федоровной в чрезвычайно натянутых отношениях. Та же Н. И. Комаровская, которая в 1902 году поступала в школу Московского Художественного театра, вспоминала свою первую встречу с Андреевой: «Я не могла оторвать глаз от одной из репетирующих актрис: тонкая, с удивительно красивыми глазами, она показалась мне воплощением женской красоты и прелести... Когда репетиция кончилась и все ушли, у меня неожиданно вырвалось: «Какие у вас красивые актеры!» Немирович в ответ улыбнулся: «Они не только красивы, но и талантливы. На одной внешности далеко не уедешь. Надо уметь раскрывать внутреннюю красоту

человека, его высокие прекрасные мысли». ^[500]

О ярком, самобытном таланте Андреевой писали самые разные люди: причастные к делам театра — и чрезвычайно от них далекие, молодые — и повидавшие жизнь, гуманитарии — и «технари». Думается, здесь необходимо привести несколько подробных отзывов — чтобы читатель убедился, что Мария Федоровна не являлась прекрасной «пустышкой». Она создавала на сцене самые разные образы — лирические, драматические, трагедийные, водевильные. «Она была занята почти во всех постановках. Интересные, увлекавшие ее роли шли одна за другой. Сильно различавшиеся по характеру, они давали Марии Федоровне великолепную возможность выявить многогранность своего дарования: скромная Кетэ и гордая патрицианка Гедда, простодушный пастушок Лель и затаенная красавица княгиня Вера. Резким контрастом к ней Наташа в «На дне».

Рецензенты называли актрису «несравненной», «тонкой», «светлой». Писательница, драматург Т. Л. Щепкина-Куперник вспоминала о постановке в МХТ пьесы Г. Гауптмана «Одинокое» (премьера — 16 декабря 1899 года): «В «Одиноких» задача была у Ольги Леонардовны (Книппер-Чеховой. — А. Ф.) очень трудная. Анна Мар[ия]... по мысли автора, должна была вызывать сочувствие зрителя больше, чем Кетэ — ограниченная милая мешаночка, не имеющая ничего общего со своим мужем. Но Андреева, игравшая Кетэ, благодаря свойствам своего дарования и своей поэтической внешности, делала из Кетэ такую прелестную «жертву», что Анне угрожала опасность потерять симпатии зрителя». ^[501] По словам Н. И. Комаровской, необычна была трактовка, которую Мария Федоровна придала своей роли: «Много писали и говорили об интересном решении Марией Федоровной образа Кетэ. В исполнении Андреевой роль неожиданно получала трагическое звучание».

Отмечал талант Андреевой и ученый-энергетик, деятель революционного движения Г. М. Кржижановский: «Нельзя не упомянуть также о том чарующем впечатлении, которое производила М. Ф. как артистка Московского Художественного театра. Чрезвычайно благодарная внешность сочеталась в ней с особым изяществом исполнения, вытекавшим из тонкого проникновения в создаваемый образ и обдуманного психологического анализа. Раутенделейн в исполнении М. Ф. Андреевой (пьеса Гауптмана «Потонувший колокол») оставила неизгладимое впечатление в моей памяти». ^[502] Ту же постановку (премьера — 19 октября 1898 года) выделял приемный сын Андреевой А. Л. Желябужский: «Романтический строй исполнения, цельность и высокая поэтичность ее

игры безоговорочно покорили московского зрителя. Ярче всего эти черты дарования Андреевой проявились в Раутенделейн... Ее Раутенделейн была полна диковатой грации, образ казался воздушным. Яркая эмоциональность при тщательной отделке деталей роли, голос, звучавший серебристым звоном лесного ручья, почти детская непосредственность — всё это сливалось в замечательный, полный какого-то особого очарования образ».

[503]

Младшая современница актрисы Н. И. Комаровская, которая боготворила Андрееву, вспоминала: «Ее дарование ярче всего проявлялось в образах женщин, протестующих против несовершенства окружающей их жизни, убивающего в человеке самое дорогое и ценное. Такова была ее Ирина в «Трех сестрах»: трепетная, порывающаяся уйти от засасывающей ее провинциальной среды, тоскующая по настоящей работе — всё это делало ее образ близким и понятным молодежи. В ней как бы воплощались наши юношеские мечты о том, чтобы перестроить мир, чтобы каждый нашел в нем свою долю счастья, свое право плодотворно и радостно трудиться... Как подлинный художник, Мария Федоровна всегда изменяла свою внешность в соответствии с задачами, поставленными перед нею образом. В роли Наташи, в «На дне», ее облик, ее жесты неузнаваемо менялись. Худенькая, скромная, забитая, с нежным голоском, она неслышно двигалась среди зловещих фигур обитателей «дна».

[504]

Премьера спектакля состоялась 18 декабря 1902 года.

Наконец, театральный критик, историограф Художественного театра Н. Е. Эфрос давал Андреевой всеобъемлющую характеристику: «Чистейшей воды инженерю, хрупкая, с хрупкими чувствами. Такой она была в Кетэ... такой в чеховской Ирине... С прелестным смехом, тихим, чистым, с прелестными слезами, такими же чистыми и тихими. Изящная и красивая, вся весенняя, точно белая сирень. Это общая юная очаровательность была в ней самым сильным качеством! Многие выдающиеся актрисы играли чеховскую Ирину, но для тех, кто видел Андрееву, никто не мог заменить ее. Артистическое дарование Андреевой было единственным в своем роде: она никого не напоминала своей игрой, и никто впоследствии не походил на нее. Сила артистического обаяния Андреевой была, однако, не в ее внешности, правда, незаурядной, не в ее голосе чудесного тембра... не в ее сценической молодости, позволявшей ей в 34 года играть Ирину, — а в простом, человеческом толковании любого образа, очищая его ото всего надуманного, чуждого здоровому, естественному пониманию характеров и событий».

[505]

Артистический талант М. Ф. Андреевой почти никого не оставлял равнодушным.^[506] Однако как о человеке о ней практически ничего не известно. Обычно ограничиваются одной лишь фразой, произнесенной Л. Н. Толстым после спектакля «Одинокие». По свидетельству актрисы Художественного театра М. П. Лилиной, Толстому «Одинокие»... страшно понравились, и пьеса и исполнение, в Марию Федоровну Желябужскую он совсем влюбился, сказал, что такой актрисы он в жизни своей не встречал, и решил, что она и красавица и чудный человек».^[507] Но так ли это было на самом деле? А если так — как она могла совмещать служение сцене, творческое, созидательное по сути своей — и верность разрушительным революционным идеалам?

Мария Федоровна была умна и начитанна, знала несколько иностранных языков, в том числе очень хорошо — немецкий, французский, а когда понадобилось, быстро выучила итальянский и английский (впоследствии, живя на Капри и не имея возможности выступать на сцене, Андреева будет зарабатывать на жизнь переводами). О ее удивительных способностях писал уже упоминавшийся революционер Н. Е. Буренин. В 1906 году, будучи в Финляндии, на одном из вечеров Андреева прочла революционное стихотворение на финском языке. «Мария Федоровна выучила незнакомый ей текст на одном из труднейших языков, хотя получила его всего за несколько часов до выступления. Кроме исключительных лингвистических способностей, которыми она была щедро одарена, этому способствовало горячее желание тронуть сердца зрителей».

С детства полюбив книги, актриса не расставалась с ними всю жизнь, используя их при подготовке ролей. Н. И. Комаровская, описывая квартиру Желябужских, отмечала: «Жила она в прекрасной квартире. Много комнат, множество прислуги. Но от парадного убранства комнат веяло холодом. И каким же контрастом являлся маленький кабинет Марии Федоровны, с большим письменным столом и обилием книг на столах, на полках, в шкафах. Книги были самые разнообразные: художественная литература на разных языках, масса книг по вопросам искусства и большая полка книг по философии: Кант, Маркс, Гегель... «Бери книги, какие тебе нужны для работы, — разрешила мне Мария Федоровна, — моя библиотека в твоём распоряжении».^[508]

Андреева была очень трудолюбива, требовательна к себе и, в значительной мере, к окружающим. Это особенно проявлялось в ее работе над образами. Н. И. Комаровская, которая на протяжении двух лет тесно

общалась с Марией Федоровной, да и потом не порвала с ней отношений, писала в воспоминаниях: «К своему искусству Мария Федоровна относилась требовательно и сурово. Часто она говорила, что не нашла себя на сцене. Возможно, что в исполняемых ею ролях она не находила полного удовлетворения, но всегда вызывала сочувствие к судьбе своих героинь».

Трудолюбие и добросовестное отношение к служебным обязанностям признавали за Андреевой и руководители театра. Так, когда режиссер А. А. Санин устроил Марии Федоровне скандал, незаслуженно выгнав ее с репетиции «Снегурочки» (1900), не кто иной, как Немирович-Данченко заступился за Андрееву и просил вернуть ее на сцену. Владимир Иванович писал: «В М. Ф. Андреевой мы имеем артистку, не только талантливую и с честью несущую первый репертуар, но и безупречно добросовестную ко всему, что только поручалось ей Дирекцией за время существования нашего театра. Так же, как и другие артисты, она никогда не ставила препятствий к достижению намеченных нами задач, так же, как и другие, никогда не отказывалась ни от какой, хотя бы совершенно демократической работы, какая ей поручалась. Достаточно, если я напомним Вам, что в течение целого сезона она без малейшего противоречия участвовала в «Чайке», исполняя обязанность *закулисной* певицы, обязанность, от которой во всяком другом театре отказалась бы артистка, занимающая амплуа... Ее добросовестность равна добросовестности наших других артистов и стоит на высоте достоинства нашего театра».^[509] В этом письме Владимир Иванович прямо называет Андрееву «талантливой и добросовестной артисткой».

М. Ф. Андреева обладала стальной, поистине непреклонной волей. Если у нее что-то было на уме, она доводила задуманное до конца невзирая ни на какие преграды. Доказательством этого служила вся ее нелегкая жизнь. Характеризуя С. Т. Морозова, Андреева отмечала: он «легко поддавался влиянию людей, награжденных большой волей». Между строк нетрудно прочесть: одним из людей, этой самой большой волей награжденных, являлась сама Мария Федоровна. Современники говорили о ней как о человеке смелом, наделенном кипучей энергией и мужской хваткой.

По словам Станиславского, главной чертой характера Андреевой являлась экспансивность, то есть «преувеличенное отношение ко всем случаям и явлениям жизни». Это подтверждают слова приемного сына актрисы А. Л. Желябужского, подчеркивавшего ее «беспокойную, мятущуюся натуру, живой, деятельный темперамент».^[510] Мария

Федоровна обладала неудержимой, подчас взрывной эмоциональностью. Вкупе с присущей актрисе язвительностью это качество становилось причиной ее конфликтов с окружающими. Станиславский в письме Немировичу-Данченко в августе 1897 года сообщал: М. Л. Роксанова «...высказывала мне, между прочим, свои опасения о том положении, которое она займет в Обществе в качестве платной артистки. Я понял, что она более всего боится Желябужской, о характере которой, вероятно, она что-нибудь слышала».^[511] Константин Сергеевич описывал, как он в 1890-х годах боролся с честолюбивыми устремлениями Марии Федоровны. И судя по всему; его усилия принесли плоды — в 1904/05 году, когда Мария Федоровна играла в рижской труппе, ее коллега по сцене, актер В. И. Лихачев отмечал, что она стала «...для нас, артистов, ярким примером. Мы учились у нее той правде на сцене, которой она владела в совершенстве. У нее мы учились скромности, учились не выдвигать себя «на первый план», какое бы положение мы ни занимали в театре».^[512] То же качество выделял в Андреевой революционер-подпольщик П. С. Заславский: «Она была очень скромным человеком».

Иными словами, в характере Марии Федоровны, безусловно, присутствовали хорошие качества. Однако наиболее яркими были качества негативные.

Так, Мария Федоровна хорошо сознавала, что она красива — и умело этим пользовалась. Само по себе это, возможно, было бы не так уж плохо — если бы цели, в которых она пользовалась своей красотой, не были разрушительны. По-видимому, Андреева в совершенстве владела искусством обольщения. В XIX веке это искусство было распространено достаточно широко. Владевшая им женщина обладала целым арсеналом средств, позволявших ей добиваться заранее намеченного результата. В их число входили не только одежда и косметика, но и парфюмерия (запахи, которые притягивают — и которые отталкивают), мимика, язык поз и жестов, а также слова: Андреева хорошо сознавала, когда, что и каким тоном ей следует сказать, чтобы добиться желаемого. Ремесло артистки ей в этом оказывало большую помощь: она в совершенстве владела своим телом, голосом, мускулами лица. А. Н. Серебров описывал эпизод, когда в гости к Андреевой пришел увлекшийся ею Горький. «В комнату вошла Андреева; мне ее пока не было видно. Но вот она появилась у рояля, в закрытом черном платье, тоненькая золотая цепочка треугольником сходится на груди, на медальоне с бриллиантовой звездочкой. Завитки волос на затылке кудрявятся — только что из ванны, — свежая,

привлекательная, в тонком аромате парижских духов.

Они сели, боком друг к другу, на неудобный позолоченный диванчик.

— Вот я вам приволок книжицу, какую вы просили, — замогильным басом сказал Горький волнуясь. — Почитайте... неглупо написано.

Левой рукой Андреева прижала книгу к груди, правую протянула для поцелуя. Гость бережно приложился к руке.

— Катя, поди скажи насчет завтрака!

Оставшись наедине, они смущенно замолчали. Горький потирал кулаки, — так много надо было сказать... но не успел.

В поле моего зрения вошел муж Андреевой — действительный статский советник. По виду — адмирал в отставке (в молодости он служил во флоте), по манерам — московский хлебосол и бонвиван.

— Алексей Максимович! Рад, рад вас видеть... Что редко к нам заглядываете?

Он покровительственно полуобнял Горького за талию, тот слегка отстранился.

— А у нас сегодня как раз стерлядка, по-вашему, по-волжски, кольчиком... Прошу покорно.

Действительный статский советник вытянул руку, приглашая гостя пройти в столовую.

— Извините... не могу... Я только на минутку, передать Марии Федоровне книгу.

— Еще раз благодарю вас за книгу. — Андреева слегка наклонила голову. — А может быть, все-таки позавтракаете с нами? Потом вместе поедем в театр.

И такая улыбка, против которой нельзя устоять». [\[513\]](#)

Разумеется, сам по себе этот эпизод еще ничего не доказывает. Но помимо него есть еще множество косвенных свидетельств в пользу выдвинутой версии. Мария Федоровна являлась прагматиком в высшей мере. Холодная, расчетливая, она умело манипулировала людьми в собственных целях. Так, заметив восхищение в глазах смотрящей на нее молоденькой ученицы Драматической школы при Художественном театре Н. И. Комаровской, Андреева разговорилась с ней, рассказала о делах театра, задала ряд вопросов, а потом окончательно расположила девушку к себе: «Мария Федоровна внимательно слушает меня и неожиданно участливо говорит:

— Если вам понадобится моя помощь, скажите мне, я постараюсь помочь вам найти уроки». [\[514\]](#)

Все бы ничего... вот только Андреева редко когда оказывала людям помощь без задней мысли. Уже вскоре, «подружившись» с девушкой, она спрашивала ее, что она знает о Ленине, и советовала ей почитать труды Карла Маркса. А впоследствии воспользовалась ее квартирой, чтобы укрыть в ней от преследований большевика Н. Э. Баумана — причем Комаровская ничего не знала о том, кто находится в ее доме. Из многочисленных свидетельств ясно, что Мария Федоровна пользовалась доверием не только студентов, но и взрослых, состоявшихся людей — обычно тех, кто имел состояние, славу или же влияние на людские умы. Все эти свойства в руках опытного манипулятора служили на пользу Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП). Вероятно, в ход шли разные средства, вплоть до физической близости: являясь человеком хитрым и расчетливым, Андреева вряд ли была щепетильна в отношениях с мужчинами. Не зря Н. И. Комаровская отмечала «... свойственную дарованию Марии Федоровны склонность подчеркивать в женских образах стремление освободиться от сковывавших волю женщины условий общественной морали».^[515] Видимо, стремление стать «свободной от морали» было ей в полной мере присуще не только на сцене, но и в жизни.

В биографии Андреевой немало загадок. Так, до сих пор доподлинно неизвестно, когда она разошлась с мужем — А. А. Желябужским. Сама актриса в 1938 году, в письме революционеру Н. Е. Буренину, указывала точную дату — 1896 год. «Милый мой! Еще в 1896 году я перестала быть женой Андрея Алексеевича Желябужского, причина нашего разрыва была на его стороне. Я сказала ему, что соглашаюсь жить с ним в одном доме как мать своих детей и хозяйка — ради детей. Тогда я была убеждена, что, сильно ушибленная своей замужней жизнью, я так и останусь только матерью Юры и Кати... Об этом знали мои родные и догадывалось большинство знакомых: шила в мешке не утаишь».^[516] Но это свидетельство Марии Федоровны, как, впрочем, и многие другие, ничем не подтверждено. На протяжении всего периода отношений с Морозовым она жила в доме мужа, проводила светские приемы, ездила с мужем на отдых в Крым (об этом говорится в письме К. С. Станиславского С. В. Флерову от 24 мая 1900 года). Разрыв их супружеских отношений произошел лишь после того, как Андреева связала свою жизнь с Горьким — и то далеко не сразу. Правда, решиться на этот шаг матери двоих детей в то время было непросто — общественное мнение подобные поступки не прощало...

Активно ведя пропагандистскую деятельность при помощи самых

разных средств, Мария Федоровна обратила в марксизм и «ленинизм» колоссальное количество ничего не подозревавших людей, при этом сделал всё возможное, чтобы им казалось: они обратились в эту религию по собственному желанию. По словам секретаря Андреевой С. Ф. Хунтадзе, знавшего ее на протяжении последних тридцати лет жизни, «всё честное, передовое и молодое, соприкасавшееся с ней, было втянуто ею в ту или иную помощь делу партии. Для каждого она находит дельное применение. В. И. Качалов хранит у себя литературу и организует явки у себя на квартире, студийцы Художественного театра Н. И. Комаровская и В. П. Веригина выполняют отдельные ее поручения, статисты театра — студенты готовы по зову своей «юнгфрау» в огонь и воду».

Мария Федоровна точно знала, на какой рычаг нужно нажать, чтобы «зажечь» революционный огонь в душе ближнего. Проницательнейший человек, директор Императорских театров Владимир Аркадьевич Теляковский в ноябре 1904 года, конечно, ничего не мог знать о подпольной деятельности актрисы. Однако он с полной уверенностью писал об Андреевой и ее отношениях с Горьким: «Андреева едва ли может иметь на него хорошее влияние. Она любит не Горького, а его задорную славу». ^[517] И он не ошибался.

По словам Хунтадзе, «Ленин никогда не видел Андреевой на сцене, но тем не менее твердо верил, что с любой ролью «она справится так же хорошо, как со многими другими, которые ей приходилось играть в партийной работе». ^[518] Нередко Владимир Ильич давал Андреевой сразу несколько ролей. Движимая холодным расчетом, Мария Федоровна была склонна вести запутанные интриги — в том числе за кулисами МХТ. Именно это ее качество особенно раздражало Немировича-Данченко. Владимир Иванович хорошо понимал, что за теми или иными действиями Морозова или Горького нередко стоит фигура М. Ф. Андреевой. Особенно показательно в этом отношении одно из его писем А. П. Чехову (октябрь 1903 года): «С Горьким и его отношением к Художественному театру что-то неладное. Он подпал под влияние Мар[ии] Фед[оровны] Андреевой, дурного человека, во всяком случае, — не скрывает своего увлечения ею, — по крайней мере, не скрывает от меня... А так как она ничего не играет, то крутит, вертит, клеветает, интригует и возмутительно восстанавливает и Горького и Морозова против нас, т. е. меня и Константина] Сергеевича]». ^[519]

Самое яркое качество Марии Федоровны, о котором говорят наиболее проницательные ее современники, — качество, безусловно, отрицательное

— это неискренность, привычка жить по двойным стандартам. Думается, здесь можно привести четыре говорящих примера — все они исходят от разных лиц.

Один из них, самый известный, — письмо К. С. Станиславского М. Ф. Андреевой, написанное в феврале 1902 года. Константин Сергеевич в мягкой форме выговаривал Андреевой за ее недостойное поведение и, в числе прочего, за неискренность. Укорял ее за фальшь, которая портит ее отношения с людьми: «Я люблю Ваш ум, Ваши взгляды, которые с годами становятся и глубже и интереснее... Я люблю в Вас настоящую женскую чистоту, пока она не переходит границы кокетства, жантильничания, не всегда хорошего вкуса. Словом, я люблю Вас — простой, в капотике, просто разговаривающей, люблю Вас в том же капотике искренно, экспансивно страдающей. Люблю Вас и в бальном платье, искренно, иногда несдержанно веселящейся, кокетничающей; но совсем не люблю Вас генеральшей, в капоте или в бальном платье, и совсем не люблю Вас — актеркой в жизни, на сцене и за кулисами. Эта актерка (не придирайтесь к слову) — Ваш главный враг, резкий диссонанс Вашей общей гармонии. Эту актерку в Вас (не сердитесь) — я ненавижу... Когда появляется эта актерка, она убивает в Вас все лучшее. Вы начинаете говорить неправду, Вы перестаете быть доброй и умной, становитесь резкой, бестактной, неискренней и на сцене и в жизни... Если я ошибаюсь (дай Бог), то не один, а со всей труппой, так как эту актерку не любят в Вас все, но только не говорят Вам об этом... Поверьте, милая Мария Федоровна. Вот эта-то актерка — виной той пестроты наших отношений. Она мешает мне слепо довериться Вам... Я не люблю людей, которые потакают Вам в эти минуты. Они вредят Вам, и я не хочу быть в их числе».^[520] Расценивая Марию Федоровну как члена большой театральной семьи, Станиславский взывал к голосу ее совести. Константин Сергеевич остро чувствовал, что Андреева вела двойную игру, но, вероятно, не знал — или же не мог принять — ее истинных мотивов.

Мария Федоровна была единственной из актрис Художественного театра, кто оказывал услуги социал-демократам, при этом на протяжении нескольких лет (вплоть до начала 1904 года) оставаясь не разоблаченной ни коллегами, ни полицией. Для этого надо было обладать особыми способностями — и они у Андреевой имелись. Очень остро ее неискренность чувствовали дети, которых она, в отличие от взрослых, не умела вводить в заблуждение. Нина Тихонова, девочка из ближайшего окружения Горького, очень быстро «раскусила» его подругу Андрееву. Об этом Н. А. Тихонова позже писала в воспоминаниях: «К Марии Федоровне

Андреевой я испытывала смешанные чувства восхищения и неприязни. Она была очень хороша собой, но инстинктивно я угадывала в ней некоторую недоброжелательность и фальшь. Мария Федоровна регулярно бывала на наших «днях рождения» и неизменно оповещала нас о том, что «подарок — за ней», о чем так же неизменно забывала... Мария Федоровна поэтому всегда подвергалась нашим насмешкам, о чем она вряд ли догадывалась».^[521]

Еще один яркий эпизод приводит в мемуарах скульптор, гравер, сценограф Вера Александровна Попова. Хорошо знакомая с артистической средой, она не без некоторого восхищения описывает умение Андреевой менять личины: «С Горьким, а особенно с его любовницей, актрисой Художественного театра Марией Федоровной Андреевой... я сдружилась зимой 1911 года... Это была женщина редкого шарма. В жизни Мария Федоровна оставалась актрисой и свою роль вела очень талантливо. Я наблюдала ее и меняла свое мнение не раз за день. То я думала, что она «прямо святая», а то видела хищницу, полную интриг».^[522] Кстати, тут следует еще раз вспомнить характеристику театрального критика, утверждавшего, что Андреева — типичная инженю: хрупкая, беззащитная, чистая душевно и нравственно. Вероятно, в жизни — во всяком случае с мужчинами — Мария Федоровна тоже играла в беззащитность.

Наконец, последний, не менее яркий, пример — воспоминания революционера, сотрудника легальной газеты Московского комитета РСДРП «Вперед» В. Н. Соколова. Ему нередко доводилось встречаться с Андреевой, когда та посещала редакцию этой газеты: «Встречи с Марией Федоровной Андреевой не случайно отчетливо сохранились в моей памяти. Меня, профессионального революционера, поразило и не могло не поразить активное участие выдающейся актрисы в подготовке вооруженного восстания. Хорошо запомнилась она еще из-за бросающегося в глаза разительного контраста между внешним видом этой необыкновенно красивой, мягкой, обаятельной женщины и той деловитостью и, я бы сказал, мужской хваткой, какую она проявила в первой же деловой беседе, отвоевывавая нашего «Чорта» (В. И. Богомоллов. — А. Ф.) для лаборатории по изготовлению бомб».^[523]

Однажды раздвоившись и постоянно пребывая во лжи, Мария Федоровна перестала быть цельным человеком. Ее душа представляла собой такие потемки, куда одинокому путнику забредать не следовало. По воспоминаниям современников хорошо видно: Мария Федоровна была добра — правда, не ко всем; радушна — но очень выборочно; готова

протянуть руку помощи — опять же не каждому. Чуткий к актерам К. С. Станиславский, перебирая возможных претенденток на роль царицы Ирины в пьесе А. К. Толстого «Царь Федор Иоаннович», летом 1898 года писал Немировичу-Данченко: «Желябужская, по-моему, совсем не подходит — она малосимпатична, души никакой».^[524] В том же письме Константин Сергеевич добавлял: «Ужасно прошу оставить роль в «Самоуправцах» за Желябужской. Тут не нужно большой силы. Княгиня — скверная девчонка и не должна возбуждать особой симпатии».

Именно «отсутствие души», а вернее, ее раздробленность на мельчайшие части — это и есть наиболее яркая характеристика М. Ф. Андреевой.

Многие, и в их числе Станиславский, говорили о доброте и отзывчивом сердце Андреевой. Однако забота ее об окружающих была весьма избирательной. С. Ф. Хунтадзе, бывший в советское время секретарем М. Ф. Андреевой, приводит показательный эпизод из воспоминаний революционерки Ф. И. Драбкиной. Драбкина описывала события V (Лондонского) съезда Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП), состоявшегося в апреле — мае 1907 года.^[525] Подготовка к съезду проходила в борьбе между большевиками и меньшевиками, которые формально были объединены в одну партию, но выступали с различными тактическими платформами. По свидетельству Драбкиной, «на Лондонском съезде партии Мария Федоровна присутствовала вместе с Горьким. Алексей Максимович участвовал с совещательным голосом, Мария Федоровна была в качестве гостя... Всякий другой на ее месте слушал бы речи на съезде, общался бы с делегатами, — чего еще можно было бы требовать от гостя. Но не в натуре Марии Федоровны было сидеть сложа руки. Видя плохо питавшихся, плохо одетых товарищей, Мария Федоровна организовала на свои личные средства дополнительное питание для делегатов-большевиков. Эта ее «фракционная» деятельность вызвала протест меньшевиков... Один из делегатов съезда рассказывает, что возле буфета, где можно было получить молоко, апельсины, бутерброды, Мария Федоровна поместилась с огромным кувшином очень вкусного пива, которым угощала делегатов во время перерыва».^[526] Такова была «благотворительность» Марии Федоровны — она помогала только тем, кто в ее глазах был достоин помощи, прочим же безжалостно отказывала.

Андреева была актрисой вне зависимости от того, сколько зрителей перед ней находилось — полный зал или же один человек. Даже с теми, кто

был к ней искренне привязан, кто готов был ради нее пожертвовать жизнью, она не была до конца честна и открыта. Так, в воспоминаниях М. Ф. Андреева делает особый акцент на сильной привязанности, которую она испытывала к Горькому. В письмах и мемуарах актриса подчеркивала, что она «была настроена в унисон его убеждениям, взглядам, планам и начинаниям». Тем не менее, живя с Горьким на итальянском острове Капри по поручению В. И. Ленина, Андреева скрывала от гражданского мужа свою переписку с вождем большевиков. В этой переписке Мария Федоровна подробно осведомляла Владимира Ильича обо всём, что происходило в «каприйской школе» социализма. Как вспоминал С. Ф. Хунтадзе, «когда пишущий эти строки спросил М. Ф. Андрееву, как мог Ленин, живя в Париже, знать о настроениях и планах «каприйцев», она, после долгого отнекивания, в сердцах отрезала: «Я ему писала». На наивный вопрос, а знал ли об этой переписке Алексей Максимович, она, всплеснув руками, воскликнула: «Господи, какой же вы дурак, зачем бы я стала говорить ему об этом?» Как ни велики были любовь и жертвы, принесенные ею Горькому, Ленин всегда оставался для нее Лениным».^[527]

Итак, личность Марии Федоровны вызывала у современников гораздо меньше симпатий, нежели ее сценические образы. Но это вовсе не значит, что на протяжении всего времени работы в МХТ она была чудовищем в человеческом облике. Еще летом 1899 года К. С. Станиславский не сомневался в искренности Марии Федоровны, причисляя ее к тем членам труппы, «на которых можно положиться».^[528] Настоящий разлад между Андреевой и театром, начавшийся в 1902-м и углубившийся в 1903 году, совпадал с усилением ее революционной активности. Вероятно, когда Савва Тимофеевич в нее влюбился, личность актрисы не успела еще окончательно раздвоиться; она не успела привыкнуть к мысли, что можно массово убивать людей просто ради торжества идеи. Она еще только заглянула в пропасть, только заразилась страшным вирусом революции. Но Андреева заболела этой заразой в самой тяжелой форме, которая навсегда деформировала ее душу. Она не только не исцелилась сама, но умудрилась заразить множество тех, кто неосторожно оказывался рядом. Бес разрушения завладел личностью Марии Федоровны и направлял поступки этой женщины, заставляя ее бросать во всепожирающее горнило революции одну жертву за другой.

Как уже говорилось, в конце 1890-х годов Савва Тимофеевич давно уже остыл к жене и мыкался в поисках человека, который мог бы одарить

его душевным теплом. В 1899 году началось настоящее сближение купца с Художественным театром. Вероятно, именно тогда он обратил особое внимание на Андрееву, которая в декабре этого года снискала себе громкое признание благодаря роли Кетэ в пьесе Г. Гауптмана «Одинокое». Импульсивная, чуткая к людям, Андреева показалась ему подходящей кандидатурой. Не влюбиться в эту женщину было трудно — она завораживала, очаровывала, сводила с ума... Вероятно, именно это — любовное сумасшествие — и случилось с обычно трезвым и расчетливым Саввой Тимофеевичем. Его, человека невероятно проницательного, словно объяла слепота, не позволявшая рассмотреть истинную суть личности Андреевой. Как говорится, и на старуху бывает проруха...

Чем же, помимо красоты, Андреева привлекла Морозова? Благодаря чему сумела надолго задержать его возле себя? Ведь их отношения длились несколько лет, и даже после того, как Мария Федоровна переключила внимание на Горького, Савва Тимофеевич по первому зову готов был выручить ее из любой беды.

В начале этой главы уже говорилось, что после того, как его семейная жизнь дала трещину, Савва Тимофеевич приискивал себе «интеллигентную содержанку». Мария Федоровна стала, вероятно, не первой его любовницей, — но только к ней Савва Тимофеевич по-настоящему, душевно привязался и только ее полюбил так крепко, что любовь эта заслонила ему весь остальной мир. Даже когда розовые очки спадут с его глаз и купец увидит, что представляет собой его возлюбленная, он не перестанет ей служить.

М. Ф. Андреева и на сцене, и в жизни являлась настоящим воплощением интеллигентности. Об этом говорили ее поза, движения, скромность одежды, горящий взор и пылкость «идейного» человека. Эта идейность и была той самой интеллигентской «изюминкой», которую искал Савва Тимофеевич.

Возможно, Мария Федоровна играла роль интеллигентной женщины, а может быть, действительно была ею — как-никак, она родилась и воспитывалась в среде петербургской интеллигенции, да и выбор актерского ремесла говорил о приоритете для нее умственного начала. Как бы то ни было, Андрееву отличала еще одна важная черта, которая сближала ее с Морозовым, а потом и с Горьким — трагическая оторванность от своих корней. Будучи внучкой дворян, сама она уже являлась разночинкой.

Для разночинной интеллигенции были характерны прежде всего «потерянность» себя в ценностном плане, постоянные поиски своего

призвания. Не сумев понять и принять ценности дворянской среды (будучи замужем за дворянином), Мария Федоровна с радостью восприняла новые — социалистические — ценности. В. И. Немирович-Данченко отмечал в воспоминаниях: «Большое впечатление за кулисами театра производило поведение Марии Федоровны Андреевой. Едва ли не самая красивая актриса русского театра, жена крупного чиновника, генерала... занявшая... первое положение в Художественном театре, она вдруг точно «нашла себя» в кипящем круге революции, ушла от мужа, а скоро после этого и бросила сцену». ^[529] Но в 1899 году до этого было еще далеко.

Для Морозова Мария Федоровна являлась не просто красивой женщиной, а прекрасной огненной птицей, которую не так-то просто поймать. Возможно, сначала это была для него лишь азартная игра — сделать Андрееву своей, но, увлекшись этой игрой, он позабыл обо всем на свете.

К сожалению, переписки между С. Т. Морозовым и М. Ф. Андреевой (за исключением нескольких телеграмм) не сохранилось, в мемуарах Мария Федоровна о Савве Тимофеевиче почти не упоминает. Поэтому о их отношениях можно судить лишь по косвенным данным, в основном по переписке между деятелями Художественного театра.

Сама М. Ф. Андреева, если и упоминала имя С. Т. Морозова, неизменно подчеркивала, что ее с этим человеком связывали исключительно дружеские отношения. Так, в 1915–1916 годах она писала о Морозове (этот отрывок не вошел в опубликованный в 1963 году текст ее воспоминаний): «Мы любили друг друга крепкой хорошей любовью долголетних друзей, и я горжусь такими отношениями с одним из благороднейших людей, встретившихся мне в жизни, считаю незаслуженным с моей стороны счастьем». ^[530] Возможно, будучи крупным деятелем Советского государства, Мария Федоровна не могла открыто заявить, что между ней и представителем «эксплуататорского» буржуазного класса было нечто большее, нежели дружба. Но, скорее, не хотела признать правду. «В Москве известно было, что во всем этом увлечении [Художественным театром] было женское влияние одной из участниц труппы», — деликатно, не называя имен, пишет в воспоминаниях приятель Морозова Д. А. Олсуфьев. ^[531] Еще одно свидетельство их связи, более определенное, приводит со слов одного из служащих Никольской мануфактуры купец Н. А. Варенцов: «Саввушка тратил много денег на Художественный театр, нужно предполагать, делалось это не из-за любви к

искусству, а из-за артистки Андреевой (Желябужской), а Горький у него отбил ее».^[532]

Вероятно, первое сближение Саввы Тимофеевича с Марией Федоровной произошло осенью 1899 года. Морозову в тот момент было 37 лет, Андреевой — 31 год. Мария Федоровна сообщала в письме революционеру Н. Е. Буренину: «С 1899 года в нашем театре стал принимать близкое участие Савва Тимофеевич Морозов, мы с ним вскоре очень подружились, он часто бывал у меня и через меня познакомился с моими друзьями марксистами, с «дядей Мишей» и многими другими, бывавшими у меня».^[533] Дата подтверждается еще одним источником — письмом О. Л. Книппер А. П. Чехову от 10 сентября 1899 года. Ольга Леонардовна с нескрываемой иронией сообщала Антону Павловичу: «Савва Морозов повадился к нам в театр, ходит на все репетиции, сидит до ночи, волнуется страшно... Я предлагаю Савве Морозову дать какую-нибудь должность при нашем театре, авось скорее новый выстроит. Жаль, что место инспектора над актрисами просил оставить за собой наш «популярнейший писатель» (А. П. Чехов. — А. Ф.), а то бы отлично можно было пристроить Саввушку».^[534] Видимо, симпатии «Саввушки» к тому моменту еще только начали определяться.

«Дружба» Саввы Тимофеевича с красавицей Андреевой вынуждала его, солидного, женатого человека, с утра пораньше находиться в доме Желябужских, ожидая выхода Андреевой, чтобы сопроводить ее в театр. Нередко они вместе появлялись в гостях у знакомых. Приемный сын актрисы А. Л. Желябужский вспоминал: «Савва Тимофеевич в нашем доме бывал часто. Он появлялся иногда с утра, еще до выхода Марии Федоровны. Прохаживаясь мелкими шажками по столовой и попыхивая папиросой, которую держал смешно зажатой в пухлых пальцах маленькой, почти женской руки, он переговаривался с Марией Федоровной через дверь ее комнаты, сообщая ей последние новости».^[535] Между купцом и актрисой завязался бурный роман, который достиг апогея уже в конце зимы — в начале весны 1900 года. Явление для тех времен нередкое, однако встречавшее порицание в стенах Художественного театра, где благодаря Станиславскому царили строгие моральные устои. Немирович-Данченко в конце февраля (или в начале марта) отправил Станиславскому письмо, в котором извещал Константина Сергеевича: «Мар[ия] Фед[оровна] отпросилась до четверга в Петербург. Остальные налицо. Контора работает... Морозов вчера уехал в Петербург, оставив мне чеков до 5 апреля».^[536] Вероятно, совместная поездка коммерсанта и актрисы в

столицу преследовала не только деловые цели...

Отношения Андреевой и Морозова длились чуть меньше четырех лет (с конца 1899-го до середины 1903 года) — до тех пор, пока Мария Федоровна не переключила всё внимание на Горького, который увлекся ею еще в 1902 году. И Андреева проявила к нему ответный интерес. Он особенно возрос после того, как летом 1903 года Мария Федоровна побывала в Женеве, где она общалась с Лениным^[537] и, вероятно, получила от вождя ценные указания по поводу писателя.

В этом году на сцене Художественного театра прошло две пьесы Горького, которые подняли МХТ на новый уровень развития. 26 марта 1902 года публика впервые увидела горьковских «Мещан», а 18 декабря уже в новом здании Художественного театра, в Камергерском переулке, состоялась премьера спектакля «На дне». Успех спектакля был колоссальным. Художественный театр вошел в период зрелости. По словам Т. Л. Щепкиной-Куперник, «На дне» прозвучало настоящим воплем о справедливости. Многие после него не спали ночей... Качалов, тогда совсем молодой артист, дал фигуру «бывшего человека», с трясущимися от пьянства изящными руками, один жест которых, когда он брался за карты, был красноречивее всяких рассказов о его жизни. Книппер — Настя, потерявшая облик человеческий, но всё же где-то хранящая золотую капельку мечты... Ее пропитой голос, ее лохмотья, ее истерические выкрики и рыдания — была сама жизнь... Юный Москвин, нашедший для Луки старческую, лукавую мудрость... Да все были целиком вырваны из жизни, перенесены с Хитровки на сцену. А посреди них, как цветок на пожарище, Наташа — Андреева, кутающаяся в свой длинный платок. Все они долго не уходили от зрителя».^[538]

Этот спектакль прославил не только Художественный театр, но и творца пьесы — Горького, который в дни премьеры буквально купался в лучах славы. И эта слава, среди прочего, позволила ему добиться благоволения М. Ф. Андреевой.

Для Саввы Тимофеевича уход Андреевой стал настоящей трагедией. А. Н. Серебров вспоминал, как в Художественном театре был устроен новогодний вечер с торжественным банкетом и танцами: «Обнаженная до плеча женская рука в белой бальной перчатке тронула меня за рукав.

— Тихоныч, милый, спрячьте это пока у себя... Мне некуда положить.

Мария Федоровна Андреева, актриса театра, красивая, в открытом белом платье, протянула мне согнутые вчетверо листы разлинованной

бумаги.

Это был подлинник недавно написанной Горьким поэмы «Человек».

После заключительных строк поэмы следовала адресованная Андреевой приписка о том, что у автора поэмы — крепкое сердце, из которого Андреева может сделать хорошие каблучки для своих туфелек.

Я взглянул на Андрееву. У нее было счастливое лицо.

Савва взял у меня рукопись и тоже прочитал последнюю страницу.

— Так... так... новогодний подарок!.. Влюбились?

Он выхватил из кармана фрачных брюк тонкий золотой портсигар и стал закуривать папиросу, но не с того конца.

Андреева внимательно смотрела на его трясущиеся веснушчатые пальцы.

— Сейчас начнется кабаре! Идемте! — сказала она, взяв его под руку».

[539]

По сути, Горький признался Андреевой в любви на глазах у Морозова. Приведенный отрывок его автор датирует 31 декабря 1903 года. Но, вероятно, писатель слукавил: в предисловии к своей книге он предупреждал, что, хотя за достоверность приведенных им сцен он может поручиться, ради усиления художественной выразительности материал был перегруппирован «по времени и месту действия». В действительности описанное событие произошло на несколько месяцев раньше: в конце 1903 года Мария Федоровна уже ушла от мужа, отдала детей на воспитание сестре Е. Ф. Крит и вступила в гражданский брак с Горьким. Это подтверждается тем, что уже летом 1903-го Савва Тимофеевич, у которого родился сын, пытался наладить отношения с женой.^[540] Но на этом отношения купца и актрисы не закончились. На протяжении 1899-го — первой половины 1903 года Савва Тимофеевич находился под сильнейшим влиянием Андреевой. Но даже с ее уходом к Горькому это влияние ослабнет далеко не сразу — лишь через год с небольшим Савва Тимофеевич сумеет частично от него освободиться. Однако освобождение придет лишь в процессе мучительных переживаний и внутренних поисков.

Впрочем, это будет несколько позже, а пока роман Андреевой и Морозова в самом разгаре.

Трудно сказать, кем являлся Морозов для Андреевой. Скорее всего, умным собеседником и... просто капиталистом — несметно богатым, а главное, поддающимся чужому влиянию. Иными словами, мешком с золотом. Не зря в романе Марка Алданова «Самоубийство», где показаны последние месяцы жизни Морозова, появился эпизод, в котором Савва Тимофеевич встретился с привлекательной женщиной. В нем купец

рассуждал: «Это еще кто? Красива. Быть может, и она готова была бы отдаться мне? То есть не мне, а Никольской мануфактуре. Совершенно бескорыстно мне никто не отдавался, все с оглядкой на Никольскую мануфактуру», — думал он с всё росшим отвращением от людей и от жизни». ^[541] Очевидно, Марк Александрович знал кое-какие подробности интимной жизни Саввы Тимофеевича. ^[542]

Андреева — без преувеличений — была для С. Т. Морозова всем. Ради нее он готов был принести в жертву и жизнь, и семью, не говоря уже о собственном богатстве и благополучии. К. С. Станиславский в феврале 1902 года откровенно писал М. Ф. Андреевой: «Отношения Саввы Тимофеевича к Вам — исключительные. Это те отношения, ради которых ломают жизнь, приносят себя в жертву, и Вы это знаете и относитесь к ним бережно, почтительно. Но знаете ли, до какого святотатства Вы доходите в те минуты, когда Вами владеет актерка? Это так противно Вашей натуре, что, я уверен, Вы сами этого не замечаете. Вы хвастаетесь публично перед почти посторонними Вам тем, что мучительно ревнующая Вас Зинаида Григорьевна ищет Вашего влияния над мужем. Вы, ради актерского тщеславия, рассказываете направо и налево о том, что Савва Тимофеевич, по Вашему настоянию, вносит целый капитал Ванновскому — ради спасения кого-то». ^[543]

Вероятно, сумев «поймать» райскую птицу, Морозов испытывал перед ней едва ли не детскую робость и преклонение. По словам А. Л. Желябужского, Савва Тимофеевич «был всей душой привязан к Марии Федоровне — это было подлинное преклонение. Просьбы ее были для него законом». Это было не просто вожделение, он полюбил эту женщину, прекрасно понимая, что, даже будучи с ним на ложе, она для него так и останется недостижимой. Андреева никогда не принадлежала Морозову вся, до самого конца. Надо было делить ее с мужем, с театром, с революционным движением — ситуация была поистине безвыходной.

Немирович-Данченко в октябре 1903 года писал Чехову об Андреевой и о ее влиянии на Горького, а потом прибавлял: «Под ее же влиянием, уже совсем как гимназист, дурачок, находится Морозов... С Горьким я объяснился *напрямки*. Что же касается Морозова, то это нелегко, потому что он путается во лжи. И идет какая-то скрытая ерунда, недостойная нашего театра и портящая нам жизнь. Это обидно, не только за Горького, но и за Морозова, т. к. *au fond* (по сути, *фр.* — А. Ф.) он хороший человек». ^[544] Не зря же критики называли Андрееву «типичной инженерю»: образ хрупкой, беззащитной девушки служил лучшим доказательством ее мнимой

невинности. Влияние Марии Федоровны на Морозова было крайне велико и касалось самых разных сторон жизни — от театра до политических воззрений. Если Андреевой хотелось сыграть на сцене МХТ ту или иную роль, нередко она задействовала авторитет Морозова — и тот исполнял все ее капризы. Так, в феврале 1903 года Немирович-Данченко писал А. П. Чехову о репертуарных планах: «Всё еще не знаем, к чему приступить дальше... Морозов за «Эллиду» и против Тургенева, потому что Мар[ия] Фед[оровна] Желябужская за «Эллиду» и против Тургенева». ^[545]

Сколь велико было влияние Марии Федоровны Андреевой на Морозова, видно из письма О. Л. Книппер-Чеховой мужу от 5 февраля 1903 года: «Сегодня я разговаривала с Самаровой и Владимиром] Ивановичем] о театр[альных] делах. Он говорит, что Константин] Сергеевич] чувствует недоверие труппы, скверное отношение к нему Морозова и теряется и нервит. И всё это дело рук Марии Федоровны. Она на всё действует через Морозова, заискивает у всей труппы теперь, держит себя настоящей премьершей, вмешивается во всё. Вл[адимир] Ив[анович] очень неосторожно выразился, что надо бы ее «вытравить» из театра... Мне, право, все эти дела, подходы прямо противны. Я бы никогда не могла «влиять» на кого-нибудь, чтоб достичь своего. Мне была бы только работа, и мне дороги все, кто истинно близок этому делу. Но когда я чувствую общепринятую театр[альную] атмосферу, влияние актрисы на ход дела, через влюбленного в нее мецената, — враждебное ее отношение к человеку, без которого немыслимо дело, — такая атмосфера для меня ужасна, и я готова бежать. Лилина ненавидит Марию Федоровну за ее скверное отношение к Константину] Сергеевичу]. Ужасно это все противно. Мне делается скучно, скучно жить. В деле я не выношу личных отношений. Это мелко». Таким образом, Марии Федоровне удалось настроить Морозова даже против Станиславского — человека, которого Савва Тимофеевич совершенно искренне любил и уважал. Антон Павлович отвечал супруге 11 февраля: «Насчет Морозова и М[арии] Ф[едоровны] не волнуйся очень, она дама не культурная, он из инородцев, им извинительно. Были бы пьесы, были бы сборы, а остальное все, в сущности, вздор». ^[546]

В литературе нередко приходится встречать утверждения, что революционные увлечения Саввы Тимофеевича, а также и Горького, сложились без влияния Андреевой — дескать, они самостоятельно сделали выбор в пользу большевиков. Однако автор этих строк считает, что влияние Марии Федоровны в этом вопросе несомненно и весьма сильно. До первой

русской революции 1905–1907 годов большевики были не только крайне немногочисленны, но еще и очень ограничены в инструментах влияния на политическую жизнь Российской империи — особенно на фоне других партий и общественных группировок, недовольных существующим строем. Поэтому среди интеллигенции было относительно немного тех, кто ориентировался на радикальную большевистскую фракцию в РСДРП. Да и лично Владимир Ильич Ленин — в будущем признанный лидер большевиков — оставался одним из вождей фракции и, может быть, не самым авторитетным человеком в партии. Он слыл в то время революционером, «которому, по слухам, не сочувствовало громадное большинство социалистов».^[547] Однако два столь различных человека, как Морозов и Горький, оказались в числе их сторонников — и оба после того, как сошлись с М. Ф. Андреевой, которая проявляла преданность В. И. Ленину со страстностью сектантки.

Вряд ли это было случайным совпадением!

Любопытно: социал-демократка Екатерина Дмитриевна Кускова, которая уже в 1890-х годах вела активную подпольную деятельность и была хорошо знакома с Максимом Горьким, не без удивления рассказывала о неожиданной трансформации его политических взглядов. В посвященной Горькому газетной заметке Екатерина Дмитриевна писала: «В те времена в Нижнем Новгороде, — как и всюду в России, — происходили страстные, жестокие сражения между народниками и марксистами — двумя флангами русской общественной мысли, выросшими после голодного 1891 г. Спор шел о формах развития России... Горький выставял третий фланг — «человека», — просто человека, человека гордого, смелого, вечно бунтующего — за полную справедливость на земле.

— Да плюньте вы на эти «формы»! Сколько революций сделали мещанишки Запада, а человек у них всё сидит в цепи! Плюньте же!

Мы над ним смеялись и посылали учиться или писать его «Макара Чудру»^[548] — произведение, тогда написанное и нас восхитившее.

Горьковский «человек» не должен был подвизаться ни в каких парламентах и иных демократических «чуланах с протухшей провизией». Он должен был «переть к правде» через опыт жизни, творя эту жизнь и постоянно разрушая всё, что препятствует его, человека, свободе. Никогда, до самого конца его жизни, нельзя было понять смысл его политических концепций. Да вряд ли он и был у него: анархист до мозга костей. В 1903 году я с удивлением узнала, что он обрел свою правду в большевистской фракции русской социал-демократии. Спрашиваю его:

— Что вас занесло к большевикам? Помните, как мы с вами начинали в Нижнем читать Маркса, а вы предлагали нам бросить этого «немецкого филистера» в печку и идти на вал слушать свободных от книжности соловьев, так чудно певших в архиерейском саду.

— О! — смеясь, воскликнул он. — Соловьев я и теперь предпочитаю марксистской белиберде, — натошак ее, ей-Богу же, не поймешь. Но... люди они отличные. Отличнейшие люди, я вам скажу. Расшибут башку самодержавию за милую душу... Отличные люди... А Ленин, ей-Богу же, поет, как соловей.

Смотрю на него. В глазах — искорки смеха, — не то издевается, не то — обольщен чем-то». ^[549] Екатерина Дмитриевна оказалась весьма наблюдательна. Уже в 1902 году Горький влюбился в Андрееву, с которой познакомился весной 1900-го, во время крымских гастролей МХТ. А в середине 1903-го — именно о нем идет речь в приведенном отрывке — началось их сближение. Мария Федоровна «обольстила» писателя, а обольстив, направила его симпатии в пользу большевиков. ^[550] Горький сам в одном из писем признавал, что именно в 1903 году он «примазался к большевикам». ^[551] К своему свидетельству Е. Д. Кускова добавляла, что впоследствии Горький разочаровался в большевиках: «Однако и после этого увлечения он горячо поддерживал всякий другой «активизм», направленный на разбитие «морды самодержавию», которое он ненавидел какой-то звериной ненавистью. А затем, уже после Октября, когда победили «отличнейшие люди», никто не набрасывался на них с такой определенной резкостью, как Горький в своей «Новой жизни»: от «узурпаторов свободы» страдал его идеал «человека».

Точно такая же трансформация произошла и с политическими взглядами С. Т. Морозова. В предыдущей главе были подробно разобраны его взгляды на протяжении 1890-х годов. В чем-то либерал, в чем-то консерватор, деятельный поборник решения рабочего вопроса, Савва Тимофеевич был бесконечно далек от политического радикализма. Никакой марксистской «подложки», никакой революции или «борьбы с самодержавием». Стремления С. Т. Морозова были направлены на проведение политических реформ. Правда, после 1897 года он отошел от активного сотрудничества с властью, в 1897–1898 годах сформировался оппозиционный настрой Морозова. Но формы его проявления были весьма умеренными. Первые свидетельства его сотрудничества с большевиками приходятся на те годы, когда Савва Тимофеевич тесно сошелся с актрисой М. Ф. Андреевой. Не раньше! Именно она приобщила купца (как затем

приобщила писателя) к деятельности большевистских подпольных организаций. Именно она и убедила его щедрой рукой жертвовать на их нужды.

Отношения Андреевой и Морозова завершились весной или летом 1903 года, когда Мария Федоровна отдала предпочтение Горькому, чья литературная слава уже гремела не только в России, но и по всему миру, а Савва Тимофеевич вернулся в семью, к жене, только что родившей ему второго сына. Однако и после этого Савва Тимофеевич проявлял готовность выручать Андрееву из любой беды. Так, когда в январе 1905 года, будучи в Риге, актриса находилась при смерти, именно Морозов, а не Горький, дежурил у ее постели. Алексей Максимович в это время находился в Петербурге, верша дела революции... А в феврале 1905-го, опять-таки по просьбе Андреевой, Савва Тимофеевич хлопотал об освобождении Горького из Петропавловской крепости, внося за него залог в десять тысяч рублей, хотя у него хватало собственных хлопот. От встречи с освобожденным «пролетарским писателем» купец уклонился. Таковую же сумму купец внес за писателя Леонида Андреева, друга Горького, на чьей квартире 9 февраля 1905 года был арестован нелегально заседавший там Центральный комитет РСДРП.

Хотелось бы подчеркнуть: помощь большевикам Морозов начал оказывать по личной просьбе Андреевой. Потом к актрисе присоединился Горький, который, благодаря литературному таланту, стал большим авторитетом для Саввы Тимофеевича. Подружившись с Морозовым, Алексей Максимович, как и Андреева, принялся «выкачивать» из него деньги на подпольную работу.

Впоследствии ряд советских деятелей признает, что дружба и Андреевой, и Горького с Морозовым во многом базировалась на корыстных соображениях. Так, Г. М. Кржижановский, который по финансовым вопросам часто общался и с Андреевой, и с Горьким, напишет о тех временах, когда Мария Федоровна еще жила в доме А. А. Желябужского (до 1904 года): «У меня тогда сложилось впечатление, что, по-видимому, источником наших средств был главным образом известный меценат Художественного театра Савва Морозов, на которого А. М. Горький имел в то время большое влияние. Помнится, что я получил от М. Ф. в этот приезд около 10 000 рублей, что по тем временам было для нас существенной поддержкой».^[552]

Другой выдающийся революционер, Л. Б. Красин, человек циничный, в 1930-х годах открыто скажет: «Морозов был человек, сильно увлекавшийся техникой, и мечтал поставить свои собственные фабрики на

возможно большую техническую высоту. Я... пользовался в деловых кругах репутацией неплохого инженера и администратора. Расчет Горького состоял в том, чтобы привлечь меня непосредственно на службу к Савве Морозову, установив на этой почве контакт с ним, а так как *все мы тогда принадлежали к группе «рыбачьей» — «ловцов человека»* (курсив мой. — А. Ф.), то уже самое время должно было сделать остальное». ^[553] Впрочем, ради справедливости надо признать: в отличие от Андреевой Горького Морозов интересовал не только как безотказный источник средств, но и как личность. По словам А. Н. Сереброва, «до конца своей жизни Горький сохранял способность влюбляться в людей, показавшихся ему чем-нибудь замечательными. Его увлечение Саввой было одним из самых сильных и длительных. И в результате многие из его литературных персонажей оказались скроенными из морозовского материала. Лютов и отчасти Бердников в «Климе Самгине», кое-что в романе «Дело Артамоновых», в повести «Мать» и особенно Егор Булычов взяты им от Морозова. Про Егора Булычова Горький открыто заявил, что «Булычов — это провинциальный Савва Морозов».

Как бы то ни было, благодаря совместному влиянию Андреевой и Горького Савва Тимофеевич вступил на путь, ведущий к пропасти, и зашел по нему очень далеко.

Во время студенческих беспорядков в феврале 1902 года, когда на массовой сходке были арестованы некоторые студенты Московского университета — в том числе первые наставники Андреевой в деле революции, Д. И. Лукьянов и его друзья по Ставропольскому землячеству, — Мария Федоровна бросила все силы на их спасение от репрессий. По зову Андреевой и С. Т. Морозов, и ее законный муж употребили все влияние, чтобы освободить Лукьянова со товарищи. После того как им это удалось, по свидетельству А. Л. Желябужского, «Мария Федоровна немедленно предприняла энергичнейшие действия для облегчения положения репрессированных. Для ссылаемых в Сибирь срочно закупались теплая одежда и продовольствие. Морозов потащил меня с собой на Петровку в знаменитый магазин Пихлау и Брант, где и была закуплена на мою рослую и крупную фигуру большая партия прекрасных курток на теплой подкладке. Наша квартира превратилась на это время в склад всевозможных вещей и продовольствия. Мария Федоровна впоследствии рассказывала мне, что только от Морозова было получено на эти цели свыше десяти тысяч рублей». ^[554] Это было одно из первых крупных пожертвований Морозова на нужды революции, и влияние Марии

Федоровны здесь несомненно.

По личной просьбе Андреевой С. Т. Морозов давал большие средства — если верить А. М. Горькому, 24 тысячи в год ^[555] — на издание «Искры».

^[556] По ее просьбе устраивал на работу к себе на фабрику или в имения деятелей революционного движения, в том числе таких крупных, как А. Н. Тихонов-Серебров (в 1902 году) и Л. Б. Красин (последнего — при деятельном участии Горького; работал в Орехово-Зуеве один год, с начала 1904-годо февраля 1905-го). По ее же просьбе зимой 1903/04 года прятал в своем доме политического преступника — большевика, одного из руководителей Московского комитета РСДРП (1903–1905) Н. Э. Баумана, который скрывался от преследования властей. При этом Мария Федоровна без тени сомнений говорила: «С. Т. Морозов отлично знал, что укрывает у себя того самого человека, который два месяца назад вел с его рабочими в Орехово-Зуеве разъяснительную беседу по поводу готовящейся на фабрике стачки». ^[557] Деньги Морозова поступали в партию через Андрееву или Горького. «Он был щедр, много давал денег политическому «Красному Кресту», на устройство побегов из ссылки, на литературу для местных организаций и в помощь разным лицам, причастным к партийной работе социал-демократов большевиков». ^[558]

Судя по воспоминаниям Горького и Сереброва, в определенный период жизни Савва Тимофеевич оценивал деятельность В. И. Ленина и его ближайших соратников выше, чем деятельность их коллег по фракции. ^[559] Правда, в достоверности этих воспоминаний приходится сомневаться. Во всяком случае, в той их части, где говорится о политической позиции Саввы Тимофеевича. Можно лишь утверждать следующее: внимание Морозова, с его многолетними попытками решить рабочий вопрос, безусловно привлекли марксистские идеи.

О помощи, которую С. Т. Морозов оказывал большевикам, в литературе уже неоднократно говорилось, и, думается, нет необходимости специально останавливаться на каждом конкретном факте, когда Морозов оказывал помощь большевикам. Хотелось бы отметить другое.

Во-первых, сами даты указанных событий говорят о той связи, которая существовала между отношениями Морозова с Андреевой и его поддержкой ленинской группы. С. Ю. Витте, с 1903 года председатель Комитета министров, прямо указывал: «Морозов дал через актрису, за которой ухаживал, сожительницу Горького, несколько миллионов революционерам». ^[560] Сергей Юльевич был весьма хорошо осведомлен о деятельности политического подполья — правда, не знал или не помнил

конкретных сумм: современные исследователи говорят о тысячных, а не о миллионных пожертвованиях Морозова.^[561] Сама же М. Ф. Андреева признавалась: «...если до 1902 года я помогала многим, то с этого времени все мои усилия были твердо направлены в сторону большевиков» (разделение на большевиков и меньшевиков произошло лишь в июле 1903 года, на II съезде РСДРП). Савва Морозов также начал активно поддерживать большевиков именно в 1902 году и следовал этим курсом вплоть до весны 1904-го.^[562] Зимой 1903/04 года Андреева и Горький стали открыто жить гражданским браком, несмотря на общественное порицание. С этого момента доселе бурный поток морозовской денежной помощи большевикам превратился в тоненькую струйку, фактически сошел на нет. Следующей зимой Савва Тимофеевич поссорился с Горьким,^[563] которого отныне «...в разговорах со знакомыми сухо называл «Максимом» или «Алексеем», а то даже и «господином Горьким».^[564] Даже та тоненькая струйка денежных вливаний в революцию, которая еще оставалась в 1904-м, на глазах иссякала.

Во-вторых, все пожертвования Морозова на нужды фракции направлялись по тем каналам, которыми заведовала Андреева.

Наконец, в-третьих, имеется еще одно обстоятельство, которое хотелось бы осветить подробнее.

В советской литературе за С. Т. Морозовым закрепилось данное ему А. М. Горьким прозвище «социальный парадокс». Алексей Максимович таким образом хотел подчеркнуть, что Морозов — потомственный капиталист — увлекался идеями Карла Маркса и давал немалые деньги на революцию. По выражению одного из служащих Никольской мануфактуры, Савва Тимофеевич «на одном стуле... накапливал богатства, а на другом растрясывал на революцию».^[565] Действительно, купец-миллионщик поддерживал большевиков. Но из этого нельзя делать однозначный вывод, что его разум оказался прочно и бесповоротно завоеван крайне левым течением политической мысли. Необходимо учитывать, что в начале XX столетия, как и в 1890-е годы, политические воззрения С. Т. Морозова были сложны и не поддаются однозначной трактовке. У него имелись собственные взгляды на политическое и общественное устройство, которые чаще всего не находили отклика в деятельности уже существующих организаций.

Несмотря на всю свою активную помощь большевистской фракции социал-демократов, Савва Тимофеевич... не являлся по-настоящему

убежденным сторонником большевиков. По словам Марка Алданова, политическое настроение Морозова «было неопределенно левое и романтическое».^[566] Это подтверждает граф Д. А. Олсуфьев. Университетский приятель С. Т. Морозова Дмитрий Адамович поддерживал с ним общение вплоть до 1905 года. Приятели вместе ходили на представления Художественного театра, в частности, смотреть пьесу «На дне», которая шла на сцене МХТ с конца 1902 года. Олсуфьев писал в посвященных Савве Тимофеевичу воспоминаниях: «Конечно, я ни на минуту не сомневаюсь, что Морозов никогда не был революционером взаправду, а просто «блажил», или, как говорится, с жиру бесился, сыпля деньгами на революцию: он делал это исключительно из соображений политического снобизма, т. е. играл в ту опасную игру, которая и привела его к преждевременной трагической кончине».^[567]

Вероятно, не только большевики получали от Морозова средства на политическую деятельность. Материальную поддержку он оказывал и представителям других партий. На страницах романа Марка Алданова «Самоубийство» имеется следующий диалог: «Видишь ли, за границей известно, что Савва Морозов дает большие деньги и на политические дела. — Действительно дает. Сколько с него перебрал на это Горький, и сказать тебе не могу. Притом на политические дела разного направления. Конечно, в пределах левого лагеря, о правых Морозов и слушать не стал бы. Он дает деньги и либералам, и социалистам всех оттенков».^[568]

В начале 1900-х годов в доме Саввы Тимофеевича бывали представители самых разных общественных сил, от либеральных до леворадикальных. Не приветствовал он только правых политиков любых мастей. Морозов был уверен, что России необходимы преобразования. По словам Горького, «в словах Саввы Морозова не прикрыто ничем взвизгивала... жгучая боль предчувствия неизбежной катастрофы».^[569] Однако его мнение о том, как именно следует осуществлять эти преобразования, постепенно трансформировалось.

В 1902–1903 годах, будучи тесно связан с Андреевой, Морозов, по-видимому, считал революцию неизбежной, так как «только этим путем и достижима европеизация России, пробуждение ее сил. Необходимо всей стране перешагнуть из будничных драм к трагедии. Это нас сделает другими людьми».^[570] В 1903 году Савва Тимофеевич поддерживал связи и с социал-демократами (вероятно, не только с большевиками), и, видимо, с эсерами^[571] (иначе социалистами-революционерами) — представителями крупнейшей в России левой буржуазно-демократической партии.^[572]

Как известно, эсеры, в отличие от большевиков, делали ставку на «трудовой народ» (прежде всего крестьянство, а уж потом на рабочий класс и демократически настроенную интеллигенцию), да и в методах борьбы они расходились с большевиками. Для значительной части эсеров проведение демократических реформ мыслилось первостепенной задачей. Вероятно, Морозову были близки требования эсеров, но в то же время он совершенно не разделял ни их методов, ни ставки на крестьянство. Савва Тимофеевич являлся промышленником и отчетливо понимал: если в России совершится переворот, его основной движущей силой станут оторванные от земли, хорошо организованные рабочие. Поэтому в смысле тактики ему были ближе социал-демократы. Кстати говоря, деятельности большевиков Савва Морозов придавал важное, но не исключительное значение. По свидетельству Горького, купец говорил: «Для меня несомненно, что это течение сыграет огромную роль». Однако тут же добавлял: «Очень вероятно, что, когда революция придет, Ленина и его группу вздуют, истребят, но — это уж дело второстепенное».^[573]

Однако после того как Андреева ушла от него к Горькому, политические взгляды Саввы Тимофеевича стали постепенно меняться. В 1904 году он, наконец, обрел потерянное было трезвомыслие и посмотрел на деятельность бывших соратников, что называется, «со стороны». В итоге, после нескольких лет увлечения радикальными политическими течениями, в 1904–1905 годах Савва Морозов во многом вернулся на умеренные позиции, которые были свойственны ему прежде, пусть и с существенными коррективами. Как и в период до 1897 года, Морозов считал наиболее эффективными легальные методы политической борьбы, диалог с правительством. Но если раньше он добивался от властей принятия отдельных законов, то в середине 1900-х он стал предъявлять иные требования: проведение глубоких реформ, введение конституции, а также парламентские преобразования.

Вероятно, на это время — 1904–1905 годы — приходится усиление связей Морозова с лидерами либерально-оппозиционного движения. В его особняке на Спиридоновке (дом 17) происходили полулегальные заседания Союза земцев-конституционалистов,^[574] на базе которого впоследствии возникнет партия кадетов. Это была организация либерально настроенных членов земств и городских дум. Понимая, что участия в решении местных вопросов для достижения перемен в государственном строе недостаточно, земцы-либералы перешли к политической борьбе. Союз земцев-конституционалистов оформился в ноябре 1903 года, но не имел ни четкой

структуры, ни хорошо проработанной программы. Тем не менее в 1904–1905 годах общественные предприятия Саввы Тимофеевича будут совпадать с деятельностью союза. Целью объединения провозглашалось проведение умеренных политических преобразований — ограничения власти монархии путем принятия конституции, а также установление демократических свобод. 23 февраля 1904 года II съезд земцев-конституционалистов обратился к императору Николаю II с просьбой привлечения «народного представительства при органическом единении царя с народом».

Не исключено также, что Морозов имел дело и с другим органом либеральной оппозиции — «Союзом освобождения». Зинаида Григорьевна Морозова вспоминала одно из собраний либерально настроенных политических деятелей, которое она посетила вместе с мужем. Оно состоялось незадолго до II земского съезда (22–26 апреля 1905 года)^[575] и, во всяком случае, до 17 апреля, когда Морозовы выехали из России: «Собрание было в доме Долгорукова и был цвет Москвы, мы были с Саввой Тимофеевичем], был апрель или май и когда мы вышли оттуда, было чудесное, раннее утро».^[576] Очевидно, Зинаида Григорьевна говорит об одном из основателей «Союза освобождения», князе Павле Дмитриевиче Долгорукове, так как это имя фигурирует в предыдущей части ее воспоминаний.^[577] «Союз освобождения» — политическое объединение буржуазной интеллигенции и земских либералов, возникшее на базе издававшегося за границей журнала «Освобождение». Союз существовал в 1904–1905 годах; учредительный съезд организации проходил 3–5 января 1904 года в Петербурге. Его участники представляли «освобожденческие» кружки, существовавшие в двадцати двух крупнейших городах России. Цель «Союза освобождения» — проведение умеренных политических преобразований — во многом совпадала с целью Союза земцев-конституционалистов. Это заложило основу для их дальнейшего объединения и организации на их основе партии кадетов.

Иными словами, в 1904 году деятельность либеральной части оппозиции заметно усилилась, и Савва Морозов принимал в этой деятельности самое активное участие. Он вновь, как и в 1890-х годах, взял на себя роль одного из лидеров русской буржуазии. А. Л. Желябужский вспоминал, что Морозов, «как председатель Промышленного комитета... часто бывал в Петербурге и имел общение с правительственными кругами»,^[578] а потому был хорошо осведомлен о принимаемых правительством мерах. В частности, вновь произошло сближение Саввы

Тимофеевича с Витте. По словам Сереброва, в то время Морозову как воздух «нужна была поддержка. Он искал ее у «приличных» членов правительства — Витте был его другом; он искал ее среди интеллигенции — построил лучший в мире театр».^[579] Искал и среди наиболее активных представителей своего сословия. Согласно исследованию И. В. Поткиной, в 1904 году С. Т. Морозов возобновил свою деятельность в качестве выборного Московского биржевого комитета. В январе этого года при комитете была учреждена временная комиссия по развитию русского хлопководства, членом которой он стал. В том же 1904 году Савва Тимофеевич принял участие в обсуждении вопроса о реформе промыслового налогообложения. Ему и еще ряду лиц был поручен созыв съезда совещательных предпринимательских организаций для выработки окончательной резолюции законопроекта.^[580] Кроме того, в 1904 году Савва Тимофеевич вновь был избран гласным Московской городской думы на срок с 1905 по 1908 год.^[581]

Второй съезд «Союза освобождения», проходивший в Петербурге 20–22 октября 1904 года, рекомендовал членам союза начать создавать профессионально-политические союзы по профессиям. Эта рекомендация была претворена в жизнь. После съезда, в конце осени 1904 года, в Москве проходили совещания крупных промышленников. На них утверждались «петиции» (записки) правительству, в которых промышленники требовали принятия конституционных свобод. С. Т. Морозов активно участвовал в составлении этих документов.

О его роли в совещаниях промышленников можно судить уже по тому факту, что само петиционное движение крупного московского купечества в обиходе именовалось «морозовским». Так, Д. П. Маковицкий, заносивший в свой дневник всё, что происходило в Ясной Поляне, передавал диалог Л. Н. Толстого с неким Струменским (13 января 1905 года). Последний задал писателю вопрос: «Говорят, что если бы вы, Лев Николаевич, присоединились тогда к морозовскому (московского купечества) движению, если бы вы подписали петицию и лично передали бы ее царю, то из этого могла бы быть конституция, и это могло бы прекратить войну и освободить землю». На что граф отвечал: «При конституции затеют новую войну».^[582] Однако та роль, на которую претендовал Савва Тимофеевич в начавшемся движении, была гораздо более значимой. Мануфактур-советник С. Т. Морозов стремился взять на себя роль выразителя интересов купеческого сословия. По словам купца, видного книгоиздателя М. В. Сабашникова, зимой 1904/05 года «торгово-промышленные круги

старались поднять и объединить вокруг себя С. Т. Морозов и братья П. П. и В. П. Рябушинские... Приглашаемые собирались вечерами за чайным столом, роскошно сервированным, поочередно то на Спиридоновке, то на Пречистенском бульваре, то на Воздвиженке. Днем, уже в более ограниченном составе, встречались в кабинете П. П. Рябушинского в его новом банке в стиле модерн на Биржевой площади». [\[583\]](#)

Впрочем, поведение Морозова в новой обстановке было весьма осторожным. Вероятно, политическому чутью некоторых соратников Савва Тимофеевич не слишком доверял или, во всяком случае, не знал, чего от них можно ожидать. Морозову надо было, по всегдашней привычке, присмотреться к соратникам, прощупать их слабые стороны и найти среди них сильнейших.

М. В. Сабашников с некоторым удивлением писал: «В многолюдных вечерних собраниях обсуждение, бывало, сползало с общих политических позиций к критике, и притом часто пристрастной и несправедливой, отдельных распоряжений фабричных инспекторов, санитарного надзора или земства. Выходило, что правительство и существующие порядки иногда приходилось защищать от неосновательных нападок, могущих только дискредитировать нападающих в глазах общества. Меня удивляло, что С. Т. Морозов, кажется, готовый к весьма решительным шагам, этими настроениями своей среды не очень-то смущался, по-видимому, считая, что всякое недовольство и всякое раздражение, хотя бы и не основательное, всё же льет воду на его мельницу. Он производил впечатление человека, решившего сделать прыжок и присматривающегося к тому, как взять разбег. Из двух намечавшихся и несомненно соперничавших лидеров Савва Тимофеевич, казалось мне, больше руководствоваться будет чувством, а Павел Павлович — рассудочным расчетом». [\[584\]](#) Думается, рассудочного расчета хватало и у Морозова, хотя на свое чутье он вполне полагался.

«Взять разбег» Савве Тимофеевичу удалось к началу 1905 года, когда напряжение в обществе достигло высочайшего накала. Как известно, 9 января 1905 года состоялось мирное шествие петербургских рабочих под руководством священника Г. А. Гапона. Рабочие намеревались собраться на площади Зимнего дворца, чтобы представить государю петицию о своих нуждах. Петиция содержала просьбу рабочих об улучшении их материального положения, а также политические требования — созыв Учредительного собрания на основе всеобщего, равного и тайного голосования, введение демократических свобод. Демонстрация была встречена ружейными залпами, было множество убитых и раненых. Этот

день, вошедший в историю под названием «Кровавое воскресенье», стал началом первой русской революции 1905–1907 годов.

После этих событий, вероятно, в конце января 1905-го, Морозов встретился с председателем Комитета министров С. Ю. Витте. Краткое описание этой встречи содержится в воспоминаниях Сергея Юльевича: «Помню, когда я еще был председателем Комитета министров... в начале 1905 г. как-то вечером Морозов просит меня по телефону его принять. Я его принял, и он мне начал говорить самые крайние речи о необходимости покончить с самодержавием, об установке парламентарной системы со всеобщими прямыми и проч. выборами, о том, что так жить нельзя более, и т. д. Когда он поуспокоился, зная его давно и будучи летами значительно старше его, я положил ему руку на плечо и сказал ему: «Желая вам добра, вот что я вам скажу — не вмешивайтесь во всю эту политическую драму, занимайтесь вашим торгово-промышленным делом, не путайтесь в революцию, передайте этот мой совет вашим коллегам по профессии...» Морозов, видимо, смутился, мой совет его отрезвил, и он меня благодарил. После этого я его не видел».^[585]

Правда, сегодня историки подвергают сомнению свидетельство Витте о том, что Морозов призывал покончить с самодержавием. Дело в том, что воспоминания Витте — крайне сложный источник. В попытке оправдать свои действия Сергей Юльевич нередко искажал факты, причем делал это с такой виртуозной тонкостью, что крайне трудно отделить правду от вымысла. В данном случае имеется возможность проверить слова бывшего министра. Чуть позже будет сказано об одном любопытном источнике — «Программной записке», автором которой является С. Т. Морозов. В этом документе, где Савва Тимофеевич достаточно полно излагает свои взгляды на власть и общество, об отмене самодержавия не сказано ни слова. Видимо, Сергею Юльевичу, стороннику неограниченной монархии, крайними казались любые речи о парламенте и конституции.

Да и политическая деятельность Морозова с посещением Витте не завершилась. Ставшие ответом на Кровавое воскресенье стачки и демонстрации протеста под лозунгом «Долой самодержавие!», а также другие массовые акции протеста вынудили правительство пойти на уступки. Оно пообещало созвать Государственную думу, которая по имени министра внутренних дел А. Г. Булыгина получила название Булыгинской. Этим не замедлила воспользоваться наиболее активная часть московского купечества.

По словам купца, общественного деятеля П. А. Бурьшкина, «когда в начале... 1905-го года на очередь стал вопрос о разработке положения о

Государственной думе и была, с этой целью, создана Булыгинская комиссия, то представители московской промышленности живо на это реагировали. Во всеподданнейшем адресе Московского торгово-промышленного сословия, поданном в феврале 1905 года, говорилось: о призыве к работе в области государственной деятельности «подданных Ваших... в лице их избранников, опытом ознакомленных с насущными потребностями народной жизни. Торгово-промышленное сословие с готовностью принесет свои силы и знания служению... на пользу Отечества». 14 марта 1905 года от всех торгово-промышленных организаций А. Г. Булыгину была подана «петиция, в которой указывалось на важное место, занимаемое промышленностью в жизни государства и общества, нужды которого не могут быть выражены представителями земств и городов, и доказывалось, что к совещанию должны быть привлечены выборные представители промышленности».^[586] Иными словами, речь шла о необходимости создать постоянное объединение предпринимательских организаций. Это заявление было подписано девятью представителями купечества, в том числе его лидерами — С. Т. Морозовым и П. П. Рябушинским. Булыгин получил его из рук особой депутации в лице С. Т. Морозова, Э. Л. Нобеля и Н. С. Авдакова. Чуть ранее, 24 февраля 1905 года, IV съезд земцев-конституционалистов обратился к императору Николаю II с той же просьбой — о введении в комиссию А. Г. Булыгина представителей общественности.

Купцам и земцам удалось добиться желаемого: Булыгину было предписано привлекать народных представителей к участию в предварительном обсуждении и разработке законодательных положений. Что касается выработки самого положения о Государственной думе, то она, по словам Бурышкина, «вызвала раскол в московских промышленных кругах... На собрании выборных [Московского] Биржевого общества, 2-го июня 1905 года, значительное большинство высказалось за совещательную думу, на что меньшинство заявило протест... Мысль протестующих была простая и ясная: Дума должна быть законодательной».^[587] Савва Тимофеевич, который не дожил до этих событий, в данном вопросе выказал весьма умеренный подход. 9 февраля 1905 года Морозов составил в адрес Комитета министров «Программную записку»,^[588] которая увенчала его многолетнюю работу по решению рабочего вопроса. Основной упор ее автор делал на изменения в области фабричного законодательства, считая, что закон должен признать только экономические стачки, в то время как политические забастовки аномальны и

свидетельствуют о неблагополучии в обществе. Однако в ней освещались и другие вопросы российской жизни, с указанием на конкретные факты проводилась мысль о необходимости реформ в области государственного устройства и гражданского законодательства. Среди прочего, Морозов говорил об «оковах, наложенных на свободный голос страны, лишенной возможности говорить о своих нуждах Верховному носителю власти».^[589] То есть речь шла только о законосовещательных, а не о законодательных функциях нового органа.

Согласно тексту «Программной записки», Морозов являлся сторонником парламентарной монархии с привлечением к управлению всех слоев общества, отстаивал либерально-демократические ценности, такие как свобода слова, печати, собраний, всеобщее равноправие, неприкосновенность личности и жилища, обязательное школьное образование и т. п. Кстати, в указанной записке Савва Тимофеевич ни словом не упоминает о революции! Напротив, текст ясно показывает: его автор являлся противником любого насилия, считая, что любые экономические проблемы можно решить мирным путем.

Кто знает, сколько еще превосходных идей кипело в голове Морозова... Вероятно, распорядись судьба иначе, он продолжил бы активно влиять на ход политической и общественной жизни Российской империи. Возможно даже, он мог бы повлиять на ход реформ в качестве лица, ведущего диалог с властью — пусть даже диалог этот проходил бы на повышенных тонах, но без смертоубийств, — требуя мирного преобразования существующего режима. Однако ему не суждено было дожить даже до создания первой думы.

Из всего сказанного выше следует вывод: большевизм для Морозова явился, что называется, временным увлечением. Притом увлечением, прочно связанным с его любовными переживаниями. Ушли они, и политические пристрастия Саввы Тимофеевича постепенно вошли в русло, более близкое общественной среде, которой он принадлежал. В советское время вокруг него создалась романтическая репутация революционера-во-вред-себе. Но действительность куда менее романтична. Морозов очень недолго поддерживал радикальное течение, ставившее своей целью разрушение старого государственного порядка. И в последние годы жизни отвернулся от большевиков. Пора подумать об исправлении этой самой «непререкаемо-революционной» репутации: она явно неуместна и незаслуженна.

1904 год стал переломным в судьбе С. Т. Морозова. Переменам в

личной жизни, а также резкому повороту в общественно-политической деятельности соответствовало еще одно изменение — в отношениях Саввы Тимофеевича и Московского Художественного театра.

Уже 16 февраля 1903 года В. И. Немирович-Данченко писал А. П. Чехову: «В товарищеском смысле в нашей театральной жизни намечается какая-то трещина, как бывает в стене, требующей некоторого ремонта. По одну сторону этой трещины вижу Морозова и Желябужскую и чувствую, что там окажутся любители покоя около капитала, вроде Самаровой, например. По другую сторону ясно группируются Алексеев с женой, я, твоя жена, Вишневский... Трещина медленно, но растет».^[590] Со временем напряженные отношения будут только нарастать. Точкой накала стал октябрь 1903-го, когда между Станиславским, Немировичем-Данченко и Морозовым состоялся разговор, в котором Станиславский, обращаясь к Немировичу, критиковал уровень его последних постановок. Морозов выражал согласие со Станиславским. Это выбило из колеи Владимира Ивановича: его критиковали в присутствии купца. В ноябре того же года Немирович-Данченко вновь писал Чехову: «Морозовщина» за кулисами портит нервы, но надо терпеть. Во всяком театре кто-нибудь должен портить нервы. В казенных — чиновники, министр, здесь — Морозов. Последнего легче обезвредить».

Вероятно, в основе разногласий лежал целый комплекс причин. Однако решающую роль сыграло одно-единственное обстоятельство. Между Саввой Тимофеевичем и Немировичем-Данченко возобновились прежние споры насчет репертуара. Морозов считал, что Художественный театр отходит от того общезначимого репертуара, на который он был ориентирован первоначально. Немирович упрекал купца в том, что тот гонится за модой, но, думается, он в данном случае был неправ. Чтобы публика шла в театр, ее необходимо чем-то привлечь. Императорские театры были хороши своим «звездным» составом. На их сцене играли талантливейшие актеры того времени: М. Н. Ермолова, П. М. Садовский, А. П. Ленский и ряд других. В труппе Художественного театра тоже имелись талантливые актеры, но звезд первой величины практически не было. Его особенность была в другом — в репертуаре. Савва Тимофеевич прекрасно понимал: Художественный театр ценен прежде всего как единственный театр, который говорит интеллигентам об интеллигенции, причем, что немаловажно, говорит на их же языке. Сюда прежде всего стремились попасть учителя, врачи, учащая молодежь — все те, кто трудился во имя идеи. Ставя остро социальные пьесы А. П. Чехова и М. Горького, а также не менее злободневные исторические драмы А. К.

Толстого, театр являлся своего рода духовным вождем для разночинной интеллигенции. Пока театр был уникален, давал зрителю то, что тот жаждал видеть — отражение повседневной жизни, попытки решения наиболее мучительных проблем современности, — он мог не опасаться за дальнейшее существование. Именно диалог с интеллигенцией обеспечил театру ту бешеную популярность, которой он пользовался, именно благодаря ему массы людей даже по ночам стояли в очереди за билетами.

А в это время в театре стала преобладать символистская линия, проводником которой являлся Немирович-Данченко. Художественный театр начал ставить туманно-непонятные для русского интеллигента пьесы М. Метерлинка («Слепые», «Непрошенная», «Там, внутри»), чрезмерно увлекся Г. Ибсеном, которого публика также не всегда понимала. Так, по словам О. Л. Книппер-Чеховой, первую пьесу Ибсена на сцене МХТ, «Эдду Габлер» (февраль 1899-го), публика не приняла, «несмотря на прекрасно сыгранные отдельные роли» и то, что «красива была М. Ф. Андреева в заглавной роли».^[591] Эти произведения «утверждали декадентские настроения, доказывали непрочность человеческого существования, бесцельность какого бы то ни было сопротивления власти предрешающим». По словам исследователей, «в конечном итоге торжество этой линии очень скоро заведет ищущий театр в тупик».^[592] Символистская эстетика публике Художественного оказалась чужда...

Когда Савва Тимофеевич понял, что попытки объясниться с руководством театра ни к чему не ведут, осенью 1904 года появилась мысль о создании в Петербурге нового общедоступного театра.^[593] Горячим проповедником этой идеи стал Горький. Андреева должна была подыскать труппу, Морозов — взять на себя функции главного пайщика. Предполагалось, что часть труппы в новый театр переберется из Художественного, шла речь даже о переходе туда Станиславского! Задачей нового театра стало бы установление живой связи со зрителем. Но в итоге из этой затеи ничего не вышло. Станиславский в новый театр не пошел, Морозов вскоре рассорился с Горьким, а потом его и вовсе не стало — некому было финансировать масштабную затею.

В самом начале 1904 года М. Ф. Андреева взяла в Художественном театре годичный отпуск и уехала выступать в Ригу. А Савва Тимофеевич в это же время разошелся с Художественным театром. Весной 1904-го он отказался от участия в делах МХТ в качестве его директора и пайщика. Но в дальнейшем согласился оставить свой паевой взнос и еще на год продлил Художественному театру аренду лианозовского помещения, которая

истекала летом того же года. Он даже продолжал принимать участие в делах театра, но... чем дальше, тем больше от них отходил. В августе Немирович-Данченко писал О. Л. Книппер: «Саввушка был вчера в заседании прост, непринужден, не будировал (от *bouder* — дуться, *фр.* — А. Ф.). Оттого ли, что «та компания» далеко, оттого ли, что он просто совершенно остыл к театру. Ему все равно». А Станиславский писал Немировичу месяцем раньше: «Мы потеряли... Саввушку». Однако Савве Тимофеевичу было не «всё равно».

Расставание купца с театром было для него невероятно тяжелым, как прекращение бурного, но ставшего слишком обременительным романа. Окончательно он покинет театр в конце 1904 года, когда встанет вопрос о возобновлении договора Товарищества деятелей МХТ на новый трехлетний срок. Немирович-Данченко, не считаясь с участием Морозова в делах Художественного театра, сам составил проект нового договора и, считая себя лицом, уполномоченным от Товарищества, послал его Савве Тимофеевичу. В результате 21 декабря 1904 года Морозов окончательно отказался от дальнейшего участия в судьбе Художественного театра, адресовав его труппе прощальное письмо: «Я считал и считаю сейчас, что дальнейшее участие мое в делах театра, при наличном составе лиц, управляющих им, совершенно бесполезно, и я с горечью ухожу из того дела, которое когда-то любил. От души желаю лучшей части пайщиков поднять вновь театр до высоты, достойной тех хороших побуждений, с которыми работали лучшие его участники, и сберечь то огромное богатство, которым обладает театр в лице его талантливой творца — Константина Сергеевича Станиславского». [\[594\]](#)

Иными словами, дело, которому Морозов отдал лучшие годы жизни, неожиданно повернулось к нему не самой приятной своей стороной, стало приносить огорчение за огорчением. Савве Тимофеевичу от него пришлось отказаться. В жизни его опять образовалась гигантская пустота, которую уже было нечем заполнить.

Если на рубеже веков, с возникновением и поддержкой Московского Художественного театра, к Савве Тимофеевичу вернулась было радость и полнота жизни, то к середине 1900-х в его биографии вновь обозначился период резкого спада. Мучительные отношения с отвергнувшей его Андреевой, разрыв с театром, необходимость продолжать дела с большевиками, в чьих действиях купец разочаровался... Крепко испорченные отношения внутри семьи, которые предстояло долго и кропотливо налаживать. «Всё не так, всё не так!» — неясно думал он в

последние годы, знал только, что нервы у него совершенно издергались».

[\[595\]](#)

Тем не менее именно семья — наряду с Никольской мануфактурой и политической деятельностью в лагере либералов — к началу 1905 года стала его самой большой отдушиной. Единственное, что в тот момент искренне радовало Морозова, — это дети. Утешала и привязанность к нему жены: хотя за Зинаидой Григорьевной Морозовой многие ухаживали, она осталась верна мужу. 25 июля 1903 года в семье родился четвертый ребенок, которого Зинаида Григорьевна назвала в честь мужа — Саввой. Сохранилась фотография 1905 года, на которой Савва Тимофеевич держит на коленях младшего сына и счастливо, совершенно по-детски, улыбается. Однако долго наслаждаться семейным счастьем ему не пришлось...

Глава шестая

Финал

В 1905 год Савва Тимофеевич Морозов вошел человеком, терзающимся глубочайшими внутренними противоречиями. К этому моменту предприниматель со всей ясностью осознал, что революция — это шаг в никуда, что дальше его ждет только разверстая пропасть. Вероятно, он разочаровался в антигуманных методах и идеях большевистской фракции РСДРП, которая, проявляя мнимую заботу о рабочих, использовала их как орудие для достижения собственных политических целей. А разочаровавшись, отказался от дальнейшего финансирования большевиков. Мало того, коммерсант словно пытался наверстать упущенные годы, когда, ослепленный, введенный в заблуждение, он рубил тот самый сук, на котором сидел — помогал делу грядущей революции.

В 1905 году С. Т. Морозов вел активную легальную политическую и общественную деятельность, всеми силами старался восстановить добрые отношения с супругой, занимался с детьми. Как и прежде, уделял колоссальное внимание делам фабрики и развитию химического производства. Иными словами, старался вернуться к полноценной жизни преуспевающего предпринимателя. Но судьба распорядилась иначе. Савва Тимофеевич попытался вновь ступить на путь созидания, однако стоял уже слишком близко к краю пропасти. Поэтому когда края ее начали обрушиваться, он не успел отскочить. И — погиб 13 мая 1905 года.

Прологом к этому трагическому событию стала забастовка рабочих Никольской мануфактуры в феврале 1905 года. За недолгую жизнь Саввы Тимофеевича — а он прожил всего 43 года — это была вторая забастовка. Первая случилась в 1885-м, еще при жизни его отца. После нее на 20 лет мануфактура стала островом спокойствия посреди моря то и дело волнующихся от социальных катаклизмов предприятий.

Забастовка на Никольской мануфактуре началась 14 февраля и длилась 23 дня. Савва Тимофеевич, узнав о массовой сходке рабочих, прибыл в Никольское поздно вечером. Возле директорского дома собралась толпа. Морозов, не зная обстановки, уклонился от объяснений с рабочими и уехал в Зуево — возможно, чтобы по телефону согласовать свои действия с действиями других членов правления.^[596]

Купец Н. А. Варенцов сохранил рассказ одного из служащих

Никольской мануфактуры о событиях в ночь с 14 на 15 февраля: «Саввушка приехал на фабрику, когда чувствовалась напряженность положения между рабочими. Ему, понятно, об этом доложили, и Саввушка решил, что будет всего лучше уехать на ночь с фабрики в свое имение, находящееся в десяти — двенадцати верстах, где он мог бы себя чувствовать спокойно от могущих быть неожиданными эксцессов. Между тем рабочие узнали о приезде хозяина, собрались вечером на сходку, на которой порешили идти к хозяину и с ним перетолковать. Придя к директорскому дому, узнали, что он находится в имении, куда и решили идти. Пришли в имение, было уже поздно, Савва Тимофеевич лег спать. Потребовали его разбудить. Саввушке оставался один исход — нужно выходить! Ему, с больной психикой, с разбитыми нервами, пришлось выйти к толпе рабочих, ночью, полураздетому; можно представить, что он в это время переживал. Вид у него был подавленный, жалкий. Один из рабочих, видя его в таком состоянии, желая успокоить, потрепал по плечу и сказал: «Что, испугался? Не бойся! Возьмем фабрику, тебя без куска хлеба не оставим, будешь служить, жалованье сто рублей положим!» Говорят, что посещение рабочих на него роковым образом подействовало».^[597]

Савва Тимофеевич надеялся договориться с рабочими мирным путем, не вызывая полицию. 15 февраля бастующие предъявили фабричной администрации требования, носившие исключительно экономический характер и заключающиеся в двадцати пяти пунктах. Уже на следующий день семь из этих требований были удовлетворены, еще четыре предполагалось удовлетворить в ближайшем будущем (позже, под влиянием революционной пропаганды, список пополнился еще тремя требованиями политического характера). Администрация пообещала никого не арестовывать при условии, что забастовщики не будут участвовать в погромах. На протяжении десяти дней, вплоть до 25 февраля, стачка носила мирный характер.

Однако другие члены правления не разделяли мнение С. Т. Морозова, что с рабочими надо договариваться мирным путем. По их инициативе в Никольское были вызваны казачьи полки, что обострило ход стачки и привело к жертвам. Не обошлось без провокаций и беспорядков. Те участники забастовки, которые решились возобновить работу, были избиты бастующими. Тем не менее сторонам удалось договориться, и забастовка постепенно сошла на нет. 9 марта фабрики начали работу, а 14-го были пущены в полную силу. После этого относительное спокойствие на Никольской мануфактуре сохранялось вплоть до осени 1905-го.

Скорее всего, забастовка не оказалась для С. Т. Морозова

неожиданностью: она стала естественным продолжением событий 9 января 1905 года. Кровавое воскресенье произошло в Петербурге, но его последствия, как круги от брошенного в воду камня, стали распространяться по всей стране. Рано или поздно они должны были дойти и до Орехово-Зуева. На соседней фабрике, «у Викулы Морозова», рабочие бастовали с середины января. И всё же для предпринимателя это был весьма болезненный удар. Как было показано в предыдущих главах, Савва Морозов являлся для своих рабочих заботливым хозяином: обеспечивал их бытовые и культурные потребности, предоставлял ббльшую, нежели на других аналогичных производствах, заработную плату, отстаивал права рабочих на законодательном уровне. Рабочий поселок в Никольском по праву считался образцовым. Савва Тимофеевич был абсолютно уверен, что на его предприятиях рабочим живется хорошо и потому у них нет причин для недовольства. Д. А. Олсуфьев вспоминал: «Первым моральным ударом для Морозова была устроенная революционерами... забастовка на его фабрике в Орехове-Зуеве. Он себя мнил передовым фабрикантом, благодетелем рабочих, и вот у него... забастовка на фабрике. Этот случай произвел на Морозова угнетающее действие, — помню, я застал его совершенно подавленным и растерянным».^[598]

Видимо, забастовка рабочих его фабрики заставила Морозова почувствовать свою уязвимость и, что еще хуже, хрупкость того, что было ему дорого.

Иллюзии Саввы Тимофеевича насчет большевиков развеялись задолго до 14 февраля. По словам знакомых, Морозов вопрошал: «Ну что творят эти антихристы, куда они ведут несчастных людей?»^[599] Но забастовка окончательно убедила его: необходимо решительно прекратить финансирование их деятельности — не взирая на просьбы Андреевой или Горького. Впрочем, сделать это прямо ему было трудно. Пришлось пойти на хитрость.

Еще 20 февраля, когда в Никольском продолжалась стачка, Савва Тимофеевич отправил Горькому телеграмму: «Нездоров, несколько дней пробуду в Москве».^[600] А вскоре по Москве и Петербургу поползли слухи о сумасшествии фабриканта. В советское время была распространена версия, согласно которой Мария Федоровна Морозова еще в ходе стачки отстранила сына от должности директора правления, после чего родственники едва ли не насильно заставили Савву Тимофеевича лечиться. Однако эту версию давно пора подвергнуть сомнению. Можно предположить, что слухи о сумасшествии были пущены родственниками

Морозова намеренно — чтобы большевики оставили купца в покое, более не обращаясь к нему за средствами. Следует оговориться — это лишь предположение, но оно представляется довольно правдоподобным.

Слухи о сумасшествии коммерсанта достигли тех ушей, для которых предназначались. М. Ф. Андреева 13 апреля, говоря в одном из писем о Морозове, отмечала: «Вы можете себе представить, как за него страшно, как жаль его и как мне неудобно всё это неустройство, особенно сейчас (курсив мой. — А. Ф.). Я ничуть не удивилась бы, если мать и З[инаида] Г[ригорьевна] объявят его сумасшедшим и запрячут его в больницу».^[601] Л. Б. Красин уже в советское время вспоминал: «Ходили слухи, что мать собирается объявить его умалишенным, растратчиком и т. д. и что ему чуть ли не грозит ссылка за якшание с подозрительными элементами».^[602] Для пущей убедительности в ход пошла пресса. Так, К. С. Станиславский тогда же, 13 апреля, писал жене — актрисе МХТ М. П. Лилиной: «Сегодня напечатано в газетах и ходит слух по городу о том, что Савва Тимофеевич сошел с ума. Кажется, это неверно».^[603]

Внешне его «сумасшествие» выражалось в том, что Савва Тимофеевич стал избегать людей, много времени проводил дома, в полном уединении. Купец не желал никого видеть и не отвечал на корреспонденцию. Если же кому-то удавалось попасть в его дом и говорить с хозяином, они видели человека, находящегося на грани сумасшествия. Вероятно, с этой целью — продемонстрировать свое тяжелое нервное состояние — Морозов вызвал к себе находившегося в Петербурге горного инженера А. Н. Тихонова-Сереброва, который проводил разведки на его уральских владениях: «Дорогой Александр Николаевич. Я решил прекратить разведки ввиду соображений, которые сообщу Вам впоследствии, когда будете проезжать Москву, заезжайте ко мне. Мне хотелось бы пристроить Вас куда-нибудь на лето. Ваш Савва».^[604] В воспоминаниях Серебров писал, что он приехал к Морозову и, будучи тайно проведен в спальню хозяина, застал того в самом плачевном виде. «С Саввой я столкнулся на пороге. Он как будто подслушивал, что делается в коридоре. С остриженной под машинку головой, в старом, прожженном папиросами халате и ночных туфлях, он был похож на арестанта. Затиснув меня в угол за шкаф, он быстро зашептал, оглядываясь по сторонам:

— Вас никто не заметил?.. Вы уверены? Ко мне никого не пускают — говорят, что я болен. Приходят какие-то люди, будто они доктора, а на самом деле — шпионы!.. Чтобы я не убежал... А вы, может быть, тоже шпион?» Морозов говорил отрывисто, почти бессвязно. Заметно

нервничал, не контролировал собственные действия, из глаз его непроизвольно текли слезы.^[605] Не исключено, что это был спектакль для одного зрителя. Уже говорилось, что у Саввы Тимофеевича были актерские наклонности, и, видимо, он решил их задействовать. Морозов хорошо знал, что Серебров, равно как Горький и Андреева, тесно связан с РСДРП и рассказ очевидца лучше всяких слухов подтвердит факт нервной болезни купца.

По настоянию жены С. Т. Морозова, Зинаиды Григорьевны, и матери, Марии Федоровны, был созван консилиум известных медиков. В нем участвовали невропатолог Г. И. Россолимо, врачи И. И. Селивановский и Ф. А. Гриневский. 15 апреля 1905 года медики констатировали, что у мануфактур-советника С. Т. Морозова наблюдается «тяжелое общее нервное расстройство, выражавшееся то в чрезмерном возбуждении, беспокойстве, бессоннице, то в подавленном состоянии, приступах тоски и проч[ем]».

Однако если даже нервы Морозова действительно пришли в расстройство, — а этого никак нельзя исключать, — то лишь незначительно. Во всяком случае, Морозов отнюдь не лишился способности разумно мыслить и действовать. Недавно поднятые исследователями архивные материалы более чем убедительно доказывают: в конце зимы — весной 1905 года Савва Тимофеевич сохранял ясность рассудка и трезвость мысли.

В предыдущей главе говорилось, что в феврале — апреле 1905 года С. Т. Морозов вел активную общественно-политическую жизнь. Он составил «Программную записку» в адрес Комитета министров, совместно с другими купцами подавал петицию на имя А. Г. Булыгина, а в период с 22 по 26 апреля присутствовал на одном из собраний либерально настроенной оппозиции в доме П. Д. Долгорукова. И, самое важное, от управления Никольской мануфактурой Савву Морозова никто не отстранял. Это убедительно показала историк И. В. Поткина. 17 марта на очередном собрании пайщиков состоялись выборы руководства Товарищества. Мария Федоровна Морозова «была переизбрана на должность директора-распорядителя, а Савва Тимофеевич — заступающим место директора-распорядителя, т. е., по сути, заместителем главы фирмы».^[606] Более того, пребывая на этом ответственном посту, С. Т. Морозов отдавал распоряжения по управлению предприятием. 24 марта он утвердил новое положение о размере поденной платы некоторых категорий рабочих и дополнение к правилам об обязательных сверхурочных работах. 6 апреля

датируется его распоряжение об условиях и нормах социальных выплат. Видимо, Савва Тимофеевич работал над удовлетворением тех обещаний, которые были даны рабочим в ходе забастовки. Сохранились и другие документы, свидетельствующие о том, что весной 1905 года Морозов не устранился от дел.^[607]

Таким образом, вероятно, Савва Тимофеевич испытывал физическое и умственное утомление, но — хотелось бы подчеркнуть это еще раз — он не был болен. Его родственники, вопреки распространенной версии, не только не оказывали на него давления, но, напротив, сделали всё возможное, чтобы оградить его от грозящей опасности. О том, что жизнь Морозова была в опасности, косвенно свидетельствует письмо Горького. В феврале он писал одному из основателей издательства «Знание», а заодно соратнику по партии К. П. Пятницкому: «Если вы имеете какие-либо вести об Леониде, отце и вообще москвичах, — передайте на словах или письмом, а то очень беспокоюсь... Есть опасения за отца — по нашим, междуусобным временам долго ли череп человеку расколоть?»^[608] «Отцом» большевики звали Морозова... Что же могло стать причиной, заставившей Морозова всерьез опасаться за свою жизнь? Вероятнее всего, Савва Тимофеевич отказал большевикам в материальной помощи. Однако те от него не отставали.

По словам Д. А. Олсуфьева, «кто раз попался в сети к революционерам, тому трудно из них вырваться. Морозову хотелось, но уже было поздно». 10 февраля 1905 года состоялся краткий разговор Морозова с Л. Б. Красиным, который часто навещался к промышленнику за деньгами. По всей видимости, Савва Тимофеевич на этот раз ему отказал. Чуть ниже об этом визите будет сказано подробнее. В середине апреля к Морозову, вероятно, с той же целью, что и Красин, пришел Горький. Купец окончательно и бесповоротно разругался с бывшим другом. По словам З. Г. Морозовой, «между Саввой Тимофеевичем и Алексеем Максимовичем состоялся пристрастный разговор, закончившийся ссорой».

^[609] Это свидетельство подтверждается секретным донесением московского градоначальника графа П. А. Шувалова в Департамент полиции: «Незадолго до выезда из Москвы Морозов рассорился с Горьким».^[610] Возможно, именно тогда произошел описанный Серебровым диалог: «Горький прижимал к груди растопыренную ладонь и умоляюще вытягивал шею.

— Саввушка! Пойми! — говорил он с нажимом, как бы втискивая каждое слово в мозг собеседника. — Пойми!.. Не крепко ты стоишь...

Бросить бы тебе фабрику... Боюсь я за тебя!

Морозов сидел опущенный, свесив голову. Правой рукой он держал Горького за рукав блузы, словно боялся, что тот от него вырвется.

— Бросить... говоришь? — повторил Савва медленно, как бы рассуждая сам с собою. — Лишиться денег?.. Пока что — это единственная сила. Другой не вижу. А кому я буду без денег-то нужен? — Он помолчал и неприятно усмехнулся. — Никому не нужен... Даже тебе... не нужен.

Горький поднялся со стула и гневно выпрямился.

— Ну, если ты так полагаешь... — сказал он, враждебно сузив глаза.

Савва остался сидеть в кресле. Его рука, которой он держался за Горького, качнулась и повисла, как у пьяного». ^[611] Возможно, писатель намекал купцу на грозящую ему опасность.

Вероятно, помимо этих двух визитов были и другие. Придерживаться принятого решения — отказывать большевикам в финансировании — было чудовищно трудно. Савва Тимофеевич хорошо понимал, что ради денег революционеры готовы на все, в том числе на убийство. В последний год жизни он повсюду носил с собой браунинг — на всякий случай. Пришлось прибегнуть к крайним мерам — объявить Морозова сумасшедшим и постараться, чтобы эта весть распространилась как можно шире. По тем временам такой диагноз предполагал установление опеки над имуществом купца и, следовательно, полностью лишал его возможности распоряжаться собственными средствами. Объявив Савву Тимофеевича сумасшедшим, его семья фактически делала громкое заявление: «в этом доме денег никто не получит». Кроме того, появлялось веское основание оградить Савву Тимофеевича от нежелательных контактов. По словам историка А. Н. Боханова, Зинаида Григорьевна делала всё, чтобы к ее мужу никто не приходил, просматривала всю поступавшую на его имя корреспонденцию. ^[612] И, если Савве Тимофеевичу всё же приходилось выходить из дома, повсюду его сопровождала.

Но, видимо, принятые меры не помогали. По словам Олсуфьева, который знал о последних неделях жизни Саввы Тимофеевича со слов З. Г. Морозовой, «революционеры повели самый наглый шантаж выколачивания из него денег». ^[613] Возникает резонный вопрос: чем революционеры могли шантажировать Савву Морозова? Донести на него «охранке»? Но за ним и без того уже закрепилась репутация неблагонадежного члена общества. Несмотря на это, власти не предпринимали против купца никаких мер — среди подпольщиков было немало лиц куда более опасных, нежели Савва Морозов. Тем более в 1905 году, в разгар революционных событий, у

работников Охранного отделения кроме него хватало и других забот. Лишить его жизни? Но это не дало бы им доступа к его средствам (если не считать одного обстоятельства, о котором будет сказано ниже). Вероятно, сам Морозов не слишком опасался собственной смерти — в конце концов, он добровольно заварил эту кашу с революцией, ему же предстояло ее и расхлебывать. Убить его, чтобы через фиктивный брак с его старшей дочерью получить морозовское состояние — как через пару лет было сделано с сестрами Н. П. Шмита — племянника С. Т. Морозова, владельца капиталов Морозовых-Викуловичей?^[614] Но Савва Тимофеевич не оставил никаких бумаг, по которым дети получили бы его капитал. Единственным по-настоящему уязвимым местом промышленника С. Т. Морозова являлась жизнь его детей. По словам Сереброва, в 1902 году, еще до рождения четвертого ребенка, Морозов ему признался: «Я — что? Мне только детей жалко... У меня их трое».^[615]

Когда стало ясно, что в покое Морозова не оставят, состоялся семейный совет. Было решено, что Савва Тимофеевич отправится за границу. Официальный повод поездки — лечение нервного расстройства на европейских курортах. Почему было принято такое решение, сказать трудно: 17 апреля С. Т. Морозов с супругой и в сопровождении доктора Н. Н. Селивановского выехал из России. Дети остались дома, на попечении родственников.

Поездка Морозовых по Западной Европе была недолгой — менее одного месяца. 13 мая 1905 года в четыре часа пополудни мануфактур-советника С. Т. Морозова не стало. Он скончался в Каннах, курортном городе на юге Франции, в одном из гостиничных номеров. По врачебному заключению, смерть наступила «вследствие ранения, проникшего глубоко в левое легкое из сердца». На месте трагедии была найдена записка следующего содержания: «В смерти моей прошу никого не вините».^[616] На небольшом листочке не было ни подписи, ни даты. Запись была сделана почерком Морозова, но в упрощенном варианте этого почерка,^[617] вероятно, в момент сильного волнения. Существует достаточно правдоподобная версия, согласно которой С. Т. Морозов написал эти слова задолго до кончины. Возможно, когда он находился у постели смертельно больной М. Ф. Андреевой. Возможно, под ее диктовку. Слова являлись заключительной частью более обширной записки. Впоследствии кусок бумаги с этими словами был оторван и положен рядом с телом С. Т. Морозова. Это объясняет, почему предсмертная записка оказалась написана в верхней части относительно небольшого куска бумаги.

Официальная версия гласила, что С. Т. Морозов покончил жизнь самоубийством.

В смерти Саввы Морозова было и, наверное, навсегда останется много загадочного. Основной вопрос — была ли неожиданная смерть «сравнительно молодого и, казалось бы, полного жизни человека» самоубийством или же организованным убийством? И если верно второе — то в чьих интересах было устранить Морозова? и кто оказался непосредственным исполнителем убийства? Непонятно, почему купец, подозревая о намерениях большевиков, не запросил защиты у тех представителей власти, с которыми общался по долгу общественной деятельности. И уж совсем неясно, что именно вынудило Морозова, чьей жизни угрожала опасность, выехать за пределы России. Ведь Морозов не мог не знать, что за границей русское подполье чувствует себя вольготнее, нежели в Российской империи, и что в Европе опасностей для его жизни будет ничуть не меньше, чем в Москве. Список вопросов можно продолжить. Некоторые из них, вероятно, так и останутся без ответа. Но кое-что всё же можно попытаться понять по сохранившимся источникам.

На сегодня существует целый ряд версий загадочной кончины Морозова. Современным исследователям удалось убедительно опровергнуть некоторые из них.

Во-первых, совершенно ясна несостоятельность версии, согласно которой Морозов покончил жизнь самоубийством на почве нервного помешательства. Эту версию выдвигала, в частности, М. Ф. Андреева, чьи воспоминания в целом не отличаются достоверностью. Выше говорилось, что никакого помешательства не было: скорее всего, речь шла о сильном нервном напряжении, которое, однако, не замутняло ум купца.

Во-вторых, доказано, что семья Морозовых не была причастна ни к убийству, ни к травле Саввы Тимофеевича. Роман Морозова с Андреевой завершился, он окончательно вернулся в семью. И жена его простила. Если бы Зинаида Григорьевна хотела отомстить супругу за измену, вероятно, она сделала бы это по горячим следам. Кроме того, она в отличие от мужа была верующей и не пошла бы на страшный грех — убийство. Да и Мария Федоровна Морозова не имела оснований оказывать сыну недоверие. Более того, как показано выше, и жена, и мать старались помочь Савве Тимофеевичу выбраться из ловушки, в которую он угодил.

Таким образом, осталось еще две версии: либо Морозов покончил с собой из-за травли со стороны большевиков, либо его убили сами большевики. Оба варианта представляются достаточно правдоподобными. Во всяком случае, тот факт, что в Европе Морозов подвергался

преследованиям и травле, подтверждается целым рядом различных источников.

Путешествие Морозовых не имело точно заданного маршрута. Вернее, маршрут этот менялся в ходе поездки. Они посетили Берлин, Париж, Виши, Канны — но далеко не все эти города они заранее планировали посетить. Оказавшись за границей, Морозов так и не получил долгожданного покоя. А. А. Арутюнов приводит свидетельство М. Л. Кавериной, которая была близко знакома с З. Г. Морозовой. По словам Кавериной, Зинаида Григорьевна ей рассказывала: «В Берлине, Виши и в Канне — всюду нас преследовали шушеры, днем и ночью они слонялись под нашими окнами». В этом свидетельстве можно было бы усомниться — мало ли какие фортели выделяет человеческая память. Кроме того, чем длиннее цепочка рассказчиков, тем больше вероятность искажения фактов. Да и добросовестность рассказчика можно поставить под сомнение. Но его можно проверить. Д. А. Олсуфьев также слышал подробный рассказ о событиях весны 1905 года из уст З. Г. Морозовой.^[618] Причем записал его не в конце XX века, как в случае с Кавериной, а в самом начале 1930-х годов.

Дмитрий Адамович сообщал то же, что и Каверина, но с бблыпими подробностями: «Преследуемый революционерами, Морозов решил бежать с семьей за границу. Поместившись со всеми удобствами в международном вагоне, переехав через границу, он почувствовал себя успокоенным. Однако благополучие продолжалось недолго. На одной из станций в Германии Морозов вышел позавтракать, но тотчас же поспешно вернулся в вагон, бледный и совершенно расстроенный. На расспросы семейных он отрывочно отвечал, что на станции среди толпы он опять увидел того «некоего», страшного, который преследовал его в России, а теперь, очевидно, следует за ним по пятам и за границей. На семейном совещании в вагоне тотчас же решено было изменить ранее намеченный маршрут, чтобы скрыться от филера-террориста. Но куда бы Морозов ни приезжал, следящий за ним агент оказывался там же».^[619] Таким образом, переезды Саввы Тимофеевича по Европе тщательно отслеживались — и это должно было отрицательно сказаться на состоянии его психики. В отличие от потомков Морозова и семьи Кавериных Олсуфьев, который жил в эмиграции и мог не опасаться за свою жизнь, прямо говорит, что Морозова преследовали революционеры.

Наконец, тот факт, что Морозова «затравили... как медведя, маленькие, злые и жадные собаки»,^[620] признавал и Горький в письмах

законной жене Е. П. Пешковой. Правда, писатель не уточнял, кто именно затравил Савву Тимофеевича. Но очевидно, что с мотивами этих людей писатель был знаком — не зря он говорит о жадности.

Первую из оставшихся версий — о том, что у Морозова, который подвергался постоянной травле со стороны революционеров, сдали нервы и он застрелился, — поддерживали С. Ю. Витте и бывший московский градоначальник, товарищ министра внутренних дел В. Ф. Джунковский. Оба они — крупные и хорошо осведомленные чиновники. Джунковский сообщал: «С. Т. Морозов дошел до того, что дал крупную сумму революционерам, а когда окончательно попал к ним в лапы, то кончил самоубийством».^[621] В свою очередь, Витте писал о Морозове: за границей «он окончательно попал в сети революционеров и кончил самоубийством».^[622] Эта версия крупных чиновников выглядит довольно правдоподобно. Во всяком случае, они указывают виновников смерти купца, аккуратно сообщая, что их вина была косвенной. Однако следует учесть, что ни Витте, ни Джунковский не присутствовали на месте смерти Морозова. Поэтому они придерживались официально выдвинутой версии — о самоубийстве. Причины же этого поступка они не искали ни в сумасшествии, ни в болезни, указывая информацию, полученную из достоверных источников.

Наконец, остается еще одна версия, которую выдвинули родственники Саввы Тимофеевича и которой до сих пор придерживаются его потомки: Морозова убили большевики.^[623] Так, М. Л. Каверина рассказывала: «Я хорошо помню Зинаиду Григорьевну. Это была красивая, умная и представительная женщина. Не раз присутствовала при ее разговорах с моей матерью и тетей. Однажды она рассказала о трагических событиях, которые произошли в Канне в мае 1905 года. Она была единственным свидетелем гибели своего мужа. Зинаида Григорьевна утверждала, что Савву Тимофеевича застрелили большевики».^[624] Этой версии придерживаются многие исследователи постсоветского периода — от американского историка Ю. Г. Фельштинского до современных исследователей Т. П. Морозовой и И. П. Поткиной.^[625] У этой версии оснований, наверное, больше, чем у прочих.

Прежде всего, у большевиков имелся очень веский мотив для убийства Морозова. Еще в конце 1904 года Савва Тимофеевич застраховал свою жизнь на сумму в 100 тысяч рублей. Страховой полис, который был оформлен на предъявителя, он передал актрисе и бывшей любовнице М. Ф. Андреевой. Для большевиков эта сумма — 100 тысяч — являлась поистине

огромной. Так, Л. Б. Красин сетовал в воспоминаниях, сколько времени и усилий пришлось потратить, чтобы «сколотить нужную сумму, что-то около двух или трех тысяч рублей», чтобы выписать из-за границы типографскую машину. Ведь рядовые сотрудники могли отчислять в пользу партии совсем небольшие суммы, «от пяти до двадцати рублей»^[626] ежемесячно. А тут — целое состояние, причем единоразово! Там же Красин восклицал: «Каких только способов мы ни применяли, чтобы сколотить те, в буквальном смысле, гроши, на которые строилась партийная организация и техника в первые годы их существования!»^[627] А в мае 1905-го, сразу после III съезда РСДРП (12–27 апреля) большевикам как никогда нужны были деньги. Об этом говорит, в частности, революционер Н. Е. Буренин, член Боевой технической группы, созданной при Петербургском комитете Российской социал-демократической рабочей партии и действовавшей с февраля 1905 года. Функции этой организации заключались в следующем: она «устанавливала связь с рабочими, создавала боевые отряды в районах и на предприятиях, добывала и распределяла оружие».

Буренин в воспоминаниях отмечал: «Третий съезд РСДРП, состоявшийся в апреле-мае 1905 года, принял специальное решение «О вооруженном восстании». В этом решении съезд партии предложил всем партийным организациям «...принять самые энергичные меры к вооружению пролетариата, а также к выработке плана вооруженного восстания и непосредственного руководства таковым, создавая для этого, по мере надобности, особые группы из партийных работников». После третьего съезда РСДРП «Боевая техническая группа» перешла в непосредственное ведение Центрального Комитета партии. Во главе группы был поставлен, по предложению В. И. Ленина, член ЦК Леонид Борисович Красин («Никитич»)...

Какие же задачи возлагал ЦК на «Боевую техническую группу»? Эти задачи вытекали из простых и ясных слов Владимира Ильича: «Вооружение народа становится одной из ближайших задач революционного момента».^[628]

Свидетельство Буренина подтверждает Л. Б. Красин: «Кажется, Наполеону принадлежит изречение: «Деньги — нерв войны». Но и революционную работу нельзя было вести без денег, и поэтому организация финансов партии встала перед нами одной из настоятельнейших задач... Мне в качестве члена ЦК пришлось довольно близко стоять к этому делу... Одним из главных источников было обложение всех... оппозиционных элементов русского общества, и в этом

деле мы достигли значительной виртуозности».^[629] В другом месте Леонид Борисович писал, что в 1904–1906 годах партийные средства проходили через его руки, так как он являлся «главным тогда финансистом партии».^[630]

Итак, III съезд РСДРП закончился 27 апреля 1905 года. Он дал установку на всеобщее вооружение, что требовало немалых средств. А уже через 16 дней после его окончания, 13 мая, С. Т. Морозов погиб при загадочных обстоятельствах, причем его деньги впоследствии, в 1906 году, пошли на нужды партии через того же Красина, которому их передала М. Ф. Андреева. Фактически Савва Морозов предоставил большевикам повод для собственного убийства. Что же вынудило его решиться на такой безрассудный шаг?

Можно допустить, что в тот момент, когда Морозов вручил Андреевой страховой полис, он всё еще верил в ее нравственную чистоту. Мария Федоровна в письме своей сестре сообщает о письме Морозова, которым тот сопровождал свой подарок. По ее словам, в 1906 году это письмо находилось у известного московского адвоката, прославившегося выступлениями на политических судебных процессах, — Г. И. Малянтовича. В письме якобы говорилось, что «С[авва] Тимофеевич» поручает деньги мне, так как я одна знаю его желания, и что он никому, кроме меня, даже своим родственникам, довериться не может».^[631] Однако письмо, как и другие материалы судебного процесса, который Зинаида Григорьевна Морозова возбудила против Андреевой, не сохранилось или, во всяком случае, пока не найдено. Может, оно действительно было написано С. Т. Морозовым. А может, являлось подделкой, которая позволила Андреевой выиграть процесс и получить деньги. Выяснить это вряд ли когда-либо удастся. Мотивы Морозова, решившего сделать женщине сомнительной репутации странный подарок — собственную жизнь, вероятно, так и останутся неразгаданными. Видимо, его чувства к ней действительно были столь велики, что совершенно ослепили коммерсанта. А может, он решил пожертвовать собой, чтобы его семью оставили в покое — кто знает?

Сама М. Ф. Андреева задним числом (1938 год) в письме Н. Е. Буренину так поясняла этот поступок Морозова: «Теперь, чтобы, не откладывая, покончить с этим, разрешите мне объяснить Вам точно и подробно историю того события, о котором Вы не раз упоминаете, называя его *«партийным делом»* или *«наследством»* (курсив мой. — А. Ф.), — я говорю о страховом полисе на 100 000 рублей. Верно, что С. Т. Морозов

считал меня «нелепой бессребреницей» и нередко высказывал опасение, что с моей любовью всё отдавать я умру когда-нибудь под забором нищей, что обдерут меня как липку «и чужие и родные». Вот поэтому-то, будучи уверен в том, что его не минует семейный недуг — психическое расстройство, — он и застраховал свою жизнь в 100 000 р. на предъявителя, отдав полис мне. Я предупреждала его, что деньги себе я не возьму, а отдам, на это он ответил мне, что ему так легче, с деньгами же пусть я делаю что хочу — он «этого не увидит». Никаких завещаний, само собой разумеется, он не делал, но, когда он умер, мне хотелось, чтобы люди думали о нем как можно лучше, так же думал и Алекс[ей] Максимович], прекрасно знавший всю историю полиса». ^[632]

Это сообщение М. Ф. Андреевой очень похоже на попытку оправдаться перед судом общественности. Утверждение актрисы, что Савва Тимофеевич якобы считал ее «нелепой бессребреницей» и предсказывал ей «смерть под забором», подтверждается лишь одним источником, который никак нельзя считать беспристрастным. Приемный сын Андреевой, А. Л. Желябужский, писал о Морозове: «Бескорыстие Марии Федоровны просто поражало его. Он называл ее «нелепой бессребреницей» и пророчил ей «смерть под забором». ^[633] Однако исследовательница творчества Андреевой, Н. А. Волохова, пишет: «В 1944 году ее сын Юрий Андреевич Желябужский с помощью М. Ф. Андреевой подготовил и опубликовал воспоминания о матери». Не исключено, что и воспоминания приемного сына подверглись «редакторской правке» или, во всяком случае, он слышал их из уст своей приемной матери. Прочие же источники не подтверждают этих слов актрисы. Более того, их опровергают письма самой Марии Федоровны, которые она писала вскоре после смерти Морозова.

Исследовательница Н. А. Филаткина отмечает: «Одной из первых, кто подверг сомнению действия «нелепой бессребреницы» и заметил, как ловко она рассчитала, каким образом потратить оставленные ей Саввою средства, была И. В. Поткина». ^[634] Действительно, в сентябре 1906 года в письме родной сестре Е. Ф. Крит Мария Федоровна писала о деньгах, которые ей удалось получить по подаренному ей С. Т. Морозовым полису: «Я считаю, что распорядиться деньгами следует так: 1) уплатить расходы Малянтовичу, полагаю, это будет не больше тысячи, 2) отдать Л. Б. 60 тысяч целиком, 3) отдать долг К. П. — полагаю, что это будет тысяч 15. 4) всё, что остается, — тебе на расходы! Исходя из расчета, что получено будет 89 000,

Малянтовичу — 1000 р.

Л. Б. - 60 000 р.

К. П. - 15 000 р.

76 000 89 000-76 000=13 000 — приблизительно — тебе».^[635]

Итак, Мария Федоровна распределила деньги между адвокатом Г. И. Малянтовичем, своей сестрой, которая воспитывала детей Андреевой, К. П. — Константином Петровичем Пятницким (вероятно, в счет долга Горького) и Л. Б. — Леонидом Борисовичем Красиным. Еще в июне 1906-го Андреева в письме Малянтовичу писала: «Покорнейше прошу Вас выдать полученные по страховому полису покойного Саввы Тимофеевича Морозова сто тысяч рублей Леониду Борисовичу Красину». Таким образом, наибольшая часть суммы — 60 тысяч рублей — пошла в кассу социал-демократической партии.

Но кое-что осталось и «нелепой бессребренице», вернее, ее сестре и детям.

Итак, заинтересованность большевиков в смерти Морозова не вызывает сомнений. Кто же мог стать исполнителем? Большинство современных исследователей (конца 1980-х — 2000-х годов) считают, что главная роль здесь принадлежит Л. Б. Красину или, во всяком случае, его помощникам: «Очень вероятно, что он был убит Красиным или при его ближайшем участии».^[636] Любопытно, но ту же кандидатуру независимо ни от кого выдвигал в начале 1930-х годов Д. А. Олсуфьев, чьи воспоминания до сих пор не привлекались для решения этого вопроса. Дело в том, что именно Красин занимался рядом неблагоприятных дел, в том числе уже упоминавшимся «делом о наследстве Н. П. Шмита» (1907), когда двух сестер купца-революционера принудительно выдали замуж за фиктивных мужей, чтобы получить деньги по завещанию их родителей. Полученные суммы были употреблены на нужды партии. Кроме того, Красин, человек циничный, стоял во главе Боевой технической группы РСДРП. В частности, как видно из воспоминаний Н. Е. Буренина, Красин занимался изготовлением бомб и других взрывчатых веществ.^[637] Эти бомбы использовались не только в целях революции, но и для устройства отдельных терактов: «для уличных боев, для взрыва кабелей и железнодорожных путей и т. п.». Таким образом, человеческая жизнь стоила для Красина и его соратников неизмеримо мало.

Как уже говорилось, Д. А. Олсуфьев упоминал «некоего, страшного» человека. Маловероятно, чтобы это был сам Красин: в то время, с 12 по 27 апреля, он находился в Лондоне, где проходил III съезд РСДРП. Но,

вероятно, Савва Тимофеевич знал в лицо того, кто за ним шпионил. И именно через этого человека Красин узнавал о местонахождении Морозова. Во всяком случае, в период с февраля по май 1905-го Леонид Борисович неоднократно беседовал с Морозовым, несмотря на все ухищрения его родственников, пытавшихся этого не допустить.

Первая из этих бесед состоялась в феврале 1905 года и была вполне легальной: к тому моменту инженер Л. Б. Красин около года работал на Никольской мануфактуре Морозова, руководя строительством электрической станции. Однако поводом для беседы стали события в подпольном мире. В первых числах февраля в Москве, в разных квартирах, состоялось несколько заседаний ЦК РСДРП, в которых принимал участие Красин. Одно из этих заседаний, проходившее 9 февраля в квартире писателя Л. Н. Андреева, закончилось арестом всего Центрального комитета. Красин оказался едва ли не единственным, кто не был схвачен полицией. «Имея все основания опасаться ареста и будучи одним из трех не провалившихся членов ЦК, я должен был немедленно перейти на нелегальное положение и поехать в Смоленск, а затем Одессу и другие южные города, чтобы восстановить работу ЦК». ^[638] И, в другом месте: «Мне предстояло немедленно восстановить связь со всеми местными организациями, разыскать уцелевших членов ЦК, решить вопрос о кооптации новых членов, а тут еще навалились неотложные текущие вопросы — финансы, вопрос о съезде, о выборах, подготовка делегатов и т. д. и т. д.». ^[639]

По воспоминаниям Красина, на следующий день после провала, то есть 10 февраля, он с самого утра явился к Морозову с требованием официально отпустить его с фабрики под предлогом закупки оборудования для электростанции в Швейцарии. Это требование Морозов удовлетворил. «Савва относился ко мне лично неплохо, его отношения с правлением, да и с московским генерал-губернатором не были бы улучшены, если бы главный электрический инженер его фабрики вдруг очутился в тюрьме. Безопаснее было пустить меня на все четыре стороны, а там «что бог даст». ^[640]

Но, скорее всего, Красин поднял еще один вопрос, о котором не пишет в воспоминаниях, — денежный. До сих пор этот пункт возражений со стороны Морозова не вызывал. И вдруг инженер получил резкий отказ. Исследователи пишут: «Используя метод давления, «пламенный революционер» внушал струсившему, по его словам, Морозову, что официальная командировка ему необходима для объяснения директорам

правления причины его длительного отсутствия. Так что визит на Спиридоновку, по Красину, увенчался успехом. Но не скрывался ли за фразами о «порядочной трусости» [Морозова] в завуалированной форме тот факт, что Морозов отказал Красину в дальнейшей материальной поддержке?»^[641] Эта гипотеза исследователей подтверждается словами З. Г. Морозовой, которые ее знакомая Л. В. Каверина запомнила и изложила своему родственнику А. А. Арутюнову: «Саввушка холодно принял Леонида Борисовича. Разговор у них не получался, и вскоре наш гость откланялся и удалился. Спустя некоторое время кто-то, не помню, сказал, что он уехал в Швейцарию».^[642] Очевидно, после того как Красину не удалось добыть у коммерсанта денег, к нему приехал Горький, который еще недавно состоял с Морозовым в дружеских отношениях и потому мог рассчитывать, что его разговор будет более успешным; но он, как уже было сказано, также получил отказ.

Следующая встреча Красина с Морозовым, которую можно проследить по источникам, произошла уже за границей. Покинув Москву, Красин, по его собственным словам, объехал юг России. Он пишет: «... примерно в апреле 1905 года, я вернулся в Москву и Петербург, а затем нелегально же выехал в Женеву и в мае 1905 года принял участие в III съезде нашей партии в Лондоне... По окончании съезда, после кратковременного пребывания в Женеве, я... выехал обратно в Россию».^[643] Однако, несмотря на такой напряженный график поездок, Леонид Борисович не забыл навестить и Морозова, для чего ему пришлось уклониться от указанного маршрута. Вероятно, именно из Женевы, которая расположена возле границы с Францией, Красин отправился к Морозову.

В конце апреля Савва Тимофеевич со своими спутниками прибыл в Виши — бальнеологический курорт в Центральной Франции. Здесь совершенно неожиданно их встретил Л. Б. Красин. По словам Кавериной, З. Г. Морозова вспоминала: «Появление Красина в Виши было совершенно некстати».^[644] После этого визита Савва Тимофеевич долго не мог успокоиться. Еще бы — он так надеялся, что ему удалось оторваться от преследователей! Вряд ли он обрадовался встрече с инженером-подпольщиком. Кстати, появление Красина в Виши подтверждает тот факт, что за Морозовым шпионили. Иначе как «Никитич», возвращаясь с III съезда РСДРП в Лондоне, мог узнать, где находится Савва Тимофеевич?

Леонид Борисович в воспоминаниях писал: «Я заехал к С[авве] Тимофеевичу] в Виши, возвращаясь с лондонского III съезда в 1905 году, застал его в очень подавленном состоянии в момент отъезда на Ривьеру, а

через два дня, возвращаясь нелегально из Берна в Россию, в поезде прочел известие о его самоубийстве».^[645] Здесь же революционер говорил, что «последний взнос был мною лично получен от С. Т. за два дня до его трагической смерти». Однако между этими свидетельствами есть две неувязки. Во-первых, Зинаида Григорьевна утверждала, что «Савва отказал Леониду Борисовичу в аудиенции».^[646] А значит, тот не мог получить от него взноса. А во-вторых, за два дня до смерти, то есть 11 мая... Савва Тимофеевич находился не в Виши, а в Каннах. Что касается Виши, то здесь, по свидетельству родственников, он был в конце апреля. Всё встало бы на места, если бы Красин вместо «Виши» написал бы «Канны». Но Леонид Борисович словно отрекается от того, что он в тот период был в Каннах. Есть и еще одна неувязка — по словам родственников, Красину дважды удалось разыскать Морозова, в то время как сам он говорит лишь об одной встрече. О второй Леонид Борисович предпочел умолчать.

Д. А. Олсуфьев писал: «Спасаясь от революционеров, Морозов «бросился» на Ривьеру; я слышал от его семейных, что за границу он именно «бросался» из города в город, надеясь замести следы, как зверь на угонке. Один близкий ему человек, случайно встретивший его в эту последнюю его поездку в Париж, рассказывал мне, что он не мог признать прежнего Савву: подавленность его настроения граничила почти с сумасшествием. На Ривьере Морозов избрал местом жительства»^[647] «Ройаль-отель» в Каннах, на побережье Средиземного моря. Здесь чета Морозовых прожила около недели без всяких происшествий. А потом их вновь разыскал Красин. Видимо, в этот раз Савва Тимофеевич его все же принял. По словам О. А. Кавериной, Морозов потребовал, чтобы его ввели в курс дел.^[648] О том же, кстати, говорится в очерках Горького и Сереброва. Вряд ли сообщенные ими обстоятельства встречи правдивы, но, думается, в одном они вполне достоверны: встреча Красина и Морозова состоялась незадолго до смерти последнего. Чем закончилась эта встреча, сказать трудно. Возможно, как утверждает Красин, Морозов дал ему денег, а может, вновь отказал. Как бы то ни было, после этого состоялась еще одна встреча с кем-то из большевиков, не обязательно с Красиным. И она произошла непосредственно в день смерти Саввы Тимофеевича.

По свидетельству Кавериных, в день смерти Морозов пребывал в прекрасном расположении духа. Утром после завтрака гулял с Зинаидой Григорьевной в парке, во время второго завтрака предложил на следующий день съездить в Монте-Карло «поиграть немного», говорил, что по приезде

в Москву надо отправить младшего сына, Савву, на отдых в Крым. После второго завтрака супруги расстались, Зинаида Григорьевна пошла в номер к доктору Селивановскому, поговорить о здоровье мужа. Иными словами, Савва Тимофеевич и не помышлял о смерти, строил планы на будущее, ничуть не сомневаясь в том, что оно у него есть. Это подтверждает и Д. А. Олсуфьев. По его словам, 13 мая «Морозов в хорошем настроении... вышел на прогулку, сказав дома, чтобы ему подали» на обед «...землянику со сливками. Эта подробность доказывает, что в этот день у Морозова не было и мысли о самоубийстве. Но одинокая прогулка его продолжалась недолго. Через некоторое время кто-то из французской прислуги увидел, как Морозов, как бы кем-то преследуемый, в ужасе бежал по саду в направлении к своей вилле. Ворвавшись в свой дом, несчастный, никому ничего не объясняя, заперся в своей комнате, из которой... послышался выстрел... и все было кончено».^[649] Далее Дмитрий Адамович добавляет уже от себя: «Что случилось на прогулке с Морозовым, так и осталось для всех его близких тайной. Но, конечно, догадка напрашивается сама собою: а именно, что тот же или другой «некий страшный», следивший за ним, настиг его и на Ривьере».

Сама Зинаида Григорьевна не видела, как ее муж бежал по саду. В этот момент она вышла из номера доктора Селивановского, поднялась на свой этаж и как раз подходила к своему номеру, чтобы пригласить Савву Тимофеевича на обед, как вдруг услышала выстрел. М. ИТ. Каверина рассказывала: З. Г. Морозова, «будучи рядом с комнатой, где находился Савва Тимофеевич, услышала выстрел. От испуга на какое-то мгновение остолбенела, затем, придя в себя, вбежала к нему. Через распахнутое окно она увидела убегающего мужчину».^[650] На крик Зинаиды Григорьевны в комнату вбежали служащие гостиницы и врач Н. Н. Селивановский. Николай Николаевич, увидев, что Морозов лежит на кровати, на спине, с закрытыми глазами, спросил Зинаиду Григорьевну: «Это вы закрыли ему глаза?» Та отрицательно покачала головой. По заключению Селивановского, Савва Тимофеевич был убит во время сна. Свое мнение врач высказал Зинаиде Григорьевне, когда они возвращались в Москву.

Итак, если сопоставить эти два свидетельства, получается, что 13 мая 1905 года Савва Тимофеевич столкнулся по меньшей мере с двумя неприятными ему лицами. Один встретил Морозова в парке, напугав его и вынудив спасаться бегством. Другой поджидал его в комнате отеля и, когда Савва Тимофеевич добрался до номера, убил его. Очень может быть, что он дождался момента, когда Савва Тимофеевич успокоился и лег на кровать, а

может, успел закрыть покойному глаза и переместить тело после выстрела, и потому замешкался в комнате. Но не слишком ли это — подсылать к Морозову сразу двух (если не более) убийц? И насколько это правдоподобно?

Существует еще один источник, сообщающий о контактах С. Т. Морозова с посторонними лицами во время его пребывания в Европе. Это секретное донесение в Департамент полиции, составленное градоначальником Москвы графом П. А. Шуваловым после 29 мая 1905 года. «По полученным мною из вполне достоверного источника сведениям, покойный Савва Морозов... незадолго до выезда из Москвы... рассорился с Горьким, и по приезде Морозова в Канны к нему, по поручению Горького, приезжал один из московских революционеров, а также революционеры из Женевы, шантажировавшие покойного».^[651] Очевидно, «московским революционером» являлся Красин. И вполне вероятно, что убийца действительно был не один — это вполне могли быть те самые «революционеры из Женевы», о которых говорит Шувалов.

По словам Т. П. Морозовой и И. В. Поткиной, «Департамент полиции хорошо отслеживал революционеров, делал это профессионально, и поэтому его сведениям стоит доверять». Действительно, если сравнить свидетельство Шувалова с текстом из воспоминаний Красина, выяснится, что... «революционеры из Женевы» в мемуарах Леонида Борисовича тоже присутствуют. Вот что писал Красин: «По окончании съезда, после кратковременного пребывания в Женеве, я одновременно с другими wybranными членами Центрального комитета выехал обратно в Россию».^[652] Но, как уже говорилось, между Женевой и Россией затесалась поездка Красина во Францию — причем, как следует из даты, указанной самим Красиным, не в Виши, а в Канны. И в это путешествие он отправился не один. Таким образом, вероятнее всего, Красин лично не убивал Морозова — за него это сделали его помощники. Зато потом именно Леонид Борисович станет распорядителем средств, полученных им по страховому полису С. Т. Морозова.

Таким образом, картину смерти С. Т. Морозова можно восстановить лишь приблизительно. Наиболее обоснованной представляется версия организованного убийства коммерсанта с целью наживы. Однако документально подтвердить ее очень сложно. Слишком много вопросов остается без ответов.

Вероятно, смерть крупного купца, который пошел не по своему пути и не выдержал, навсегда останется овееяна ореолом тайны.

Как бы то ни было, 43-летнего С. Т. Морозова не стало в живых. Гроб с телом Саввы Тимофеевича доставили в Москву его жена и племянник, А. Г. Карпов. 29 мая 1905 года Савва Тимофеевич был похоронен на Рогожском кладбище в Москве.^[653] Похороны были пышные. По свидетельству репортеров столичных газет, проститься с Морозовым пришло более 15 тысяч человек, в том числе приезжие из Орехово-Зуева, Богородска и Твери.

На похоронах С. Т. Морозова присутствовали видные общественные деятели и ученые: К. С. Станиславский, В. И. Немирович-Данченко, В. И. Качалов и др. Не было лишь простудившейся М. Ф. Андреевой и М. Горького, приславших вместо себя венки: руководство Москвы решило прибегнуть к существующему у старообрядцев обычаю не произносить надгробных речей и таким образом лишило революционеров возможности устроить из похорон митинг. А без митинга похороны оказались им неинтересны... Зато было много рабочих и служащих Никольской мануфактуры. Как это обычно бывает, проводы в последний путь показали истинное отношение к Морозову со стороны тех, с кем он общался. Показательна в этом смысле икона Саввы Стратилата, созданная на средства работников Никольской мануфактуры в церкви Рождества Богородицы села Нестерова близ Орехово-Зуева. На латунной плите в нижней части иконы имеется надпись: «Сия святая икона сооружена служащими и рабочими в вечное воспоминание безвременно скончавшегося 13 мая 1905 г. незабвенного директора Правления, заведовавшего фабриками Товарищества, Саввы Тимофеевича Морозова, неустанно стремящегося к улучшению быта трудящегося люда».

По Москве же поползла легенда, будто в землю закопали пустой фоб, а сам Савва Тимофеевич отказался от богатства и ходит по фабрикам, уча рабочих уму-разуму...

Заключение

Казалось бы, активная общественная, политическая, меценатская деятельность обрекала Савву Тимофеевича Морозова на известность. Однако многие стороны его жизни до сих пор скрыты от широкой публики. Этому во многом способствовал революционно-романтический ореол, созданный в советское время и до сих пор плотным кольцом окружающий его личность. Благодаря ему С. Т. Морозов является героем многочисленных мифов, созданных как при жизни купца, так и вскоре после его кончины и оказавшихся на редкость живучими. Революционер-во-вред-себе; купец, ненавидящий представителей собственного сословия; наконец, человек, отвергнутый собственной семьей. Всё это — представления, весьма далекие от правды.

Правда заключается в том, что Морозов — безусловно, один из наиболее выдающихся людей своего времени, вобравший в себя его во многом противоречивые черты. Образ трагический, надорванный — образ человека, так и не сумевшего найти себе подходящее место в современном ему обществе. В этом смысле Савва Тимофеевич — фигура типичная для своей эпохи. Как и многие купцы его поколения, просвещенные, получившие блестящее образование, познакомившиеся с лучшими достижениями западноевропейской научной мысли, Морозов оторвался от своих корней. Отошел от присущих купечеству ценностей: патриархальности, крепости православной вере, здорового почвенничества. Превратился в гигантское перекаати-поле, которое ветер судьбы с легкостью швырял куда ему вздумается. Именно об этом — о мучительной оторванности образованных русских людей от родной почвы — говорил Горький в лучших своих произведениях. Именно эту мысль он вложил в уста старшины малярного цеха В. В. Бессемёнова в пьесе «Мещане», сокрушавшегося, что он дал детям высшее образование: «Никогда не надо детям давать больше того, сколько сам имеешь». Колоссальная разница в культурном и образовательном уровне и, что еще страшнее, полная несовместимость мировоззрений «отцов» и «детей» привели не просто к конфликту поколений, но к слому основ Российского государства.

В начале XX столетия значительная часть русского образованного общества оказалась, по меткому выражению московского губернатора В. Ф. Джунковского, охвачена «состоянием революционного психоза». Общество жаждало перемен, и откуда придут эти перемены, было не столь важно.

Поддержка радикальных организаций в те времена стала модным поветрием, своеобразным спортом для тех, кто располагал деньгами либо влиянием в обществе, но не имел сколько-нибудь устойчивых нравственных ориентиров. На одной арене соревновались представители разночинной интеллигенции, простого люда и даже дворянства. И, конечно, в дело революции вкладывались, деньгами или личным участием, крупнейшие представители купечества, причем не только московского, хотя в этой области, как и во многих других, оно было наиболее активным. Можно назвать имена Н. П. Шмита — сына крупного московского мебельного фабриканта, наследовавшего колоссальное состояние Морозовых-Викуловичей, который ушел в революцию; нижегородца, миллионщика Н. А. Бугрова, финансировавшего РСДРП; шерстяных фабрикантов Арманд, среди которых, говоря словами П. А. Бурышкина, «были люди, весьма близкие Ленину», а также множество других. «Революционной заразой» переболела значительная часть тогдашнего русского общества. Некоторое отрезвление пришло только с первой русской революцией 1905–1907 годов, унесшей и поломавшей немало человеческих жизней.

В самом начале XX века С. Т. Морозов на некоторое — довольно краткое — время прельстился новыми идеями, потерял рассудок и опередил всех в стремительном движении к пропасти. Государственник до мозга костей, граф С. Д. Шереметев, хорошо знавший Савву Тимофеевича, осуждающе писал: «Эти Морозовы, всего на одно поколение отдаленные от типичных представителей степенной бытовой Москвы, резко и запальчиво бросились в весь водоворот развращающей волны и стали, можно сказать, во главе этого разврата!»^[654] Но — это следует еще раз подчеркнуть — увлечение крайне левыми идеями стало лишь временным ослеплением, лишь кратким этапом в его длительной общественно-политической карьере. К тому же оно было тесно связано с его любовными переживаниями. Это ослепление довольно быстро прошло. В отличие от многих современников Савва Тимофеевич стал прозревать еще до революции 1905–1907 годов. Однако прозрение стоило ему жизни. Он все-таки стал жертвой той бездны, с которой так безрассудно заигрывал.

Жизнь С. Т. Морозова — это, безусловно, трагедия. Причем трагедия не одного отдельно взятого человека, но целого общества. Общества, верхушка которого растеряла нить сложности: отказалась от ценностей предков — но так и не сумела создать собственных общезначимых ценностей, годами накапливала богатства — и тратила их в одночасье, одной рукой созидала науку, культуру, экономику, другой — занималась

разрушением основ. Не зря Савва Тимофеевич стал персонажем целого ряда литературных произведений. Это «Закат старого века» и «Дрогнувшая ночь» А. В. Амфитеатрова, «Самоубийство» М. А. Алданова, а также горьковские сочинения: «Егор Булычов и другие», «Жизнь Клима Самгина», «Мать», отчасти «Дело Артамоновых». Данный список можно продолжить. Важно, что Савва Морозов — случай не единичный, а — типичный для своего времени. Его университетский товарищ Д. А. Олсуфьев, живя в эмиграции, очень точно сказал: «Судьба Морозова представляет в миниатюре судьбу всей нашей передовой интеллигенции: сеяли ветер, пожали бурю; играли с огнем, — доигрались до пожара, в котором и сами сгорели».

Судьба Морозова — отражение судьбы всей интеллигенции его времени. Поэтому то прозвище, которое дал ему Горький — «социальный парадокс», — не вполне верно. Савва Тимофеевич — не парадокс, он — типичное дитя своей эпохи. Та лакмусовая бумажка, по которой определяется состояние современного ему общества.

Основные даты жизни и деятельности С. Т. Морозова

1862, 3 февраля — рождение Саввы Тимофеевича Морозова в семье богородского купца 1-й гильдии, потомственного почетного гражданина, старообрядца Тимофея Саввича Морозова и его жены Марии Федоровны Морозовой.

1874, лето — поступление Саввы Морозова и его младшего брата Сергея в привилегированную Московскую 4-ю гимназию.

1878, середина июня — вторая половина августа — первое заграничное путешествие С. Т. Морозова в сопровождении родителей, брата и семейства Крестовниковых. Савва Тимофеевич побывал в Германии, Швейцарии, Франции.

1881, 30 мая — окончание С. Т. Морозовым гимназии и получение аттестата зрелости.

Июль — поступление девятнадцатилетнего Морозова в Императорский Московский университет, на отделение естественных наук физико-математического факультета.

1885, 7–17 января — Морозовская стачка на текстильной фабрике «Товарищества Никольской мануфактуры Саввы Морозова сын и К^о». *Март* — избрание С. Т. Морозова одним из директоров «Товарищества Никольской мануфактуры».

Май — окончание учебы С. Т. Морозова в Московском университете.

1886, 23–27 мая — судебный процесс над активными участниками Морозовской стачки. Вопреки ожиданиям, коллегия присяжных вынесла оправдательный приговор.

1887, 31 октября — получение С. Т. Морозовым аттестата об окончании Московского университета.

1887/88, зима — поездка С. Т. Морозова в Англию с целью продолжить образование, проживание в Манчестере и Кембридже.

24 июня — свадьба С. Т. Морозова и купеческой дочери З. Г. Зиминой, в первом браке Морозовой.

15 ноября — рождение первенца С. Т. и З. Г. Морозовых, Тимофея.

1889, 10 октября — кончина Т. С. Морозова в Крыму, в Мисхоре.

4 ноября — определение обязанностей С. Т. Морозова на посту одного из директоров Никольской мануфактуры.

Ноябрь — декабрь — по инициативе С. Т. Морозова начат сбор первых

статистических сведений о работе Никольской мануфактуры. Это положило начало коренной модернизации предприятия.

1890, 21 октября — вступление С. Т. Морозова на пост председателя Нижегородского ярмарочного биржевого комитета, который он будет занимать шесть с половиной лет, вплоть до 8 мая 1897 года.

1891, 25 августа — рождение старшей дочери С. Т. и З. Г. Морозовых, Марии.

1892, 28 февраля — получение С. Т. Морозовым ордена Святой Анны 3-й степени с формулировкой «за полезную деятельность и особые труды по ведомству Министерства финансов».

1893, 31 декабря — пожалование С. Т. Морозова званием мануфактур-советника за «полезную деятельность на поприще отечественной промышленности».

1895, 18 марта — рождение младшей дочери С. Т. Морозова, Елены.

1896, 28 мая — 1 октября — проведение Всероссийской промышленной и художественной выставки, в подготовке которой С. Т. Морозов принимал деятельное участие; после выставки удостоился ордена Святой Анны 2-й степени.

29 августа — в московской газете «Новости сезона» сообщалось, что Савва Тимофеевич и Сергей Викулович Морозовы ассигновали 200 тысяч рублей на создание общедоступного Летнего театра для рабочих и служащих фабрик Орехово-Зуева.

1897, первая половина года — начало отхода С. Т. Морозова от общественной деятельности.

1897/98, зима — обращение К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко к С. Т. Морозову за денежной помощью для создания в Москве Художественного общедоступного театра. Вступление Морозова в Товарищество по образованию Московского Художественного общедоступного театра с вкладом в десять тысяч рублей.

1898, 10 апреля — подписание договора об учреждении общедоступного театра в Москве сроком на 12 лет. С. Т. Морозов вступил в число пайщиков театра.

14 октября — открытие Московского Художественного общедоступного театра. В этот день состоялся показ трагедии «Царь Федор Иоаннович» по одноименной пьесе А. К. Толстого.

1899, осень — начало романа С. Т. Морозова с актрисой МХТ М. Ф. Андреевой.

1900, 4 марта — оформляются обязанности С. Т. Морозова как директора хозяйственной части Художественного общедоступного театра.

1902, февраль — начало активной помощи С. Т. Морозова РСДРП (большевистской фракции).

20-е числа февраля — образование по инициативе С. Т. Морозова Товарищества деятелей Московского Художественного театра сроком на три года. В Товарищество вошли значительная часть труппы МХТ и сам Морозов.

Апрель — октябрь — под руководством и на средства С. Т. Морозова в Камергерском переулке строится новое здание для Художественного театра.

1903, 25 июля — рождение младшего сына С. Т. и З. Г. Морозовых, Саввы. *Середина лета* — разрыв Андреевой с Морозовым.

1904–1905 — отход С. Т. Морозова от поддержки крайне левых политических организаций, возвращение на реформистские позиции и сближение с либеральными кругами.

1905, 9 февраля — подача С. Т. Морозовым в адрес Комитета министров «Программной записки», где были изложены его взгляды на оптимальное общественное устройство.

14 февраля — 9 марта — забастовка рабочих Никольской мануфактуры.

13 мая — трагическая гибель С. Т. Морозова в Каннах. Официальная версия смерти — самоубийство на почве психического расстройства.

Библиография

Архивные материалы

Музей Московского Художественного академического театра (МХАТ). Ф. 1. Рукописный фонд Московского Художественного академического театра. Оп. 1. Подготовительный сезон (1897–1898); Оп. 2. 1 сезон (1898/1899); Оп. 3. 2 сезон (1899/1900); Оп. 4. 3 сезон (1900/1901); Оп. 5. 4 сезон (1901/1902); Оп. 6. 5 сезон (1902/1903); Оп. 7. 6 сезон (1903/1904); Оп. 8. 7 сезон (1904/1905).

Музей МХАТ. Ф. 59. М. Ф. Андреева. Оп. 1. Д. 1, 2, 6, 8, 10, 11.

Музей предпринимателей, меценатов и благотворителей. Дневник Марии Александровны Гарелиной (урожд. Крестовниковой), сестры Г. А. Крестовникова.

Государственный центральный театральный музей им. А. А. Бахрушина. Ф. 216. Братья Поповы. Д. 515. З. Г. Морозова-Рейнбот. Записки. Воспоминания о встречах с А. П. Чеховым, А. Н. Толстым, Ф. И. Шаляпиным, Г. Н. Федотовой и с др.

Центральный исторический архив Москвы. Ф. 418. Московский Императорский университет. Оп. 295. Д. 347. Дело канцелярии проректора Императорского Московского университета о принятии в студенты Саввы Морозова.

Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 2163. А. Н. Тихонов (псевд. Серебров). Оп. 1. Д. 17, 55, 67.

РГАЛИ. Ф. 499. Н. Д. Телешов. Оп. 2. Д. 37. Статьи Телешова Николая Дмитриевича о Московском Художественном академическом театре.

РГАЛИ. Ф. 637. Д. Д. Языков. Оп. 1. Д. 97. Материалы для обзора жизни и трудов русских писателей и писательниц (К — Н).

Основная литература о С. Т. Морозове

Алданов М. Самоубийство: Исторический роман. М., 1993.

Амфитеатров А. В. Дрогнувшая ночь // Собрание сочинений. Т. 26. СПб., 1914.

Амфитеатров А. В. Из литературных воспоминаний // Руль. 1922. №

552. 22 (9) сентября; № 553. 23 (10) сентября.

Андреева М. Ф. Переписка. Воспоминания. Статьи. Документы. М., 1968.

Аронов А. А. Золотой век русского меценатства. М., 1995. С. 41–55.

Арутюнов А. А. Убийцы Саввы Морозова. М., 2005.

Архив А. М. Горького. Т. IV. Письма к К. П. Пятницкому. М., 1954.

Архив А. М. Горького. Т. V. Письма к Е. П. Пешковой: 1895–1906. М., 1955.

Бурыйшкін П. А. Москва купеческая: Воспоминания. М., 2002.

Варенцов Н. А. Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое. М., 1999.

Витте С. Ю. Воспоминания. В 3 т. Т. 2. 1894–1905. Царствование Николая II. М., 1960.

Витте С. Ю. Воспоминания. В 3 т. Т. 3. 17 октября 1905–1911. Царствование Николая II. М., 1960.

Воронов Н. И. Записки Николая Ираклиевича Воронова о событиях Владимирской губернии. Владимир, 1907.

Горький М. Книга о русских людях. М., 2000.

Горький М. Савва Морозов // М. Горький в эпоху революции 1905–1907 годов: Материалы, воспоминания, исследования. М., 1957. С. 12–37.

Желябужский А. Л. «Чудесная человечинка» // *Андреева М. Ф.* Переписка. Воспоминания. Статьи. Документы. М., 1968. С. 451–460.

Записки М. В. Сабашникова. М., 1995.

Зилоти В. Я. В доме Третьякова. М., 1998.

История Морозовской стачки // Морозовская стачка 1885–1935. Сборник статей, документов и воспоминаний. М., 1935.

Книппер-Чехова О. Л. Воспоминания и статьи. Переписка с А. П. Чеховым. Ч. 1. М., 1972.

Коровин К. «То было давно... там... в России...»: Воспоминания, рассказы, письма. В 2 кн. Кн. 2. М., 2012.

Красин Л. Б. Большевики в подполье. М., 1932.

Красин Л. Б. Дела давно минувших дней: Воспоминания. М., 1934.

Литературное наследство. Т. 70. Горький и советские писатели: Неизданная переписка. М., 1963.

Михайлов К. Н. Василий Пантелеймонович Далматов в воспоминаниях, очерках и анекдотах. СПб., 1914.

Морозов С. Дед умер молодым: Документальная повесть. М., 1988.

Морозова Т. Я. Савва Тимофеевич Морозов и Общедоступный театр // Труды первой научно-практической конференции «Морозовы и их роль в истории России» («Морозовские чтения»). Ногинск (Богородск), 16–18

ноября 1995 года. Богородск, 1996. С. 92–99.

Морозова Т. Я. Поткина И. В. Савва Морозов. М., 1998.

Немирович-Данченко Вл. И. Избранные письма. Т. 1. 1879–1909. М., 1979.

Немирович-Данченко Вл. И. Рождение театра: Воспоминания, статьи, заметки, письма. М., 1989.

Немирович-Данченко Вл. И. Творческое наследие. Т. 1. Письма: 1879–1897. М., 2003.

Олсуфьев Д. А. Революция: Из воспоминаний о девятисотых годах и об моем товарище Савве Морозове, ум. 1905 г. // Возрождение. 1931. 31 июля (№ 2250). С. 5.

Поткина И. В. Морозовы — промышленники и общественные деятели. Морозовы и Москва: Труды юбилейной научно-практической конференции «Морозовские чтения» (Москва, 26–27 декабря 1997 г.). М., 1998.

Поткина И. В. На Олимпе делового успеха: Никольская мануфактура Морозовых. 1797–1917. М., 2004.

Русский торгово-промышленный мир. М., 1993.

Серебров А. Время и люди: Воспоминания (1898–1905). М., 1960.

Станиславский К С. Моя жизнь в искусстве. М., 1972.

Станиславский К С. Собрание сочинений. В 8 т. Т. 5. М., 1958.

Станиславский К. С. Собрание сочинений. В 8 т. Т. 7. Письма. 1886–1917. М., 1960.

Теляковский В. А. Дневники директора Императорских театров: 1898–1901. М., 1998.

Теляковский В. А. Дневники директора Императорских театров: 1901–1903. Санкт-Петербург. М., 2002.

Теляковский В. А. Дневники директора Императорских театров: 1903–1906. М., 2006.

Толстой С. Л. Очерки былого. Тула, 1975.

Фельштинский Ю. Г. Вожди в законе. М., 1999.

Филаткина Н. А. Династия Морозовых: лица и судьбы. М., 2011.

Шаляпин Ф. И. Маска и душа: Мои сорок лет на театрах. М., 1989.

Щербатов С. Художник в ушедшей России. М., 2000.

Примечания

Варенцов Н. Л. Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое. М., 1999. С. 672.

Бурышкин П. А. Москва купеческая: Воспоминания. М., 2002. С. 95.

Филаткина Н. А. Династия Морозовых: лица и судьбы. М., 2011. С. 13.

Отец Саввы Васильевича, Василий Федорович, был беспоповцем, однако сам Савва Васильевич после выкупа из крепостной зависимости почел за благо перейти из беспоповского согласия в поповское. Перебравшись в Москву, он стал прихожанином общины Рогожского кладбища, так как, в отличие от кладбища Преображенского, оно являлось духовным центром старообрядцев-поповцев.

Найденов Н. А. Воспоминания о виденном, слышанном и испытанном. М., 2007. С. 198.

Муравьев В. А. История Морозовской стачки // Морозовская стачка 1885–1935. Сборник статей, документов и воспоминаний. М., 1935. С. 35.

Цит. по: Морозов С. Дед умер молодым: Документальная повесть. М., 1988. С. 6.

Аронов А. А. Золотой век русского меценатства. М., 1995. С. 42.

Муравьев В. А. История Морозовской стачки... С. 36. См. также:
Серебров А. Время и люди: Воспоминания (1898–1905). М., 1960. С. 193.

Олсуфьев Д. А. Революция: Из воспоминаний о девятисотых годах и об моем товарище Савве Морозове, ум. 1905 г. // Возрождение. 1931. 31 июля (№ 2250). С. 5.

В некоторых книгах и статьях говорится, что С. В. Морозов получил вольную в 1820 году. Но документальный источник дает иную дату. См.: Филаткина Н. А. Указ. соч. С. 14. (Н. А. Филаткина ссылается на источник: «В материалах очередной переписи населения за 1834 год имеется запись, что Василий Федоров [Морозов], его сын Савва с четырьмя детьми отпущены на волю помещиком Рюминым в 1821 году за 17 тысяч рублей».)

Аронов Л. А. Указ. соч. С. 42.

Поткина И. В. Морозовы — промышленники и общественные деятели. Морозовы и Москва: Труды юбилейной научно-практической конференции «Морозовские чтения» (Москва, 26–27 декабря 1997 г.). М., 1998. С. 16.

Аронов А. А. Указ. соч. С. 42–43.

Бурышкин П. А. Указ. соч. С. 96.

Цит. по: Поткина И. В. Морозовы — промышленники и общественные деятели... С. 18.

Рябушинский В. П. Старообрядчество и русское религиозное чувство. М.; Иерусалим, 1994. С. 157.

Поткина И. В. Морозовы — промышленники и общественные деятели... С. 17.

Рябушинский В. П. Указ. соч. С. 157–158.

Варенцов Н. А. Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое. М., 1999. С. 156.

Олсуфьев Д. А. Указ. соч. С. 5.

Найденов Н. А. Указ. соч. С. 261.

Варенцов Н. А. Указ. соч. С. 156–157.

Цит. по: Поткина И. В. Морозовы — промышленники и общественные деятели... С. 18.

Цит. по: Филаткина Н. А. Указ. соч. С. 76.

Бурышкин П. А. Указ. соч. С. 96.

Жизнь купечкая: Забытые страницы истории российского предпринимательства XIX — начала XX века. Нижний Новгород, 2008. С. 91.

Ульянова Г. Н. Благотворительность московских предпринимателей: 1860–1914 гг. М., 1999. С. 266.

Об этом будет подробно сказано в главе шестой.

Морозова Т. Я. Поткина И. В. Савва Морозов. М., 1998. С. 46.

Там же. С. 73.

Цит. по: Морозова Т. Я., Поткина И. В. Указ. соч. С. 28, 29.

Джунковский В. Ф. Воспоминания. В 2 т. Т. 1. М., 1997. С. 588.

Помимо двух сыновей скончались также две дочери Т. С. и М. Ф. Морозовых: Елена (первый ребенок в семье) и Людмила. См.: Филаткина Н. А. Указ. соч. С. 371, 376.

Подробнее см.: Морозов С. Указ. соч. С. 84.

Лестовка — кожаные четки.

Серебров А. Указ. соч. С. 191.

Зилоти В. П. В доме Третьякова. М., 1998. С. 51.

Морозов С. Указ. соч. С. 81.

Музей предпринимателей, меценатов и благотворителей. Дневник Марии Александровны Гарелиной (урожд. Крестовниковой). С. 167.

Там же. С. 146.

Цит. по: Филаткина Н. Л. Указ. соч. С. 170.

Музей предпринимателей, меценатов и благотворителей. Дневник Марии Александровны Гарелиной. С. 148.

Цит. по: Филаткина Н. А. Указ. соч. С. 171.

Гиляровский В. А. Записки москвича. М., 1931. С. 193.

Морозов С. Указ. соч. С. 75.

Морозова Т. Я., Поткина И. В. Указ. соч. С. 35.

Морозова Т. Я., Поткина И. В. Указ. соч. С. 35.

Центральный исторический архив Москвы (ЦИАМ). Ф. 418. Оп. 295.
Д. 347. Л. 4.

Морозова Т. П., Поткина И. В. Указ. соч. С. 34–35.

ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 295. Д. 347. Л. 4 об. Математическая география — предмет, в задачи которого входило решение геодезических и астрономо-геодезических задач, например, вычисление параметров Земли как планеты, ее формы и т. п.

Там же. Л. 4.

Бурышкин П. Л. Указ. соч. С. 92.

Зилоти В. П. Указ. соч. С. 51.

Музей предпринимателей, меценатов и благотворителей. Дневник Марии Александровны Гарелиной. С. 72–73.

Воспоминания Г. Н. Листа. Цит. по: Филаткина Н. А. Указ. соч. С. 172.

Варвара Алексеевна Морозова: На благо просвещения Москвы. В 2 т.
Т. 1. М., 2008. С. 19.

Музей предпринимателей, меценатов и благотворителей. Дневник Марии Александровны Гарелиной. С. 114.

Музей предпринимателей, меценатов и благотворителей. Дневник Марии Александровны Гарелиной. С. 162.

Подробнее см.: Морозова Т. Я., Поткина И. В. Указ. соч. С. 37.

Поткина И. В. На Олимпе делового успеха: Никольская мануфактура Морозовых. 1797–1917. М., 2004. С. 117–118.

Щербатов С. Художник в ушедшей России. М., 2000. С. 43–44.

Щербатов С. Художник в ушедшей России. М., 2000. С. 41.

Серебров А. Время и люди: Воспоминания (1898–1905). М., 1960. С. 183, 187.

Горький М. Савва Морозов // М. Горький в эпоху революции 1905–1907 годов: Материалы, воспоминания, исследования. М., 1957. С. 12.

Алданов М. Самоубийство: Исторический роман. М., 1993. С. 65.

Цит. по: Думова Н. Г. Московские меценаты. М., 1992. С. 136.

Варенцов Н. А. Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое. М., 1999. С. 515.

Немирович-Данченко Вл. И. Рождение театра: Воспоминания, статьи, заметки, письма. М., 1989. С. 123.

Желябужский Л. Л. «Чудесная человечинка» // Андреева М. Ф. Переписка. Воспоминания. Статьи. Документы. М., 1968. С. 457.

Серебров А. Указ. соч. С. 205.

Амфитеатров А. В. Дрогнувшая ночь // Собрание сочинений. Т. 26. СПб., 1914. С. 57.

Цит. по: Филаткина Н. А. Династия Морозовых: лица и судьбы. М., 2011. С. 225.

Бурышкин П. А. Москва купеческая: Воспоминания. М., 2002. С. 97.

Леонидов Л. М. Воспоминания, статьи, беседы, переписка, записные книжки. Статьи и воспоминания о Л. М. Леонидове. М., 1960. С. 399.

Горький М. Савва Морозов... С. 19.

Цит. по: Морозова Т. Я., Поткина И. В. Савва Морозов. М., 1998.

Красин Л. Б. Дела давно минувших дней: Воспоминания. М., 1934. С.104.

Серебров А. Указ. соч. С. 204. Пратектованный — имеется ввиду: все поверяющий практикой.

Горький М. Савва Морозов... С. 21.

Горький М. Савва Морозов... С. 13.

Алданов М. А. Указ. соч. С. 61.

Олсуфьев Д. А. Революция: Из воспоминаний о девятисотых годах и об моем товарище Савве Морозове, ум. 1905 г. // Возрождение. 1931. 31 июля (№ 2250). С. 5.

Андреева М. Ф. Переписка. Воспоминания. Статьи. Документы. М., 1968. С. 676.

Сесиль Джон Родс — английский бизнесмен, политический деятель, инициатор и идеолог английской колониальной экспансии в Южной Африке. Корнелиус Вандербильт — железнодорожный магнат, миллионер, разорвавший своих конкурентов при помощи демпинговых цен на услуги.

Амфитеатров А. В. Дрогнувшая ночь... С. 60.

Желябужский А. Л. Указ. соч. С. 456–457.

Музей предпринимателей, меценатов и благотворителей. Дневник Марии Александровны Гарелиной. С. 126.

В Архиве МХАТа отложилась приходно-расходная ведомость за период с 15 июня 1904 года по 15 июня 1905 года. В частности, там сказано: «Счет стипендии имени С. Т. Морозова. Выдано ученику Н. А. Подгорному с 1-го мая 1904 г. по 1-е мая 1905 года — 300[рублей]». См.: Музей Московского Художественного академического театра. Ф. 1. Оп. 8. Д. 60. Л. 5. Одна из наиболее известных ролей Н. А. Подгорного — роль Пантелея Мелехова в экранизации романа М. А. Шолохова «Тихий Дон» (1930).

Амфитеатров А. В. Из литературных воспоминаний // Руль. 1922. № 553. 23 (10) сентября. С. 2.

Немирович-Данченко Вл. И. Рождение театра... С. 123.

Варенцов Н. А. Указ. соч. С. 515.

См.: Российский государственный исторический архив. Ф. 20. Оп. 1. Д. 545; Ф. 20. Оп. 2. Д. 706, 880, 1204, 1206; Ф. 20. Оп. 5. Д. 112.

Алданов М. Указ. соч. С. 34.

Амфитеатров А. В. Дрогнувшая ночь... С. 56.

Амфитеатров А. В. Дрогнувшая ночь... С. 57. Десятский — это выборное должностное лицо из крестьян, исполнявшее в деревне обязанности полицейского. Десятский избирался от каждых десяти дворов; являлся помощником сотского; обе должности существовали вплоть до 1917 года.

Шаляпин Ф. И. Маска и душа: Мои сорок лет на театрах. М., 1989. С. 148.

Серебров А. Указ. соч. С. 185–186.

Об этом см. ниже в главе пятой.

Немирович-Данченко Вл. И. Творческое наследие. Т. 1. Письма: 1879–1897. М., 2003. С. 346.

Станиславский К. С. Собрание сочинений. В 8 т. Т. 5. М., 1958. С. 203.

Станиславский К. С. Моя жизнь в искусстве. М., 1972. С. 284.

Андреева М. Ф. Переписка. Воспоминания. Статьи. Документы. М., 1968. С. 676.

И впрямь, в 1905 году все состояние Морозова — с учетом недвижимого имущества — было оценено в сумму «всего» в 1 миллион 400 тысяч рублей. В то же время состояние, к примеру, далеко не самого богатого из русских купцов П. М. Третьякова (ум. 1898) равнялось 3 801 029 рублям, а К. Т. Солдатёнова (ум. 1901) — около 8 миллионов.

Государственный центральный театральный музей (ГЦТМ) им. А. А.
Бахрушина. Ф. 216. Д. 515. Л. 4 об.

Михайлов К. Н. Василий Пантелеймонович Далматов в воспоминаниях, очерках и анекдотах. СПб., 1914. С. 162.

Подробнее см.: Морозова Т. Я., Поткина И. В. Указ. соч. С. 75.

Цит. по: Морозова Т. П., Поткина И. В. Савва Морозов. М., 1998. С. 57.

Олсуфьев Д. А. Революция: Из воспоминаний о девятисотых годах и об моем товарище Савве Морозове, ум. 1905 г. // Возрождение. 1931. 31 июля (№ 2250). С. 5.

Государственный центральный театральный музей (ГЦТМ) им. А. А.
Бахрушина. Ф. 216. Д. 515. Л. 7 об.

Олсуфьев Д. Л. Указ. соч. С. 5.

Толстой С. Л. Очерки былого. Тула, 1975. С. 157.

Разночинцы — категория населения в Российском государстве XVII–XIX веков. Разночинцами назывались лица, не принадлежавшие ни к одному из установленных сословий, то есть не приписанные ни к дворянству, ни к купечеству, ни к мещанству, ни к цеховым ремесленникам, ни к крестьянству, а также не имевшие личного дворянства или духовного сана. В повседневном обиходе разночинцами назывались лица, которые получили образование, но не состояли на действительной государственной службе, а существовали на доходы от своих занятий (в основном занимаясь умственным трудом). В художественной литературе и публицистике того времени разночинцы часто противопоставлялись дворянам. Они воспринимались не только как социальный слой, но и как носители новой идеологии — либеральной, демократической, прогрессивной, революционной, социалистической или нигилистической. Определенная часть так называемой разночинной интеллигенции была сторонниками радикальных политических преобразований.

Толстой С. Л. Указ. соч. С. 127.

Морозова Т. Я., Поткина И. В. Указ. соч. С. 55.

Морозов С. Дед умер молодым: Документальная повесть. М., 1988. С. 81.

Слово «подпруга» имеет два значения: 1) широкий ремень, который затягивается под брюхом лошади и служит для укрепления седла; 2) часть тела лошади, по которой проходит такой ремень. Видимо, в данном случае имеется в виду второе значение.

Толстой С. Л. Указ. соч. С. 142.

Центральный исторический архив г. Москвы (ЦИАМ). Ф. 418. Оп. 295.
Д. 347. Л. 16.

Горький М. Собрание сочинений. В 30 т. Т. 18. С. 419.

Правда, к 7 января 1885 года на фабрике числилось меньшее количество рабочих — 6299 человек. Поткина И. В. На Олимпе делового успеха: Никольская мануфактура Морозовых. 1797–1917. М., 2004. С. 245.

Ленин В. И. Как прежде налагались штрафы и чем были вызваны новые законы о штрафах? // Морозовская стачка 1885–1935. Сборник статей, документов и воспоминаний. М., 1935. С. 16.

Толоконский Н. И. Рабочее движение в России и морозовская стачка // Морозовская стачка 1885–1935. Сборник статей, документов и воспоминаний. М., 1935. С. 24.

Поткина И. В. На Олимпе делового успеха: Никольская мануфактура Морозовых. 1797–1917. М., 2004. С. 240.

Морозов С. Указ. соч. С. 5.

Филаткина Н. А. Династия Морозовых: лица и судьбы. М., 2011. С. 30.

Цит. по: Морозова Т. Я., Поткина И. В. Указ. соч. С. 106.

Поткина И. В. На Олимпе делового успеха... М., 2004. С. 240.

Рябушинский В. П. Старообрядчество и русское религиозное чувство. М.; Иерусалим, 1994. С. 157–158.

Поткина И. В. Указ. соч. С. 245.

Воронов Н. И. Записки Николая Ираклиевича Воронова о событиях Владимирской губернии. Владимир, 1907. С. 11.

Серебров А. Время и люди: Воспоминания (1898–1905). М., 1960. С. 193.

Поткина И. В. Морозовы — промышленники и общественные деятели
// Морозовы и Москва: Труды юбилейной научно-практической
конференции «Морозовские чтения» (Москва, 26–27 декабря 1997 г.). М.,
1998. С. 18.

Воронов Н. И. Указ. соч. С. 7.

Поткина И. В. На Олимпе делового успеха... С. 245.

Серебров А. Указ. соч. С. 193.

Подробнее см.: Поткина И. В. На Олимпе делового успеха... С. 127,

Подробнее о ходе процесса по делу о Морозовской стачке см.: Там же.

Семейная хроника Крестовниковых. В 3 кн. Кн. 1. М., 1903. С. 111.

ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 295. Д. 347. Л. 17.

Поткина И. В. На Олимпе делового успеха... С. 129.

Действительный студент — звание, которое присваивалось каждому выпускнику университета.

ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 295. Д. 347. Л. 17–20.

Морозова Т. Я., Поткина И. В. Указ. соч. С. 60.

Семейная хроника Крестовниковых... С. 111.

Морозов С. Указ. соч. С. 81.

Щукин П. И. Воспоминания: Из истории меценатства России. М., 1997. С. 67–68.

Горький М. Савва Морозов // М. Горький в эпоху революции 1905–1907 годов: Материалы, воспоминания, исследования. М., 1957. С. 15.

Горький М. Книга о русских людях. М., 2000. С. 108–109.

Присучальщица — работница в текстильном производстве, которая следит за нитью; в случае обрыва нити она должна соединять ее конец с пряжей.

ГЦТМ им. А. А. Бахрушина. Ф. 216. Д. 515. Л. 15.

Морозова Т. Я., Поткина И. В. Указ. соч. С. 63.

ГЦТМ им. А. А. Бахрушина. Ф. 216. Д. 515. Л. 15–15 об.

Морозова Т. Я., Поткина И. В. Указ. соч. С. 63–64.

Морозов С. Указ. соч. С. 17.

Там же. С. 11.

Ульянова Г. Н. Благотворительность московских предпринимателей: 1860–1914 гг. М., 1999. С. 248.

Бурышкин Я. Л. Москва купеческая: Воспоминания. М., 2002. С. 96.

Щербатов С. Художник в ушедшей России. М., 2000. С. 41.

Цит. по: Морозова Т. Я., Поткина И. В. Указ. соч. С. 64.

ГЦТМ им. А. А. Бахрушина. Ф. 216. Д. 515. Л. 1 об.

Там же. Л. 21 об. — 22.

Станиславский К. С. Собрание сочинений. В 8 т. Т. 7. Письма. 1886–1917. М., 1960. С. 264.

Ульянова Г. Н. Указ. соч. С. 411.

Филаткина Н. А. Указ. соч. С. 328.

Станиславский К. С. Собрание сочинений. В 8 т. Т. 5. М., 1958. С. 256–257.

Морозова Т. Я., Поткина И. В. Указ. соч. С. 64.

Морозов С. Указ. соч. С. 9.

Серебров А. Указ. соч. С. 193.

Серебров А. Указ. соч. С. 193–194.

Ульянова Г. Н. Благотворительность московских предпринимателей: 1860–1914 гг. М., 1999. С. 248.

Морозов С. Указ. соч. С. 14–15.

ГЦТМ им. А. А. Бахрушина. Ф. 216. Д. 515. Л. 13.

Морозов С. Указ. соч. С. 18–19.

ГЦТМ им. А. А. Бахрушина. Ф. 216. Д. 515. Л. 13 об.

Годы рождения детей приводятся по изданию: Филаткина Н. А. Династия Морозовых: лица и судьбы. М., 2011. С. 417–418.

Рогожское кладбище в Москве было основано в 1771 году. Вплоть до настоящего времени оно является крупнейшим духовным центром старообрядцев белокриницкого согласия, приемлющих священство.

Цит. по: Поткина И. В. На Олимпе делового успеха... С. 129.

Олсуфьев Д. Л. Революция: Из воспоминаний о девятисотых годах и об моем товарище Савве Морозове, ум. 1905 г. // Возрождение. 1931. 31 июля (№ 2250). С. 5.

Зилоти В. П. В доме Третьякова. М., 1998. С. 51.

Рабочее законодательство, в том числе закон об ограничении рабочего времени на предприятиях (1897), разрабатывалось при активном участии министра финансов С. Ю. Витте.

Филаткина Н. А. Династия Морозовых: лица и судьбы. М., 2011. С. 308.

Немирович-Данченко Вл. И. Рождение театра: Воспоминания, статьи, заметки, письма. М., 1989. С. 124.

Морозова Т. Я., Поткина И. В. Савва Морозов. М., 1998. С. 144.

Амфитеатров А. В. Из литературных воспоминаний // Руль. 1922. № 553. 23 (10) сентября. С. 2.

Филаткина Н. А. Указ. соч. С. 77–78.

Будировать — значит выражать недовольство кем-либо, быть в конфликте с кем-либо.

Амфитеатров А. В. Дрогнувшая ночь... С. 55–56.

Околоточный надзиратель — в Российской империи чин городской полиции, ведавший небольшо́й частью территории города — околотком.

Горький М. Савва Морозов // М. Горький в эпоху революции 1905–1907 годов: Материалы, воспоминания, исследования. М., 1957. С. 23.

Государственный центральный театральный музей (ГЦТМ) им. А. А. Бахрушина. Ф. 216. Д. 515. Л1. 4–4 об.

Подробнее о деятельности С. Т. Морозова на посту директора Никольской мануфактуры в 1889–1905 годах см.: Поткина И. В. На Олимпе делового успеха: Никольская мануфактура Морозовых. 1797–1917. М., 2004. С. 129–139; Она же. Морозовы — промышленники и общественные деятели // Морозовы и Москва: Труды юбилейной научно-практической конференции «Морозовские чтения» (Москва, 26–27 декабря 1997 г.). М., 1998. С. 18–27; Морозова Т. Я., Поткина И. В. Савва Морозов. М., 1998. С. 90–122.

Варенцов Н. Л. Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое. М., 1999. С. 514.

Алданов М. Самоубийство: Исторический роман. М., 1993. С. 63.

Рунова Л. М., Чупрунова А. В. Савва Морозов как химик // Купцы Морозовы — российские предприниматели и меценаты. Тезисы докладов и выступлений научно-практической конференции (юбилейные Морозовские чтения 20–22 февраля 1997 года). Орехово-Зуево, 1997. С. 89.

Фшшткина Н. А. Указ. соч. С. 307–308.

Имеется в виду диалогия крупного писателя середины — второй половины XIX века П. И. Мельникова-Печерского «В лесах» и «На горах».

Рябушинский В. П. Старообрядчество и русское религиозное чувство. М.; Иерусалим, 1994. С. 158–159.

Поткина И. В. Морозовы — промышленники и общественные деятели. Морозовы и Москва: Труды юбилейной научно-практической конференции «Морозовские чтения» (Москва, 26–27 декабря 1997 г.). М., 1998. С. 20.

Вырезка из газеты: Московские ведомости. 1905. № 132 // Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 637. Оп. 1. Д. 97. Л. 88.

Поткина И. В. Морозовы — промышленники и общественные деятели... С. 21.

Немирович-Данченко Вл. И. Рождение театра... С. 124.

Записки Николая Ираклиевича Воронова о событиях Владимирской губернии. Владимир, 1907. С. 72.

Филаткина Н. А. Указ. соч. С. 33.

Отчет о деятельности Нижегородского попечительства о народной трезвости за 1905 год // Жизнь купецкая. Забытые страницы истории российского предпринимательства XIX — начала XX века. Нижний Новгород, 2008. С. 37.

Горький М. Савва Морозов... С. 17.

Морозова Т. Я., Поткина И. В. Указ. соч. С. 152.

Минаева Н. А. Градообразующая и природоохранная деятельность С. Т. Морозова // Российская благотворительность и меценатство: История и современное развитие традиций. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Орехово-Зуево, 20 ноября 2008 года). Орехово-Зуево, 2008. С. 167–168.

Рябушинский В. П. Указ. соч. С. 152–153.

Поткина И. В. На Олимпе делового успеха: Никольская мануфактура Морозовых. 1797–1917. М., 2004. С. 133.

Поткина И. В. Морозовы — промышленники и общественные деятели... С. 20–21.

Серебров А. Время и люди: Воспоминания (1898–1905). М., 1960. С. 204.

Алданов М. Указ. соч. С. 63.

Цит. по: Поткина И. В. На Олимпе делового успеха... С. 121.

Алданов М. Указ. соч. С. 61.

Жизнь купечкая. Забытые страницы истории российского предпринимательства XIX — начала XX века. Нижний Новгород, 2008. С. 255.

Варенцов Н. Л. Указ. соч. С. 515.

Об этом см. главу вторую.

Биржевые комитеты в Российской империи — постоянные выборные органы при биржах, одна из форм представительных организаций российских предпринимателей. Первый биржевой комитет возник при Петербургской бирже в 1816 году; Московский биржевой комитет был образован в 1837-м. К 1870 году в России действовало 17 биржевых комитетов. В 1870 году правительство утвердило устав Московской биржи, который впоследствии был распространен на другие города. Согласно этому уставу, крупные купцы, фабриканты, банкиры получили право выбирать биржевой комитет сроком на несколько лет. Биржевые комитеты центральных городов возглавляли крупные представители торгового, промышленного и финансового капитала. На протяжении длительного времени компетенция биржевого комитета ограничивалась в основном обсуждением экономических вопросов. В 1905 году биржевым комитетам было разрешено посылать представителей от торговли и промышленности в Государственный совет. В 1906 году биржевые комитеты вошли во всероссийскую организацию — Съезды биржевой торговли и сельского хозяйства. К 1917 году в России насчитывался 101 биржевой комитет.

Бурьшкин П. Л. Москва купеческая: Воспоминания. М., 1990. С. 233.

Поткина И. В. Морозовы — промышленники и общественные деятели... С. 22.

Цит. по: Филаткина Н. А. Указ. соч. С. 43.

Амфитеатров А. В. Дрогнувшая ночь... С. 55–56.

Немирович-Данченко Вл. И. Рождение театра... С. 124.

Сергей Юльевич Витте (1849–1915) — российский государственный деятель, граф (с 1905 года). В феврале — августе 1892 года министр путей сообщения, с августа 1892 года министр финансов. С 1903 года председатель Кабинета министров. В 1905–1906 годах председатель Совета министров. Инициатор введения винной монополии (1894), денежной реформы (1897), установившей золотой монометаллизм, строительства Великой Сибирской магистрали. Подписал Портсмутский мир (1905), после чего в широких общественных кругах получил прозвище «граф Полусахалинский». Разработал ряд положений аграрной реформы, которые были использованы П. А. Столыпиным. Автор Манифеста 17 октября 1905 года. Проводил политику сотрудничества с крупными промышленными кругами.

ГЦТМ им. А. А. Бахрушина. Ф. 216. Д. 515. Л. 1–1 об.

Цит. по: Русский торгово-промышленный мир. М., 1993. С. 324.

Варенцов Н. Л. Указ. соч. С. 548.

Щукин П. И. Воспоминания: Из истории меценатства России. М., 1997. С. 114.

Из дневника Ивана Кубасова // Жизнь купечкая. Забытые страницы истории российского предпринимательства XIX — начала XX века. Нижний Новгород, 2008. С. 32.

Щукин П. И. Указ. соч. С. 39.

Из памятной книги купца И. М. Чумакова // Жизнь купеческая. Забытые страницы истории российского предпринимательства XIX — начала XX века. Нижний Новгород, 2008. С. 30.

Щукин П. И. Указ. соч. С. 114.

Варенцов Н. А. Указ. соч. С. 546–547.

Амфитеатров А. В. Дрогнувшая ночь... С. 89–90.

Цит. по: Русский торгово-промышленный мир... С. 318.

Бурьшкин П. А. Указ. соч. С. 221.

Цит. по: Русский торгово-промышленный мир... С. 323.

Михайлов К. Н. Василий Пантелеймонович Далматов в воспоминаниях, очерках и анекдотах. СПб., 1914. С. 7.

Цит. по: Русский торгово-промышленный мир... С. 323.

Горький М. Книга о русских людях. М., 2000. С. 90.

Морозова Т. Я., Поткина И. В. Указ. соч. С. 137.

Толстая С. А. Дневники. В 2 т. Т. 1. 1862–1900. М., 1978. С. 376.

Варенцов Н. А. Указ. соч. С. 516–517.

Морозова Т. /7., Поткина И. В. Указ. соч. С. 137.

См.: Поткина И. В. Морозовы — промышленники и общественные деятели... С. 24.

Немирович-Данченко Вл. И. Рождение театра... С. 125.

Амфитеатров А. В. Дрогнувшая ночь... С. 53–54.

Цит. по: Русский торгово-промышленный мир... С. 324.

Дмитрий Васильевич Григорович (1822–1900) — русский писатель, общественный деятель, друг Н. М. Баранова.

Щукин П. И. Указ. соч. С. 221.

Бурышкин П. Л. Указ. соч. С. 211.

Бурышкин П. Л. Указ. соч. С. 61.

По инициативе С. Ю. Витте в 1891 году пошлины на иностранные товары были увеличены на 20 процентов. В то же время иностранному капиталу был открыт широкий доступ в Российскую империю, что стимулировало развитие ее промышленности. По темпам промышленного развития в 90-х годах XIX века Россия обгоняла все страны Европы и шла вровень с Северо-Американскими Соединенными Штатами.

Морозова Т. Я., Поткина И. В. Указ. соч. С. 138.

Сэмюэл Пиквик — литературный персонаж, главное действующее лицо в романе Чарлза Диккенса «Посмертные записки Пиквикского клуба» (1836–1837). Мистер Пиквик — богатый старый джентльмен, добродушный эсквайр, основатель и бессменный президент Пиквикского клуба.

Амфитеатров Л. В. Дрогнувшая ночь... С. 54–55.

Немирович-Данченко Вл. И. Рождение театра... С. 168.

Амфитеатров А. В. Дрогнувшая ночь... С. 72–73.

Морозова Т. Я., Поткина И. В. Указ. соч. С. 140.

Подробнее о наградах С. Т. Морозова см.: Морозова Т. Я., Поткина И. В. Указ. соч. С. 132–133, 136.

Мудрогель Н. А. Пятьдесят восемь лет в Третьяковской галерее:
Воспоминания. Л., 1962. С. 51.

Амфитеатров А. В. Дрогнувшая ночь... С. 33.

Там же. С. 54.

Горький М. Савва Морозов... С. 13.

Литературное наследство. Т. 74. Из творческого наследия советских писателей. М., 1965. С. 124.

Амфитеатров Л. В. Дрогнувшая ночь... С. 54–55.

Бурьшкин П. А. Указ. соч. С. 60.

Частные вопросы, которые рассматривались II отделом 4-го Всероссийского торгово-промышленного съезда: облегчение ввоза заграничных удобрений для сельского хозяйства; понижение таможенных пошлин на земледельческие машины и орудия; поощрение отечественного шелководства.

Цит. по: Поткина И. В. На Олимпе делового успеха... С. 135.

Леонид Владимирович Ходский (1854–1919) — российский экономист, статистик, либеральный публицист. Автор ряда трудов по экономике.

Бурьшкин П. А. Указ. соч. С. 60.

Амфитеатров Л. В. Дрогнувшая ночь... С. 65.

Морозова Т. Я. Поткина И. В. Указ. соч. С. 147–148.

Амфитеатров А. В. Дрогнувшая ночь... С. 69–70.

Цит. по: Морозова Т. Я., Поткина И. В. Указ. соч. С. 148.

Амфитеатров А. В. Из литературных воспоминаний // Руль. 1922. № 552. 22 (9) сентября. С. 2.

Амфитеатров Л. В. Дрогнувшая ночь... С. 45.

Варенцов Н. А. Указ. соч. С. 524–525.

Амфитеатров А. В. Дрогнувшая ночь... С. 35.

Цит. по: Русский торгово-промышленный мир... С. 324.

Витте С. Ю. Воспоминания. В 3 т. Т. 2. 1894–1905. Царствование
Николая II. М., 1960. С. 67–68.

В 1910 году А. В. Амфитеатров писал одному из своих корреспондентов: «Считаю себя... не записанным эсером. Но в хороших отношениях со всеми другими левыми партиями, борющимися с монархизмом». До 1897 года, а также после начала Первой мировой войны Амфитеатров придерживался консервативных взглядов.

Амфитеатров Л. В. Дрогнувшая ночь... С. 34. На страницах романа Амфитеатров достаточно подробно разбирает причины, по которым, как ему кажется, выставка потерпела неудачу. См.: Указ. соч. С. 34–65.

Амфитеатров А. В. Из литературных воспоминаний // Руль. 1922. № 533. 31 (18) августа. С. 3.

ГЦТМ им. А. А. Бахрушина. Ф. 216. Д. 515. Л. 4 об.

Русский торгово-промышленный мир... С. 324.

Варенцов Н. А. Указ. соч. С. 525.

Китайско-Восточная железная дорога была построена в 1897–1903 годах. Дорога проходила по территории Маньчжурии и соединяла Читу с Владивостоком и Порт-Артуром.

Амфитеатров А. В. Из литературных воспоминаний // Руль. 1922. № 552. 22 (9) сентября. С. 2.

Морозов С. Дед умер молодым: Документальная повесть. М., 1988. С. 21.

ГЦТМ им. А. А. Бахрушина. Ф. 216. Д. 515. Л. 3 об.

Известно, что наряду с краткосрочным кредитованием Витте высказывался в пользу длительного промышленного кредита в целях роста экономики страны.

Амфитеатров А. В. Из литературных воспоминаний // Руль. 1*922. № 552. 22 (9) сентября. С. 2–3.

Такую характеристику дал С. Т. Морозову автор одной из статей в «Нижегородской почте». Цит. по: Русский торгово-промышленный мир. М., 1993. С. 324.

Амфитеатров А. В. Из литературных воспоминаний // Руль. 1922. № 552. 22 (9) сентября. С. 3.

Поткина И. В. Морозовы — промышленники и общественные деятели
// Морозовы и Москва: Труды юбилейной научно-практической
конференции «Морозовские чтения» (Москва, 26–27 декабря 1997 г.). М.,
1998. С. 24.

Цит. по: Филаткина Н. А. Династия Морозовых: лица и судьбы. М., 2011. С. 43.

Там же. С. 42.

Немирович-Данченко Вл. И. Рождение театра: Воспоминания, статьи, заметки, письма. М., 1989. С. 124.

Желябужский А. Л. Чудесная человечинка // Андреева М. Ф. Переписка. Воспоминания. Статьи. Документы. М., 1968. С. 456–457.

Морозова Т. Я., Поткина И. В. Савва Морозов. М., 1998. С. 74.

Коровин К «То было давно... там... в России...»: Воспоминания, рассказы, письма. В 2 кн. Кн. 2. М., 2012. С. 14–16.

Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ).
Ф. 637. Оп. 1. Д. 97. Л. 88.

Серебров А. Время и люди: Воспоминания (1898–1905). М., 1960. С. 231.

Морозова Т. Я., Поткина И. В. Указ. соч. С. 127.

Подробнее см.: Морозова Т. Я., Поткина И. В. Указ. соч. С. 128. В литературе можно встретить также другую дату основания предприятия «Морозов С. Т., Крелль и Оттман», а именно начало 1905 года.

Серебров А. Указ. соч. С. 187, 232–233.

Михайлов К. Н. Василий Пантелеймонович Далматов в воспоминаниях, очерках и анекдотах. СПб., 1914. С. 161–164.

Щепкина-Куперник Т. к. Из воспоминаний. М., 1959. С. 219.

Цит. по: Нелидов В. А. Театральная Москва. Сорок лет московских театров. М., 2002. С. 234.

Зилоти В. П. В доме Третьякова. М., 1998. С. 95.

Станиславский К. С. Собрание сочинений. В 8 т. Т. 7. Письма. 1886–1917. М., 1960. С. 492.

Инженю (от фр. *Ingenue* — «наивная») — актерское амплуа: роли простодушных, наивных, обаятельных молодых девушек, наделенных глубиной чувств. Актриса на роли инженерю должна была иметь особый набор физических данных (небольшой рост, стройность, нежный голос) и определенную манеру исполнения: сдержанность в проявлении чувств, специальную манеру декламации и т. п.

Зилоти В. П. Указ. соч. С. 95.

Нелидов В. Л. Указ. соч. С. 492–493.

Михайлов К. Н. Указ. соч. С. 159.

Южин-Сумбатов А. И. Воспоминания. Записи. Статьи. Письма. М.; Л., 1941. С. 18.

Станиславский К. С. Собрание сочинений... Т. 7. С. 494.

Немирович-Данченко Вл. И. Рождение театра... С. 122.

Принцип общедоступности являлся столь важным для создателей театра, что был отражен в его названии: вплоть до 1901 года он назывался Московским Художественным общедоступным театром (МХОТ). Этот принцип строго соблюдался администрацией театра. Так, в сезоне 1899/1900 года самые дорогие билеты стоили 25 рублей на вечерний сеанс и 15 — на утренний; самые дешевые — 2,5 рубля и 1,3 рубля соответственно. Учащейся молодежи предоставлялись льготные билеты.

Немирович-Данченко Вл. И. Рождение театра... С. 113.

Там же. С. 115.

Орлов Ю. Московский Художественный театр: Легенды и факты (опыт хозяйствования). 1898–1917 гг. М., 1993. С. 49.

Немирович-Данченко Вл. И. Рождение театра... С. 125–126.

Станиславский К. С. Собрание сочинений. В 8 т. Т. 5. М., 1958. С. 203.

Книппер-Чехова О. Л. Воспоминания и статьи. Переписка с А. П. Чеховым. Ч. 1. М., 1972. С. 290.

Немирович-Данченко Вл. И. Творческое наследие. Т. 1. Письма: 1879–1897. М., 2003. С. 262.

Попов С. А. Записки о московской жизни. Театральная студия на Поварской // Суконщики Поповы: «Записки о московской жизни» и не только. М., 2010. С. 329.

Станиславский К. С. Собрание сочинений... Т. 5. С. 203.

Музей Московского Художественного академического театра (МХАТ).
Ф. 1. Оп. 1. Д. 16. Л. 1.

См.: Морозова Т. Я., Поткина И. В. Указ. соч. С. 155.

333

Музей МХАТ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 16. л. 1 об.

Станиславский К. С. Собрание сочинений... Т. 7. С. 494.

Немирович-Данченко Вл. И. Рождение театра... С. 128.

Трагедия А. К. Толстого «Царь Федор Иоаннович» стала первой постановкой Московского Художественного общедоступного театра (14 октября 1898 года). Премьера комедии У. Шекспира «Венецианский купец» («Шейлок») состоялась 21 октября того же года. Трагедия Шекспира «Юлий Цезарь» была поставлена в 1903-м. Драма Г. Гауптмана «Ганнеле» не была допущена московским митрополитом Владимиром к представлению. Первая из пьес Островского, поставленная в театре, — «Снегурочка» (премьера — 24 сентября 1900 года).

Немирович-Данченко Вл. И. Рождение театра... С. 128.

Нелидов В. А. Указ. соч. С. 245.

Там же.

В. И. Немирович-Данченко в сентябре 1898 года в одном из писем подчеркивал: то, что все актеры МХТ молоды, еще не означает, что они бездарны. Напротив, и он сам, и Станиславский выбрали из своих учеников лишь наиболее талантливых: «Я из 7 выпусков своих учеников выбрал только 8 человек (из 70), а Алексеев из 10-летнего существования своего Кружка только 6 человек».

Орлов Ю. Указ. соч. С. 11.

Книппер-Чехова О. Л. Указ. соч. С. 122.

Немирович-Данченко Вл. И. Творческое наследие... Т. 1. С. 262.

Щепкина-Куперник Т. Л. Указ. соч. С. 219–220.

Прежде всего, художник В. А. Симов.

Подробнее см.: Музей МХАТ. Ф. 1. Оп. 2. Ч. 2. Д. 28. Описи подлинных вещей, используемых в постановках с 1898 по 1907 год. Расположение вещей в интерьерах декораций спектаклей: «Бранд», «Борис Годунов», «Драма жизни» и «Стены» с 1906 по 1907 год.

Щепкина-Куперник Т. Л. Указ. соч. С. 220.

Там же

Сумбатов-Южин А. И. Указ. соч. С. 250, 251.

Николай Григорьевич Рубинштейн (1835–1881) — выдающийся русский пианист-виртуоз, дирижер. Основатель и первый директор Московской консерватории.

Нелидов В. А. Указ. соч. С. 235–236.

Щепкина-Куперник Т. Л. Указ. соч. С. 220–221.

Там же. С. 221.

Нелидов В. А. Указ. соч. С. 245.

Щепкина-Куперник Т. Л. Указ. соч. С. 219.

РГАЛИ. Ф. 499. Оп. 2. Д. 37. Л. 6–7.

Директор Императорских театров В. А. Теляковский 17 апреля 1902 года отмечал в дневнике: «Царь Феодор Иоаннович» Толстого был запрещен цензурой для постановки на Императорской сцене. Когда Императорские театры просили вновь позволения поставить эту пьесу — было отказано. Но в то же время по непонятной причине было разрешено ставить эту пьесу всем частным театрам по всей России. Если пьесу эту признавали вредной для Москвы и Петербурга — почему ее в то же время позволили ставить не только в Москве и Петербурге частным театрам, но и во всех городах России». См.: Теляковский В. Л. Дневники директора Императорских театров: 1901–1903. Санкт-Петербург. М., 2002. С. 228.

РГАЛИ. Ф. 499. Оп. 2. Д. 37. Л. 6.

Нелидов В. Л. Указ. соч. С. 246–247.

Щукин П. И. Воспоминания: Из истории меценатства России. М., 1997. С. 134.

361

РГАЛИ. Ф. 499. Оп. 2. Д. 37. Л. 7.

Имеется в виду актер Театра Ф. А. Корша — одного из частных театров в Москве, владелец которого старался привлечь зрителя легкомысленными постановками. В репертуаре коршевского театра преобладали легкие комедии, фарсы с любовной интригой. Существовало такое понятие, как «коршевская пьеса» — драматургия со штампованными конфликтами и персонажами, строящаяся по принципу «больше забавного и смешного».

И. М. Москвин (1874–1946) — ученик В. И. Немировича-Данченко по Музыкально-драматическому училищу Московского филармонического общества. По окончании училища Москвин принимал участие в антрепризе Г. Н. Федотовой, затем работал в Ярославском театре и в Театре Ф. А. Корша в Москве. В 1898 году Немирович-Данченко пригласил своего ученика в труппу Художественного театра и рекомендовал его на главную роль в спектакле «Царь Федор Иоаннович».

363

РГАЛИ. Ф. 499. Оп. 2. Д. 37. Л. 7.

Нелидов В. А. Указ. соч. С. 248.

Немирович-Данченко Вл. И. Рождение театра... С. 164.

366

РГАЛИ. Ф. 499. Оп. 2. Д. 37. Л. 7.

Станиславский К. С. Собрание сочинений... Т. 5. С. 332.

Немирович-Данченко Вл. И. Рождение театра... С. 164.

Станиславский К. С. Собрание сочинений... Т. 5. С. 332.

Щепкина-Куперник Т. Л. Указ. соч. С. 361.

Станиславский К. С. Собрание сочинений... Т. 5. С. 203–204.

Станиславский К. С. Моя жизнь в искусстве. М., 1972. С. 282.

373

Музей МХАТ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 16. Л. 2 об.

Теляковский В. А. Дневники директора Императорских театров: 1898–1901. М., 1998. С. 458.

Немирович-Данченко Вл. И. Рождение театра... С. 168–169.

Станиславский К. С. Собрание сочинений... Т. 7. С. 494.

Станиславский К. С. Собрание сочинений... Т. 7. С. 494.

Немирович-Данченко Вл. И. Рождение театра... С. 169.

Морозова Т. Я., Поткина И. В. Указ. соч. С. 157.

Немирович-Данченко Вл. И. Творческое наследие... Т. 1. С. 183, 263.

Станиславский К. С. Собрание сочинений... Т. 5. С. 385.

Аронов А. А. Золотой век русского меценатства. М., 1995. С. 45.

Станиславский К. С. Собрание сочинений. В 8 т. Т. 8. Письма. 1918–1938. М., 1961. С. 50.

Станиславский К. С. Моя жизнь в искусстве... С. 283.

Немирович-Данченко Вл. И. Избранные письма. Т. 1. 1879–1909. М., 1979. С. 332.

Немирович-Данченко Вл. И. Творческое наследие... Т. 1. С. 400.

Алданов М. Самоубийство: Исторический роман. М., 1993. С. 61

Станиславский К. С. Собрание сочинений... Т. 5. С. 204.

389

Музей МХАТ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 27. Л. 1 об.

Там же. Д. 29. Л. 3.

Там же. Л. 3–3 об. См. также: Московский Художественный театр в иллюстрациях и документах: 1898–1938. М., 1938. С. 708.

Горький М. Савва Морозов // М. Горький в эпоху революции 1905–1907 годов: Материалы, воспоминания, исследования. М., 1957. С. 19.

Цит. по: Морозова Т. Я., Поткина И. В. Указ. соч. С. 158.

Немирович-Данченко Вл. И. Рождение театра... С. 125.

Теляковский В. А. Указ. соч. С. 178.

Станиславский К. С. Моя жизнь в искусстве... С. 282.

Музей МХАТ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 23. Л. 1–3.

К. В. Осипов — один из пайщиков МХТ.

Станиславский К. С. Собрание сочинений... Т. 7. С. 167.

Орлов Ю. Указ. соч. С. 41.

Немирович-Данченко Вл. И. Творческое наследие... Т. 1. С. 328–329.

См.: Музей МХАТ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 21.

Я. В. Щукин, антрепренер театрального здания «Эрмитаж» в Каретном Ряду, не являлся владельцем здания; Щукин сдавал его Московскому Художественному общедоступному театру в субаренду лишь на зимний сезон, который заканчивался к Великому посту.

Музей МХАТ. Ф. 1. Оп. 3. Ч. 1. Д. 42. Л. 16–16 об.

Морозова Т. П. Савва Тимофеевич Морозов и Общедоступный театр // Труды первой научно-практической конференции «Морозовы и их роль в истории России» («Морозовские чтения»). Ногинск (Богородск), 16–18 ноября 1995 года. Богородск, 1996. С. 94–95.

См.: Музей МХАТ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 23. Л. 12.

Немирович-Данченко Вл. И. Творческое наследие... Т. 1. С. 346.

Станиславский К. С. Собрание сочинений... Т. 7. С. 192–193, 679.

Цит. по: Морозова Т. Поткина И. В. Указ. соч. С. 40.

См.: Аронов Л. А. Указ. соч. С. 45.

Станиславский К. С. Собрание сочинений... Т. 7. С. 679.

Немирович-Данченко Вл. И. Творческое наследие... Т. 1. С. 349!

Горький М. Собрание сочинений. Т. 28. С. 132.

Актер Л. М. Леонидов в воспоминаниях писал, что, будучи неудовлетворен службой в Театре Ф. А. Корша, он «вспомнил предложение МХТ, написал письмо Немировичу. Надо было снестись с С. Т. Морозовым, без которого ни Станиславский, ни Немирович-Данченко материальной стороны не касались, а поскольку мне нужно было вернуть взятый у Корша аванс в 800 рублей, назначить мне жалованье, — запросили Морозова, и из Парижа от него пришла телеграмма: «Принять Леонидова». См.: Леонидов Л. М. Воспоминания, статьи, беседы, переписка, записные книжки. Статьи и воспоминания о Л. М. Леонидове. М., 1960. С. 111.

См.: Музей МХАТ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 21.

Теляковский В. А. Дневники директора Императорских театров: 1901–1903. Санкт-Петербург. М., 2002. С. 335.

Станиславский К. С. Моя жизнь в искусстве... С. 204, 283.

Алданов М. Указ. соч. С. 67.

Станиславский К. С. Моя жизнь в искусстве... С. 283.

Горький М. Савва Морозов// М. Горький в эпоху революции... С. 14.

Теляковский В. А. Дневники директора... 1898–1901. С. 224.

Станиславский К. С. Собрание сочинений. В 8 т. Т. 6. Статьи. Речи. Отклики. Заметки. Воспоминания. 1917–1938. М., 1959. С. 251.

Обычно исследователи пишут, что на перестройку театрального здания в Камергерском переулке С. Т. Морозов потратил около 300 тысяч рублей. См., к примеру: Аронов А. А. Золотой век русского меценатства. М., 1995. С. 45. Однако сам Морозов в письме В. И. Немировичу-Данченко сообщает: «Перестройка театра мне обошлась более 350 000 руб.». См.: Музей МХАТ. Ф. 1. Оп. 7. Д. 44. Л. 1. Указанной Морозовым цифре можно доверять: как деловой человек, он не стал бы преувеличивать собственные траты, тем более в письменном виде.

Цит. по: Филаткина Н. А. Указ. соч. С. 344.

Цит. по: Теляковский В. А. Дневники директора... 1898–1901. С. 679.

Там же. С. 458.

Подробнее см. дневники В. А. Теляковского за 1900–1901 годы.

Немирович-Данченко Вл. И. Рождение театра... С. 179.

Подробнее об условиях его функционирования см.: Музей МХАТ. Ф. 1.
Оп. 5. Д. 29.

Некоторые актеры в состав нового Товарищества не вошли. Среди них А. А. Санин, В. Э. Мейерхольд, М. Л. Роксанова, А. С. Кошеверов, Г. С. Бурджалов, М. Г. Савицкая, Е. М. Раевская и другие, в том числе те, кто входил в труппу МХТ с момента ее основания в 1898 году.

Алексей Александрович Стахович — актер Московского
Художественного театра.

В литературе нередко приводятся данные о том, что оборотный капитал Товарищества деятелей МХТ составлял 50 тысяч рублей. Однако эта цифра взята не из официального документа, имеющего подписи всех лиц и нотариально заверенного, а из более раннего проекта, который в ходе обсуждения был существенно изменен. Оба документа хранятся в Музее МХАТ в одном деле (Ф. 1. Оп. 5. Д. 29).

Подробнее о создании Товарищества деятелей Московского Художественного театра см.: Музей МХАТ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 29.

Музей МХАТ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 27.

Sine qua non — Без чего нет (лат.).

Немирович-Данченко Вл. И. Творческое наследие... Т. 1. С. 390.

Немирович-Данченко Вл. И. Избранные письма. В 2 т. Т. 2. 1910–1943. М., 1979. С. 262.

Морозова Т. П. Савва Тимофеевич Морозов и Общедоступный театр...
С. 96.

Немирович-Данченко Вл. И. Творческое наследие... Т. 1. С. 628.

440

Музей МХАТ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 27. Л. 1–1 об.

Серебров А. Указ. соч. С. 121.

См.: Орлов Ю. Московский Художественный театр: Легенды и факты (опыт хозяйствования). 1898–1917 гг. М., 1993. С. 16.

Станиславский К. С. Собрание сочинений... Т. 5. С. 357.

Музей МХАТ. Ф. 1. Оп. 7. Д. 109. Л. 3 об.; Ф. 1. Оп. 6. Д. 62. Л. 7.

Там же. Оп. 6. Д. 15. Л. 1.

Там же. Оп. 5. Д. 27. Л. 1.

447

См.: Там же. Оп. 4. Д. 25.

448

Музей МХАТ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 15. Л. 1 об.

Леонидов Л. М. Воспоминания, статьи, беседы, переписка, записные книжки. Статьи и воспоминания о Л. М. Леонидове. М., 1960. С. 112.

Морозова Т. П. Савва Тимофеевич Морозов и Общедоступный театр...
С. 97.

См. опись к фонду Ф. О. Шехтеля: Музей МХАТ. Ф. 40. Оп. 1.

Немирович-Данченко Вл. И. Творческое наследие... Т. 1. С. 393

Книппер-Чехова О. Л. Указ. соч. С. 35–36.

Немирович-Данченко Вл. И. Творческое наследие... Т. 1. С. 398.

Аронов А. А. Указ. соч. С. 47.

Станиславский К. С. Собрание сочинений... Т. 5. С. 204.

РГАЛИ. Ф. 2163. Оп. 1. Д. 17. Л. 1.

Серебров А. Указ. соч. С. 182–184.

Немирович-Данченко Вл. И. Избранные письма... Т. 1. С. 302.

Горький М. Савва Морозов... С. 13–14.

Станиславский К. С. Собрание сочинений... Т. 7. С. 247.

Станиславский К. С. Моя жизнь в искусстве... С. 284.

463

Подробнее см.: Музей МХАТ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 33.

Там же. Д. 15. Л. 2.

Подробнее см.: Там же. Д. 46, 47.

Там же. Л. 1; Там же. Оп. 6. Д. 15. Л. 1–1 об.

Станиславский К. С. Моя жизнь в искусстве... С. 482.

См.: Музей МХАТ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 49.

Станиславский К. С. Моя жизнь в искусстве... С. 284.

Цит. по: Филаткина Н. А. Указ. соч. С. 209.

Станиславский К. С. Собрание сочинений... Т. 7. С. 246–247.

Аронов Л. Л. Указ. соч. С. 47.

Музей МХАТ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 15. Я. 1 об.—2. В данном отрывке орфография и пунктуация приведены к современным.

Цит. по: Филаткина Н. А. Указ. соч. С. 209.

Станиславский К. С. Собрание сочинений... Т. 5. С. 204.

Станиславский К. С. Моя жизнь в искусстве... С. 285.

Государственный центральный театральный музей (ГЦТМ) им. А. А. Бахрушина. Ф. 216. Д. 515. Л. 20–20 об.

Немирович-Данченко Вл. И. Рождение театра... С. 209.

479

Музей МХАТ. Ф. 59. Оп. 1. Д. 11. Л. 2.

См.: Комаровская Н. И. Виденное и пережитое: Из воспоминаний актрисы. JL; М., 1965. С. 43–44.

Цит. по: Волохова Я. А. «Феномен»: Страницы жизни и деятельности
М. Ф. Андреевой. Л., 1986. С. 20.

Музей МХАТ. Ф. 59. Оп. 1. Д. 11. Л. 2.

Комаровская Н. И. Указ. соч. С. 45.

Андреева М. Ф. Переписка... С. 418.

Волохова Н. А. Указ. соч. С. 29.

Андреева М. Ф. Переписка... С. 418.

Станиславский К. С. Собрание сочинений... Т. 7. С. 226.

См.: Музей МХАТ. Ф. 1. Оп. 3. Ч. 1. Д. 42. Л. 9.

Серебров А. Указ. соч. С. 121.

Андреева М. Ф. Переписка... С. 418–419.

Желябужский А. Л. «Чудесная человечинка» // Андреева М. Ф. Переписка. Воспоминания. Статьи. Документы. М., 1968. С. 452.

Андреева М. Ф. Переписка... С. 419–420.

Боевая техническая группа под руководством Л. Б. Красина руководила боевыми дружинами рабочих и военными организациями большевиков во время революции 1905–1907 годов.

Волохова Н. А. Указ. соч. С. 37.

Андреева М. Ф. Переписка... С. 426.

Буренин Н. Е. Памятные годы: Воспоминания. Л., 1961. С. 74.

Цит. по: Волохова Н. А. Указ. соч. С. 15.

Серебров А. Указ. соч. С. 138.

Там же. С. 138–139.

Комаровская Н. И. Указ. соч. С. 13, 15–17.

Щепкина-Куперник Т. Л. Указ. соч. С. 254.

Кржижановский Г. М. Мои встречи с М. Ф. Андреевой // Андреева М. Ф. Переписка. Воспоминания. Статьи. Документы. М., 1968. С. 448.

Желябужский А. Л. Указ. соч. С. 451–452.

Комаровская Н. И. Указ. соч. С. 47–48.

См.: Эфрос Н. Московский Художественный театр: 1898–1923. М.; Пг., 1924.

Исключение составлял директор Императорских театров В. А. Теляковский, отзывы которого об игре Андреевой отличаются сухостью.

Цит. по: Волохова Н. А. Указ. соч. С. 34.

Комаровская Н. И. Указ. соч. С. 45.

Немирович-Данченко Вл. И. Избранные письма... Т. 1. С. 226.

Желябужский Л. Л. Указ. соч. С. 452.

Станиславский К. С. Собрание сочинений... Т. 7. С. 121–122.

Волохова Н. А. Указ. соч. С. 11.

Серебров А. Указ. соч. С. 140–141.

Комаровская Н. И. Указ. соч. С. 44.

Комаровская Н. И. Указ. соч. С. 162.

Андреева М. Ф. Переписка... С. 417.

Теляковский В. А. Дневники директора... 1898–1901. С. 323.

Музей МХАТ. Ф. 59. Оп. 1. Д. 11. Я. 25–26.

Немирович-Данченко Вл. И. Творческое наследие... Т. 1. С. 491.

Станиславский К. С. Собрание сочинений... Т. 7. С. 226–227.

Цит. по: Фшшткина Н. А. Указ. соч. С. 309.

Суконщики Поповы: «Записки о московской жизни» и не только. М., 2010. С. 497.

Цит. по: Волохова Н. А. Указ. соч. С. 10.

Станиславский К. С. Собрание сочинений... Т. 7. С. 129.

III съезд РСДРП также проходил в Лондоне, однако меньшевики на нем не присутствовали.

526

Музей МХАТ. Ф. 59. Оп. 1. Д. 11. Л. 15.

Там же. Л. 17.

Станиславский К. С. Собрание сочинений... Т. 7. С. 162.

Немирович-Данченко Вл. И. Рождение театра... С. 209.

Андреева М. Ф. Переписка... С. 676.

Олсуфьев Д. А. Революция: Из воспоминаний о девятисотых годах и об моем товарище Савве Морозове, ум. 1905 г. // Возрождение. 1931. 31 июля (№ 2250). С. 5.

Варенцов Н. А. Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое. М., 1999. С. 518.

Андреева М. Ф. Переписка. Воспоминания. Статьи. Документы. М., 1968. С. 419.

Чехов А. П. Переписка с женой. М., 2003. С. 29.

Желябужский А. Л. Указ. соч. С. 457.

Немирович-Данченко Вл. И. Творческое наследие... С. 331

Волохова Н. А. Указ. соч. С. 70–71.

Щепкина-Куперник Т. Л. Указ. соч. С. 228.

Серебров А. Указ. соч. С. 200–201.

См.: Морозова Т. Я., Поткина И. В. Указ. соч. С. 79–80.

Алданов М. Указ. соч. С. 140.

М. А. Алданов в связи с опубликованием своего последнего романа «Самоубийство» писал И. А. Бунину 1 февраля 1957 года: «Спасибо за то, что Вы говорите о «Самоубийстве». Роман печатается без авторской корректуры... Вы и не ждите в романе Марии Федоровны. Я и Горького не вывожу, только упоминаю о нем. А интимные дела Андреевой, его и Морозова, конечно, меня и никого не касаются, я и в мыслях не имел их изображать. Я ее знал. Да, была красивая женщина. Я раз обедал с ней в Петербурге у Горького, в 1918 году, когда он был крайним врагом большевиков. Вы, впрочем, не говорите, что ждете в романе появления Марии Федоровны. Но другие мне пишут, что ждут. И спрашивают, с кого писаны Джамбул, Люда, Ласточкины, Тонышевы и другие!!! Разумеется ни с кого. Когда появляется действительно существовавшее, хотя бы и неисторическое лицо, я его обозначаю настоящим именем, как, например, Савву Морозова».

Станиславский К. С. Собрание сочинений... Т. 7. С. 227–228. Петр Семенович Ванновский (1822–1904) — генерал, военный министр с 1881 по 1898 год. Во время студенческих волнений 1899 года возглавлял комиссию по расследованию причин «беспорядков» в высших учебных заведениях. В 1901 году был назначен министром просвещения. В «Искре» от 10 марта 1902 года в статье «Правительственные бесчинства в Москве» говорилось о том, что Ванновский исключил из университета 400 студентов и отдал их под арест.

Немирович-Данченко Вл. И. Творческое наследие... С. 491.

Там же. С. 462.

Чехов Л. П. Указ. соч. С. 615.

Алданов М. Указ. соч. С. 67.

Рассказ «Макар Чудра» — первое печатное произведение Максима Горького. Впервые было напечатано в 1892 году в газете «Кавказ».

Кускова Е. Д. На рубеже двух эпох: памяти М. Горького // Последние новости. 1936. 26 июня (№ 5572). С. 2.

Свидетельство Е. Д. Кусковой подтверждается также А. Н. Серебровым, который был тесно связан с Горьким и мог постепенно проследить трансформацию его взглядов. Серебров подтверждает, что начавшееся увлечение Горького большевиками в самом конце 1902 года окончательно определилось на одной из нелегальных встреч; постепенно оно становилось все более определенным. См.: Серебров А. Указ. соч. С. 164.

Волохова Н. А. Указ. соч. С. 72.

Кржижановский Г. М. Указ. соч. С. 447.

Красин Л. Б. Дела давно минувших дней: Воспоминания. М., 1934. С. 104.

Желябужский А. Л. Указ. соч. С. 455.

Литературное наследство. Т. 70. Горький и советские писатели:
Неизданная переписка. М., 1963. С. 130.

Нелегальная большевистская газета. Помимо «Искры» Морозов, по словам Горького, финансировал первые легальные большевистские издания — газеты «Новая жизнь» и «Борьба».

Комаровская Н. И. Указ. соч. С. 61.

Горький М. Савва Морозов // М. Горький в эпоху революции... С. 20.

См., например: Горький М. Савва Морозов // М. Горький в эпоху революции... С. 21; Серебров А. Указ. соч. С. 195–197.

Витте С. Ю. Воспоминания. В 3 т. Т. 3. 17 октября 1905–1911.
Царствование Николая II. М., 1960. С. 167.

См.: Морозова Т. Я., Поткина И. В. Указ. соч. С. 195. Согласно утверждению авторов, «революционные» расходы С. Т. Морозова за 1898–1905 годы не могли сильно превышать цифру в 100 тысяч рублей — в три с половиной раза меньше, чем понадобилось на перестройку здания для МХТ в Камергерском переулке. Правда, эта гипотеза верна только в том случае, если Савва Тимофеевич фиксировал на бумаге абсолютно все свои расходы. Граф Д. А. Олсуфьев, как и Витте, говорит о миллионных тратах Морозова.

Единичные пожертвования в пользу большевиков С. Т. Морозов совершал и в течение 1904 года, видимо, из-за того, что не мог отказать ни Андреевой, ни Горькому. Но масштаб его помощи большевистской фракции РСДРП к этому времени существенно сократился. В этом вопросе нельзя доверять воспоминаниям деятелей РСДРП, так как они стараются расширить те временные рамки, когда Морозов оказывал помощь партии.

См.: Серебров А. Указ. соч. С. 211–216.

Алданов М. Указ. соч. С. 69.

Варенцов Н. А. Указ. соч. С. 518.

Алданов М. Указ. соч. С. 67.

Олсуфьев Д. А. Указ. соч. С. 5.

Алданов М. Указ. соч. С. 35.

Горький М. Савва Морозов // М. Горький в эпоху революции... С. 17.

Горький М. Савва Морозов // М. Горький в эпоху революции... С. 17.

Партия эсеров образовалась в конце 1901-го — начале 1902 года в результате объединения ряда народнических кружков и групп («Южной партии социалистов-революционеров», «Северного союза социалистов-революционеров», «Аграрно-социалистической лиги», «Заграничного союза социалистов-революционеров» и др.).

См.: Андреева М. Ф. Переписка. Воспоминания. Статьи. Документы. М., 1968. С. 391.

Горький М. Савва Морозов // М. Горький в эпоху революции... С. 21

Суконщики Поповы: «Записки о московской жизни» и не только. М., 2010. С. 590. V съезд земцев-конституционалистов (9–10 июня 1905 года) принял решение о создании конституционно-демократической партии, для чего была избрана комиссия; совместно с комиссией «Союза освобождения» она образовала организационный комитет партии кадетов.

О датировке см.: Морозова Т. /7., Поткина И. В. Указ. соч. С. 187–188.

ГЦТМ им. А. А. Бахрушина. Ф. 216. Д. 515. Л. 12.

Не исключено также, что речь идет о брате Павла Дмитриевича, Петре Дмитриевиче Долгорукове, лидере Союза земцев-конституционалистов.

Желябужский А. Л. Указ. соч. С. 459.

Серебров А. Указ. соч. С. 211.

Подробнее об общественной деятельности С. Т. Морозова см.: Поткина И. В. Морозовы — промышленники и общественные деятели... С. 24.

Филаткина Н. А. Указ. соч. С. 43.

У Толстого: 1904–1910. «Яснополянские записки» Д. П. Маковицкого. Кн. 1. 1904–1905 // Литературное наследство. Т. 90. В 4 кн. Кн. 1. М., 1979. С. 134, 492.

Записки М. В. Сабашникова. М., 1995. С. 291.

Там же.

Витте С. Ю. Воспоминания... Т. 3. С. 167.

Бурышкин П. Л. Москва купеческая: Воспоминания. М., 2002. С. 267.

Там же. С. 268.

См.: Поткина И. В. На Олимпе делового успеха: Никольская мануфактура Морозовых. 1797–1917. М., 2004. С. 351–357.

Там же. С. 352.

Немирович-Данченко Вл. И. Избранные письма... Т. I. С. 318–319.

Книппер-Чехова О. Л. Указ. соч. С. 70.

Аронов А. А. Указ. соч. С. 52.

Подробнее см., например: Архив А. М. Горького. Т. V. Письма к Е. П. Пешковой: 1895–1906. М., 1955. С. 85–87; Теляковский В. Л. Дневники директора Императорских театров: 1903–1906. Санкт-Петербург. М., 2006. С. 406.

594

Музей МХАТ. Ф. 1. Оп. 8. Д. 20. Л. 1.

Алданов М. Указ. соч. С. 61.

Подробнее о ходе забастовки см.: Поткина И. В. На Олимпе делового успеха: Никольская мануфактура Морозовых. 1797–1917. М., 2004. С. 248–250; Морозова Т. Я., Поткина И. В. Савва Морозов. М., 1998. С. 181–183.

Варенцов Н. Л. Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое. М., 1999. С. 518.

Олсуфьев Д. Л. Революция: Из воспоминаний о девятисотых годах и об моем товарище Савве Морозове, ум. 1905 г. // Возрождение. 1931. 31 июля (№ 2250). С. 5.

Цит. по: Арутюнов А. А. Убийцы Саввы Морозова. М., 2005. С. 19.

Архив А. М. Горького. Т. IV. Письма к К. П. Пятницкому. М., 1954. С. 176.

Андреева М. Ф. Переписка. Воспоминания. Статьи. Документы. М., 1968. С. 93.

Красин Л. Б. Дела давно минувших дней: Воспоминания. М., 1934. С. 109.

Станиславский К С. Собрание сочинений. В 8 т. Т. 7. Письма. 1886–1917. М., 1960. С. 310.

Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ).
Ф. 2163. Оп. 1. Д. 67. Л. 1.

Серебров А. Время и люди: Воспоминания (1898–1905). М., 1960. С. 224–225.

Поткина И. В. На Олимпе делового успеха... С. 139.

607

Там же.

Архив А. М. Горького... Т. IV. С. 175–176.

Цит. по: Арутюнов А. А. Указ. соч. С. 19. Это свидетельство противоречит словам самого А. М. Горького, который в очерке «Савва Морозов» сообщал: «Морозов уже уехал за границу раньше, чем я вышел из Петропавловской крепости, я больше не видал его». Впрочем, ранее говорилось, что в этом очерке Горький подтасовывает некоторые факты.

Цит. по: Морозова Т. П., Поткина И. В. Савва Морозов. М., 1998. С. 190.

Серебров А. Указ. соч. С. 215–216.

Боханов А. Н. Савва Морозов // Вопросы истории. 1989. № 4. С. 80.

Олсуфьев Д. А. Указ. соч. С. 5.

Это дело вошло в историографию как «дело о наследстве Н. П. Шмита».

Серебров А. Указ. соч. С. 194.

Цит. по: Морозова Т. Я., Поткина И. В. Указ. соч. С. 167.

Там же. С. 192.

Дмитрий Адамович в воспоминаниях не называл прямо З. Г. Морозову. «Все это слышал я тогда же (май 1905 года. — А. Ф.) от самого близкого к покойному лица», — писал он.

Олсуфьев Д. А. Указ. соч. С. 5.

Архив А. М. Горького. Т. V. Письма к Е. П. Пешковой: 1895–1906. М., 1955. С. 153.

Джунковский В. Ф. Воспоминания. В 2 т. Т. 1. М., 1997. С. 104.

Витте С. Ю. Воспоминания. В 3 т. Т. 3. 17 октября 1905–1911. Царствование Николая II. М., 1960. С. 167.

Внук Саввы Тимофеевича, С. Т. Морозов, вероятно, знал об этой версии от своей бабушки. Но так как он писал воспоминания в советское время, то счел для себя более безопасным придерживаться версии о самоубийстве С. Т. Морозова.

Цит. по: Арутюнов А. А. Указ. соч. С. 29–30.

Подробнее см.: Арутюнов А. А. Убийцы Саввы Морозова. М., 2005; Ваксберг А. Гибель Буревестника. М. Горький: Последние двадцать лет. М., 1999. С. 30–31; Морозова Т. Я., Поткина И. В. Савва Морозов. М., 1998. С. 195–197; Фельштинский Ю. Г. Вожди в законе. М., 1999. С. 5–20 и др

Красин Л. Б. Дела давно минувших дней: Воспоминания. М., 1934. С. 93.

Там же. С. 92, 97.

Буренин Н. Е. Памятные годы: Воспоминания. Л., 1961. С. 51–52.

Красин Л. Б. Большевики в подполье. М., 1932. С. 50–51.

Красин Л. Б. Дела давно минувших дней... С. 102.

Андреева М. Ф. Переписка... С. 140.

Андреева М. Ф. Переписка... С. 420.

Желябужский А. Л. «Чудесная человечинка» // Андреева М. Ф. Переписка. Воспоминания. Статьи. Документы. М., 1968. С. 457.

Филаткина Н. Л. Династия Морозовых: лица и судьбы. М., 2011. С. 309.

Андреева М. Ф. Переписка... С. 140.

Ваксберг Л. Гибель Буревестника. М. Горький: Последние двадцать лет. М., 1999. С. 31.

Буренин Н. Е. Указ. соч. С. 55–68.

Красин Л. Б. Большевики в подполье... С. 57.

Красин Л. Б. Дела давно минувших дней... С. 110.

Там же. С. 111.

Морозова Т. Я., Поткина И. В. Указ. соч. С. 184.

Цит. по: Арутюнов Л. А. Указ. соч. С. 19.

Красин Л. Б. Большевики в подполье... С. 57–58.

Цит. по: Арутюнов А. А. Указ. соч. С. 28.

Красин Л. Б. Дела давно минувших дней... С. 93.

Эти слова могут относиться как к первой, так и ко второй встрече Морозова с Красиным. Но, думается, если бы Красину удалось добиться от Морозова желаемого, он не стал бы его разыскивать вторично.

Олсуфьев Д. А. Указ. соч. С. 5.

См.: Морозова Т. П., Поткина И. В. Указ. соч. С. 191.

Олсуфьев Д. А. Указ. соч. С. 5.

Цит. по: Арутюнов А. А. Указ. соч. С. 30.

Цит. по: Морозова Т. Я., Поткина И. В. Указ. соч. С. 193.

Красин Л. Б. Большевики в подполье... С. 57–58.

Старообрядцы, жестко придерживавшиеся традиций, не стали бы хоронить самоубийцу в пределах кладбища: в христианстве самоубийство считается самым тяжким грехом, так как его нельзя отмолить. Поэтому либо родственники ссылались на медицинские свидетельства врачей Н.Н. Селивановского и Ф. А. Гриневского (от 22 и 23 мая), в которых говорилось о психическом расстройстве С. Т. Морозова (если самоубийство произошло в состоянии аффекта, тело умершего дозволялось хоронить в пределах кладбищенской ограды), либо же они предоставили попечителям Рогожского кладбища какие-то свидетельства того, что С. Т. Морозов был убит.

Мемуары графа С. Д. Шереметева. М., 2001. С. 384.